

В.В. МАЛАЙ

Гражданская война в Испании 1936 – 1939 годов и Европа

НАУКА

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF UNIVERSAL HISTORY

V.V. MALAY

**The Civil
War
in Spain**
in 1936 – 1939 years
in Europe

*The International Aspects
of the Conflict*

MOSCOW NAUKA 2011

В.В. МАЛАЙ

**Гражданская
война
в Испании
1936 – 1939 годов
и Европа**

*Международные аспекты
конфликта*

МОСКВА НАУКА 2011

УДК 94(460)
ББК 63.3 (4Исп)6
М18

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 10-01-16031д*

Рецензенты:

доктор исторических наук *А.В. Шубин*,
доктор исторических наук *М.В. Новиков*

Малай В.В.

Гражданская война в Испании 1936–1939 годов и Европа : международные аспекты конфликта / В.В. Малай ; Ин-т всеобщ. истории РАН. – М. : Наука, 2011. – 291 с. – ISBN 978-5-02-036721-0 (в пер.).

В монографии впервые в российской испанистике реконструированы ход, этапы, формы и результаты интернационализации событий в Испании 1936–1939 гг., дан комплексный анализ международных аспектов гражданской войны: геополитического, военно-политического, военно-технического, пропагандистского и др. Включение в сферу исследования секретных фондов Архива внешней политики МИД РФ, материалов Военно-технического бюро СНК СССР, а также фонда “Комитета обороны при Совнаркоме СССР” (ГАРФ) позволило воспроизвести сложные лабиринты международной политики “интервенции”, опровергнуть ряд стереотипов истории гражданской войны в Испании 1936–1939 гг. В книге нашли отражение непростые взаимоотношения Центра и советских дипломатов, действовавших в Испании. Отдельный раздел посвящен информационному обеспечению трагических событий 1936–1939 гг. на Пиренейском полуострове. Показано, какой вклад в совершенствование способов ведения острейшей пропагандистской борьбы внесла испанская война как у самих участников конфликта, так и у друзей и недругов противоборствующих сторон за пределами Испании.

Монография логически продолжает ранее изданную автором книгу “Судьба Республики решалась не в Мадриде: из истории англо-советских отношений в канун II Мировой войны, 1936–1939” (Белгород, 1999).

Для историков, специалистов по истории международных отношений и дипломатии и более широкого круга читателей.

По сети “Академкнига”

ISBN 978-5-02-036721-0

© Институт всеобщей истории РАН, 2011
© Малай В.В., 2011
© Редакционно-издательское оформление.
Издательство “Наука”, 2011

“17 в 17. Дирсктор” – таков был текст телеграммы, отправленный с телеграфа французского города Байоны агентом генерала Э. Моля, взявшего в начале мая 1936 г. все нити заговора в свои руки. Это был сигнал к мятежу, вспыхнувшему в намеченный срок в Марокко. 18 июля 1936 г. гроза разразилась уже на территории самой Испании. В считанные часы мятеж перерос в гражданскую войну.

Испания знала гражданские войны и в прошлом: в XIX в. она была трижды вовлечена во внутренние вооруженные конфликты: противоборствующие стороны защищали право на собственное видение социально-политического порядка на своей земле. В накаленной международной атмосфере второй половины 30-х годов XX в. мятеж не только перерос в гражданскую войну, но и произошла интернационализация конфликта, причем по воле самих его участников.

Первый шаг был сделан главой республиканского правительства, который направил 19 июля телеграмму премьер-министру Франции Леону Блюму: “Прошу вас без промедления оказать нам помощь оружием и самолетами”.

Второй шаг, ставший катализатором процесса интернационализации “испанских обстоятельств”, был сделан Франсиско Франко, обратившимся за помощью в Берлин. Гитлер получил его письмо 25 июля, и ему понадобилось не более двух часов, чтобы принять решение о помощи Франко.

Заключение соглашения о невмешательстве в испанские дела, к которому присоединился и СССР, не оправдало надежды на локализацию конфликта, а напротив, стало одним из факторов интернационализации испанской гражданской войны.

28 сентября 1936 г. Политбюро ЦК РКП(б) приняло решение об оказании военно-технической помощи Испании в ответ на просьбу правительства Республики, ставшее еще одним фактором интернационализации конфликта.

С тех пор международные аспекты стали приоритетным направлением в исследовании гражданской войны в Испании, сначала у журналистов и политиков, а затем и у историков.

Уже более семидесяти лет минули с тех пор, как отгремели битвы на Пиренеях, а споры историков все продолжаются, принимая порой весьма острые формы, о чем, среди прочих, свидетельствуют недавно увидевшие свет исследования Р. де да Сьервы “У нас не похитят историю” (Мадрид, 1995) и П. Моа “Мифы гражданской войны” (Мадрид, 2003). Но на некоторые вопросы до сих пор все же не были даны аргументированные ответы, основанные на документах. Ответ на многие из этих вопросов даст новая монография В.В. Малай, посвященная комплексному исследованию международных аспектов гражданской войны в Испании. Ее успеху способствует включение в сферу исследования многих, до недавнего времени секретных фондов отечественных архивов.

Прежде всего это относится к секретным фондам Архива внешней политики МИД РФ, рассекреченным только в 1992 г. Сюда включены референтуры по ведущим странам-участникам испанского конфликта, референтуры многих политиков и дипломатов: В.В. Молотова, Н.Н. Крестинского, В.П. Потемкина и др., а также дневниковые записи генерального консула СССР в Барселоне А.В. Антонова-Овсесенко и советского представителя в Лондонском комитете по невмешательству И.М. Майского.

Особый интерес представляют рассекреченные материалы Военно-технического бюро СНК СССР, а также документы фонда “Комитета обороны при Совнаркоме СССР” (ГАРФ). Это позволило внести существенные коррективы во многие утверждения историков и публицистов, ставшие со временем стереотипами, не имеющими отношения к реальному положению.

В первую очередь это касается уточнения позиции СССР в испанском вопросе в августе – начале сентября 1936 г., причин, побудивших советское руководство принять решение об оказании военно-технической помощи республиканской Испании.

В книге нашли отражение и непростые взаимоотношения Центра и дипломатов, действовавших в Испании. Советские представители в этой стране не всегда следовали установкам и инструкциям “сверху” из-за сложных и заранее непредсказуемых, стремительно менявшихся обстоятельств, военных и политических, в республиканской зоне. Для многих из них это закончилось трагически.

Автором книги, в опоре на документы, уточнены сроки начала оказания советской военно-технической помощи и ее размеров, что вместе с исследованиями Ю. Рыбалкина вносит коррективы в ранее существовавшие представления, вольно или невольно искажавшие картину. Полнее, чем это нашло отражение в отечественной и зарубежной историографии, воспроизведены сложные лабиринты политики “невмешательства”.

Особый интерес у специалистов по истории журналистики вызовут разделы книги, где речь идет об информационном обеспечении трагических событий, ареной которых стал Пиренейский полуостров. И хотя феномен “черного пиара” имеет глубокие и давние исторические корни, испанская война внесла немалый вклад в совершенствование способов ведения острейшей информационной войны как у самих участников конфликта, так и у друзей и недругов противоборствующих сторон за пределами Испании.

У историков, посвятивших свои исследования Второй мировой войне, не могут не вызвать интерес такие аспекты этой книги, как анализ того, как в преддверии мирового конфликта изучался военно-технический опыт Испании, ставшей плацдармом для испытания новых типов вооружения, тактики и стратегии сражавшихся сторон и их союзников.

Книга В.В. Малай, без сомнения, вызовет обоснованный интерес как у специалистов, так и у широких читательских кругов.

*Доктор исторических наук,
профессор С.П. Пожарская*

Введение

Одной из ведущих проблем минувшего XX в. была проблема войны и мира. Заставив человечество за одно столетие содрогнуться от двух мировых войн, история регулярно посылала ему испытания в виде локальных и региональных конфликтов. Им именно в XX в. в полной мере сказалась присуща такая черта, как интернационализация, или вмешательство прямо или косвенно третьих сил в поддержку воюющих сторон.

Гражданская война в Испании 1936–1939 гг. выделяется среди драм новейшего времени. Победу на выборах в феврале 1936 г. Народного фронта как левореспубликанской коалиции приняла не вся Испания. Итогом консолидации правых партий стал военный мятеж в испанском Марокко, на Канарских и Балеарских островах в ночь на 17 июля. 18 июля он вспыхнул и в континентальной Испании – в Наварре, Кастилии, Барселонс, Севилье и других районах страны. После гибели в авиакатастрофе (20 июля) генерала Х. Санхурхо выступление восставших возглавил начальник главного штаба сухопутных войск Ф. Франко. Но планы испанской политической реакции были сорваны оставшимися верными республиканскому правительству воинскими частями и вооруженным ополчением. При относительном равенстве сторон мятеж перерастал в гражданскую войну.

Но в Европе второй половины 30-х годов XX в., в обстановке острой политической и идеологической поляризации, локальный конфликт (тем более с ярко выраженным анти- или профашистским контекстом) не мог сохранить только внутреннее наполнение. В основу его интернационализации легло обращение в июле 1936 г. за иностранной помощью: сначала Республики к Франции, немного позже мятежников – к правительствам Италии и Германии. Провозглашение ведущими европейскими государствами политики невмешательства (август 1936 г.) можно считать очередным фактором интернационализации гражданской войны в Испании. Начало советской военной помощи Испанской республике (начало октября 1936 г.) ознаменовало следующий этап.

Глобализация испанской проблемы ощутимо отразилась на отношениях между ведущими европейскими странами. Разноплановая борьба вокруг нее не способствовала ни решению испанского вопроса, ни смягчению проблем предвоенного кризиса.

Гражданская война в Испании 1936–1939 гг. была и остается темой пристального и активного изучения. В 50–70-е годы XX в. был создан ряд работ, посвященных как внутренним, так и международным аспектам испанской войны. Это труды Х. Гарсиа, А.Н. Грахова, И.М. Майского, К.Л. Майданика, М.Т. Мещерякова, В.В. Овинникова, С.П. Пожарской, Д.П. Прицкера, и других ученых¹, содержащие богатый фактический материал и положения, не потерявшие своей актуальности спустя полвека. Затронутая фактически всеми исследователями в той или иной степени проблема международных аспектов гражданской войны в Испании носила скорее подчиненный характер, служила своеобразным фоном для освещения внутрииспанских событий и причин поражения Республики. Изложение истории Гражданской войны в Испании (1936–1939) в контексте международных отношений страдало в отечественной историографии некоей фрагментарностью: кроме заданных холодной войной стереотипов оно опиралось в основном, на иностранные материалы или опубликованные советские документы. Последняя группа источников не давала возможности с научной объективностью реконструировать как аспекты советского участия в испанской войне 1936–1939 гг., так и картину международного кризиса, вызванного ею. Проблемы войны в Испании 1936–1939 гг. в “Документах внешней политики СССР” (далее: ДВП СССР) отражены в переписке руководства НКВД СССР с советскими полпредами во всех европейских столицах, кроме ...Мадрида. В томе 20 (1937 г.) из 462 документов только 6 (!) – послания полпреда М. Розенберга в Испанской Республике, временного поверенного Гайкиса в Москву и ответные телеграммы М. Литвинова и В. Потемкина (большинство из них – протокольного характера), в 21-м томе соответственно из 497 также 6².

В постсоветский период новое видение испанской проблемы в контексте международных отношений было дано С.П. Пожарской в одноименной статье и других публикациях³. Работы отечественных историков последнего десятилетия отличаются не только новыми концептуальными подходами, но и существенным расширением документальной базы, следовательно, большей объективностью, взвешенностью и аргументированностью⁴.

В зарубежной историографии наиболее полными исследованиями по вопросам собственно гражданской войны в Испании

можно назвать работы представителей разных национальных и научных школ – Х. Томаса, Р. Карра, Г. Джексона, П. Престона, С. Ричардса, П. Вилара, С. Пейна, А. Бивока, А. Виньяса и др.⁵ Одной из первых попыталась рассмотреть проблемы международных аспектов британская исследовательница Патрисия Ван дер Эш (1951)⁶. Но изданная в начале 50-х годов работа опиралась на достаточно узкую источниковую базу; она несла печать холодной войны: утрирование идеологических и политических аспектов войны в ущерб другим. Важна была сама постановка проблемы, которая эволюционировала в последующие десятилетия от заданной фальсификации до относительно объективного истолкования. Из последних зарубежных изданий собственно международным аспектам войны в Испании посвящены монография преподавателя Вестминстерского университета (Лондон) Майкла Алперта, основанная на широком круге не изученных архивных источников⁷, сборник статей под редакцией П. Престона и А. Маккензи “Республика в осаде: Гражданская война в Испании 1936–1939 гг.”⁸.

В контексте международных противоречий в связи с испанской войной ее геостратегический, геополитический, военный и другие аспекты рассматривались в подчиненном плане, в лучшем случае констатировалось их наличие⁹. Вне сферы исследования (но не внимания) остались такие направления, как война в Испании и эволюция союзнических тенденций, информационная война в Европе вокруг испанских событий, попытки западных держав на их фоне изолировать СССР на международной арене и ряд других¹⁰. В целом же объективное и полное изложение международных аспектов войны в Испании (1936–1939 гг.) в историографии отсутствует.

Обращение к ставшим доступными материалам некоторых фондов (или даже дел) Архива внешней политики Российской Федерации, Государственного архива Российской Федерации дает возможность переосмысления, уточнения ряда положений и выводов по названной теме, а также постановки проблем, носивших ранее табуированный характер для отечественного историка.

В монографии предпринята попытка комплексного исследования международных (за исключением экономического) аспектов гражданской войны в Испании. Автор ставил задачу реконструировать ход, этапы, формы и результаты интернационализации конфликта в Испании 1936–1939 гг.; сравнить геостратегические задачи ведущих европейских стран в связи с началом событий в Испании; выявить степень и формы их влияния на ход формирования военно-политических союзов кануна Второй мировой

войны; проанализировать основные тенденции пропагандистской войны в Европе вокруг гражданской войны 1936–1939 гг.; рассмотреть военно-стратегическую составляющую международных аспектов испанского конфликта; показать место и роль в рассматриваемом комплексе проблем средиземноморского аспекта войны в Испании.

Основными источниками исследования стали материалы Архива внешней политики МИД Российской Федерации (АВП РФ), Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ). В Архиве внешней политики РФ были исследованы материалы 13 фондов, содержащих референтуру (секретные фонды) по ведущим европейским странам–участницам испанского конфликта и самой Испании, референтуру видных советских дипломатов, руководителей НКВД СССР: М.М. Литвинова, Н.Н. Крестинского, В.П. Потемкина, В.М. Молотова, фонд Отдела печати НКВД СССР, фонд Лиги Наций. Заметим, что в исследованных фондах дневники советского полпреда в Испании М. Розенберга не обнаружены. Его переписка с руководством НКВД отчасти присутствует в фондах “Секретариат Литвинова” и “Секретариат Крестинского”¹¹.

Анализ “Сводок материалов о невмешательстве в дела Испании”, “Сводок сообщений полпредств”¹² помогает воссоздать картину пропагандистской войны в Европе в связи с событиями в Испании 1936–1939 гг., позволяет поставить в качестве исследовательской проблему о формах и методах этой борьбы с советской стороны, проследить использование этого опыта в годы холодной войны. Антисоветская составляющая этой борьбы была изучена по зарубежным источникам и СМИ.

В Государственном архиве РФ (ГАРФ) были использованы материалы фондов “ТАСС, иностранный отдел” (фонд Р-4459); рассекреченные в конце XX в. документы Военно-технического бюро при Комитете обороны СНК СССР (фонд Р-8433) и Комитета обороны при Совнаркоме СССР (Р-8418), введенные автором в научный оборот. В работе также привлечены некоторые материалы фонда Коминтерна (фонд 495) и фонда Интербригад (фонд 545) РГАСПИ.

Наряду с архивными документами ценным источником по теме были публикации официальных и дипломатических зарубежных и советских документов рассматриваемого периода¹³. Из отечественных документов особый интерес представили сборники “Коминтерн и гражданская война в Испании. Документы”¹⁴, «Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б) и Европа. Решения “особой

папки”. 1923–1939»¹⁵, “Чему свидетели мы были. Переписка бывших царских дипломатов 1934–1940”¹⁶.

В мемуарах зарубежных и советских политиков, дипломатов, общественных деятелей¹⁷ нашел отражение ряд аспектов поставленной проблемы. Для рассмотрения пропагандистской борьбы вокруг испанской проблемы привлечено более 50 наименований западноевропейской и американской прессы различных направлений¹⁸.

Данная монография логически продолжает ранее изданную автором книгу “Судьба Республики решалась не в Мадриде: из истории англо-советских отношений в канун II мировой войны, 1936–1939” (Белгород, 1999).

Гражданская война в Испании (1936–1939 годы) и глобальная европейская политика

Эта испанская война доводит меня до сумасшествия, можно просто прийти в отчаяние. Нечего сказать, хорошая иллюстрация к цивилизации XX века.

*А. Иден, министр иностранных дел
Великобритании (апрель 1937 г.)**

Нейтралитет Испании в Первой мировой войне во многом предопределил ровный характер ее отношений со странами обоих блоков в межвоенный период, когда она интересовала ведущие европейские страны в большей степени в экономическом плане. Испания доминировала на рынке ртуты и пиритов. Ее залежи высокообогащенной железной руды, цинка и угля, пусть и не самые обильные, привлекали внимание зарубежных покупателей и инвесторов. 60% иностранных инвестиций в испанской экономике принадлежали Франции, 20% контролировала Великобритания. Примечательно, что первые британские внешнеполитические документы, относящиеся к войне 1936–1939 гг. в Испании, были посвящены именно экономическим аспектам проблемы¹.

Значимость и цена экономического и стратегического положения Испании стали возрастать как по мере обострения ее внутриполитической ситуации 30-х годов, так и в связи с появлением новых реалий в общеевропейском предвоенном кризисе.

С началом гражданской войны от положения на Пиренейском полуострове зависело спокойствие не только Испании. “Кто бы ни победил, – заметил в августе 1936 г. министр иностранных дел Великобритании Иден, – очевидно, что в международных делах тихоня Испания исчезает, и она будет тем, чем стала сегодня – фокусом иностранной пропаганды и интриг”².

Дальневосточный и абиссинский конфликты провели некую полосу между будущими лагерями Второй мировой войны. Испанский в силу как геополитических причин, так и своей стремительной интернационализации фактически сформировал новое силовое поле на европейском континенте. В роли его генератора выступили сами ведущие европейские государства и провозгла-

---

* АВП РФ. Ф. 069. Оп. 21. П. 62. Д. 4. Л. 65. Дневник подпредела в Великобритании И.М. Майского.

шенная ими беспрецедентная международная политика – “невмешательство в дела Испании”.

Гражданская война в Испании 1936–1939 гг. стала новым фактором международных отношений, значительно корректировавшим обстановку в Европе кануна Второй мировой войны.

1.1. Начало войны в Испании и стратегические интересы ведущих европейских держав

Конфликт в Испании сразу же пошел по остро конфронтационному сценарию. Обе противоборствующие стороны старались поддерживать к нему постоянный интерес и внимание международного сообщества, извлекая из факта интернационализации возможные для себя дивиденды. 4 августа 1936 г. президент Испании М. Асанья, показывая на дымящиеся леса, подожженные мятежниками, подчеркивал спецкору “Юманите” писателю П. Низану: “Там решается теперь и наша, и ваша судьба”³. Тогдашний министр морских и воздушных сил Испании И. Прието считал, что разрешение испанской проблемы могло быть облегчено в случае превращения конфликта в международный: “...Испания перестала бы быть основным театром действий”⁴.

Италия и Германия довольно быстро определили свое отношение к испанской драме, вмешавшись уже летом 1936 г. в нее и поддержав мятежников. Первая просьба о помощи, исходившая от генералов Ф. Франко и Э. Мола, была отклонена и германским МИД, и Муссолини. 25 июля 1936 г. Гитлер был информирован об обращении Франко и вечером того же дня в узком кругу доверенных лиц согласился на оказание им помощи. После некоторых колебаний к аналогичному решению пришел и Муссолини, причем оно было принято независимо от Гитлера⁵.

Франция и Великобритания сочли лучшим вариантом “нейтральную” позицию – невмешательство. Эта идея на начальном этапе войны была поддержана и советским руководством. Мотивация политики ведущих европейских стран в испанском вопросе на начальном этапе его развития подвергалась исследованию в отечественной и зарубежной литературе⁶.

Обобщив доступную информацию и опираясь на новые документальные данные (в первую очередь архивные), проблему можно представить следующим образом:

Анализ таблицы 1 позволяет проследить механизм дальнейшего развития международных и двусторонних отношений вокруг испанской проблемы. Фактически у всех стран совпали, пусть и формально, первые три пункта – не позволить конфликту выйти

Таблица 1

Мотивация (не)вмешательства европейских стран в испанский конфликт

Мотивы	Англия	Франция	Германия	Италия	СССР
1. Локализация конфликта	+	+	+	+	+
2. Территориальная целостность Испании	+	+	+	+	+
3. Геостратегические задачи	+	+	±	+	± --
4. Ликвидация “прокоммунистического очага”	+	±	+	+	+
5. Военный полигон	-	-	+	+	+
6. Солидарность с Испанской республикой	-	+	-	-	+
7. Создание или укрепление военно-политических союзов	+	+	+	+	

за рамки Испании, сохранение ее территориальной целостности, укрепление собственных геостратегических задач. С утверждением Н. Чемберлена, что, “если испанская война не закончится быстро или, по крайней мере, не будет полностью локализована, можно опасаться в дальнейшем еще более серьезных потрясений в Европе”, могли согласиться все европейские политические лидеры⁷. В понятие локализации конфликта помимо ограничения его рамок Англия и Франция включали задачи сохранения и укрепления своих позиций как за Пиренеями, так и в Европе в целом, а Италия с Германией – их расширения.

Испания никогда не находилась в сфере интересов России. Когда, после вторжения французских войск в Испанию (1808), в анонимных записках, ходивших по Санкт-Петербургу, Александра I упрекали в том, что он оставил Испанию без поддержки, царь оправдывался перед своим ближайшим окружением: “В силу отдаленности Испании Россия не могла послать войска на помощь повстанцам”⁸. Этот мотив не потерял своей значимости и для советского правительства в первые месяцы испанских событий.

Едва ли не наибольший внешнеполитический дискомфорт начало войны 1936–1939 гг. в Испании вызвало во Франции. Именно в этой стране дискуссии на уровне правительства и парламента по поводу отношения к испанским событиям на их начальном этапе носили самый острый характер⁹. Первые британские оценки испанской ситуации делались сквозь призму имперских интересов:

это подчеркивали руководители и общественные деятели различных политических направлений¹⁰. Лишь углубление испанского кризиса заставило британские правящие круги более внимательно отнестись к его континентальной составляющей. Геополитически в испанской проблеме у Англии доминировали проблемы Пиренейского полуострова как такового (Гибралтар) и средиземноморский аспект.

В декабре 1936 г. министр иностранных дел Великобритании Иден признал, что война в Испании превратилась в “международную войну”, к исходу которой Англия, как и вся Европа не может относиться равнодушно¹¹. К мировой войне ни один из ведущих участников “испанского гамбита” не был готов ни в военно-политическом, ни в моральном (общественное мнение) плане. Государственный министр Франции Шотан подчеркивал в начале 1937 г.: “И Франция, и Англия заинтересованы в том, чтобы отсрочить момент вооруженного конфликта с Германией”¹².

Понимание европейскими лидерами того, что “испанские события создают большое количество осложнений и конфликтов в Европе”¹³, не могло привести к совпадению форм и методов локализации испанского конфликта. Германия и Италия выступили на стороне мятежников для скорого завершения войны. Советский Союз не сразу, но поддержал республиканцев, при этом, подобно европейским партнерам, заявлял о желании превратить конфликт в сугубо испанский¹⁴. Официальные Лондон и Париж открыто не поддержали какую-либо сторону, но симпатии британского кабинета постепенно выкристаллизовывались в направлении франкистов, а Франция фактически всю войну позволяла нелегально использовать свою территорию для транзита грузов в республиканскую Испанию. Сам факт расхождения между ведущими европейскими государствами в тактике локализации испанского конфликта предопределял его дальнейшую интернационализацию и завершение лишь в случае массовой поддержки одной из сторон. Война превращалась в затяжную и вносила новые акценты в международные отношения.

С задачей локализации войны в Испании была неразрывно связана проблема сохранения ее территориальной целостности. Нарушение территориального единства любого региона подрывало и без того хрупкий баланс сил в Европе. В Испании после революции 1931 г. обострились и национальные (Каталония, баски) противоречия, и сепаратистские тенденции. С победой Народного фронта и началом гражданской войны они получили новое наполнение. Слабость центрального правительства давала наблюдателям основания опасаться раскола страны как по наци-

ональному, так и политическому признаку¹⁵. Германия и Италия опасались образования “Советской Каталонской республики”, Франция и Британия – отделения от Испании (потери) Балсарских и Канарских островов, а также испанского Марокко. Рейнская авантюра Гитлера (1936) как прецедент нарушения территориальной целостности Европы была свежа в политической памяти населения континента.

С Муссолини фюрера объединяла боязнь установления на Пиренейском полуострове прокоммунистического режима, а также и возможности попадания этих районов под франко-британский контроль. В известных переговорах Галеацца Чиано с Гитлером в октябре 1936 г. (начало оси Берлин–Рим) была принята и совместная декларация о защите национальной и колониальной целостности Испании как задача сохранения территориально-политического единства страны в результате победы на всей ее территории дружественного режима. Заявление Германии и Италии, принятое в один из самых драматичных моментов гражданской войны, было направлено помимо прочего и против Каталонии как центра, из которого могла продолжаться борьба против мятежников в случае падения Мадрида¹⁶.

Факт признания Италией и Германией в ноябре 1936 г. нелегитимного правительства Франко усиливал потенциальные возможности политического раскола Испании. Остроту вопросам территориальной целостности Испании придавала ситуация вокруг Балеарских островов, “пистолета, приставленного к сердцу Каталонии” (Штейн Б.)¹⁷. Контроль над этой группой стратегически важных островов в предвоенной ситуации служил ощутимым “козырем” в диалоге Италии с Великобританией (подробнее см. гл. 4). С другой стороны, их отход под влияние страны, солидарной с мятежниками, обострял проблему территориального единства Испании.

Французская позиция в данном вопросе эволюционизировала по мере углубления испанского конфликта и обострения внутриполитического кризиса в самой Франции: постепенное ослабление Народного фронта и поправление французского правительства было фактически пропорционально нарастанию в нем профранкистских тенденций. Неспособность Франции реально повлиять в том числе и на рассматриваемый аспект испанской ситуации в очередной раз демонстрировала ее слабость на европейской сцене.

Эволюцию претерпели и британские установки. На начальном этапе войны британский кабинет, как замечал советский полпред в Лондоне И.М. Майский, “с инстинктивной английской осторож-

ностью” делал ставку на нейтралитет: “Если правительство победит, они могут вспомнить наше невмешательство и отказ продавать оружие как факт расположенности к мятежникам”. Нейтралитет, по мнению английских политиков, облегчит в дальнейшем ликвидацию гражданской войны в Испании”¹⁸.

Отметим прозорливость Франко в этом вопросе: уже 8 августа 1936 г. в телеграмме в Лондон он давал формальные гарантии, что не заключит никаких территориальных соглашений с Римом или Берлином как вознаграждение за их помощь¹⁹. В той ситуации не менее важной была молчаливая “поддержка” франкистов со стороны Франции и Англии, не препятствовавших итало-германским действиям в Испании. В декабре 1936 г. (так называемая брадфордская речь А. Идена. – *В.М.*) впервые британское правительство с полной определенностью заявило, что Великобритания “глубоко заинтересована в сохранении целостности и неприкосновенности Испании и испанских владений”, подтвердив идею мира “по крайней мере в Европе”²⁰.

Но британский план урегулирования испанского конфликта от 14 июля 1937 г. означал едва ли не самый серьезный (в случае реализации) шаг в дальнейшем разрушении единства Испании по политическому признаку. Он предполагал признание права воюющей стороны за Франко, т.е. закрепление на международно-правовом уровне ситуации, сложившейся к тому времени на Пиренейском полуострове. Резолюция, признававшая в целом британский план от 14 июля 1937 г., была принята на пленарном заседании Комитета по невмешательству 4 ноября 1937 г. (подробнее см. 2.2)²¹. Несколько ранее на территорию мятежников были назначены британские посланники – “агенты”. Республиканское правительство не без основания считало, что назначение английских послов на мятежную территорию еще более нарушило относительное равновесие в стране²².

Первые дипломатические представители СССР в республиканской Испании – М.И. Розенберг, В.А. Антонов-Овсенко и военные советники своей тактикой, прежде всего в Каталонии, углубляли раскол Испании (по линии Барселона–Мадрид). “Для него (Антонова-Овсенко. – *В.М.*) вообще существует только одна Каталония, вся остальная Испания представляется ему чем-то вроде Туркестана”, – считал министр финансов Х. Негрин. Генеральный консул СССР в Каталонии Антонов-Овсенко, активно поддерживавший сепаратистские настроения лидеров Барселоны, неоднократно предупреждался Москвою о “некорректности” такого поведения. Его позиция, подчеркивал С. Марченко (советник полпредства, с ноября 1937 г. поверенный в делах СССР в Испа-

нии. – В.М.) в личных беседах с Негрином, “ни в какой степени не отражает позицию советского правительства”. По убеждению Марченко, испанское руководство дезавуировало в Барселоне Антонова-Овсенко именно “за его недопустимое поведение в отношении к Негрину”²³.

Зам. народного комиссара по иностранным делам СССР Н.Н. Крестинский, зная о неоднократных попытках Антонова-Овсенко вмешиваться во внутренние дела Испании, обращал его внимание (конец сентября 1936 г.) на то, что основная задача – на основе тесных личных и политических контактов с каталонскими политическими организациями, их лидерами “быть в курсе всех решений и шагов правительства и настроений широкой общественности... и подробно информировать об этом Москву и наше полпредство в Мадриде”. Эти контакты «позволят Вам в товарищеской, дружеской форме, без претензий на “учительство” и “командование”, отговаривать анархистов от неправильных шагов, как в общественных вопросах, так и особенно в повседневных оперативных решениях»²⁴.

В конечном итоге политическая раздробленность страны как эвентуальный результат гражданской войны представилась европейским державам едва ли не более опасной для них самих, чем для Испании. С началом войны европейские страны столкнулись с задачей сохранения и укрепления своих позиций по трем направлениям: в самой Испании, в Средиземноморье и в Европе. И если значение каждого из этих векторов для ведущих европейских держав было неоднозначным, то всех их в этом плане объединяло стремление к сохранению и упрочению собственного международного авторитета.

Усиление своей национальной безопасности нацистская Германия и фашистская Италия, как известно, напрямую связывали с экспансионистскими задачами. После рейнской и абиссинской авантюры испанская могла стать удобным вариантом их дальнейшей реализации: “...по мере обострения борьбы в Испании Германия усиливает общий агрессивный характер своей внешней политики, явно ориентируясь на возможность международных столкновений в более широких масштабах” (полпред СССР в Германии Я. Суриц)²⁵.

У Италии эта задача просцировалась в большей степени на Средиземное море и Центральную Европу, хотя до 28 ноября 1936 г. итальянское правительство формально не провозглашало политическую и экономическую помощь испанским националистам. Для Гитлера война в Испании явилась удобной возможностью реализации концепции пространственного расширения,

отвлекая Италию от центральноевропейских проблем и сосредоточивая на Пиренейском полуострове и Западном Средиземноморье. Из немецких правящих кругов, по данным британской дипломатии и разведки, более всех в испанской авантюре была заинтересована армия и МИД. Германская политика представляла собой едва ли не самое “прагматичное чтение испанской ситуации”²⁶.

Начало итало-германской помощи Франко и обозначившаяся перспектива упрочения политических и стратегических позиций Италии и Германии на Пиренейском полуострове создавали определенную опасность для Великобритании и Франции. Захват Италией Балеарских островов перерезал пути сообщения Франции с Марокко, для Великобритании серьезно обострялась проблема средиземноморских проливов. “С тех пор, как было изобретено дальнобойное оружие, наше положение в Средиземном море целиком зависело от ослабленной или дружелюбной Испании”, — одна из распространенных точек зрения правящих кругов Великобритании того времени²⁷. Британский консул в Лиссабоне С.И. Додд еще в начале августа 1936 г. писал: “Фашистский режим в Испании будет опасен Португалии, равно как и Британии в Средиземном море, так как он неизбежно попадет в орбиту деятельности Германии и Италии”²⁸.

Иден в своем меморандуме по Испании в начале 1937 г. прозорливо называл Испанию, Мемель, Данциг и Чехословакию опаснейшими точками на карте предвоенной Европы: “Если германское внимание не зафиксировать на Испании, будет весьма затруднительно сдержать агрессию этой страны на любом из трех других направлений”. Из этого вывода следовала тактическая установка быть покладистыми по испанскому вопросу, чтобы максимально выиграть время (в Европе) и сохранить свое господство в колониальном и морском пространстве²⁹.

В советской позиции в Испании июля–сентября 1936 г. прослеживался здоровый прагматизм: не вмешиваясь открыто в конфликт, попытаться отвлечь с его помощью внимание западных держав, в первую очередь Германии, от центрально- и восточноевропейских проблем. Это было продолжением советской тактики времен Рейнского кризиса, когда советская сторона считала, что “под углом наших непосредственных интересов эвентуальный гитлеровский удар по Рейнской зоне оказался бы даже бесполезным, поскольку выбил бы почву для нового сговора между Германией и Францией и Англией (на ближайший по крайней мере отрезок времени) и отвел бы волну германской агрессии на Запад”³⁰. Убеждение, что СССР настаивает на помощи испанскому

правительству оружием, потому что хочет парировать опасность развязывания войны на востоке Европы и желает, чтобы следующий прыжок Гитлера произошел на запад, было распространено осенью 1936 г. среди некоторых французских политических лидеров: СССР “усиленно втягивает Францию и Англию, но особенно Францию, в дело оказания помощи испанскому правительству... Война вспыхнет на западе, а СССР останется в стороне”³¹.

Комментируя присоединение Италии к антикоминтерновскому пакту (ноябрь 1937 г.), британская пресса считала, в частности, что он касается больше Британии и Франции, чем Советской России: у нее “одно большое преимущество: она почти неуязвима”³². Мысли о геостратегическом преимуществе СССР придерживался и министр обороны Великобритании Инскрип: “Да, вам хорошо – ваше географическое и стратегическое положение таково, что вас никто не сможет серьезно укутить. А мы совсем в другой ситуации: наша Империя уязвима с десяти концов”, – утверждал он в беседе с Майским³³.

В первой четверти 1937 г. советская дипломатия была убеждена, что “наше появление на Пиренейском полуострове” значительно изменило расстановку сил в Западной Европе “к невыгоде фашистских государств”³⁴. Тогда же Л.Р. Гайкис, сменивший Розенберга на посту советского полпреда в Испании, в письме в НКВД подчеркивал, что, чем активнее будет советская помощь Испании, “тем труднее будет любому республиканскому правительству ... отказываться от этого сотрудничества (с СССР. – В.М)”, добавляя, что победа республиканцев открывает новые перспективы и существенно корректирует международную обстановку. По мнению Гайкиса, СССР должен использовать все возможности, “которые мы приобрели сейчас благодаря отношению нового правительства, для закрепления наших позиций в Испании”³⁵.

Параллельно советская дипломатия регулярно собирала информацию о ходе раздела сфер влияния в Европе между Германией и Италией, получая, в частности, сведения “через хорошего посредника из итальянского посольства в Лондоне”³⁶.

Для Британии, помимо прочего, появлялась удобная перспектива, соблюдая “нейтралитет” и не прилагая особых (материальных и военных) усилий, погасить конфликт чужими руками и, не испортив ни с кем отношений, воспользоваться конечными результатами. При этом для поддержания престижа “великой морской державы” ей нужно было максимально возможно сохранить свои позиции в Средиземном море. Подытоживая провал такой политики, Д. Ллойд-Джордж в феврале 1939 г. сделал известное заявление: “Политика правительства, являющаяся образец нелепого

оптимизма и тупости, привела к тому, что Британский Лев попал в западню. Только принятием немедленных мер мы можем изменить обстановку, чтобы эта ловушка окончательно не захлопнулась»³⁷.

Положение Франции было едва ли не самым незавидным в Западной Европе. Так, по немецкой оценке (осень 1936 г.), «Франция слаба и стара. Она думает только о пище, это страна, в которой кухня, стол превратились в “государственное искусство”»; по итальянской: «Франция воспринимается сегодня необычайно менее важным фактором, чем ранее»³⁸. Внешнеполитическими приоритетами правительства Блюма станут “подъем *упавшего французского престижа* (курсив мой. – В.М.) за рубежом с помощью четкого определения общности интересов со своими друзьями, особенно с Великобританией, известное, но осторожно взвешенное культивирование отношений с Советской Россией”³⁹. Но анализ внешней политики Франции времен войны в Испании свидетельствует о ее постепенной капитуляции на европейской сцене. Отдельные проявления самостоятельности (некоторые демарши в Комитете по невмешательству, Нионская конференция 1937 г.) общей картины принципиально не изменили.

Участие Италии в войне 1936–1939 гг. также не в последнюю очередь диктовалось важностью поднятия авторитета страны после абиссинской авантюры. И. Майский писал по этому поводу: “Муссолини не из тех людей, которые легко отказываются от поставленных целей, тем более, что с будущим генерала Франко связан до известной степени его собственный престиж”⁴⁰.

Для СССР вмешательство в испанский конфликт представляло также шанс “демонстрации силы” и попытку заставить с ним считаться в условиях надвигающейся войны. Нередко советские дипломаты сообщали о том, что от хода и итога испанских событий будет зависеть не только судьба самой Испании и перспективы европейского мира, но и международный авторитет Советского Союза⁴¹, а летом 1937 г. они полагали, что “уроки испанских событий прежде всего показали Италии, что СССР является грозной силой в международных отношениях и что с СССР необходимо считаться”⁴².

Авторитет СССР в 1936–1937 г. заметно снизился на европейской арене в связи с внутривосточными событиями. Сообщениями об исчезновении советских специалистов по возвращении из Испании пестрела не только европейская печать разных направлений, но и сухие лаконичные дипломатические донесения из Москвы. Так, после отзыва в СССР бывшего полпреда в Испании Розенберга, дипломата, игравшего весьма заметную роль в испанских событиях в первые месяцы войны (сентябрь 1936 –

февраль 1937 г.), его судьбой как “подвергающегося преследованиям” интересовались почти все европейские политические круги. М.М. Литвинов писал 4 августа 1937 г. полпреду СССР во Франции Я. Сурицу, чтобы в случае разговоров на эту тему тот указывал на вымышленный характер слухов об аресте Розенберга: дипломат недавно вернулся из отпуска и “находится сейчас в Москве в ожидании нового назначения”. В конце письма приписка: “Для Вашего сведения сообщаю, что оформляем его в качестве Уполномоченного при одной из союзных республик”⁴³.

В целом же, в геостратегическом плане, война в Испании способствовала усилению позиций и авторитета в первую очередь Италии и Германии. Роль и значение этой войны как военного полигона накануне Второй мировой войны будет рассмотрен отдельно (см. гл. 3). Оговоримся лишь, что этот фактор сыграл значимую роль для Италии, Германии и СССР (после начала вмешательства).

Задача ликвидации “прокоммунистического очага” в Испании была поставлена всеми западноевропейскими странами. А известное заявление Муссолини, что “Италия не потерпит Советской республики ни на всей территории Испании, ни на ее части”⁴⁴, стало своего рода лозунгом итальянской интервенции в Испании.

Но антикоммунистический мотив и для Германии, и для Италии в реальности был не более чем удобным предлогом для вмешательства в испанские дела и оправданием в лице европейского общественного мнения. Очередной дружественный режим не был лишним для лидеров фашизма и национал-социализма. Чемберлен в разговоре с Майским 29 июля 1937 г. подчеркнул: «Не подлежит сомнению, что Муссолини очень хочет видеть Испанию фашистской... Эта победа, по мнению Муссолини, нужна для того, чтобы избежать превращения Испании в “большевистское государство”»⁴⁵.

Действия британских политических кругов на начальном этапе войны определялись также не идеологическими побуждениями. Прагматизм сквозил в резолюции по итогам заседания британского министерства иностранных дел от 1 сентября 1936 г.: “Трудно определить, победа правых или левых более желательна с точки зрения британских национальных интересов. В целом нужно признать, что экстремистское правительство любого направления будет серьезным стеснением для нас”. Не политическая или идеологическая солидарность, а “наши собственные интересы”. Несколько днями раньше Иден писал: “Мы должны быть известны как нейтральная страна, компромисс – в наших национальных интересах. Победа любой из радикальных сто-

рон наиболее нежелательна для нас, нужно сохранить возможность компромисса любыми средствами”⁴⁶. На случай обвинения в невмешательстве при победе Республики было заготовлено оправдание, что так поступала вся Европа. Следовательно, тактика: “Наш природный инстинкт будет, без сомнения, пытаться сохранить нейтралитет в этой битве между фашизмом и коммунизмом”⁴⁷.

И.М. Майский указывал в мае 1937 г., что зам. министра иностранных дел Великобритании лорда Кренборна «очень занимает мысль о скорейшей ликвидации испанских событий путем компромисса, ибо и он, подобно большинству работников Форин Офиса, разделяет тот взгляд, что лучшим выходом из положения было бы создание в Испании режима “золотой середины”»⁴⁸. Советской стороной постоянно муссировалась и подчеркивалась опасность для Британии победы профашистских сил в Испании. Майский возвращался к этой мысли едва ли не во время каждой встречи с английскими политиками, дипломатами и общественными деятелями⁴⁹. «Чрезвычайно любопытно, – писал он в ноябре 1937 г., – что даже такой резкий враг СССР, как Гарвин (редактор “Обсервер”. – В.М.), вынужден был признать, что в самом крайнем случае, если уже не будет абсолютно никакого иного выхода, он готов пойти под руку с “большевистским дьяволом” ради спасения Британской империи»⁵⁰.

И хотя, по мнению Д. Чемберлена (июль 1937), невозможно, чтобы “в Испании сейчас могли победить коммунисты”, а либеральная британская пресса утверждала, что “достаточно взглянуть на карту, чтобы понять, какую смертельную угрозу для нас означает фашизм в Испании”⁵¹, ход событий покажет, что антибольшевизм стал удобным тактическим оружием для английских политиков. Они опасались, скорее, не испанского коммунизма, а “Советской Испании”. Прикрываясь “антисоветским зонтиком” (что в определенной мере смягчало ее отношения с Германией и Италией в этой коллизии), Великобритания пыталась извлечь из испанского конфликта максимальную выгоду как собственно в Испании, так и для построения отношений с европейскими государствами.

При тогдашнем внутреннем и международном положении СССР едва ли не единственным (кроме военного) инструментом расширения рамок своего влияния и политического присутствия была идеологическая экспансия. Провозглашаемые СССР в связи с испанским конфликтом идеологические лозунги служили не более чем прикрытием реальных геополитических целей, равно как и у Германии с Италией.

По наблюдению британского посольства в Москве, если 2 августа 1936 г. в СССР не прозвучало ни слова о единичных демонстрациях и митингах солидарности с Испанской республикой, то на следующий день тысячи их были организованы по всей стране, начался сбор средств в поддержку республиканцев. Убеждение в официальном инспирировании этих действий дополнялось воспоминаниями об аналогичной тактике во время английской общенациональной забастовки 1926 г., когда советская сторона не решилась действовать открыто. Сообщение о собранной сумме, появившееся в советской прессе 6 августа 1936 г., напрямую связывалось английскими дипломатами со сделанным накануне Советскому Союзу предложением о невмешательстве: ему нужно “закончить как можно скорее с гласностью, касающейся сборов и пожертвований”. Британский посол Чилстон с иронией отмечал, что “советские рабочие” достаточно бедны, чтобы собрать за несколько дней сумму в 12 млн 145 тыс. рублей (тождественных 36 млн 435 тыс. франков или полумиллиону фунта стерлингов)⁵².

Несмотря на положительный ответ на предложение о невмешательстве, советское руководство в первой декаде августа 1936 г. не снимало полностью со счетов возможность материальной помощи Мадриду. 9 августа Н.Н. Крестинский докладывал И.В. Сталину, что советское полпредство в Париже по инструкции Москвы “уже частично уточнило вопрос о предполагаемых закупках в Англии для испанского правительства”. Процедуру планировалось организовать в виде реэкспорта “от имени третьего государства”. После радикального решения об удовлетворении испанской просьбы можно было выделить для этой сделки советскую фирму. Крестинский давал в этом письме довольно смелый совет главе советского государства: “Мне кажется, что Вам не следует идти на предложение испанцев”. Мы не располагаем документальными доказательствами, что именно легло в основу тогдашнего советского решения отказать Испанской республике в продаже продукции военного назначения. Нельзя исключать, что и контраргументы Крестинского, считавшего, что советская сторона не очень хорошо знает доверенных лиц из нейтральной страны, производивших закупки для Мадрида, степень их лояльности и порядочности. Крестинский полагал, что если и делать это, то лучше самим. Он был прав в предположении, что английские фирмы, готовые торговать с любым третьим государством, могут побояться видеть в качестве покупателя Советский Союз: “Мы не поможем, а повредим испанцам, сорвем покупку”. Заместитель наркома иностранных дел СССР считал, что Мадриду целесообразнее обратиться к мексиканским фирмам или другим го-

сударствам Южной Америки, предложив ему связи “наших парижских товарищей” с мексиканским посольством: “...При общей южноамериканской продажности любой консул или военный атташе маленькой американской республики согласится за некоторое вознаграждение предоставить фирму своего государства”. Крестинский предлагал через советского поверенного в делах СССР во Франции Е. Гиршфельда вступить в прямые переговоры с испанскими представителями и “помочь им наладить покупку без употребления нашей фирмы”⁵³. В прямой форме советская сторона продала Испании в августе 1936 г. только мазут по льготной цене⁵⁴.

Как справедливо отмечает С.П. Пожарская, в начале гражданской войны ни о какой советской целенаправленной политике в Испании при отсутствии там легальной базы и при опоре только на информацию, которую давал Коминтерн, не могло быть и речи⁵⁵.

На середину августа 1936 г. пришлось восстановление испано-советских дипломатических отношений – обмен послами. 14 августа, после разговора со Сталиным об Испании, Н.Н. Крестинский подготовил ему служебную записку со справкой о ходе переговоров по этому вопросу. Установленные дипломатические отношения между двумя странами никогда не порывались. В 1934 г. были прерваны лишь переговоры о полномочиях и условиях работы посольств. Новый этап переговоров начался весной 1936 г. с приходом к власти правительства Народного фронта. 8 апреля в Женеве к полпреду СССР во Франции В.П. Потемкину, входившему в состав советской делегации на сессии Ассамблеи Лиги Наций, обратился представитель Испании в Лиге Наций Сальвадор де Мадарьяга с просьбой проинформировать о советской позиции в отношении немедленного обмена миссиями, на что был дан положительный ответ⁵⁶.

По признанию Крестинского, вплоть до начала августа 1936 г. советская сторона ждала инициативы со стороны испанского правительства. Обострение испанской проблемы побудило советское руководство, в частности, первым запросить агреман для назначенного полпреда. Интересно тактическое предложение Н.Н. Крестинского И.В. Сталину: “Хотя я и не жду отрицательного ответа от испра (испанского правительства. – В.М.), тем не менее осторожно и удобно запросить агреман не прямо из Мадрида, а через наше и испанское посольства в Париже”. Находившемуся в Чехословакии в Карлсбаде на отдыхе М.И. Розенбергу, определенному на роль полпреда в Испании (в последние годы он работал советским полпредом СССР во Франции и исполнительным

секретарем в Лиге Наций и хорошо знал испанскую проблему), было послано соответствующее сообщение. Он прибыл в Москву 16 августа, 24 – в Испанию, а уже 31 вручил президенту Республики М. Асанье верительные грамоты. Вопрос о работниках полпредства СССР в Испании рассматривался на заседании политбюро ЦК ВКП(б) 22 августа 1936 г. 19 сентября Крестинский сообщал Розенбергу о решении направить генконсула в Барселону⁵⁷.

Советским представителям в Испании предписывалось все доклады и “более существенные письма” посылать в 6 экземплярах: 4 – наркому М.М. Литвинову, 2 – Н.Н. Крестинскому. Из них один экземпляр Крестинский направлял в 3-й Западный отдел НКВД СССР, М. Литвинов же “часть своих экземпляров” посылал в Инстанцию (Сталину)⁵⁸.

Советское руководство, несмотря на неоднократные обращения Испании о помощи республиканскому правительству до начала сентября 1936 г., придерживалось установки о “невозможности посылать что-либо отсюда”. В письме Розенбергу в начале сентября 1936 г. Литвинов аргументировал это мотивами технического плана (дальность расстояния и опасность перехвата “транспортных мятежниками”), военно-технического (“отсутствие у нас тех калибров винтовок и патронов, которые нужны в Испании) и политического (не дать Германии и Италии повод “для совершения открытой интервенции и снабжения мятежников в таких размерах, в которых мы поспевать за ними не могли бы”), уточняя, что “вопрос о помощи испанскому правительству обсуждался у нас многократно после Вашего отъезда”. Советская сторона считала, что по сравнению с помощью правительству мятежники могут получить в 10 раз больше от расположенной вблизи Италии⁵⁹.

Но в первой половине сентября 1936 г. советская позиция в испанском вопросе заметно трансформировалась. Французский посол в Москве Р. Кулондр в своих донесениях в Париж предсказывал возможные и весьма резкие перемены в политике СССР⁶⁰. Главным образом на нее повлияло изменение состава испанского правительства после падения Талаверы, что открывало мятежникам дорогу на Мадрид. В результате правительственного кризиса 4 сентября 1936 г. вместо кабинета Х. Хирала было сформировано правительство политической коалиции под руководством социалиста Франсиско Ларго Кабальеро, в которое по его настоянию (для разделения ответственности) были включены два представителя компартии (впервые в Западной Европе).

НКВД СССР в начале сентября 1936 г. требовалась информация об иностранной помощи мятежникам. “...если бы было установлено и доказано, что вопреки декларации о невмешатель-

стве помощь мятежникам все же оказывается, – писал Литвинов Розенбергу, – то мы могли бы изменить свое собственное решение”; “нужны бесспорные доказательства или беспристрастные свидетели”⁶¹. В течение сентября 1936 г. советские дипломаты и журналисты (аккредитованные во Франции) проверяли и уточняли потенциальные пути сообщения Испанской Республики с Францией и возможные маршруты переправки ей помощи. Так, советник посольства во Франции Е. Гиршфельд по итогам своей поездки в Испанию 12 сентября в послании Н. Крестинскому ставил вопрос о железнодорожной связи (почта, корреспонденция...) по маршруту Париж–Тулуза–Порт-Бу, где происходила пересадка на испанский поезд до Барселоны. После дополнительной поездки 13–14 сентября группы из двух–трех человек для проверки намеченного маршрута предполагалось решить вопрос об использовании этого варианта связи⁶².

Прибывший в Барселону генеральный консул СССР В.А. Антонов-Овсенко направил 23 сентября подробный доклад Л.М. Кагановичу. В сообщении подчеркивалась мысль о слабости республиканцев в военном и организационно-политическом отношениях: “Все указанное побуждает ходатайствовать о скорейшем пополнении [их] необходимыми специалистами и материалами”⁶³. Через Крестинского Каганович передал советскому консулу указание (за несколько дней до принятия советским руководством решения об оказании военной помощи Испании), что “может наступить быстрое неблагоприятное развитие событий, и поездка тов. Антонова-Овсенко станет излишней и политически неудобной”⁶⁴.

26 сентября Розенберг в телеграмме Крестинскому на свой вопрос: “Каков наш канал воздействия на ситуацию?” отвечал описанием “тесных контактов” с большинством членов правительства, главным образом с Ф. Ларго Кабальеро и И. Прието (министр морских и воздушных сил. – *В.М.*): “Оба они весьма прислушиваются ко всему, что мы говорим”. Розенберг настаивал на оказании военной помощи республиканскому правительству, подчеркивая, что “возможность оснащения техникой может оказать огромное влияние на конечный исход гражданской войны”⁶⁵. 28 сентября 1936 г. советское руководство приняло решение об оказании военно-технической помощи Испании⁶⁶. Несколько позже (начало 1937 г.) советской стороной в Париже была учреждена небольшая курьерская база, которая поддерживала постоянную связь между Парижем и Испанией, и не только между Парижем и Валенсией, но несколько реже – между Парижем и Бильбао⁶⁷.

Тактика советских представителей в Испании не всегда была дипломатически корректна. Так, М.И. Розенберг по прибытии в Испанию “культивировал отношения” только с английским поверенным в делах. С остальными он не считал нужным этого делать “по причине их отрицательного отношения к Советскому Союзу”, “либо потому, что это какие-либо второстепенные или третьестепенные секретари”. Кроме того, он не участвовал в заседаниях дипкорпуса, так как это давало возможность “не признавать те или иные решения, исходящие от дипкорпуса”. Советский полпред мотивировал это неполучением приглашения на заседания. Но приехав в Мадрид в августе 1936 г., Розенберг не поставил, согласно протоколу, в известность дуайена корпуса – чилийского дипломата о своем приезде, что послужило формальным поводом не приглашать советского полпреда на заседания корпуса⁶⁸.

В сентябре 1936 г. Розенберг сообщал в Москву о своих “попытках влиять на состав правительства”, а военный атташе – о “стремлении вмешиваться в военные дела и “командовать”, чего они, безусловно, не имели права делать. Литвинов неоднократно одергивал советских дипломатов (скорее, речь шла о формах и степени вмешательства), говоря о необходимости “воздержаться от всякого рода влияния на правительственные комбинации”⁶⁹.

Анализ материалов АВП РФ позволяет проследить расхождение в позициях советских дипломатов в Испании: точка зрения Розенберга, например, далеко не всегда совпадала с взглядами Антонова-Овсенко. Жалобы друг на друга присутствовали едва ли не в каждом послании в Москву⁷⁰. В документах весьма красноречиво отражены трения между советскими представителями в Испании, одергивания их руководством. Советник полпредства СССР в Париже М. Соколин писал Крестинскому (ноябрь 1936 г.): “Я понял также, что в те редкие дни, когда т. Гайкис (советник посольства СССР в Мадриде. – В.М.) был вместе с Марселлем Израилевичем [Розенбергом], им вместе трудно”⁷¹. В марте 1937 г. назначенный накануне полпредом СССР в Испании Гайкис докладывал Крестинскому, что, несмотря на передаваемые им лично Антонову-Овсенко “авторитетнейшие указания и указания руководства НКВД о линии нашего поведения в Испании”, генконсульство СССР в Барселоне затеяло очередную полемику с органом анархистов “Solidaridad Obrera”. Гайкис считал особенно вредной такую тактику в период обострения межпартийной борьбы в Испании и просил Крестинского еще раз дать Антонову-Овсенко указания “не повторять впредь подобного рода ошибок”⁷². Заметим, что разногласия между Розенбергом и Антоновым-Овсенко

пытались использовать различные политические силы в самой Испании.

До переезда испанского правительства в Барселону (октябрь 1937 г.) расходы советского посольства в Испании полностью оплачивались испанской стороной, ответным образом в отношении испанского посольства поступала официальная Москва. “При таких условиях, – писал М.И. Розенберг Н.Н. Крестинскому (сентябрь 1936 г.), – было бы неслыханным, если бы испанский посол Паскуа был бы поставлен в одинаковые с другими представительствами условия. Тогда от его пребывания в Москве получилось бы больше вреда, чем пользы”. Розенберг просил Крестинского принять меры, “чтобы Испанское Посольство в Москве было бы на особом положении”⁷³. Крестинский отвечал, что Паскуа, добравшийся в СССР через Скандинавию, будет встречен хорошо: “Демонстраций на вокзалах, правда, ни в Ленинграде, ни в Москве устраивать не будем. Но будет довольно широкое представительство общественности. Хорошо распубликуем об его приезде в газетах. Устроим ему обед или завтрак не наркоминдельский только, как обычно, а с участием членов правительства и представителей общественности. Одним словом, приласкаем”⁷⁴. В октябре 1938 г. НКВД СССР предложил испанскому посольству оплату транспортных расходов, охраны, части обслуживающего персонала на общую сумму 20 тыс. руб. в обмен на аналогичные действия в адрес советского полпредства в Барселоне. Испанское представительство также пользовалось льготным курсом обмена песеты на рубль⁷⁵.

Материальная поддержка Испанской республике сопровождалась активной пропагандистской кампанией и, как отмечалось выше, попытками влияния на внутривнутриполитическую ситуацию в стране (с помощью советников, дипломатов и, конечно же, Коминтерна) (подробнее см. гл. 5). По мнению лондонского корреспондента правой французской газеты “L'Oeuvre”, “основной движущий мотив политики СССР в испанском вопросе – отнюдь не сентиментальное желание помочь испанцам, а забота о безопасности Советского Союза, так как в случае победы Франко Франция, окруженная фашистскими странами, не в состоянии будет выполнить обязательства пакта о взаимопомощи с СССР”⁷⁶.

Открытая демонстрация советской позиции началась с известного заявления С. Кагана в Комитете по невмешательству в дела Испании от 7 октября 1936 г. Политика коллективной безопасности трещала по швам. Итальянский фашизм и германский нацизм рассматривались советским руководством в испанской ситуации как реальные конкуренты.

1. 2. Испанский конфликт и складывание военно-политических союзов накануне Второй мировой войны

Тенденции блоковой политики в международных отношениях проявились еще до конфликта. В день начала мятежа лондонская “The Times” писала: “Цель британского курса – избежать повторения такой инициативы в европейской политике, которая может разделить Европу на противоположные лагеря”⁷⁷. Один из первых британских меморандумов по испанскому конфликту (12 августа 1936 г.) назывался “Об опасности создания идеологических блоков в Европе”, но идеология не была здесь главным мотивом. Политические интересы оказывались намного значимее.

Заключение франко-советского пакта о взаимопомощи (1935) и приход к власти левых сил во Франции (1936) дали британскому руководству повод опасаться потерять в лице этой страны потенциального политического союзника, поэтому оно решило поставить задачу “нашей защиты Франции *всеми возможными способами* (курсив мой. – В.М.) от нашествия коммунизма под влиянием гражданской войны в Испании” и “помочь Л. Блюму освободиться из-под русского влияния”. Из меморандума зам. министра иностранных дел Великобритании Ванситарта по итогам визита в Германию и Францию в августе 1936 г. следовали тактические установки: максимально подчинить себе французскую политику в Комитете по невмешательству в дела Испании, оказать нажим на французских лидеров, доказывая бесперспективность их сотрудничества с СССР и целесообразность кооперации с Британией перед лицом потенциальной агрессии⁷⁸.

В свою очередь, советские дипломаты регулярно пытались внушить французской стороне опасность попадания под английское влияние: “И для Франции, и для Англии было бы гораздо лучше, если бы Париж проявлял больше самостоятельности”, “не кто иной, как Блюм, поставил всю внешнюю политику Франции в рабскую зависимость от Лондона”⁷⁹. Как писала французская печать под броскими заголовками типа “Мы не будем сражаться за СССР”, советская дипломатия “не ограничивается тем, что дает директивы испанскому правительству, но претендует также на то, чтобы давать советы французскому правительству”⁸⁰.

Уже в начале августа 1936 г. Н.Н. Крестинский подчеркивал, что “определяются группировки в будущей мировой войне”, напрямую связывая это с испанскими событиями⁸¹.

Внешнеполитическая уязвимость Франции значительно обострялась: не только помощь Испанской республике, даже солидарность с нею таила опасность серьезного осложнения отношений как с Италией и Германией, так и Великобританией. Французский посол в Берлине Франсуа-Понсе полагал, “что война в Испании повлияет на английских консерваторов, открыв им глаза на реальность большевистской опасности и риск тесной дружбы с уже якобы зараженной коммунизмом Францией, и отдалит их от нашей страны”⁸². Испанские события предоставили дополнительную возможность для постепенного подчинения французского внешнеполитического курса британскому.

Посол Франции в Москве Р. Кулондр (в чьем лице, по определению зав. 3-м Западным отделом НКВД А. Неймана, советская дипломатия имела “человека, который не любит ставить ноги, не прощупав почву, и делать поспешных заявлений”) подчеркивал в декабре 1936 г.: “Наши симпатии идут в одном направлении [с республиканской Испанией]”, оговариваясь, что французской политике в этом приходится считаться с английскими настроениями⁸³. По мнению министра авиации Пьера Кота (сторонника альянса с СССР), “Блюм намеревался отправиться на встречу с Москвой после остановки по пути в Лондон”⁸⁴.

“Испанский козырь” сыграл не последнюю роль и в “борьбе за Францию” 1936–1939 гг. между Великобританией и СССР. Советская дипломатия, обсуждая с французской перспективы потенциального союза, старалась максимально утрировать опасность для нее германской угрозы⁸⁵. Поставленная перед выбором – где больше терять: “на британских качелях или на русской карусели”, Франция вынуждена была в итоге склоняться к первым: “Русский аспект в Испании обманет ожидания, создавая при этом разногласия с английскими настроениями”⁸⁶.

Французская сторона отдавала себе отчет, что “московское руководство с особым вниманием следит за поведением нашего представителя в Комитете”. При этом в некоторых французских газетах в начале ноября 1936 г. прошла информация, что на заседании Национального совета французской социалистической партии Леон Блюм заявил о возможности при известных обстоятельствах и по соглашению с Англией пересмотреть политику невмешательства в испанские дела⁸⁷. В декабре 1936 г. Дельбос в парламенте от имени правительства заявил, что все вооруженные силы Франции (на суше, на море и в воздухе) будут немедленно двинуты в дело, если Великобритания подвергнется неспровоцированной агрессии⁸⁸.

Французские фашистские партии Дорио и Де ля Рока в своей агитации (декабрь 1936 г.) доказывали тезис, что “СССР – пло-

хой союзник: советские танки плохого качества и десятками уничтожаются артиллерией генерала Франко, флота совсем не имеет. Англия не будет оказывать поддержки Франции, если последняя будет помогать Советскому Союзу”. Тактический вывод был очевиден: “В неизбежной войне Европы с азиатским варварством Франция должна занять подобающее ей место”⁸⁹.

Осложнение ситуации в Европе в 1937–1938 гг. усилило значимость проблемы противников и союзников в назревавшей войне. По мере поправления французского правительства «для французских правых “красная угроза” была страшнее “коричневой опасности”»⁹⁰. Франция во многом уступила инициативу в решении европейских проблем (в том числе и испанской) Великобритании, и вопрос о ее союзничестве почти не вызывал сомнений у британских политиков. “Видя, что Франция каждую свою акцию спешит согласовывать с Лондоном, англичане все больше привыкают к такому положению, приобретая вкус к командованию, и порою не только не считаются с интересами Франции, но бесцеремонно ставят ее перед лицом свершившихся фактов”, – записал в своем дневнике в январе 1937 г. полпред СССР во Франции В.П. Потемкин⁹¹.

В августе 1937 г. Кулондр в беседе с В.П. Потемкиным подчеркнул “недостаточно корректное отношение Англии к своему долгу ближайшего сотрудника и даже союзника Франции”. Французский посол жаловался, что “Англия не выдерживает линии согласованной англо-французской политики, что она не в первый раз ставит французов перед фактом своих двусторонних соглашений с такими партнерами, как Германия и Италия ... что особенно явно в Комитете по невмешательству, эта неустанная тактика Англии ставит Францию в ложное положение”⁹².

В Комитете по невмешательству в дела Испании с лета 1937 г. Франция почти полностью следовала британскому курсу. По мнению Майского, Шотану, Блюму и Дельбосу следовало бы почаще вспоминать Барту, который “умел оказывать сильнейшее влияние на Лондон, нередко он диктовал свою волю Форин офису”⁹³. С другой стороны, нельзя снимать со счетов, что французская дипломатия понимала и знала, что при Барту “заинтересованность Англии в дружбе с Францией была значительно меньше, чем сейчас”, и что “Англия не уйдет от Франции, ибо в этом случае она оказалась бы целиком на милости у германо-итальянского блока”⁹⁴. Можно согласиться с мнением российского исследователя И.А. Чельшева, что лидирующее положение одной из держав в политическом или военно-политическом союзе не означает автоматического лишения другой самостоятельности и инициативы во внешней политике⁹⁵.

Франция устраивала Англию как партнер, но партнер ведомый. Устраивало ли это Францию? Но был ли у нее выбор? Что мог ей весомее предложить Советский Союз?.. Для Франции и СССР в годы войны 1936–1939 гг. антифашизм, к сожалению, не стал основополагающим принципом сближения.

В октябре 1936 г. И. Дельбос в беседе с советским полпредом В.П. Потемкиным обратил внимание на то, что гитлеровская пропаганда всячески пытается доказать, будто СССР с помощью обострения испанского вопроса хочет развязать всеобщую войну. По мнению И. Дельбоса, позиция СССР в Комитете по невмешательству давала некоторый повод нацистским пропагандистам для таких утверждений. Об этом же с сотрудниками советского посольства Е.В. Гиршфельдом и М. Соколиным в двадцатых числах октября говорили генеральный секретарь МИД Франции А. Леже и директор бюро прессы и информации МИД Франции М. Комэр. Французская позиция определялась следующим образом: в случае нападения Германии на советские суда такая агрессия может быть признана “вызванной” самим Советским Союзом, следовательно, Франция не обязана приходить на помощь. Если она может оказать “лишь в случае нападения на территорию СССР”. “Словом, нам достаточно определенно сигнализируют, что в случае вооруженного конфликта из-за Испании нам нечего рассчитывать на Францию, которая до конца намерена выдерживать линию невмешательства”, – докладывали дипломаты в НКВД⁹⁶.

Цели не потерять Францию как потенциального партнера были подчинены и начавшиеся в ноябре 1936 г. и закончившиеся безрезультатно секретные военные франко-советские переговоры⁹⁷. Вернувшийся из поездки в Париж в конце апреля 1937 г. Кулондр рассказывал Потемкину, что Блюм, Дельбос и Даладьё намерены обсуждать проблему контактов французского и советского генеральных штабов “при участии всех членов кабинета”, что при тогдашней внутривосточной коллизии делало эту проблему заведомо бесперспективной. Еще летом 1937 г. советское руководство не теряло надежды на возобновление переговорного процесса: “Задачей первостепенной важности является самым внимательным образом следить за развитием ... агитации против франко-советского пакта и сотрудничества с СССР”⁹⁸. Но при этом дипломатам в Париже рекомендовалось не форсировать решения французского правительства и “воздержаться даже от зондажа у Дельбоса или Даладьё”. Советская сторона не хотела создавать впечатление особой заинтересованности в скорейшей установке контакта между штабами и в том, что “мы обеспокоены медлительностью, проявляемой в этом деле французским правительством”⁹⁹.

Французская блокировка с Англией в вопросах невмешательства в дела Испании вызвала адекватную реакцию советского руководства. Комментируя заявления французского премьера К. Шотана (декабрь 1937 г.), что “можно было бы и совсем не говорить о франко-советском пакте, если бы только Англия дала Франции достаточные гарантии ее внешнеполитической безопасности”, руководство НКВД в категоричной форме утверждало: “У нас весьма недовольны нынешней линией французской внешней политики и – персонально – поведением И. Дельбоса. Решено держаться от французов подальше ... и, тем более, не делать им никаких авансов. Они должны понять, что нам ясна их тактика и что мы не создаем себе иллюзий насчет отношения нынешнего правительства к франко-советскому сотрудничеству. Франция нуждается в СССР; мы же без труда можем обойтись и без французов”¹⁰⁰. По мнению Потемкина, официальный представитель Франции в Москве Кулондр менее всего был способен или расположен противодействовать охлаждению своего правительства к сотрудничеству с СССР: “Он собирает антисоветские сплетни. Он аккуратно информирует японского посла о каждом разговоре, который имеет с нами”¹⁰¹. Несколько месяцев позже Литвинов, характеризуя Кулондра, заметит, что “послы – это вообще такой народ, которые крупнейшие международные вопросы пропускают иногда через призму конфликтов в области виз и т.п.”¹⁰²

Почти за полгода до Мюнхена, “второго Седана для Франции”, советская дипломатия, как свидетельствуют архивные источники, делала вывод, что «наш пакт существует только на бумаге, находится в состоянии “анабиоза”»¹⁰³. Добавим, что в сентябре 1938 г. в военно-политическом руководстве Франции единство мнений по поводу последствий для страны испанского, равно как и чехословацкого кризиса отсутствовало. Ряд политиков (Боннэ) считали, что в случае войны с Германией и франкистами (как ее потенциальными союзниками) будет выдвинуто достаточно войск и авиации для их разгрома. Другая группа французских лидеров опасалась, что в таком случае “франкистские базы станут особо опасными для Франции”¹⁰⁴.

В октябре 1938 г. “создавшееся новое международное положение и видящиеся за ним перспективы” дали основание советскому руководству даже поставить вопрос об эвентуальном денонсировании франко-советского пакта, правда, до этого дело не дошло с учетом происходящего в Берлине, Лондоне и Париже¹⁰⁵.

Таким образом, запугивая Францию угрозой нацистской интервенции и “красной чумы”, Великобритания, а потом – Германия и Италия сумели за годы войны в Испании “оторвать” Францию от

СССР (который в сложной предвоенной политической игре, наложенной на идеологическое противостояние, не смог предложить Франции более весомые, чем Англия, “козыри”). Оппозиционная британская “Manchester Guardian” подытожила этот курс в январе 1939 г.: “Чемберлен берет на себя ответственность, рекомендуя дружественному правительству [Франции] политику, которая может оказаться роковой для ее независимости”¹⁰⁶.

Английское отношение к потенциальному альянсу с СССР за время испанских событий, несмотря на некоторые колебания, можно охарактеризовать как в целом отрицательное. Это проявилось как в попытках недопущения СССР к подписанию Соглашения о невмешательстве на стадии его подготовки (см. 2. 1), так и в британской тактике в Комитете по невмешательству (например, создание в нем к ноябрю 1937 г. единого фронта западных держав)¹⁰⁷. Этот вопрос, как свидетельствует анализ опубликованных стенограмм заседаний британского кабинета и Комитета по имперской безопасности, ими регулярно рассматривался. Так, например, 13 октября 1937 г. при обсуждении правительством международной ситуации министр внутренних дел Джон Саймон подчеркнул, что почти полное совпадение позиций Великобритании по невмешательству с французскими не должно привести к образованию англо-франко-советского блока и что нужно разубеждать Францию от принятия такого курса¹⁰⁸. Спустя месяц совещание глав штабов при Комитете по имперской безопасности анализировало следующий расклад сил на европейской арене: враждебные Германия с Италией, кооперация с Францией и Бельгией. Россия – нейтральная страна или союзник (в крайнем случае). Эта схема почти не отличалась от выводов Комитета по имперской безопасности от 5 июля 1937 г.¹⁰⁹

Возможность формирования на почве испанских событий антифашистской коалиции периодически зондировалась в Лондоне советской дипломатией. Параллельно она регулярно подчеркивала британской стороне опасность фашизации Испании и необходимость блокировки в связи с этим. После разговора с Иденом 3 декабря 1936 г. И.М. Майский записал в дневнике: «...совершенно ясно, что одними своими собственными силами (как бы успешно Великобритания не вооружалась) она не сможет гарантировать целостности империи, особенно на Дальнем Востоке. Для этого ей нужны “друзья”, которые так же, как и Великобритания, не хотят передела мира, а стремятся к известной стабилизации существующих отношений»¹¹⁰.

Советское руководство, справедливо полагая, что “было бы ошибкой за испанскими деревьями не видеть леса мировой по-

литики”, видело, что в конечном итоге “испанский вопрос, несомненно, значительно ухудшил наше международное положение. Он испортил наши отношения с Англией и Францией, посеял сомнения в Бухаресте и даже Праге”¹¹¹.

Вывод же официального Лондона (май 1939 г.) о том, что “возможная перспектива противостояния Испании с военной точки зрения не должна встать на пути заключения пакта с Советской Россией”, можно с сожалением отнести к запоздавшему прозрению¹¹². Именно об этом времени У. Черчилль позже напишет: “Наши акции котировались очень низко”¹¹³.

Что касается англо-итальянского или франко-итальянского объединения на антигерманской почве, то уже война Италии в Абиссинии сделала его весьма проблематичным. Нейтральная реакция Германии в абиссинском вопросе и пассивность Италии в рейнском давали неплохое основание для сближения их позиций. Эту мысль подчеркнул Муссолини во время беседы с германским послом Хасселем уже в июне 1936 г., считая, что формируется “лучший базис для политической кооперации, чем предыдущие пакты или эмоциональные отношения”¹¹⁴.

Бесспорный вывод, что война в Испании “окончательно подтолкнула Муссолини в объятия Гитлера”¹¹⁵ требует некоторой конкретизации. Британская дипломатия уже в июле 1936 г. обратила внимание на то, что “первым человеком в Риме долго был французский посол Шамбрэн, сейчас он вынужден уступить место германскому коллеге фон Хасселю”¹¹⁶. Но несмотря на значительное совпадение тактик Гитлера и Муссолини в начале испанского конфликта, английские дипломаты оценивали это не более чем демонстрацией итало-германского сближения, в котором серьезных сдвигов не произошло. По их мнению, в данный период Гитлер связывать своей судьбы с Муссолини не хотел, не доверяя Италии: “Берлин считает, что на итальянцев полагаться нельзя и что Муссолини неоднократно уже менял и будет менять свою внешнеполитическую ориентацию. В Германии не забыли ни печального урока мировой войны, ни колебаний Муссолини между Берлином и Парижем все эти годы. Особенно свежо еще франко-итальянское соглашение 1935 г. ... Гитлер считает, что так же, как сейчас, Муссолини ищет дружбы и близости Германии, завтра, если ему это понадобится, Италия снова будет стремиться к соглашению с Францией и Англией”¹¹⁷. Отсюда сдержанность Берлина и столь существенное различие между объемом и характером итальянских “заигрываний” и немецких ответов на них.

По мнению британских дипломатических кругов, “в обоих случаях главное чувство, которое у них есть для кооперации в

настоящее время, – не столько общая боязнь коммунизма, сколько чувство, что они вдвоем изолированы в Европе”. “Флирт с Римом” укреплял внешнеполитические позиции Гитлера и толкал ряд стран поскорее искать общий язык с Германией: “Если к изложенному прибавить значение нынешних испанских событий, важность укрепления внутренних режимов... то объективных предпосылок для итало-германского сотрудничества будет еще больше”¹¹⁸. Было очевидно, что расширение его рамок может привести в перспективе к потере Италией важных геополитических позиций в Австрии или Чехословакии, а потом и на Балканах.

Контуры будущего блока уже просматривалась в заключенном 31 июля 1936 г. австро-германском соглашении. “Если это соглашение и не означает создания австро-итало-германского блока, то угроза такого блока в глазах внешнего мира сейчас все же значительно возросла. И Берлин, и Рим приложат немало стараний, чтобы поддержать у своих партнеров страх перед такой перспективой и извлечь из этого страха максимальную для себя выгоду. Такая игра уже началась” (Я. Суриц, полпред СССР в Германии)¹¹⁹. Англо-итальянское соперничество в Средиземном море, обострившееся с началом войны в Испании, актуализировало для Муссолини поддержку Германией.

Дальнейшим показателем некоторой синхронизации итальянских и германских действий в отношении Испании станет их формальное присоединение к Соглашению о невмешательстве, вхождение в Комитет по невмешательству, и пусть не всегда согласованная, но схожая тактика в этой организации: максимальное сопротивление всем попыткам облегчить положение Испанской республики.

К “единству взглядов и установлению общей линии поведения”, легших в основу известной оси Берлин–Рим (октябрь 1936 г.), добавлялось и “признание того факта, что генералу Франко подчиняется бóльшая часть испанского народа, одновременное установление принципа невмешательства и отклонение всяких претензий на испанские владения”. Комментируя визит Г. Чиано в Берлин, во время которого была сформирована пресловутая “ось”, Я. Суриц писал: “...на данном этапе испанская проблема, по-видимому, является стержнем германо-итальянского сотрудничества”. По мнению советской дипломатии, оно могло иметь серьезные практические последствия: “...так как этот вопрос... тесно связан с узловыми проблемами европейской политики и с вопросом об отношении к Советскому Союзу, то сотрудничество на этом участке грозит нам наибольшими осложнениями”¹²⁰.

“Frankfurter Zeitung” указывала, что единство взглядов Германии и Италии выразится в их дальнейшем “параллелизме действий”¹²¹, что и воплотилось в признании 18 ноября 1936 г. фашистскими странами правительства Франко. Именно тогда французская дипломатия делилась с советской стратегическими целями: “Основной задачей является отрыв Италии от Германии с тем, чтобы изолировать последнюю, если она захочет продолжать во что бы то ни стало политику интервенции в Испании”¹²².

К концу 1936 – началу 1937 г. “германская карта” стала у Муссолини едва ли не основной, несмотря на все неудобства игры именно этой картой. Дуче не оставит идеи использования ее в качестве “козыря” после заключения “джентльменского соглашения” с Великобританией (январь 1937 г.). Советская дипломатия полагала, что “Муссолини пытается примирить обе эти линии и создать треугольник Берлин–Рим–Лондон. Ему представляется, что базой этого треугольника для данного момента может явиться испанская проблема”. По мнению Б.Е. Штейна, Муссолини вел упорную работу по возрождению пакта 4-х: «Создание треугольника “Берлин–Рим–Лондон” и эвентуальное соглашение между членами этого треугольника в вопросах хотя бы осуществления контроля в испанских делах, создало бы, таким образом, более благоприятную атмосферу для осуществления любимой идеи Муссолини». Одним из средств давления в этом плане на Англию (и не только на нее) станет открытое признание Муссолини в январе 1937 г. деления всей Европы на два блока¹²³.

Углубление вовлеченности Италии и Германии в испанский конфликт позволило советской дипломатии сделать вывод (февраль 1937 г.), что “вопросы, разделяющие эти страны, как например, австрийский, отступают сейчас на задний план перед вопросами, их сближающими, в особенности перед испанскими событиями”¹²⁴.

По мнению корреспондента “The Times” Эббата (март 1937 г.), “итало-германские отношения, бесспорно, зашли гораздо дальше, чем этого можно было ожидать”. Эббат ссылаясь на серьезные источники, утверждая, что “Муссолини прилагает сейчас много усилий, чтобы превратить ось Берлин–Рим в крепкий военный союз, ради которого он готов, по-видимому, полностью принести в жертву Австрию”¹²⁵. Аналогичный вывод делала и американская дипломатия (май 1937 г.): Италия добивалась заключения военного союза с Германией, но последняя уклонялась от принятия окончательных решений¹²⁶.

Германия, подталкивая Италию к все большему втягиванию в испанскую авантюру, не торопилась связывать себя с ней тесным

альянсом, тем более, что к аншлюсу Австрии еще не была готова ни сама Германия, ни общеевропейская ситуация. Как образно выразился французский посол в Берлине Франсуа-Понсэ, “Гитлер не приоткрыл двери в сторону соглашения, но и не прихлопнул ни одной”¹²⁷. И это – несмотря на дипломатическую активность обеих сторон, например, в апреле–мае 1937 г. (свидание Муссолини с Герингом в Риме, приезд в Рим К. Нейрата и т.д.). Наблюдателям казалось, что главная цель этих встреч заключалась в психологической атаке обеих сторон на Англию: она должна испугаться и сделать из этого испуга надлежащие выводы”¹²⁸. Этот шантаж давал больше шансов Гитлеру, нежели Муссолини.

“Психологически, к сожалению (*с точки зрения нашей политики*) (курсив мой. – В.М.), шансы Гитлера на сговор с Лондоном больше, нежели шансы Муссолини. Муссолини это понимает, и, повторяю, смертельно боится англо-германского сближения”, – полагал в июле 1937 г. Б. Штейн¹²⁹.

Общая тактика при разрешении кризиса “невмешательства” в дела Испании (июнь–июль 1937 г.) также сблизил позиции дуче и фюрера и в испанском, и общеевропейском вопросе. И хотя в итало-германских отношениях еще отмечались всплески взаимных провокаций и шантажей¹³⁰, к тому времени аншлюс Австрии – яблоко раздора между Италией и Германией – становился вопросом времени.

Германия позволила Италии “увязнуть” в Испании, как ранее в Абиссинии, что ощутимо пошатнуло положение той в Средиземноморье. Затруднялась активная политика Италии в Придунайском бассейне и на Балканах, где заметно усилились германские позиции. Муссолини стремился к завершению испанской авантюры, но только в победном варианте. Франко же начинал тяготиться излишней “опекой” дуче: ему “вовсе не улыбалась перспектива, когда Муссолини будет подносить ему победу за победой”¹³¹.

Ситуация в германо-итальянском мезальянсе лета–осени 1937 г. очень походила на состояние англо-французских отношений: очевидное лидерство Англии и Германии, заметная подчиненность Франции и Италии их курсу, в том числе и “испанскому”. В начале августа 1937 г. советский полпред в Германии К.К. Юренев писал: “Германия знает, что Италия по существу у нее в руках и что, потеряв германскую поддержку, акции Италии сильно пали бы на всех “политических биржах”¹³². Правда, в тот период у Италии и Германии точек соприкосновения в испанском вопросе было больше, чем у их эвентуальных противников.

Периодически запускаемые в дипломатических кругах слухи о сближении Советского Союза то с Германией, то с Италией мож-

но расценивать не только как шантаж ими противоположной стороны. Это могло быть и зондажем собственно советской позиции: с кем же в конечном итоге СССР, справедливо опасавшийся сговора за своей спиной. Этот тезис подтверждает резюме В.П. Потемкина в телеграмме в НКВД по итогам встречи с И. Дельбосом (26 октября 1936 г.): "...Несомненно, нас все более и более начинают бояться. Вместе с тем укрепляется убеждение, что с нами лучше жить в мире, даже дружбе, нежели во вражде или в разлуке"¹³³.

Анализируя перспективы развития отношений Рим—Москва в контексте циркулировавших тогда слухов, Б. Штейн подчеркивал в июле 1937 г.: "До тех пор, пока существует испанская проблема, никаких изменений в итало-советских отношениях произойти не может". Обращает на себя внимание тактический вывод: "После окончания испанской борьбы и в случае, если Германии удалось бы сблизиться с Англией, итало-советское сближение отнюдь не следует исключать из возможностей политических комбинаций, но это музыка будущего"¹³⁴. После встречи с итальянским послом в Москве Россо (июль 1937 г.), Литвинов заключит: "Если бы нам предстоял выбор между англо-германским и англо-итальянским соглашением, то мы выбрали бы, конечно, последнее, как меньшее зло..."¹³⁵

Дальнейшее расширение диапазона совместных германо-итальянских действий знаменовал визит Муссолини в Берлин (октябрь 1937 г.): диктаторы договорились о единой линии по ряду внешнеполитических вопросов, в том числе испанскому, средиземноморскому, колониальному и дальневосточному. В первых двух Гитлер пошел навстречу Муссолини, пообещав поддержку до конца и отказ от попыток "сепаратного флирта с Англией", Муссолини, в свою очередь, заверил фюрера в признании его колониальных притязаний¹³⁶.

У Германии и Италии появлялась очередная удобная возможность демонстрации силы перед Францией и Англией и тем самым побуждение их к сговорчивости: "отдельные представители итальянской дипломатии всегда утверждали, что сближение Рима с Берлином в планах Муссолини играет роль рычага, при помощи которого он намерен был заставить Лондон пойти на соглашение с ним" (Штейн—Литвинову, январь 1937 г.)¹³⁷.

Напомним, что юридически германо-итальянское сотрудничество не было оформлено на том этапе. Можно согласиться с мнением французской дипломатии, выраженном накануне упомянутого визита Муссолини в Берлин: "Страны фашистской диктатуры вроде Германии и Италии не нуждаются для своих замыслов в договорах и протоколах. Гитлер и Муссолини подписывают

документы лишь в том случае, когда почему-либо хотят добиться взаимного или выгодного внешнеполитического эффекта. Для серьезных же и агрессивных планов Италия давно уже отказалась от фетишизма подписания бумажек. Опыт испанской интервенции является наглядной тому иллюстрацией”¹³⁸.

Ставший в феврале 1938 г. министром иностранных дел Германии И. Риббентроп более активно проводил курс на сближение с Италией¹³⁹. “Линия Риббентропа – это усиление оси Рим–Берлин–Токио и ослабление контактов Лондон–Берлин, еще более агрессивная политика в Центральной Европе (Чехословакия, Австрия) и, главное, активизация интервенции в Испании”, – справедливо считал советский полпред в Берлине Я. Суриц¹⁴⁰. Небезынтересны встречающиеся в дневниках и депешах советских дипломатов характеристики личного плана. В марте 1937 г. Майский писал: «...Если бы Риббентропа не было, его нужно было бы выдумать. Ибо могу сказать это с полной определенностью – Риббентроп является в настоящее время моим крепким “союзником”: где он пройдет, там непременно вырастут цветы раздражения и недоверия к Германии, а это, в свою очередь, по законам диалектики идет нам только на пользу. Положительно, Риббентропу стоило бы платить жалованье от советского правительства». Эта мысль была продолжена в послании И. Майского М. Литвинову в ноябре того же года: “Риббентроп, благодаря своей феноменальной бестактности и своему редкому умению наступать англичанам на мозоли, являлся на протяжении последнего года моим лучшим союзником в борьбе с усилением германского влияния в Великобритании”¹⁴¹.

Дальнейшее развитие итало-германской кооперации преследовало цель кроме укрепления собственно союза скорую и полную ликвидацию Испанской республики его силами. События 1938 г., внесшего принципиально новые акценты в палитру международных отношений¹⁴², ускорили процесс блокировки. Но и до, и после Мюнхена он шел, безусловно, под сильным влиянием испанских событий. По мнению советской дипломатии, испанский вопрос “сыграл едва ли не решающую роль в темпах и сроке окончательного сговора Италии с Германией”. Аналогичной точки зрения, как свидетельствуют архивные источники (записи бесед британских дипломатов с советскими), придерживалась и Великобритания¹⁴³.

Германия и Италия, безусловно, выиграли, исключив Ф. Франко из числа потенциальных союзников Англии и Франции в 1936–1938 гг. Но этот стратегический выигрыш был недолгим. В сентябре 1938 г., в разгар мюнхенского кризиса, Франко вопреки ожиданиям Берлина и Рима провозгласил нейтралитет Испании на

случай войны. Доказывая необходимость усиления союза, Гитлер и Муссолини побудят Франко присоединиться в марте 1939 г. к Антикоминтерновскому пакту. Тем самым Англия и Франция лишались гарантированно нейтральной позиции Испании в надвигающейся войне. Но в августе 1939 г. каудильо подтвердил свое намерение оставаться нейтральным, что было вполне оправданным с точки зрения национальных интересов разоренной глубоким гражданским конфликтом страны¹⁴⁴.

* * *

Таким образом, совпадение стратегических мотивов ведущих европейских стран в связи с началом войны в Испании не означало и не могло означать тождественности в их реализации.

Степень расхождения в понимании и тактике локализации испанского конфликта окажется столь серьезной, что существенно повлияет как непосредственно на него, так и на взаимоотношения европейских государств. Комитет по невмешательству в дела Испании будет обречен на нежизнеспособность.

В испанских событиях проблемы собственно европейской безопасности не выходили за пределы таких аспектов, как их локализация и сохранение территориальной целостности Испании. Усиление в связи с этим у европейских стран своих геостратегических интересов, формирование и укрепление на данном фоне военно-политических союзов означали не только приговор Испанской республике или использование Испании как военного полигона. Более существенной, на наш взгляд, окажется роль “испанской площадки” для отработки механизма межгосударственных отношений кануна мировой войны.

Испанские события предоставили удобную возможность проверить на прочность общности интересов ведущих стран как в деле сохранения мира в Европе, так и в подготовке к войне. Если абиссинский кризис наметил робкие контуры военно-политических союзов, испанский станет их более прочным “цементирующим раствором”. Основная блокировка пойдет в направлении: Великобритания и Франция против Германии и Италии, при наличии ряда боковых векторов и попытках участников вести многокомбинаторную игру.

Интернационализация гражданской войны в Испании не стала побудительным мотивом объединения антифашистских сил. Наибольшую недалекость проявило французское руководство. Не всегда последовательной была тактика советской стороны. Солидарность с Испанской республикой оставляла СССР в одиночестве на европейской арене. Тем самым он противопоставил себя

западным странам и в определенной мере предопределил свою будущую изоляцию и в Комитете по невмешательству в дела в Испании, и в Европе в целом.

Английская, германская и итальянская дипломатии активно злоупотребляли “испанским фактором” для “отрыва” Франции от СССР. Перед лицом новой угрозы, многократно усиленной испанскими событиями, отношения по линии Лондон–Париж–Москва не приобрели нового содержания, которое было так востребовано временем и необходимо было для остановки этой угрозы. Сложившийся профранкистский альянс окажется намного сильнее эвентуального прореспубликанского.

Боязнь союзов, сепаратных соглашений в годы войны в Испании всеми будущими членами антигитлеровской коалиции привела к тому, что договор становился орудием политической борьбы. Итоги ее станут печальными для всех участников.

“Невмешательство” в дела Испании в контексте международных отношений предвоенного периода

Невмешательство? Между нами, это то же вмешательство, но в интересах лишь одной стороны.

Шарль Морис Талейран

2.1. Рождение политики “невмешательства”

В контексте господствовавшей в середине 30-х годов XX в. идеи умиротворения и тактика “невмешательства” показалась заманчивой большинству европейских политических лидеров. “Невмешательство” в дела Испании внесло существенные изменения в международные отношения 1936–1939 гг.

Комплексный анализ функционирования международной организации – Комитета по невмешательству в дела Испании – не входит в задачи данного исследования: он представлен в отечественной и зарубежной литературе¹.

Для анализа развития “испанской” составляющей международных отношений рассмотрим процесс подготовки и подписания Соглашения о невмешательстве в дела Испании и последствия трансформации противоречий, контуры которых проявились уже в августе 1936 г., в собственно испанской проблеме, двусторонних отношениях и международной ситуации кануна Второй мировой войны.

Проблема “авторства” идеи невмешательства и по сей день является дискуссионной: английская или французская? В британских “Документах внешней политики” (вторая серия, т. 17) глава 2 называется “Французское предложение о невмешательстве в Испанию”². Эта политика отвечала интересам обоих государств – правда, в силу неоднородных причин (разность понимания опасности). Несмотря на свою осведомленность об итальянской и германской помощи мятежникам, Франция и Великобритания сочли на начальном этапе войны лучшим вариантом “нейтральную” позицию – невмешательство, как возможность отсрочки большой войны и локализации собственно испанской³.

В двадцатых числах июля 1936 г. в Лондоне на совещании в рамках подготовки конференции пяти держав речь шла только о

европейской безопасности в целом, испанская проблема фактически не поднималась⁴. Иными словами, проблему континентальной безопасности никто из участников конференции еще не связывал с разгорающимся испанским конфликтом или, можно предположить, не решался пока высказать это на международном уровне. Зарубежные исследователи расходятся в трактовке последствий визита французского премьера Л. Блюма в Лондон для провозглашения политики невмешательства⁵.

В документах АВП РФ за вторую половину июля 1936 г. (данные 13 фондов) испанская проблема упоминается трижды, причем почти везде – в контексте, посвященном другим европейским вопросам⁶. Так, например, министр иностранных дел Франции И. Дельбос во время визита в Лондон, пригласил на встречу в отель “Савой” советского полпреда И.М. Майского (24 июля), сочтя необходимым через него информировать советское руководство о ходе совещания пяти держав. Текст беседы с И. Дельбосом изложен Майским на пяти листах и уже после подписи, в постскриптуме, упоминается, что Дельбос отметил, между прочим, что “испанские события сильно играют на руку Гитлеру, который ведет усиленную пропаганду против СССР”, обвиняя его в “организации испанской революции”⁷. Свои высказывания французский дипломат никак не прокомментировал. Возможно, это был свособразный зондаж Парижа позиции официальной Москвы в связи с событиями на Пиренейском полуострове: несколько ранее Л. Блюм в беседе с британским министром иностранных дел А. Иденом сообщил о положительной реакции французского правительства на просьбу Мадрида о военных поставках⁸.

Известно, что на аналогичную просьбу республиканцев (21 июля) о продаже нефти для испанского флота английская сторона ответила отрицательно, мотивируя тем, что не считает возможным делать это на государственном уровне, чтобы избежать возможных повреждений (бомбежки мятежниками) собственных нефтеналивных танкеров, в зоне как Гибралтара, так и Танжера. Британский кабинет министров принял 22 июля решение не предпринимать никаких поспешных акций и внимательно следить за ситуацией⁹. Москва только 17 августа решением Политбюро ЦК ВКП(б) постановила продать Мадриду мазут в необходимом количестве на льготных (ценовых) условиях¹⁰.

Несколько активнее вел себя официальный Париж. Уже 23 июля министр авиации П. Кот (с одобрения Л. Блюма и И. Дельбоса) предложил поставить республиканцам 20–30 бомбардировщиков. 24 июля французская сторона получила официальную просьбу Мадрида о продаже самолетов, боеприпасов,

ружей, пушек и пулеметов. Но начавшаяся в правой французской печати антиреспубликанская и антиправительственная кампания, наложившаяся на впечатления премьера от поездки в Лондон, вынудили Блюма отступить. Позже станет известно, что секретная информация о первоначальном решении помочь Республике была разглашена испанским военным атташе в Париже, майором Антонио Барросо (симпатизировавшим Франко), который передаст ее корреспонденту “L’Echo de Paris” Генри Кериллису. В своих мемуарах Блюм охарактеризует эту ситуацию в политических кругах Франции как “разновидность парламентского переворота”¹¹.

Дальнейшая французская тактика в испанском вопросе, вплоть до 4–5 августа (предложение европейским державам курса невмешательства), отличалась колебаниями, непоследовательностью, ожесточенной внутривнутриполитической борьбой. Так, 25 июля Париж признал военные поставки в другую страну тождественными вмешательству в ее дела. В тот же день решением Совета министров Франции была запрещена продажа оружия республиканской Испании (хотя такие действия не от лица правительства не осуждались). Однако 1 августа 1936 г. французский кабинет со ссылкой на испано-французский договор 1935 г. отменил и это решение. В ночь с 1 на 2 августа после длительных и жарких дебатов французское министерство иностранных дел приняло коммюнике с предложением правительствам Великобритании и Италии придерживаться невмешательства в испанские дела (не поддерживать ни одну из воюющих сторон)¹². Таким образом, французское руководство определилось со своей позицией.

В нотам Великобритании и Италии от 2 августа 1936 г. Франция предлагала заключить соглашение о невмешательстве в дела Испании (отказаться от поставок оружия обеим сторонам конфликта) под предлогом наибольшей заинтересованности этих стран на Пиренейском полуострове и в бассейне Средиземного моря (так называемое “средиземноморское соглашение”). Париж 9 августа вновь подтвердил постановление от 25 июля о запрете поставок оружия республиканцам¹³. К этому времени не были получены ответы на предложение о невмешательстве от Германии и Италии, и это действие французской стороны можно расценивать как явное нарушение испано-французского договора 1935 г.

С начала августа 1936 г. шел интенсивный процесс интернационализации испанской войны. С одной стороны, наблюдалась эскалация конфликта на Пиренях на основе активного иностранного вмешательства, прежде всего Германии и Италии, с другой – лидеры многих стран все более склонялись к мнению о необходимости скорейшего заключения международного соглашения

о невмешательстве. Английские и французские политические круги будут заняты напряженной работой по выработке и уточнению своих позиций в испанском вопросе (он рассматривался на заседаниях британского кабинета 3 и 6 августа, министерства иностранных дел 5 августа и пр., французского правительства – 7, 8 августа)¹⁴.

Италия на несколько дней задержала ответ на французское предложение о невмешательстве в дела Испании. Англия расценила трехстороннее соглашение как непродуктивное, в ответной ноте (4 августа) высказав пожелание включить в него Германию и Португалию как также заинтересованных в исходе испанских событий¹⁵.

По мнению британских лидеров, исключение из соглашения Германии было способно вызвать у Гитлера реакцию, возможно, более бурную, чем итальянская на подписанную накануне конвенцию в Монтрё. Чрезмерное противопоставление Италии Германии накануне встречи в Лондоне по поводу пакта пяти держав тайло серьезную опасность для Британии. Уступая британской просьбе (повторенной дополнительно Галифаксом в ноте в посольство Франции в Англии во второй половине дня 4 августа), МИД Франции вечером направило приглашение этим странам. Тогда же пришел ответ из Берлина¹⁶.

Германия заявила, что готова присоединиться к соглашению. По данным советской дипломатии, некоторые лидеры гитлеровского руководства “настаивали на осторожности и усиленно советовали не обескураживать Францию и особенно Англию отказом присоединиться к предложению о нейтралитете”, подчеркивая, что это навлечет на германскую сторону обвинения, будет содействовать углублению войны в Испании и толкнет Францию, а потом и Англию на путь прямой помощи Мадриду¹⁷.

Согласие на невмешательство Германия обусловливала участием в нем СССР. “Представляется интересным, – писал французский посол в Берлине А. Франсуа-Понсе, – что он (К. фон Нейрат. – В.М.) проявляет стремление приобщить Россию к переговорам. До настоящего времени правительство рейха было исключительно озабочено тем, чтобы исключить Советский Союз из всяких совместных переговоров”¹⁸.

В письме А. Идсна французскому временному поверенному Камбону (4 августа 1936 г.) потенциальными участниками соглашения названы Великобритания, Франция, Германия, Португалия и Италия. Этот перечень присутствовал и в ноте министерства иностранных дел Великобритании, переданной своему послу в Риме Э. Друммонду для предъявления Италии. В британском

списке стран – потенциальных участников соглашения Советский Союз не упоминался. Не будет он назван и в устном меморандуме, переданном 6 августа временным поверенным в делах в Риме Э. Ингрэмом министру иностранных дел Италии Г. Чиано¹⁹.

Данная информация в тот же день стала известна советской стороне: французский поверенный в делах Ж. Пайяр поделился ею в беседе с зам. заведующего 3-м Западным отделом НКВД СССР Х.С. Вейнбергом. В советский архивный документ – запись беседы закралась опечатка: вместо Португалии там названа Польша²⁰. Документ был опубликован в 19-м томе ДВП СССР, и ссылки на него присутствуют в ряде научных исследований и изданий²¹.

Встречу Пайяра и Вейнберга нельзя расценивать как рядовой обмен информацией между двумя сторонами. Французский демарш в Москве походил на самостоятельный и продуманный шаг. Пайяр мотивировал свои действия опасениями, “как бы на испанской почве не началось прямое противостояние между Германией, Италией и Францией”²². Париж интересовала позиция Москвы и перспектива поддержки Франции в испанском вопросе. Кроме того, Кэ д’Орсе испытывал нервозность в связи с визитом в те дни заместителя министра иностранных дел Великобритании Р. Ванситарта в Берлин. Отношение Англии к правительствам Народного фронта, как известно, не отличалось излишней расположенностью, в то время как Советский Союз удачно мог подойти на роль противовеса.

Французский вариант соглашения о невмешательстве в дела Испании предполагал участие в нем и СССР, но французская дипломатия не рвалась выдвинуть предложение, не заручившись принципиальным согласием Москвы. Следующим шагом Парижа станет передача СССР днем позже, 5 августа, уже официального предложения признать принцип невмешательства во внутренние дела Испании и “участвовать в отмеченном соглашении”. Отметим, что Великобритания о данной акции не была заранее проинформирована²³. Более того, временный поверенный в делах Франции в Великобритании М. Камбон в беседе 6 августа с Дж. Маунси (помощник заместителя министра иностранных дел Англии) не упомянул о советском ответе и отказался от предложенного британского посредничества в Москве²⁴.

Советский Союз, как отмечал в записке И.В. Сталину 5 августа 1936 зам. наркома по иностранным делам СССР Н.Н. Крестинский, должен быть очень осторожным в ответе, чтобы никто (Германия и Италия, Франция) не истолковал его в пользу той или иной стороны в Испании. 10 августа британский посол в Москве Д. Чилстон сообщал Идену, что на начальном этапе испанских

событий советская пресса при всей селективности публикаций зарубежной информации не выражала ничего, кроме платонической любви к мадридскому правительству²⁵.

К 8 августа еще не дали ответа на французское предложение Италия, Польша и Португалия, первая – под предлогом отсутствия Муссолини в Риме, а Польша и Португалия – ввиду отсутствия в своих столицах в тот момент министров иностранных дел. Позже, как и Германия, Италия и Португалия из опасения открытой поддержки республиканцев Советским Союзом хотели связать его соглашением о невмешательстве. Их демарши, а также нежелание скомпрометировать себя в глазах общественного мнения побудили Лондон смириться с фактом присоединения СССР к соглашению о невмешательстве и присутствием его в Комитете по невмешательству.

Эскалация итало-германского вмешательства в испанский конфликт, оживление деятельности французской и британской дипломатии вокруг указанной проблемы четче обозначили некоторую угрозу отстранения СССР от общеевропейских дел. Если в июле 1936 г. Москва выжидала, то с начала августа 1936 г. советская дипломатическая активность в испанском вопросе заметно возросла: “с ответом медлить нельзя”²⁶. СССР мог быть втянут в длительные переговоры, во время которых (первые четкие контуры советской позиции в испанском вопросе!) Франция будет считать себя связанной переговорами, а Германия и Италия продолжат помогать мятежникам²⁷. В ЦК ВКП(б) “испанский вопрос” было поручено курировать секретарю ЦК Л.М. Кагановичу, по линии НКВД кроме Крестинского – Х.С. Вейнбергу.

Архивные документы свидетельствуют, что в августе 1936 г. Вейнберг 16 раз встретился для обсуждения испанской проблемы с Ж. Пайяром. Дважды Литвинов направлял ему ноты. Пять служебных записок по Испании за это время Крестинский подготовил Сталину (14 августа – две). Одновременно шел интенсивный обмен телеграммами НКВД СССР с советскими полпредствами в ведущих европейских странах²⁸.

Проект советского ответа на предложение о невмешательстве в дела Испании был передан Крестинским для утверждения Сталину уже 5 августа. Он предполагал обусловить согласие СССР на инициативу Франции немедленным присоединением к невмешательству Италии, Германии и Португалии. Вечером того же дня в тексте советской ноты, направленной в Париж, останется только Португалия – Пайяр сообщит советской стороне о положительном ответе Германии. В той же служебной записке очерчивалась и проблема так называемого “косвенного вмешательства”, которая ста-

нет впоследствии одной из дискуссионных в Комитете по невмешательству. Крестинский подчеркивал, что поддержка законного правительства и мятежников – не тождественные акции. Но! – советское руководство еще не было готово к помощи Мадриду: “...мысль я [Крестинский] пытался сформулировать так, чтобы из нашего ответа не вытекало, что, если Германия и Италия будут продолжать помогать мятежникам, то мы непременно окажем помощь испанскому правительству”. Оно не исключало, что в силу расхождения интересов ведущих европейских стран в испанском вопросе “никакой официальной договоренности” достигнуто не будет²⁹. Нежелание в тот момент ни с кем осложнять отношений из-за Испании, что было оправданно с точки зрения национальных интересов, оставляло за СССР определенную свободу дипломатического и политического маневра.

Итак, европейские державы и СССР в августе 1936 г. были взаимны в желании связать друг друга пусть формальным, но обязательством не вмешиваться в испанские дела. Но Италия и Германия уже определились в своих интересах в испанской войне и помогали мятежникам. О каком “невмешательстве” могла идти речь?! Не случайно, итальянский министр иностранных дел Чиано в беседе с британским поверенным в делах в Риме Э. Ингрэмом (7 августа) настаивал на провозглашении нейтралитета, а не невмешательства³⁰. Политическая наивность – полагать, что помощь прекратится, и она не была свойственна никому из европейских лидеров, начинавших непростую игру под названием “невмешательство”. “Я, – писал 7 августа Крестинский, – ... ни одной минуты не сомневаюсь, что до окончательного разгрома испанских повстанцев Италия и Германия будут им самым активным образом помогать”³¹. Скорее, Англия, Франция и СССР надеялись, что соглашение не даст разрастись масштабам внутреннего конфликта до международного.

8 августа 1936 г. Ж. Пайяр передал в НКВД СССР проект декларации о невмешательстве. Советское руководство не согласилось с ее преамбулой, точнее, разделом, обосновывавшим цель заключения, подчеркивая, что мотивы подписания Соглашения у стран-участниц не совпадают. Вводная часть, подчеркивал Крестинский в тот же день в служебной записке Сталину, сформулирована таким образом, чтобы под ней могли подписаться государства, симпатизирующие противоположным сторонам испанского конфликта. Тем самым документу придавался “характер декларации, легализующей фашистов в качестве равноправной воюющей стороны”³².

Крестинский считал, что декларативные формулировки правильнее опустить и ограничиться перечислением обязательств,

которые принимали бы на себя договаривающиеся стороны. С этим предложением не были согласны французы, что подчеркнул Пайяр в беседе с Вейнбергом 13 августа: Франция опасалась, что аналогичные коррективы начнут делать другие страны уже по существу текста Соглашения. О содержании инструкции французского МИД, полученной в тот же день, Пайяр счел необходимым проинформировать в частном порядке Вейнберга и в конце беседы попросил принять его на следующий день уже для официального разговора по существу вопроса³³.

Что касается позиций других ведущих европейских стран, то Англия, придавая особое значение первоначальному варианту вводной части французского проекта, оговаривала, что не сможет полностью принять на себя обязательства о запрете транзита. Италия настаивала на дополнении декларации запрещением вербовки волонтеров и сборов в пользу любой из сторон, на прекращении митингов солидарности в странах-участницах, так же как и кампании в прессе. Германия считала нужным присоединение к соглашению Соединенных Штатов, накануне принявших закон о нейтралитете. Нейрат подчеркнул некоторое недоверие к советскому ответу. Португалия, со своей стороны, требовала, чтобы Англия или Франция гарантировали неприкосновенность португальской территории в «случае победы в Испании коммунистов»³⁴.

Затягивание согласования текста Соглашения на международном уровне таило, по мнению Э. Ингрэма, риск перерасти в конфликт доктрин³⁵. Дав согласие на принятие принципов невмешательства, его основные участники под разными оговорками пытались корректировать текст соглашения. Они обуславливали его заключение внесением своих поправок, что фактически отсрочивало подписание самого соглашения. Все это не способствовало прекращению испанского конфликта, скорее, напротив.

Прослеживается стремление английской стороны оказать давление на Францию и желание взять процесс под свой контроль: ее настораживало, что Париж действовал достаточно самостоятельно, не консультируясь с Лондоном и не всегда ставя в известность о предпринимаемых шагах. После упомянутого выше отказа от предложенной политической и дипломатической поддержки французским инициативам в Москве (6 августа) английская дипломатия активизировала свою деятельность по испанскому вопросу в Лиссабоне, Риме и Берлине. 11–15 августа А. Иден и его помощники в ходе интенсивного обмена мнениями и информацией с Клерком и британскими послами в Италии и Германии, с французским посольством в Лондоне пытались корректировать французские действия³⁶. Возникли даже некоторые временные англо-французские разногласия тактического характера: англи-

чане предлагали сначала запретить экспорт оружия и амуниции в Испанию, французы отстаивали идею заключения полномасштабного соглашения. События пойдут по британскому сценарию. Еще 7 августа британский посол в Париже Клерк в беседе с Дельбосом, которую он пытался представить как сугубо личный обмен мнениями, активно зондировал французскую позицию в отношении к мадридскому правительству и возможности помощи ему, подчеркивая критичность и опасность ситуации. В беседе присутствовали и элементы легкого шантажа: Клерк утрировал осложнения во взаимоотношениях Великобритании и Франции в данной коллизии в случае поддержки ею испанского правительства. На что Дельбос ответил, что он и его коллеги не желают ничего, кроме как сотрудничать в разрешении проблемы. 11 августа Ллойд Томас с удовлетворением констатировал в своем послании А. Кадогану, что, по его мнению, эта беседа стала одним из определяющих факторов во французском следовании политике невмешательства³⁷.

14 августа Пайяр вручил Вейнбергу памятную записку с просьбой Дельбоса снять поправки к вводной части проекта соглашения и срочно дать ответ. В записке отмечалось, что настойчивость советской стороны по преамбуле соглашения дает другим правительствам (в частности, итальянскому) повод затянуть на неопределенный срок обсуждение остальных пунктов³⁸. И в данной записке, и в беседе Пайяра с Вейнбергом подчеркивалось, что особое значение факту сохранения вводной части проекта придает британское правительство³⁹. В тот же день Крестинский передал Сталину этот французский документ вместе со служебной запиской с предложением снять советские поправки только с согласия других государств. Во всех иных случаях позиция Москвы оставалась неизменной: “У нас нет в данный момент оснований пересматривать свое отношение к вводной части французского проекта”. Это предложение было зафиксировано в постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) от 17 августа (протокол № 42) и повторено в тот же день Вейнбергом Пайяру⁴⁰.

Воспользовавшись затягивавшейся паузой, инициативу перехватила Великобритания, постепенно навязывая свои правила игры. Французский план действий, как известно, предполагал обмен нотами о принятии принципа невмешательства одновременно по меньшей мере с послами шести европейских стран и образование Комитета представителей этих стран для практических мер по реализации принятой декларации, о чем докладывал в Лондон 13 августа Клерк. Британский проект ноты, переданный 14 августа Клерком Дельбосу, под предлогом острой необходимости принятия срочных мер предлагал подписать соглашение

в двустороннем порядке. Эта нота (о запрете экспорта оружия и амунции в Испанию, прямого или косвенного) с частичными и несущественными изменениями повторяла первоначальный французский вариант. Устно Клерку предписывалось указать на заинтересованность британского правительства в подключении к соглашению стран–производителей оружия: Чехословакии, Бельгии и Швеции (позже такую же заинтересованность выскажет и Берлин). Французская сторона, согласившись на британское предложение, не усмотрела в этом демарше достаточно тонкий ход: в декларации говорилось о вступлении Соглашения в силу только после подключения к нему Германии, Италии, Португалии и Советского Союза. 15 августа в Париже были подписаны оба эквивалента декларации⁴¹.

По оценке Х.С. Вейнберга, на следующий день обсуждавшего этот факт с Пайяром, французский дипломат был несколько удивлен двусторонним характером обмена нот. В сообщении же Пайяра в Париж (17 августа) отмечалось, что задержка советской стороны с ответом свидетельствовала о ее замешательстве: предложенная процедура породила опасную двусмысленность. Пайяр был убежден, что англо-французский демарш произвел неблагоприятное впечатление в Москве, так как Советский Союз “относительно своей международной политики страдает некоторым комплексом неполноценности, который иногда определяет его обидчивую реакцию”⁴².

В последующие дни британские дипломаты в Риме и Берлине активно убеждали итальянских и германских коллег в необходимости максимально быстро присоединиться к соглашению и не настаивать на включении каких-либо изменений в текст декларации. По данным советской дипломатии, не последнюю роль в этом сыграла встреча и беседа Гитлера с Р.Дж. Ванситтартом: “Этот обмен мнениями все же повлиял на решение германского правительства присоединиться (хотя бы “в принципе”) к французскому предложению о нейтралитете”⁴³. Берлин высказал принципиальное согласие 17 августа, а присоединился к соглашению неделей позже, 24 августа. Подвижки в позиции Италии явились, по мнению Ингрэма, результатом переговоров французского посла в Риме Шамбрена с Чиано в ночь с 19 на 20 августа. На следующий день Италия и Португалия стали очередными участниками соглашения. Итальянский вариант ноты о невмешательстве, как, впрочем, немецкий и португальский, не содержал преамбулы с мотивацией⁴⁴.

О достигнутых результатах в Риме и Берлине Пайяр сообщил 21 августа Вейнбергу, но полнота информации, так же как и объем беседы двух дипломатов существенно сократились. Запраши-

ваемые Москвою подробные сведения о позициях всех участников переговоров Париж Пайяру не передал. Когда же 21 августа Советский Союз еще не выразил официального согласия, Пайяр подчеркнул, что уполномочен ускорить советский ответ, и предложил наметить новую формулу, отчасти учитывающую советские замечания к преамбуле декларации. Настойчивость французской дипломатии была расценена советской стороной как проявление явной нервозности⁴⁵.

23 августа 1936 г. Политбюро ЦК ВКП(б) сняло советские поправки к вводной части французской декларации о невмешательстве в испанские события и предложило Литвинову подписать декларацию. В тот же день посредством обмена нотами с французским правительством СССР присоединился к Соглашению о невмешательстве⁴⁶.

После аналогичной акции Германии 24 августа 1936 г. Соглашение было подписано 27 европейскими странами. Но, присоединяясь к нему, каждый из первых пяти основных его участников, не сумев внести в текст существенных корректив, оставался при своем понимании “невмешательства”, чем ощутимо затруднялась в последующем работа Комитета по невмешательству.

Различие в понимании назначения декларации о невмешательстве, трактовке основных положений предопределяло разный подход в реализации и обрекало этот документ, призванный сыграть важную роль в урегулировании как испанского конфликта, так и международных отношений вокруг него, на непродуктивность.

Соглашение о невмешательстве, как серия двусторонних соглашений, представляло собой, скорее, декларацию о намерениях. Оно было нелегитимно с точки зрения международного права и не содержало механизма реализации, хотя опыт недавних санкций Лиги Наций против Италии должен был научить как политиков, так и юристов максимально четко прописывать основные положения соглашения и формы его применения и, безусловно, санкции против нарушителей. Моральное осуждение нарушителей международных законов, как свидетельствовали современные события, не являлось действенным средством воздействия на них.

Аморфность и обтекаемость Соглашения, определенного М.М. Литвиновым “частной внелигационной сделкой держав”⁴⁷, таили в себе и искушение, и опасность его нарушения в скором будущем. Соблюдение его Италией и Германией представлялось весьма проблематичным. Не случайно, уже 29 августа 1936 г. статс-секретарь министерства иностранных дел Германии Дикгоф заметил в письме Нейрату: «Я с трудом верю, что план [невмешательства] несет серьезную опасность для нас. Слово “контроль”

не появилось во французской ноте ... максимум, что он может повлечь за собой – обмен информацией и координацию»⁴⁸.

Франция в конце августа 1936 г. предложила создать международный комитет по применению соглашения о невмешательстве в дела Испании (далее: Комитет по невмешательству), что являлось серьезным нарушением Устава Лиги Наций. Великобритания заявила о своей готовности предоставить Лондон как место работы данного Комитета, что устроило и Италию, и Германию, без особых симпатий относившихся к правительству Л. Блюма и не уверенных в политической стабильности Франции. С данной инициативой согласилось и советское правительство⁴⁹.

Можно утверждать, что в ходе подписания декларации и создания Комитета по невмешательству Франция еще не следовала беспрекословно в фарватере британской “испанской” политики. Это наступит позже под влиянием ряда внутренних и внешних факторов. В августе–сентябре 1936 г. эскалация испанского конфликта и позиции Италии и Германии ускорили процесс ее подчинения английским интересам. Предложение Лондона как места работы Комитета в этом контексте было не случайно. Но Британия еще не стремилась полностью перехватить инициативу, а традиционно пыталась решать проблемы чужими усилиями, уверенная, что в той ситуации Франция обречена на союзничество.

Процесс обсуждения Соглашения о невмешательстве во многом смоделировал будущие направления, векторы борьбы в Комитете и в целом вокруг испанской проблемы, а также группировки и позиции ее основных членов (активность или пассивную наблюдательность и т.д.). Международные интересы в испанской борьбе, не всегда выраженные открыто, к моменту подписания Соглашения уже определились. Участники Соглашения согласились на заведомо невыполнимые условия, чтобы отвести от себя подозрения в симпатиях и не спровоцировать обострение отношений с другими странами. Отмечая все изъяны и слабости политики невмешательства, ее запрограммированную несостоятельность, нужно признать, что альтернативы ей в рассматриваемый период, к сожалению, не существовало.

2.2. Европа и Испания (сентябрь 1936 – май 1937 года) : стратегия “невмешательства”

Проследим, в какой степени политика невмешательства, рожденная с целью сдержать разрастание испанского конфликта и не позволить ему стать катализатором общеевропейской войны, выполняла эти задачи на начальном этапе, какие новые акценты внесла в международные и двусторонние отношения.

Проблемы, с которыми столкнется Комитет и которые столкнут между собой его членов, обозначились уже в ходе согласования и подписания Соглашения о невмешательстве: косвенное вмешательство, права воюющих сторон, формы и методы организации контроля над поставками оружия и амуниции обеим воюющим сторонам, волонтерство и др. Все участники Соглашения надеялись на кратковременность конфликта на Пиренейском полуострове. Англия и Франция не хотели настроить против себя Германию и особенно Италию самым упоминанием возможности привлечения Лиги Наций к решению испанского вопроса. Следовательно, формируемому в начале сентября 1936 г. в Лондоне Комитету по невмешательству в дела Испании (КПН) изначально задавались полупассивные функции: “суммирование информации о мерах, принятых отдельными странами в связи с соглашением о невмешательстве в испанские дела, а также практическое разрешение могущих возникнуть вопросов”, что заставляет задуматься о целесообразности его создания, а потом и функционирования. В этом плане показательным выглядят заявления на первых заседаниях Комитета и подкомитета при председателе (органа, сформированного 15 сентября 1936 г.) французского и бельгийского представителей⁵⁰ о необходимости избежать дискуссий политического характера и превратить Комитет в “скромный орган примирения”⁵¹. Он виделся его организаторам, по образному выражению Д. Пуццо, как “собрание безобидных бездельников-дипломатов”⁵².

Комитет по невмешательству в начале своей деятельности не демонстрировал активности в прекращении или хотя бы максимальной локализации конфликта. Главная проблема того периода – пресечение поставок оружия мятежникам – рассматривалась в подчиненном контексте. Ее попытались подменить организационными вопросами, рассмотрением “косвенного вмешательства”, отношением с прессой и т.д.⁵³

Проблема так называемой “косвенной интервенции”^{*} была поднята на первом же заседании подкомитета (15 сентября 1936 г.), и усиленно навязывалась на последующих немецким и итальянским представителями Бисмарком и Гранди при одобрении председателя Комитета лорда Плимута.

Неоднократные заявления поверенного в делах СССР в Великобритании С. Кагана (полпред И.М. Майский находился в отпуске), что этот аспект не входит в компетенцию Комитета (обязательства, перечисленные в соглашении о невмешательстве,

---

* Займы, сбор средств и пропаганда в пользу республиканцев, реэкспорт оружия и военной амуниции.

не распространялись на меры, подпадавшие под определение “косвенного невмешательства”), не были приняты во внимание. Советская сторона исходила из соображений недопустимости расширения обязательств, когда Комитет еще не приступил к своей прямой продекларированной функции контроля над соблюдением соглашения его участниками. Кроме того, из 19 пунктов обсуждаемого списка предметов вооружения 18 полностью подпадали под Соглашение о невмешательстве. Советский Союз не желал поддерживать расширительную интерпретацию обязательств. Становилось очевидным, что ввиду постоянных поставок оружия мятежникам и невозможности эффективного контроля ранее принятых обязательств сложно говорить о новых. Н. Крестинский в записке Л.М. Кагановичу (23 сентября 1936) предлагал заявить в Комитете, что “запрещен вывоз в Испанию из СССР покрывает полностью все виды вооружения, но не распространяется на механизмы и оборудование, т.е. на категории, не предусмотренные нашими обязательствами”⁵⁴.

Советские возражения не были приняты во внимание, более того, французская дипломатия в первых числах октября 1936 г. попыталась посоветовать Москве отказаться от возражений, способных спровоцировать нападки на СССР и препятствовать нормальной работе Комитета. В аналогичном контексте с М.М. Литвиновым на сессии Лиги Наций в Женеве беседовал А. Иден. Литвинов склонился к идее пойти на обсуждение проблемы. Н.Н. Крестинский (в письме Л.М. Кагановичу 3 октября) не согласился с мнением Литвинова, что следует оговориться, что “мы отнюдь не намерены организовать посылку волонтеров или предоставлять займы”. Н. Крестинский считал, что при создавшейся тогда в Испании обстановке такого рода заявление нецелесообразно: “Это связало бы нам руки и неблагоприятно повлияло бы на настроения сторонников правительства Народного фронта в Испании”⁵⁵.

НКВД СССР 4 октября 1936 г. решил в этом процедурном вопросе пойти на уступки. Но, как информировал М. Розенберга зав. 3-м Западным отделом НКВД СССР А. Нейман, “если после обсуждения итальянских предложений Комитет выскажется за какое бы то ни было расширение обязательств, мы заявим, что это решение Комитета не является обязательным, пока оно не утверждено правительствами”. Советская тактическая установка предполагала, “принимая французский совет, связать французов обещанием поддержать нас по существу в Лондонском комитете”⁵⁶. Эту же цель преследовало информирование Литвиновым Дельбоса в Женеве на сессии Лиги Наций о предстоящем советском заявлении

в Комитете (7 октября 1936 г.) за два часа до того, как С.Б. Каган вручил его Плимуту⁵⁷.

9 декабря 1936 г. Комитет принял резолюцию, признававшую необходимость распространения Соглашения о невмешательстве на “косвенную интервенцию”, при этом подчеркивалась первоочередность проблемы волонтерства. В немецком меморандуме, врученном английскому послу в Берлине Э. Фиппсу 7 января 1937 г., под понятие косвенного вмешательства подводились политическая агитация и пропаганда в Испании (со стороны СССР), Германия оставляла за собой право пересмотра отношения к волонтерам в случае нерешенности первой проблемы⁵⁸.

К концу 1936 – началу 1937 г. проблема косвенного вмешательства приобрела новые оттенки звучания в контексте невмешательства (в основе этого лежали как факты осложнения испанского конфликта, так и углубления вовлеченности в него Италии, Германии и СССР). Советская сторона (ноты Литвинова Кулондру и Чилстону от 9 декабря 1936) не рассматривала выполнение другими государствами заказов законного правительства, в том числе и заказов на военные материалы, как косвенное вмешательство⁵⁹. Итальянская и немецкая дипломатии попытались поставить на много более существенную проблему, волонтерство, в зависимости от “косвенного вмешательства”.

Большинство военно-технических поставок мятежникам на начальном этапе шло транзитом через Португалию. До принятия советским руководством решения о помощи мадридскому правительству НКВД СССР по указанию ЦК ВКП(б) не стремился к обсуждению в Комитете нарушения этой страной Соглашения о невмешательстве: “выдвижение подобного предложения нами могло бы слишком связать нас на будущее по отношению к каким-либо другим странам ... но в случае его выдвижения другими голосовать за него”⁶⁰. Однако уже в последних числах сентября 1936 г. С.Б. Каган заострил внимание Комитета на фактах грубого нарушения Соглашения Португалией, предоставившей порты для выгрузки босвой техники и военных контингентов, посылаемых из Германии и Италии. Одновременно Нейман настоятельно повторял указание советским представителям в Испании регулярно снабжать и НКВД, и Кагана “всеми материалами по этому вопросу” “возможно более конкретными, в таком виде, в котором можно было бы использовать их перед Лондонским комитетом”: “Тов. Каган должен при этом исходить как из имеющегося у нас официального испанского материала, так и из тех газетных сообщений, которые, несмотря на свое газетное происхождение, имеют по существу характер показаний очевидцев”. В той ситуации совет-

ская дипломатия апеллировала к информации из “Daily Herald” и “New York Times”⁶¹. Она отдавала себе отчет в том, что “недостаток этих испанских материалов с точки зрения их оперативного использования в том, что, давая картину использования мятежниками вооружения иностранного происхождения, они не дают доказательств поступления этого военного снаряжения после вхождения в силу соглашения о невмешательстве”⁶².

В ответе председателя КПН С.Б. Кагану было указано, что этот вопрос может быть поставлен только в случае представления формальной жалобы со стороны какого-либо из государств-участников Соглашения. В ходе беседы 4 октября 1936 г. Нейман известил Пайяра о готовности СССР к такому демаршу: “Дать тем самым комитету возможность заняться вопросом об имеющихся сведениях о нарушении соглашения некоторыми из участников”⁶³.

В советском послании председателю Комитета от 6 октября 1936 г. предлагалось срочно обсудить этот вопрос и направить комиссию на испано-португальскую границу для расследования существа проблемы и установления там контроля над незаконными поставками и их пресечения. На следующий день, 7 октября, Каган от имени правительства СССР сделал утвержденное в тот день Политбюро ЦК ВКП(б) заявление председателю Комитета лорду Плимуту с требованием расследовать в Комитете действия Португалии⁶⁴.

Сам факт появления этой ноты вызвал недовольство большинства европейских политических кругов. Итальянский посол Гранди на встрече 8 октября с заместителем министра иностранных дел Великобритании Ванситтартом подчеркнул, что намерение британского правительства поднять вопрос о нарушениях Италией соглашения о невмешательстве будет расценено ею как акт, которым “Правительство Его Величества поставит себя на одну доску с Советской Россией и коммунистической Испанией против Италии”. Обеспокоенный просоветскими обвинениями Ванситтарт отдал распоряжение послу в Риме Друммонду встретиться с итальянским министром иностранных дел Чиано и убедить того в обратном⁶⁵.

9 октября 1936 г. на заседании Комитета по невмешательству лорд И. Плимут при активном содействии итальянского и немецкого представителей старался уйти от существа вопроса, используя процедурную сторону дела. Неопределенным был ответ Плимута на замечание С. Кагана, что советская нота от 6 октября содержит также просьбу придать ее гласности с предупреждением, что на следующий день она будет опубликована в советской прессе.

Плимут ссылался на якобы установившуюся практику Комитета передавать в печать лишь итоговые и согласованные коммюнике. Советский Союз был обвинен Плимутом в том, что, неоднократно привлекая внимание к действиям Португалии, делал это “в общих чертах”, что не позволяло Комитету, согласно правилам процедуры, принять предложения к рассмотрению⁶⁶.

Как отмечал французский посол в Лондоне Корбен, “всякий раз, когда Португалия является объектом обвинений и подозрений, британское правительство проявляет желание встать на ее защиту”. Стремясь избежать острой дискуссии, лорд Плимут в начале заседания высказал мысль: “... это не дело, когда недовольство направлено против определенного правительства; необходимо, чтобы этому правительству дали возможность описать подобные случаи со своей точки зрения перед тем, как Комитет решит, что должно быть предпринято... Поэтому предложения, приведенные в конце Советского меморандума, представляются мне преждевременными”⁶⁷. Иными словами, благодаря активности английской дипломатии, констатация факта агрессии (пусть даже косвенной) ставилась в зависимость от согласия агрессора, что противоречило нормам международного права.

Политика невмешательства первый серьезный кризис пережила в октябре 1936 г. Назревавший из-за бездеятельности Комитета по невмешательству, он был сдтонирован советскими заявлениями от 7 и 23 октября. Советское руководство 7 октября 1936 г. открыто выразило свою позицию по испанскому вопросу, подчеркнув, что сложившаяся ситуация – постоянный поток помощи мятежникам – превращала соглашение о невмешательстве в недействующее. В случае прекращения подобных нарушений Советский Союз считал себя свободным от обязательств соглашения⁶⁸.

Французские дипломаты в Москве срочно прозондировали ситуацию: намерена ли советская сторона реально расторгнуть соглашение, и что она планирует делать в таком случае. Советское полпредство в Париже располагало сведениями, что министерство иностранных дел Франции рассматривало советский демарш как удар по французскому правительству и даже было склонно связывать его с известным “охлаждением” франко-советских отношений⁶⁹.

К тому времени Испанская республика получала советскую военную помощь, о чем страны-члены Комитета имели соответствующую информацию. Советское руководство опережало ожидаемый поток обвинений в свой адрес. Выходить из Комитета СССР не планировал, осознавая, что в случае срыва соглашения

Германия и Италия получают большую возможность поставлять оружие мятежникам, чем он – законному правительству.

В целом реакция западных политиков (вне зависимости от политической принадлежности) на данное советское заявление была отрицательной. Пресса называла его запоздалым (британская “The People”, французская “L'Oeuvre”), обвиняла СССР во вмешательстве в дела Испании (“Le Figaro”, “The Observer”, “Daily Telegraph”, “The Times” и др.). “Sunday Express” считала, что “Сталин всколыхнул весь мир испанской проблемой. Так же как в случае с абиссинским вопросом, он не заинтересован ни в Испании, ни в Абиссинии, а лишь в подчинении Франции русской политике”⁷⁰.

Председатель КПН лорд Плимут внес на обсуждение Комитета 9 октября не советское заявление от 7 октября, а итальянские обвинения против СССР. Поэтому Комитет вынужден был заниматься английским предложением о порядке и форме рассмотрения поставленных вопросов. На время была устранена угроза краха политики невмешательства, который, по мнению ряда обозревателей и западных журналистов, мог стать следствием обсуждения советской ноты⁷¹.

Обращает на себя внимание, что советская сторона в тот момент не поднимала проблему нарушения соглашения Италией и Германией. Это диктовалось стремлением форсировать свою помощь Мадриду при минимально возможном внимании. Н. Крестинский писал Л. Кагановичу (начало октября 1936 г.): “Я считаю, что нам надо обжаловать действия только одной Португалии и, соответственно, требовать посылки комиссии только на испано-португальскую границу, а не во все испанские порты. Я думаю, что сосредоточение вопроса только на одной Португалии облегчит аргументацию (имеется больше материалов) и исключит посылку комиссии в те порты, через которые может идти снабжение мадридского правительства”⁷².

Выступление итальянского представителя на заседании Комитета 9 октября 1936 г. с обвинениями против СССР создало прецедент для последующих постоянных взаимных нападков о нарушении Соглашения о невмешательстве⁷³. Об углублении кризиса политики невмешательства свидетельствовал и отрицательный ответ лорда Плимута на советское заявление от 12 октября, в котором настаивалась необходимость организации силами английского и французского флотов контроля в португальских портах и срочное обсуждение предложения. Плимут мотивировал отказ отсутствием в советской ноте дополнительных доказательств нарушения Соглашения, а также тем, что ответ португальского прави-

тельства, предусмотренный заседанием 9 октября, еще не получен: “нецелесообразно, с моей точки зрения, в этой стадии созывать новое заседание Комитета для существа вопроса”⁷⁴.

Примечательна тактика ведущих европейских держав до знаменитого советского заявления в КПН 23 октября 1936 г. Германия и Италия после каждой советской ноты через своих представителей в Лондоне зондировали английские политические круги. Накануне заседания Комитета 23 октября итальянский посол Гранди поинтересовался у А. Идена, что тот планировал предпринять в ответ на советские демарши. Гранди доверительно сообщил, что, по имеющимся у него данным, германский ответ на советскую ноту от 12 октября будет содержать антисоветские обвинения и что итальянцы намерены поддержать такую тактику⁷⁵. Великобритания заняла выжидательную позицию. Французский поверенный в Москве Ж. Пайяр, согласно дневникам А.Ф. Неймана, едва ли не каждый день заходил поинтересоваться положением дел в Лондонском комитете и “об оценке этого положения нами”⁷⁶. На замечание Неймана, что неплохо проинформировать Париж о том, что “мы относимся к нашим демаршам перед Комитетом весьма серьезно”, Пайяр сослался на то, что “французское правительство в этом вопросе находится под английским давлением”. Советское предложение от 12 октября, пытавшееся придать Соглашению действительный вид, по мнению Пайяра, “будет весьма серьезной проверкой соглашения”. При этом французский поверенный выражал озабоченность, не получит ли Германия свободу рук в случае объявления Соглашения недействительным⁷⁷. Ряд правых французских газет увидели в действиях СССР попытку в результате краха Комитета по невмешательству втянуть Францию в военный конфликт с Германией и Италией⁷⁸. Некоторые французские политики осенью 1936 г. были убеждены, что СССР энергично настаивал на помощи испанскому правительству оружием потому, что хотел отвести опасность развязывания войны на востоке Европы и направить агрессию гитлеровской Германии на запад: он “усиленно втягивает Францию и Англию, но особенно Францию, в дело оказания помощи испанскому правительству... Война вспыхнет на западе, а СССР останется в стороне”⁷⁹.

На основе анализа архивных документов проследим нюансы советской тактики рассматриваемого периода. 14 октября 1936 г. Майский во время посещения Плимута повторил требование немедленного созыва Комитета. Плимут вручил Майскому уже подготовленный письменный ответ, где отказ созыва мотивировался отсутствием в советской ноте дополнительных доказательств нарушения Соглашения и тем, что ответ португальского прави-

тельства, предусмотренный заседанием 9 октября, не получен, без чего заседание считалось бесполезным⁸⁰. Информированный об этом Крестинский в тот же день в докладной Л. Кагановичу обосновывал необходимость публикации в печати письма Кагана от 12 октября. Проект сообщения в печать прилагался. По мнению Крестинского, этот демарш был необходим, чтобы “потом сказать, что мы исчерпали все меры для созыва Комитета”. Предлагалось поручить И. Майскому и полпреду СССР в Париже В.П. Потемкину посетить, соответственно, Идена и Дельбоса, опротестовывая “поведение председателя Комитета” (вторая записка Кагановичу от 14 октября)⁸¹. Заметим, что днем ранее советское руководство допускало возможность в случае созыва Комитета сразу напечатать не письмо, а речь, которую И. Майский должен был произнести на заседании в развитие этого письма⁸².

Советской стороной отказ Плимута допускался. На этот случай было подготовлено еще одно заявление, текст которого Майский получил еще 10 октября. Крестинский справедливо полагал, что СССР, оперируя лишь фактом отрицательного ответа председателя Комитета, может быть обвинен в неиспользовании всех возможностей для созыва заседания. В докладной Л. Кагановичу (15 октября) он предлагал, чтобы И. Майский и В. Потемкин при посещении министров иностранных дел стран своей аккредитации подчеркнули оценку советской стороны известного отказа “как доказательство нежелания английского и французского правительств принять эффективные меры к прекращению незаконного снабжения мятежников оружием”. Крестинский считал, что эти заявления должны быть сделаны устно: “Мы не будем немедленно сообщать в печать об этих демаршах. Но мы сошлемся на них тогда, когда будем выступать с нашим последним заявлением”⁸³.

В телеграмме полпреду в Лондоне 19 октября Крестинский подчеркивал необходимость выступления с заявлением, “когда окончательно выяснится крах политики невмешательства ... момент и форма Вашего выступления с этим заявлением будут Вам дополнительно указаны по телефону”. Поправки, предложенные Майским по телеграфу, были “сообщены руководящим товарищам”⁸⁴. Посетивший А.Ф. Неймана 20 октября Пайяр просил хотя бы “намек на дальнейшие намерения советского правительства”⁸⁵.

Днем ранее А.Ф. Нейман в служебной записке Н.Н. Крестинскому уточнял советскую тактику в Лондоне, сомневаясь, что после подготовленного советского заявления о возможности выхода из Комитета он “не будет сохранен и не превратится в орган, отвечающий устремлениям немецкой политики, поскольку в нем будут участвовать все страны, за исключением СССР”. Прямая

постановка вопроса о роспуске Комитета, по мнению Неймана, могла не привести к положительным результатам. Он полагал, что советскому представителю нужно добавить: “Если Вы, господин Председатель, сочли бы уместным созвать (еще одно) заседание Комитета, я позволю себе зарезервировать за собой право на этом заседании более подробно изложить приведенные выше соображения”. Таким образом, советская сторона обеспечивала себе возможность участвовать в заседаниях комитета даже после декларации о прекращении существования Соглашения. Предлагалось подготовить и в срочном порядке издать на русском, французском и английском языках “белую” или “красную” книгу с документами о советской политике в вопросах невмешательства (декларации от 7 и 12 октября, выдержки из протоколов заседания Комитета по невмешательству и пр.). В отношении Франции советская дипломатия придерживалась прежней тактики – извещать о советском демарше за несколько часов до его оглашения⁸⁶.

22 октября через советское полпредство в Париже в НКИД СССР было передано заявление Дельбоса о позиции Франции в случае выхода СССР из Комитета и войны между СССР и другими государствами: франко-советский пакт не будет действовать автоматически, вопрос должен передаваться на рассмотрение Женевы [Лиги Наций], для ввода пакта в действие необходим факт нападения на территорию СССР⁸⁷.

Советское заявление, оглашенное на заседании Комитета 23 октября 1936 г. (о том, что ввиду постоянных нарушений другими странами Соглашения о невмешательстве советское правительство не считает себя связанным им в большей степени, чем любые участники этого соглашения), было сдержанно расценено официальным Парижем, хотя Ж. Пайяр в беседе с А.Ф. Нейманом в тот же день высказал мысль, что ему лично советская позиция представляется логичной⁸⁸.

Тремя днями позже Пайяр, пытаясь попасть на прием к Литвинову, подчеркнул Нейману: “Я не знаю, нарушаете ли Вы соглашение или нет, и не желаю этого знать. Я не знаю, нарушает ли соглашение и мое правительство. Что мне кажется особенно важным в настоящий момент, это обеспечить функционирование комитета”. В ходе беседы присутствовали завуалированные взаимные обвинения в бездейственности. На вопрос Пайяра, планирует ли СССР соблюдать соглашение о невмешательстве, Нейман повторил: “Мы связаны соглашением в тех пределах, в которых это соглашение действительно выполняется другими”⁸⁹.

Италия и Германия резко отреагировали на советские демарши. В португальской ноте от 26 октября отмечалось, что в роли

обвиняемого должен выступать сам Советский Союз: “Коммунизм борется на Пиренейском полуострове в большой битве, от результатов которой зависит судьба Европы. Розенберг принимает участие в заседаниях кабинета – факт, который является исключительным в дипломатической истории”⁹⁰. Используя любой повод для критики советской политики в Испании, ее авторы “забывали”, что не СССР развязал “большую битву” на Пиренях, а мятежники при известной поддержке, что советскую помощь получало законное правительство, лишенное права на него Соглашением о “невмешательстве”.

Сохранение видимости невмешательства отвечало в тот момент интересам всех членов Комитета. Крах этой политики повлек бы еще более серьезные осложнения в международных и двусторонних отношениях, чем сама гражданская война. 24 октября 1936 г. на встрече Идена с Корбеном была достигнута договоренность, что оба правительства будут действовать в тесном контакте для вывода “невмешательства” из кризиса и пытаться “сохранить Комитет действующим и Соглашение эффективным”⁹¹.

Таким образом, Советский Союз в результате демаршей октября 1936 г. провозгласил себя свободным от обязательств о невмешательстве, но не вышел из Комитета по невмешательству. Советское руководство полагало, что теперь Германия и Италия изменят свою тактику и перенесут центр тяжести на вопрос о контроле – но контроле, в первую очередь, над каталонскими портами⁹².

На заседании Комитета 28 октября Плимут добился утверждения резолюции, признавшей необоснованность советских обвинений против Италии и Португалии. Вместе с тем Комитет принял к сведению 15 из 20 пунктов итальянской ноты против СССР⁹³. Несколько ранее Плимуту удалось отстоять новый “процедурный момент”, помогающий избегать острой постановки вопросов на заседаниях. Предложения теперь передавались на рассмотрение в подкомитет при председателе, круг участников которого был сужен по сравнению с Комитетом с 27 до 8 членов. Британский проект посылки специальных агентов Комитета в испанские порты и пограничные железнодорожные узлы был представлен 24 октября на заседании подкомитета. В полномочия агентов входили сбор и передача в Комитет информации обо всех случаях нарушения Соглашения. На замечание И. Майского, что английское предложение лишь дополняет советское, лорд Плимут возразил, что оно самостоятельно, потребовал его обсуждения, подчеркнув в очередной раз невозможность обсуждения вопроса о контроле в Португалии⁹⁴.

Первый кризис политики невмешательства (осень 1936 г.) был преодолен относительно безболезненно для международных от-

ношений, но осложнил двусторонние, углубил собственно испанский кризис. Никто оказался не готов его разрешать. Кризис продемонстрировал первостепенность в политике невмешательства установления контроля над поставками оружия и амуниции в Испанию. Другой принципиальный вопрос – волонтерство – обозначится немного позже.

Дебаты по содержанию проекта контроля шли в Комитете и подкомитете в конце октября – первой половине ноября 1936 г. Плимут настаивал на обращении к “обеим сторонам” в Испании с его формулой. Случайно в разговоре Майского с Корбенем стало известно, что это предлагалось в расчете на отклонение предложения Комитета испанским правительством или мятежниками, что санкционировало формально законно непринятие почти никаких мер. Советский представитель категорично возразил против принятия каких-либо шагов до выработки проекта контроля, требуя более точного определения основ организации контроля, функций местных агентов Комитета, процедуры их назначения⁹⁵.

К концу заседания подкомитета 2 ноября был разработан проект основных положений о контроле в следующей формулировке: нейтральные агенты Комитета посылаются в Испанию и испанские владения с согласия обеих сторон, по одной группе на территорию каждой. Агенты назначаются единогласно заседанием Комитета. Их функция заключалась в расследовании известных Комитету случаев нарушения невмешательства. Советское предложение о правах уполномоченных по своей инициативе сообщать в Комитет о поставках оружия, об их прямых контактах с Комитетом, а также о контроле в португальских портах за ввозом самолетов (в противном случае контроль был бы половинчатым и неэффективным) не было принято во внимание⁹⁶. 12 ноября 1936 г. Комитет утвердил предложенную Плимутом схему контроля, но это не привело к принятию конкретных мер. Обсуждались детали, узвязки применения плана контроля на практике.

Справедливости ради отметим, что в рассматриваемый период подобная тактика устраивала в определенной степени и советскую сторону. 4 ноября М.М. Литвинов передавал полпреду СССР в Испании М.И. Розенбергу: “Я веду дело в Лондонском Комитете на перемещение центра тяжести его деятельности на установление контроля на будущее время. Необходимо несколько отвлечь Комитет от вопросов о том, считаем ли мы еще себя связанными соглашением о невмешательстве. Эти вопросы ставят нас в неудобное положение, ибо формально фашистские страны не признаны нарушителями соглашения, а нам грозит еще опасность неприятных разоблачений... Я не думаю, чтобы Мадрид имел

возможность получить сколько-нибудь серьезные грузы из других источников. Таким образом, сам Мадрид будет заинтересован в максимальном затруднении поставок мятежникам, если он сам несколько пострадает от контроля. Если бы нам удалось провести в Комитете наши предложения касательно контроля, то Италия и Германия вынуждены были бы либо совершенно отказаться от снабжения мятежников, либо открыто денонсировать соглашение. Нам же выгодно и то и другое. Сомнительно, однако, чтобы наши предложения были бы приняты Комитетом. Скорее всего, будет установлен контроль, оставляющий лазейки для поставок, но и такой исход облегчит наше пренебрежительное отношение к Комитету и наши дальнейшие разоблачения”⁹⁷. Министр финансов испанского правительства Х. Негрин 18 ноября на встрече с поверенным в делах СССР в Испании С. Марченко подчеркивал, что у испанского руководства “все еще мало власти ... Поэтому нам было бы выгодно закончить войну в ближайшие 2–3 месяца, ибо за это время мы еще успеем навести порядок внутри страны. Победа нам нужна не ранее чем через полгода”⁹⁸.

В конце ноября 1936 г. Марченко сообщал Литвинову об удовлетворительной реакции испанского руководства на совпадение его точки зрения с советской: “Нужно... вновь и вновь возвращаться к этому вопросу и *максимально оттянуть признание и контроль*” (курсив мой. – В.М)⁹⁹. Одновременно Советский Союз старался обеспечить максимально возможную информационную поддержку своей политике в Испании, на каждое обвинение отвечая, что оказывает помощь законному правительству, а не мятежникам. Поэтому в течение следующего, 1937 г. советская сторона так настойчиво боролась против установления в Испании прав “воюющих сторон”. В Комитете советские дипломаты выступали с инициативами, представляя фактически как свои, так и испанские интересы.

11 ноября 1936 г. Майский передал лорду Плимуту письмо о так называемых “добровольцах” (или волонтерах), под видом которых Франко получал хорошо экипированные и обученные регулярные итальянские и немецкие части. Но это советское послание не было поставлено на обсуждение. Секретарь французского посольства в Лондоне де Кастеллано проинформировал 18 ноября 1936 г. С. Кагана о подговленном Корбенем письме Плимуту, в котором подчеркивалась необходимость избегать в работе Комитета выступлений и речей общего порядка, затрагивающих политические темы и содержащих нападки на политику тех или иных членов Комитета. Корбен считал, что практика грубых взаимных выпадов приведет к неприятным и нежелательным последствиям,

в чем, он надеялся, советская сторона, так же как и французская, не заинтересована¹⁰⁰. Каган заметил, что инициатором подобных методов ведения дискуссий Советский Союз не был и постарается не быть в дальнейшем. Эту тактику советская дипломатия стремилась соблюдать максимально долго. В письме (4 декабря) полпреду СССР в Париже Потемкину Литвинов подчеркивал, что советские жалобы на Германию, Италию и Португалию должны идти “по линии агрессии вообще, по линии пакта Лиги Наций, а отнюдь не по линии соглашения о невмешательстве, которое является частной сделкой держав, внелигационной”¹⁰¹.

К вопросу о “волонтерах” советская сторона вновь обратится в инициативе от 4 декабря, предлагая распространить соглашение о невмешательстве и на эту проблему. Отсутствие у Комитета стремления поставить этот вопрос в повестку дня заставило советскую сторону подчеркнуть актуальность этой проблемы в нотах М.М. Литвинова английскому и французскому послам в Москве (9 декабря) и письме И. Майского секретарю Комитета Хеммингу (18 декабря)¹⁰².

19 декабря в письмах Чилстона и Кулондра Литвинову поднималась проблема посредничества между законным испанским правительством и франкистами. Литвинов такой возможности не исключал, располагая информацией о беседе Л. Блюма с М.И. Розенбергом, в которой французский премьер предложил эту идею вместе с назначением в Испании плебисцита под иностранным контролем: “Я лично считаю такое предложение заслуживающим внимания, но вопрос у нас не будет обсуждаться до официальной его постановки”¹⁰³. И.М. Майский предложил приложить максимум усилий к реализации англо-французского проекта посредничества между борющимися сторонами: «Если с помощью германских и итальянских “добровольцев” Франко опять начнет побеждать и, может быть, захватит Мадрид, нашему престижу будет нанесен сильный удар». Советский дипломат осознавал все трудности этого варианта и не исключал, что “Германия и Италия захотят пойти напролом”. Наряду с реализацией посредничества он считал нужным поиск всех возможных средств для снижения опасности присутствия германских и итальянских войск на испанской территории¹⁰⁴. Испанский посол Паскуа во время встречи с Нейманом (9 декабря 1936 г.) высказал пожелание в переговорах о посредничестве поставить требование о выводе иностранных войск, находящихся в распоряжении мятежников, по крайней мере марокканцев: “По мнению Паскуа, осуществить это едва ли было бы возможно, тем не менее требование имело бы ценный моральный эффект”¹⁰⁵.

Советская и испанская стороны в начале декабря 1936 г. сравнительно пессимистически оценивали перспективы обороны Мадрида. Возможность его падения допускалась и связывалась в первую очередь с усилением итало-германского присутствия в Испании¹⁰⁶. И если инициатива столь необходимого контроля над поставками положительно оценивалась официальным Парижем, то у Лондона она не вызвала энтузиазма в плане ее срочной реализации. “The Times” утверждала, что эта мера продиктована узкопрактическими мотивами, и подчеркивала, что “организация сейчас эффективного контроля над портами и границами сохранит военное преимущество, достигнутое Россией в Испании”¹⁰⁷.

Таким образом, в политике невмешательства к концу 1936 г. сложилась двойственная ситуация: функционировал Комитет, ряд членов которого помогал разным воюющим сторонам. При этом Германия и Италия почти не скрывали своего присутствия в испанских событиях, участие в Комитете по невмешательству носило для них подчиненный характер, как и дискуссии по основным вопросам, так как они не могли принципиально повлиять на испанскую составляющую их внешней политики.

В английской позиции переплетались две тенденции: боязнь “красной Испании” и в то же время перспектив итало-германского господства на Пиренейском полуострове. Тактика варьировалась в зависимости от обстановки в Испании и в Европе. Поэтому в Комитете по невмешательству Великобритания имитировала относительно активную деятельность по урегулированию испанского вопроса (на уровне дебатов), не выказывая особого стремления к реализации нужных мер. И. Майский сравнивал британское правительство с гувернанткой, «до смерти напуганной диким хулиганством опекаемого ею ребенка. Но так как ни английская, ни французская гувернантки никогда до сих пор не решались отшлепать берлинского хулигана, то несколько не удивительно, что Гитлер и на этот раз решил показать кулак своим “воспитателям”»¹⁰⁸. Франция по большинству позиций в Комитете солидаризировалась с Англией, вызывая справедливые нарекания советской стороны. По мнению М. Литвинова (декабрь 1936 г.), “имеются все признаки усиления тревоги в Париже и Лондоне в связи с развитием испанских дел, но это не значит, что Париж и Лондон существенно изменят свою тактику”¹⁰⁹. Советское руководство считало, что тогдашние переговоры по вопросам контроля, волонтерства и посредничества давали повод для более решительных выступлений Англии и Франции, а именно, заявить в случае непринятия их предложений по этим вопросам Германией и Италией, что они

оставляют за собой свободу действий: “Только такое заявление могло бы произвести впечатление в Берлине и Риме”¹¹⁰.

На заседании подкомитета 22 декабря лорд Плимут ограничился заявлением, что британское правительство обеспокоено притоком в Испанию волонтеров и предложил в ближайшее время (до 4 января 1937 г.) всем странам запретить волонтерство¹¹¹. В этом же ключе был выдержан англо-французский план от 24 декабря: установление контроля на франко-испанской и испано-португальской границах, патрулирование прибрежных вод Испании военным флотом ‘стран-участниц Соглашения. Напомним, что в это время велась подготовка к так называемому англо-итальянскому “джентльменскому соглашению”. “Почти невозможно доверять искренности британцев в их позиции нейтралитета, исходя из моих частных бесед с британским послом Чилтоном, – писал посол США в Испании Бауэрс. – Каждое их действие идет так далеко, что явно ведет к падению правительства и служит мятежникам”¹¹².

9 января 1937 г. английское правительство запретило своим гражданам выезд в Испанию. Советский Союз принял аналогичное постановление 20 февраля¹¹³. Согласованные на заседании подкомитета 15 февраля 1937 г. планы по добровольцам и контролю должны были вступить в силу соответственно 20 февраля и 6 марта. Схема контроля обладала слабыми местами: поставки по воздуху не затрагивались, португальское побережье не патрулировалось. План не предусматривал санкций против нарушительниц Соглашения¹¹⁴.

Советская дипломатия, проводя активную линию на установление контроля, периодически шантажировала членов Комитета своим выходом из этой организации в ответ на проволочки в решении проблем¹¹⁵. Характерен маневр советской стороны в декабре 1936 – феврале 1937 г.: включившись в борьбу за право участия флота СССР в морском контроле и получив его, она отказалась под предлогом отсутствия в Испании собственных баз при нежелании пользоваться английскими или французскими¹¹⁶. В советской тактике сочетались заявления типа: “положение в Испании может быть урегулировано лишь немедленным отзывом всех волонтеров” с тактическими установками: “до осуществления контроля должно пройти немало недель, в течение которых необходимо постараться ввезти максимальное количество снарядов”¹¹⁷.

Советский Союз максимально долго затягивал выплату первого взноса для организации контроля над поставками в Испанию. 31 января 1937 г. решением Политбюро ЦК ВКП(б) доля совет-

ских расходов в этом направлении была увеличена до 136 тыс. ф. ст. В начале марта 1937 г. И.М. Майский сообщал в Москву, что дальнейшая отсрочка платежей невозможна. 10 марта М.М. Литвинов в письме Председателю Совнаркома СССР В.М. Молотову просил дать указания Наркомфину о немедленном переводе денег в Лондон¹¹⁸.

В связи с вводом в действие соглашения о запрещении волонтерства в Испании перед советской стороной встала проблема легитимности пересечения советскими добровольцами границ, в первую очередь франко-испанской. Нейман поручал в начале апреля 1937 г. сотруднику советского посольства в Лондоне Столяру узнать, какая пометка в паспортах англичан, направляющихся через Францию в Испанию, ставится французским консульством в Лондоне: в паспортах советских граждан, едущих в Испанию и не имеющих примечания о пригодности документа для Испании (не дипломатические паспорта), французское консульство в Москве начало специально отмечать отсутствие права транзита их владельцев через Францию. После ряда усилий советской дипломатии осенью 1937 г. в паспортах советских граждан, “коим разрешена поездка в Испанию”, стала делаться пометка: “Настоящий паспорт действителен для поездки в Испанию”¹¹⁹.

Обладавший принципиальными недостатками контроль способствовал дальнейшим успехам мятежников. Он не устраивал ни одну из сторон, восставших в Испании, или стоявших за ними. Но европейские страны вынуждены были играть экспромтом, по правилам, складывавшимся в ходе “игры”. Италия, Германия и СССР получали возможность частично отвести от себя обвинения в нарушении Соглашения о невмешательстве. От поддержки воюющих сторон никто из них отказываться не планировал. Великобритания и Франция получали возможность демонстрировать приверженность политике “невмешательства”. Эта “хорошая мина при плохой игре” станет обычной практикой в дальнейшей деятельности Комитета по невмешательству.

Для такого вывода дает основания и анализ хода реализации другого актуальнейшего вопроса политики невмешательства – вывода иностранных войск из Испании. 13 марта 1937 г. испанский посол в Лондоне Аскарате передал Плимуту ноту с конкретными примерами итальянского вмешательства и просьбой рассмотреть эту проблему. В меморандуме испанского правительства руководителям Англии и Франции от 21 марта 1937 г. подчеркивалась готовность Мадрида “пойти на некоторые жертвы – испанская зона Марокко”, принять во внимание в своих экономических, военных, морских и воздушных отношениях “интересы обеих держав”.

В качестве ответного англо-французского шага предлагалось принять “зависящие от них меры, чтобы впредь прекратить окончательно вмешательство Германии и Италии в испанские дела”, а в качестве первого шага – “элиминирование из испанской борьбы всякого иностранного вмешательства”¹²⁰.

Днем раньше французский поверенный Пайяр на присме у М. Литвинова поднял проблему отзыва из Испании всех иностранцев наряду с вопросами об испанском золоте. Нарком ответил, что советское руководство положительно относится к этой идее, но подчеркнул, что после поражения итальянского экспедиционного корпуса под Гвадалахарой, “можно скорее ожидать посылки Италией нового корпуса для реванша”, что делало сомнительным отзыв иностранцев. Контроль означал посылку в Испанию целой армии контролеров, которые должны будут “объезжать все гарнизоны и траншеи, выискивая иностранцев, которых отнюдь нельзя сразу узнавать по внешности. Мы поэтому думаем, что ради такой весьма проблематичной эвакуации иностранцев не стоит жертвовать принципом в отношении права испанского правительства распоряжаться своим золотом”. В дневнике Литвинов добавлял, что “иное дело, если бы французские эксперты заранее обещали поддержать нашу точку зрения в комиссии (созыв которой лоббировали французы. – В. М.), в таком случае мы не возражаем против передачи вопроса в комиссию”¹²¹.

В этом духе были даны инструкции Майскому. 23 марта 1937 г. на 43-м заседании подкомитета он поднял этот вопрос. А днем позже на заседании Комитета он потребовал расследования жалоб, содержащихся в испанской ноте, и предложил направить в Испанию комиссию для выяснения случаев посылки итальянских “волонтеров” после 20 февраля (вступление в силу соглашения о добровольцах) и продолжающегося снабжения Франко материалами, участия регулярных частей итальянской армии в военных действиях. Для придания большей огласке речь Майского на этом заседании была передана через ТАСС. Плимут упрекнул Майского в несоблюдении протокола – ноту с заявлением не вручили ему лично, а зачитали на заседании. Английские дипломатические круги под предлогом нарушения советским представителем формальных моментов и, не желая “усилить напряжение и затруднить реализацию основной задачи, стоящей сейчас перед Комитетом – эвакуацию волонтеров из Испании”, инспирировали отклонение советского предложения. В беседе с Майским 6 апреля 1937 г. Плимут сообщил, что если в течение недели итальянское правительство не даст положительного ответа по поднятому вопросу, подкомитет все равно будет создан, и на обсуждение будет постав-

лено советское заявление от 24 марта. Это обещание выполнено не было. Тем более, что Гранди 10 апреля в беседе с Иденом подчеркнул, что “для итальянского правительства невозможно согласиться на предложение, хоть на квоту исходящее от Советского правительства”¹²².

Можно утверждать, что Комитет по невмешательству в дела Испании на первом этапе своего функционирования при ведущей роли британской дипломатии, соглашательстве Франции, одобрении Германии и Италии саботировал большинство инициатив, способных смягчить испанский конфликт, расценивая их не как попытку урегулирования, но как стремление советской стороны к “коммунистической экспансии”.

Таким образом, серьезных оснований для локализации испанского конфликта к лету 1937 г. создано не было. Он приобретал все более затяжной характер, обостряя также международные отношения в Европе. Нарастание фактора силы в конфликте на Пиренейском полуострове побуждало к принятию хотя бы частичных мер для сохранения видимости “невмешательства”.

2.3. Комитет по невмешательству в дела Испании (середина 1937 – конец 1938 года): цена противостояния

Второй этап деятельности Комитета по невмешательству стал более драматичным для Испании и углубил расхождения между его членами. Ускорился процесс блокировки как внутри самого Комитета, так и в Европе в целом. С конца 1937 – начала 1938 г. испанский вопрос стал уходить с первого плана как в европейских, так и мировых международных проблемах.

Условной границей в политике невмешательства и деятельности КПН можно считать кризис июня–июля 1937 г. Наряду с вопросами контроля и волонтерства в ней значительно обострилась проблема прав воюющих сторон.

29 мая 1937 г., после бомбардировки испанцами немецкого крейсера “Дойчланд”, Германия и Италия заявили о выходе из Комитета по невмешательству и отказе от участия в морском патрулировании. 31 мая немецким военным флотом под предлогом самозащиты была подвергнута массированной бомбардировке Альмерия. НКВД СССР расценил инцидент как попытку ряда руководителей Испании (в частности, Присто) “путем применения к германскому флоту активных репрессий вызвать европейскую войну, в случае которой Испания перестала бы быть основным театром действий”. В записке 3-го Западного отдела НКВД гово-

рилось, что задача советской дипломатии – “удержать испанское правительство от безрассудных действий”¹²³.

Британская сторона попыталась разрешить происшедшее с участием стран, осуществлявших контроль, – Англии, Франции, Германии и Италии: переговоры четырех держав являлись “наиболее обнадеживающим методом обеспечить возвращение германских и итальянских представителей к полному сотрудничеству в работе Комитета, без чего ... работа Комитета не может быть плодотворно продолжена в настоящий момент”. Временно исполняющий обязанности председателя Комитета Уоллес в письме И. Майскому призывал не расценивать эти переговоры как нарушение прав других членов Комитета и подчеркивал нежелание до их окончания созывать Комитет¹²⁴. Помимо самих переговоров Иден считал целесообразным встретиться со своим немецким коллегой Нейратом. По мнению М.М. Литвинова, приглашение К. Нейрата можно было назвать “первым выигрышем Берлина”¹²⁵.

В представленном 2 июня 1937 г. Германии и Италии британском плане ликвидации инцидента предлагалось установить в испанских портах “зоны безопасности”, получить гарантии от испанского правительства и Франко о ненападении на патрульные суда; провести в случае повторения инцидента консультации четырех стран, осуществляющих контроль¹²⁶. Английское правительство обещало после принятия этого плана Римом и Берлином обратиться к обеим воюющим сторонам, что можно расценить как один из первых шагов в признании за Франко прав “воюющей стороны”. Это юридически уравнивало бы мятежного генерала с законным правительством и позволяло ему уже вполне легально приобретать оружие за границей.

Одобрив первые два пункта английского плана, Италия и Германия выдвинули вместо принципа консультаций требование автоматического принятия мер совместного “возмездия” в отношении потенциального виновника или свободу индивидуальных действий.

Считая, что “все вопросы настоящего времени в Лондоне вертятся вокруг вопросов о контроле”, советская сторона считала нужным проконсультироваться с валенсийским правительством, насколько выгодно Республике его продолжение или пора его снимать. После присла испанского посла Паскуа 8 июня 1937 г. Литвинов записал в дневнике: “В зависимости от ответа на этот вопрос могут приниматься частные решения”¹²⁷.

12 июня 1937 г. было достигнуто четырехстороннее соглашение, предусматривавшее обращение к испанскому правительству и Франко с предложением установить в испанских портах “зоны

безопасности” и получение от них гарантий о ненападении на патрульные суда¹²⁸. Данное обращение было направлено испанскому правительству и Франко не от имени Комитета, хотя британская дипломатия обещала французской созвать заседание подкомитета для информирования его членов. Удовлетворенные достигнутым и не дожидаясь ответов испанских сторон, Германия и Италия вернулись в Комитет по невмешательству, фактически выиграв данный раунд.

Советское руководство инструктировало своих полпредов: “В беседах с Блюмом и Дельбосом Вам следует разъяснить подоплеку этого дела и всячески предостерегать от каких бы то ни было выступлений в угоду Гитлеру против Валенсии... Надо при этом слегка припугнуть развалом Комитета”¹²⁹.

Вторую стадию кризиса политики невмешательства (лето 1937 г.) знаменовали заявления Италии и Германии от 23 июня о прекращении участия их судов в патрулировании испанского побережья. В качестве предлога этими странами был использован факт атак республиканцами (15 и 18 июня) германского крейсера “Лейпциг”. Некоторые зарубежные исследователи полагают, что Германия и Италия либо сами спровоцировали инциденты с германскими военными кораблями “Дойчланд” и “Лейпциг”, либо воспользовались ими для срыва морского контроля, ставшего серьезной помехой в снабжении Франко войсками и оружием¹³⁰.

В период между последней атакой на “Лейпциг” и заявлением от 23 июня Италия и Германия настаивали на экстренном принятии мер против республиканцев, доказывая как на дипломатическом уровне, так и в средствах массовой информации тезис о бесперспективности любой формы соглашения с Москвой. На британскую сторону оказывалось давление для реализации своих установок по Испании¹³¹. Франция, переживавшая в те дни внутривосточный кризис и смену кабинета, в особый расчет фюрером и дуче не принималась. Германия настаивала на демонстрации Республике силы, но в тот момент на это не пошли Британия и Франция, предложив выступить с предупреждением обеих испанских сторон¹³². Англия, стремившаяся по возможности скорее уладить конфликт, традиционно искала компромисс.

На заседании британского кабинета 21 июня был поднят вопрос о признании франкистского правительства (он обсуждался британскими правительственными кругами еще в ноябре 1936 г.), правда, с оговоркой: нужно ли для этого дожидаться падения Мадрида или пересмотреть свою позицию¹³³.

Итальянская пресса писала, что Италия и Германия, несмотря на серьезную обиду из-за инцидентов, не намерены разрывать с

Лондонским Комитетом и отказываться от невмешательства. Некоторые издания высказывали опасения о возможности более резкой реакции со стороны Лондона в ответ на бомбардировку германскими кораблями города Альмерии. В статьях проскальзывали даже примирительные нотки¹³⁴.

21 июня 1936 г. в заявлении лорда И. Плимута на заседании подкомитета по невмешательству был поднят вопрос, ставший в дальнейшем одним из самых дискуссионных в Комитете – о выводе иностранных добровольцев из Испании. Английская сторона предлагала для начала вывести равное количество волонтеров с каждой стороны, что означало при их значительном преобладании у Франко дальнейшую уступку мятежникам и их зарубежным покровителям. В случае согласия с этой инициативой всех членов Комитета предполагалось начать переговоры по существу вопроса с обеими воюющими сторонами¹³⁵.

Советская дипломатия выступила против вывода одинакового количества добровольцев с обеих сторон. И.М. Майский, в соответствии с директивой Москвы, английскому предложению о равенстве противопоставил принцип пропорциональности. Условием признания за франкистами прав воюющей стороны выдвигалось требование существенного сокращения численности добровольцев (на 75–80%)¹³⁶.

Свое возвращение к патрулированию Италия и Германия ставили в зависимость от признания за Франко прав воюющей стороны, что было подчеркнуто Риббентропом 22 июня на встрече послов четырех держав в Лондоне. Двумя днями позже полпред СССР в Италии Б. Штейн так характеризовал в письме Литвинову итальянскую внешнюю политику: “Все, решительно все подчинено разрешению испанской проблемы”¹³⁷. На короткое время инициативу среди стран, открыто поддерживавших Франко, перехватила Италия: в ходе дискуссии 21 июня в подкомитете основным оратором являлся Гранди, в то время как Риббентроп и Монтейро (португальский представитель) “выступали в роли секундантов”¹³⁸.

Такое положение в политике “невмешательства” – фактическое отсутствие контроля над поставками и значительное число “волонтеров” у Франко – давало Муссолини некоторые основания надеяться на скорую победу каудильо. Испано-португальская граница в тот период большого значения, с точки зрения оказания помощи мятежникам, не имела, поскольку снаряжение и людские ресурсы посылались морским путем. Безрезультативность дискуссий в Комитете Италию не беспокоила. Но полный срыв работы Комитета и свобода действий каждого из его участников дуче

не устраивали – на Муссолини произвела большое впечатление отмена контроля на франко-испанской границе. “Этого Муссолини боится больше всего... Здесь понимают, что если Лондонский Комитет будет сорван и Франция полностью откроет свою границу, состязание помощи обоим лагерям, борющимся в Испании, может оказаться для Италии весьма невыгодным”, – полагала советская дипломатия¹³⁹. Дуче всячески побуждал Португалию восстановить контроль на своей границе, чтобы лишить Францию аргумента в пользу прекращения контроля на франко-испанской границе¹⁴⁰.

Итало-германский план, представленный подкомитету 2 июля 1937 г., носил ультимативный характер: с требованием предоставления прав воюющей стороны франкистам, он предполагал изменить систему контроля, сохранив ее в портах и на кораблях.

Пусть символический, но отзыв равного и небольшого количества иностранных добровольцев с обеих сторон в определенной степени устраивал тогда испанское правительство, так как предполагал активизацию политики “невмешательства”. 8 июля 1937 г. Паскуа от имени испанского правительства обратился к советской стороне с просьбой о допуске такого признания только после осуществления действительной эвакуации и “притом с включением в число эвакуируемых также и марокканцев”. Ф.С. Вейнберг пообещал немедленно довести пожелание испанского руководства до сведения Литвинова, “который, вероятно, сообщит их в Лондон Майскому”¹⁴¹.

Накануне обсуждения англо-французского и итало-германского планов на заседании Комитета по невмешательству (9 июля 1937 г.) в итальянской прессе появилась серия статей по политике Англии и Франции в этом вопросе. Так, “Regime fascista” в передовой (8 июля) писала, что мысли о признании прав воюющей стороны за Франко все больше распространяются в Англии, поскольку она хочет оказать Франко финансовую помощь и после победы иметь на него исключительное влияние, вытеснив Италию и Германию: “Испания не может продаваться за проблематичную чечевичную похлебку и не может забыть, что только из лучших идеологических соображений другие страны, и в первую очередь Италия, оказали ей помощь без всякой торговли, дав кровь своих лучших сынов”¹⁴².

Заручившись французским согласием на компромисс: признание права воюющей стороны за Ф. Франко после вывода из Испании волонтеров, Англия выдвинула 14 июля 1937 г. новый план урегулирования кризиса политики “невмешательства”, по основным пунктам совпадавший с итало-германским предложением от

2 июля и предусматривавший предоставление Франко прав воюющей стороны¹⁴³.

И.М. Майский направил в НКВД предложение о признании неприемлемости многих положений этого плана с требованием первоначально полной эвакуации волонтеров и вывода из испанских вод всех иностранных военных судов, а только потом – постановки вопроса о предоставлении Франко прав воюющей стороны. Эта инициатива не нашла поддержки у советского руководства: по мнению М.М. Литвинова, это противоречило установке о признании за Франко статуса воюющей стороны ни при каких условиях. Кроме того, испанское правительство информацией о предлагаемом английском плане владело еще в начале июля 1937 г. и передавало через Паскуа просьбу советским дипломатам “возражать против подобного компромисса”¹⁴⁴.

Британский план был положительно встречен руководителями Италии и Германии. 16 июля 1937 г. на заседании Комитета по невмешательству в дела Испании английское предложение было принято за основу для обсуждения и передано в подкомитет, заседание которого было назначено на 20 июля.

Муссолини отдавал себе отчет, что очередная зимняя кампания будет тяжелой как для Франко, так и для самой Италии, и ее желательно избежать. Это требовало скорейшего окончания войны в Испании, для чего итальянское присутствие на Пиренейском полуострове (“добровольцы”) не допускало даже эвентуального сокращения. По этому поводу в июле 1937 г. серьезно столкнулись мнения Муссолини и Франко. Последний, очевидно, всерьез воспринял заявление дуче в газетных статьях о том, что волонтеры подчинены только ему. Когда в Италии стало известно заявление Франко о готовности пойти на отзыв волонтеров, “здесь пришли в бешенство” (свидетельство советских дипломатов в Риме). Франко получил ультимативное указание ни в коем случае не соглашаться на отзыв волонтеров и вынужден был сделать соответствующее заявление¹⁴⁵. Но Муссолини опасался активной политики Англии в поисках соглашения с Франко. «Ссылаясь на заявление Идена, что его компромиссный план является последним словом Англии, – писал полпред СССР в Италии Б. Штейн М. Литвинову (24 июля 1937 г.), – здесь думают, что в случае провала этого плана Англия не может не начать политику “обволакивания Франко”, а это, в свою очередь, приведет к провалу всей итальянской политики в Испании»¹⁴⁶.

Италия, не допуская окончательного срыва лондонских переговоров, маневрировала, чтобы ответственность за их возможный крах возложить на Францию и СССР. В то же время она стреми-

лась скорее разрешить испанскую проблему, но при помощи военных действий. Напряженность в итало-английских отношениях несколько ослабнет только к концу июля 1937 г.

Стремление западных держав быстрее принять британский план урегулирования ситуации в Испании подтверждается и фактом созыва заседаний подкомитета, например 20 июля, дважды. Критика Майским существа предложения была воспринята как обструкционизм, советской дипломатии инкриминировался провал всей системы невмешательства¹⁴⁷.

“Символическая” эвакуация волонтеров, предлагавшаяся английской дипломатией (например, по 5 тыс. человек с каждой стороны) на практике означала, что Франко потерял бы 5% иностранных войск, а республиканцы – около трети. О противоречии духу Соглашения о невмешательстве факта признания каких-либо юридических прав за мятежниками советский посол еще раз подчеркнул в письме лорду Плимуту 29 июля 1937 г.¹⁴⁸

Советской стороне дали понять (беседа Идена с Майским 27 июля), что ее неуступчивость приведет к тому, что ответственным за срыв английского предложения и политики невмешательства может стать СССР. Двумя днями позже об этом уже в открытой форме Майскому говорил посол Франции Корбен¹⁴⁹. Бескомпромиссность Советского Союза в вопросе о контроле и правах воюющих сторон вызвала у западных дипломатических и политических кругов стремление отстранить его от решения важнейших проблем невмешательства. Особую активность в этом плане проявляли Великобритания и Германия. Дальнейшая тактика британской дипломатии в Комитете по невмешательству свидетельствовала о некотором временном совпадении их интересов в указанном направлении.

В те же дни Кулондр по поручению своего правительства вновь пытался убедить Литвинова изменить советскую линию в КПН, мотивируя это “необходимостью избежать устранения СССР от дел Комитета”. Кулондр докладывал в Париж, что он подчеркнул Литвинову серьезность последствий советской позиции, а именно – риск изоляции СССР¹⁵⁰. Мнение Литвинова по данному вопросу отражено в его дневнике: “Мы принципиально не можем признать за Франко прав воюющей стороны, даже условно. Мы пошли настолько далеко, насколько возможно, разрешив Майскому заявить, что в случае осуществления эвакуации волонтеров можно будет вернуться к обсуждению неразрешенных пунктов английского плана. Дальше идти мы не можем, не сходя с нашей принципиальной позиции, тем более, что мы ничего не выигрываем, ибо эвакуации все равно не будет, так же как не будет и эффективного

контроля”¹⁵¹. Аналогичное сомнение Майский высказал и британскому премьеру Н. Чемберлену во время встречи 9 августа¹⁵².

На встрече с И.М. Майским А. Иден (27 июля) был убежден, что “все невмешательство сейчас висит на волоске... Срыв невмешательства вероятен”. Иден убеждал советского посла, что было бы лучше, если бы это произошло в итоге действий Италии и Германии, а не категоричного отказа со стороны СССР в предоставлении прав воюющей стороны Франко. В ответ на давление главы Форин офиса Майский подчеркнул, что на протяжении последних 10 месяцев в вопросе о невмешательстве советская сторона старалась по мере возможности координировать свои действия с действиями Англии и Франции: “ Но всему есть предел, и в данном случае советское правительство подошло к пределу, который оно не может переступить”. Иден внимательно выслушал Майского и просил передать содержание этой беседы Литвинову¹⁵³.

Близкая к тупиковой ситуация вокруг обсуждения английского плана, сложившаяся к началу августа 1937 г., побудила подкомитет при КПН фактически единогласно принять решение: отложить обсуждение на неопределенное время. По мнению чешского посланника в Германии Мастны (август 1937), “Англия вообще хотела бы найти подходящий случай для ликвидации Комитета по невмешательству в испанские дела с тем, разумеется, что интересы Англии были бы добросовестно соблюдены”¹⁵⁴.

27 августа подкомитет заслушал доклад Совета административного контроля в Испании, подписанный голландским адмиралом Ван Дульмом и секретарем Комитета Ф. Хеммингом. Несколько завуалированно доклад проводил идею окончательной ликвидации остатков морского контроля при сохранении наблюдателей на судах, направляющихся в Испанию, и полного восстановления временно снятого контроля на франко-испанской границе (за что, как известно, активно выступали Италия и Германия)¹⁵⁵. Вскоре после завершения работы Нионской конференции (сентябрь 1937 г.) Англия и Франция, не консультируясь с другими членами Комитета по невмешательству, прекратили патрулирование испанского побережья (см. 5.3), что было одним из первых шагов их открытого отказа от политики невмешательства.

Комитет по невмешательству возобновил обсуждение вопроса о волонтерах в октябре 1937 г. Правительства Англии и Франции предприняли новую попытку привлечь Италию к переговорам о выводе добровольцев из Испании, надеясь на поддержку английских предложений хотя бы в символической форме. Германская сторона допускала возможность (что было поддержано Великобританией) выхода из ситуации путем достижения соглашения без

участия СССР: “Лучшей тактикой было бы, если и оставить СССР в игре, то в роли возмутителя спокойствия, пока мы не подыщем себе твердое алиби в этой непростой ситуации”¹⁵⁶.

И.М. Майский, пытаясь отсрочить решение вопроса о статусе воюющих сторон, на заседании Комитета 19 октября заявил, что СССР согласится на предоставление Франко прав воюющей стороны только при условии полного вывода иностранных войск из Испании¹⁵⁷.

Ситуация в Европе и в Испании осени 1937 г. значительно усложнилась, делая возможным и роспуск КПН, и решение в нем вопросов без участия особо строптивных членов. Французский консул в Барселоне Тремунет на встрече 19 октября с советским консулом В.А. Антоновым-Овсеенко пытался прозондировать, “каковы... были бы последствия нашего выхода из Лондонского комитета невмешательства”¹⁵⁸.

27 октября 1937 г. Иден телеграфировал Д. Чилстону в Москву: “Положение в Комитете столь критично, и возможные последствия столь серьезны, что я должен просить Вас обратиться с просьбой о личной встрече со Сталиным, а если это окажется невозможным, просить встречи с Литвиновым”¹⁵⁹. Требовалось заострить внимание на советской точке зрения как единственном препятствии и подчеркнуть, что следствием полного единодушия в Комитете будет продолжение решения проблем невмешательства без СССР. Чилстон Сталиным принят не был под предлогом, что советский лидер в последнее время воздерживается от приема дипломатических представителей. Чилстон после встречи с Литвиновым (29 октября) констатировал: “Советское правительство не верит в эффективность наших предложений для прекращения интервенции, они, мол, дадут дальнейшую проволочку итальянцам”¹⁶⁰. Иден, в свою очередь, пригласив 27 октября И.М. Майского, предложил ему голосовать за британский план, либо отклонить его, а в случае, если эвакуация не начнется, выйти из Комитета¹⁶¹.

На заседании подкомитета 29 октября Майский отказался принять как английский план, так и французские компромиссные предложения, внесенные 16 октября. Результатом сложившегося альянса западных держав в Комитете по невмешательству была поддержка всеми восемью (кроме СССР) странами—членами подкомитета проекта резолюции, который был утвержден на Пленарном заседании Комитета 4 ноября 1937 г. и признавал в целом британский план от 14 июля 1937 г.¹⁶²

В целях ускорения реализации практических мер по выводу волонтеров, советское руководство в середине ноября в целом приняло резолюцию, утвержденную Комитетом 4 ноября, воздержи-

ваясь лишь от ее части, посвященной правам воюющих сторон¹⁶³. Но острота ситуации в Комитете смягчена не была, и отношение к позиции СССР в испанском вопросе не изменилось.

Оценивая ситуацию, Майский в начале декабря 1937 г. писал М.М. Литвинову: “Благодаря нашей оппозиции в Комитете, Франко вот уже более пяти месяцев тщетно добивается получения прав воюющей стороны... С помощью различных маневров и комбинаций я смогу, вероятно, задержать еще на 2–3 месяца предоставление таких прав мятежникам”. Советский дипломат справедливо полагал, что наступит момент, когда дальше это станет невозможным: “Уже сейчас нужно подготовиться к возможности такой ситуации и использовать остающееся в нашем распоряжении время для подготовки каких-либо эффективных контрмер”¹⁶⁴.

В конечном итоге техническая подкомиссия Комитета по невмешательству, обсуждавшая вопрос об усилении контроля, всеми голосами против одного – советского – приняла в конце ноября 1937 г. схему Ван Дульма (контролеры на судах без морского патруля или каких-либо его эквивалентов)¹⁶⁵. На разработку практических мер по реализации ее и британского плана (от 14 июля 1937 г.) ушло около двух месяцев, однако, когда к началу 1938 г. основные моменты плана были обсуждены, работа Комитета, подкомитета и их многочисленных комиссий начала постепенно замедляться.

Война в Испании переставала быть доминирующей проблемой европейских международных отношений (начало японской агрессии в Китае, нарастание чехословацкого кризиса и др.), что неизбежно сказалось на политике невмешательства и судьбе Испанской республики.

По мнению испанского посла в СССР Паскуа (январь 1938 г.), “существенная эвакуация волонтеров”, даже в случае ее реализации, оставила бы мятежникам значительные преимущества в материальной и технической оснащенности. “Поэтому очередной задачей является пополнение в кратчайший срок военно-технических и материальных ресурсов республиканской армии”. Н. Негрин дал задание Паскуа просить приема у Сталина, “чтобы поставить перед ним ряд конкретных вопросов, от разрешения которых зависит судьба Испанской республики”. Негрин поручал Паскуа также напомнить о проблеме скорейшего назначения советского полпреда в Испании (С. Марченко исполнял в рассматриваемый период роль временного поверенного)¹⁶⁶. На рубеже 1937–1938 гг. одно за другим государства заявляли о своем признании Франко (например, в начале 1938 г. – Австрия и Венгрия). Для поддержания авторитета испанского правительства было важно, чтобы великие

державы имели при нем своих послов. Франция поняла это, назначив послом Ля Бонна. Своего посла прислала Мексика. В.П. Потемкин считал возможным возвести Марченко в ранг полпреда, тем более, Паскуа подчеркивал, что “сотрудничество тов. Марченко его вполне удовлетворяет”¹⁶⁷. Но этот вопрос не был решен до конца войны. В ноябре 1938 г. Марченко записал в дневнике: “Отсутствие полпреда в Испании вызывает недоумение у испанцев, ибо даже французы, ссылаясь на это, хотели отказаться от назначения посла в Барселоне”¹⁶⁸.

Чемберлен, как и новый французский премьер Даладье, стремились к скорейшему прекращению войны в Испании, одному из главных препятствий для заключения соглашений с Германией и Италией. Дальнейшее обсуждение плана урегулирования теряло для них смысл, а потому пауза в заседаниях Комитета по невмешательству, которые Плимут откладывал под различными предложениями, затянулась почти два месяца. Капитулянтская позиция британского и французского правительств в испанском вопросе проявлялась все четче и явственнее. Как оценивалось в обзоре 3-го Западного отдела НКВД СССР за 3 квартал 1938 г., “английское правительство сознательно шло на проволочку с эвакуацией итальянских войск с территории Франко, будучи заверено итальянцами, что победа мятежников, а стало быть, и окончание войны в Испании, произойдет не позже мая месяца”¹⁶⁹.

М.М. Литвинов отмечал в письме С. Марченко (апрель 1938 г.): “Большинство членов французского правительства считается с победой Франко, как с неизбежностью, и рассчитывает при помощи Англии предотвратить все ее опасные последствия. Даладье и Боннэ действительно приняли английский компромисс в отношении срока восстановления контроля, т.е. с момента приезда счетной комиссии в Испанию. Англичане стремятся облегчить победу Франко закрытием всех путей, по которым испанское правительство может получить помощь. Можно опасаться, что после Лондонского соглашения французы возьмут назад все обещания, которые они дали в последнее время Негрину в смысле продажи артиллерии и пр.”¹⁷⁰ Несколькими днями позже Литвинов добавлял: “По вопросам, обсуждаемым в ЛКПН [Лондонском Комитете по невмешательству], я дал общие директивы т. Майскому согласовывать свои действия с испанским правительством через Аскарате (испанский посол в Лондоне. – В.М). Такой путь короче, чем через Москву”¹⁷¹.

Даже беглый анализ графика заседаний подкомитета при КПН первой половины 1938 г. даст основание для размышлений (см. Приложение). Так, в январе состоялось пять заседаний подкомит-

тета. Основные вопросы повестки дня: вывод волонтеров, права воюющих сторон, формы и методы организации контроля над поставками в Испанию. В феврале–апреле 1938 г. подкомитет собирался по одному разу в месяц, в мае – трижды (два заседания 26 мая), в июне – шесть раз (дважды 21 июня). Обращает на себя внимание, что на всех заседаниях (до конца мая) Италия и Германия были представлены советниками, а не послами¹⁷².

К лету 1938 г. ситуация в Европе значительно осложнилась. 12 марта Германия осуществила аншлюс Австрии. 16 апреля был подписан англо-итальянский договор о дружбе и сотрудничестве, фактически легализовавший итальянскую интервенцию в Испании, поскольку Англия согласилась на вывод итальянских войск без указания точного срока. Велась закулисная подготовка Мюнхенского соглашения.

На заседании подкомитета 26 мая 1938 г. Плимут призвал к выполнению резолюции Комитета от 4 ноября 1937 г. Англия и Франция представили согласованный текст плана, после чего на СССР был оказан нажим с целью его принятия. 24 мая 1938 г. советник посольства Франции в Москве Ж. Пайяр, несмотря на выходной день, настоял на свидании с В.П. Потемкиным и просил, чтобы на очередном заседании подкомитета советская сторона поддержала англо-французский план, мотивируя это желанием продемонстрировать солидарность Франции, Англии и СССР в предотвращении попыток Германии и Италии уклониться от эвакуации волонтеров. На практике это означало присоединение к уже фактически состоявшемуся соглашению. Пайяру было указано, что ранее никаких попыток привлечения СССР к его согласованию сделано не было, советский представитель будет отстаивать прежние позиции. С аналогичным предложением в тот же день обратился английский поверенный в делах СССР Верекер. Давление оказывалось на советских дипломатов в Лондоне и Париже¹⁷³.

В июне 1938 г. подкомитет был занят обсуждением и уточнением деталей плана контроля и эвакуации волонтеров. Франция и Англия оставляли в плане ряд возможностей для снабжения Франко (например, решение, что постоянные контролеры должны находиться в десяти важнейших портах каждой стороны, а в остальных, допускающих выгрузку, контроль будет осуществляться пароходами, с тем чтобы ни один наблюдатель не покидал порт до прибытия следующего). Невзирая на то что к тому времени советская сторона пошла на ряд уступок (согласилась на закрытие франко-испанской границы при требовании осуществления эффективного морского контроля), ее позиция в испанском вопросе вызывала негативную реакцию большинства европейских стран¹⁷⁴. Фран-

цузская сторона, как следует из записи беседы В.В. Потемкина с Р. Кулондром от 10 июня 1938 г., считала, что в случае согласования вопросов скорейшей эвакуации волонтеров имела реальная возможность решения проблемы¹⁷⁵.

В конце июня – начале июля 1938 г. французские представители в Москве регулярно встречались с Литвиновым и Потемкиным, пытаясь согласовать позиции в Комитете по невмешательству в вопросе о плане эвакуации. Французскую дипломатию беспокоил отказ советского правительства участвовать в расходах по содержанию и эвакуации итальянских и немецких добровольцев. Французский посол в Лондоне Корбен считал, что советская сторона могла бы пойти на некоторые уступки в финансовом вопросе, чтобы лишить тем самым немцев и итальянцев возможности заявлять, что эвакуация срывается по советской вине. На встрече с Потемкиным (“по срочному делу”) 24 июня 1938 г. Кулондр даже прочитал телеграмму Корбена, в которой ставился вопрос о согласии СССР на участие в расходах по содержанию в лагерях и эвакуации до порта отправления волонтеров – подданных малых стран (они заявили в Комитете об отказе нести расходы по эвакуации своих граждан), а также по содержанию и репатриации тех волонтеров, “которые окажутся гражданами СССР”. Потемкин ответил, что Советское правительство согласилось оплатить свою долю расходов по восстановлению контроля на море, в портах Испании и на сухопутных границах: “Мы настаиваем лишь, чтобы фактические платежи по содержанию этого контроля начались после принятия этого плана республиканским правительством и Франко”¹⁷⁶.

4 июля 1938 г. Кулондр на встрече с Литвиновым “чрезвычайно волновался, явно намекая на придирчивость Кагана, якобы не выполняющего моих директив”. Активность французской стороны, “почему-то более заинтересованной даже, чем английское правительство”, в оформлении британского плана по контролю, вызвала недоумение советского наркома. Британский план ничего не сулил Франции, если не считать законного права через несколько недель после его принятия закрыть испанскую границу. Литвинов ссылаясь на полученную накануне информацию из Рима: Г. Чиано говорил Б.Е. Штейну, что итало-французские переговоры можно считать окончательно свернутыми, и Италия не намерена их возобновлять¹⁷⁷. Гиршфельд несколько ранее в своем письме в НКВД подчеркивал, что такого рода демарши французской дипломатии продиктованы сугубо внутривосточными мотивами: “Боннэ считал, что это не только обеспечит ему сотрудничество с Англией, но и создаст условия для поправления правительственно-

го большинства с возможным привлечением в будущем таких элементов, как Лаваль и Фланден”. Э. Даладье, по мнению советского дипломата, “не разделял уступок на удушение Барселоны”, он весьма пессимистично оценивал перспективы войны для республиканцев и опасался, что решительная позиция Франции в испанском вопросе повлечет за собой разрыв с Англией, на которую он надеется в случае конфликта в Центральной Европе: «Даладье прямо указал мне, что война из-за Чехословакии гораздо ближе, чем это предполагалось: “в нескольких сантиметрах”»¹⁷⁸.

5 июля 1938 г. состоялось единственное в том году и последнее в ходе войны пленарное заседание Комитета по невмешательству. Компромиссный план контроля в Испании и эвакуации волонтеров, в основу которого был положен английский план 1937 г., был принят Англией, Францией, Германией и Италией. Он предусматривал восстановление сухопутного и морского контроля испанских границ, эвакуацию “волонтеров” и предоставление прав воюющей стороны обоим борющимся лагерям Испании после отъезда 10 тыс. “волонтеров” из лагеря с их меньшим количеством, и после эвакуации пропорционально большего количества из лагеря с большим количеством волонтеров, посылку комиссий по подсчету добровольцев и т.д. 7 июля С.Б. Каган получил директиву из Москвы о согласии СССР присоединиться к плану¹⁷⁹.

Республиканское правительство приняло план и выразило готовность приступить к его реализации. Мятежники отказались от принципа пропорциональной эвакуации волонтеров, от допущения иностранных наблюдателей в аэропорты. Они требовали немедленного и безоговорочного предоставления прав воюющей стороны, что фактически означало их отказ от плана. По мнению советской дипломатии, “ответ Франко был целиком продиктован его итальянскими советниками”¹⁸⁰.

М. Литвинов писал Марченко в середине июля 1938 г., что, несмотря на положительный ответ республиканского правительства, оно вряд ли заинтересовано в ускорении введения еще более строгого контроля, который не будет стеснять Франко. “Мы долго боролись в Комитете по основным вопросам, – констатировал Марченко, – полагая, что детали могут послужить предметом дальнейшей переписки между Лондоном и Барселоной”. По мнению Литвинова, “соглашение между Муссолини и Чемберленом может состояться на базе вывода определенного количества итальянских добровольцев для ввода в действие англо-итальянского соглашения, после чего те же добровольцы вновь вернутся на фронт”, тем более что Муссолини заявил, что после согласия итальянского представителя в Комитете на британский план испан-

ская проблема является делом Комитета, и “Италия больше ни при чем”¹⁸¹.

Таким образом, ни одна из сторон, принимавших план в Комитете по невмешательству 5 июля 1938 г., не восприняла его как серьезное средство прекращения конфликта. С учетом фактора нарастания центральноевропейского кризиса и с позиций национальных интересов ведущих европейских стран, видимость “невмешательства” в дела Испании устраивала всех его участников. Как писал И. Майский, “пусть Комитет лучше спит, чем какими-то бесцельными или даже просто вредными движениями... создает впечатление, будто бы он что-то делает для эвакуации волонтеров”¹⁸².

Исключением являлась заметно ослабшая, но не сломленная Испанская республика. В начале августа 1938 г. в Москву по личному распоряжению Негрина прибыл Паскуа (переведенный к тому времени послом в Париж) для передачи письма И.В. Сталину. В беседе с В. Потемкиным 10 августа он подчеркнул, что «сила сопротивления республиканцев отнюдь не сломлена. Если бы эвакуация “волонтеров” из Испании была действительно осуществлена, дело Франко было бы немедленно проиграно». Паскуа считал, что Франко постарается затянуть или сорвать эвакуацию. На вопрос Потемкина, закрыта ли фактически испанская граница, Паскуа ответил, что постановление французского правительства от 9 июля имело главным образом формальный характер: “На самом деле, хотя и с большими, чем ранее, предосторожностями, из Франции в Испанию пропускаются значительные транспорты и военные снаряжения”¹⁸³.

В конце августа 1938 г. Плимут заявил, что не видит смысла в созыве Комитета или подкомитета для обсуждения существа вопроса.

В сентябре 1938 г. советник полпредства СССР в Великобритании С. Каган получил от аккредитованного в Лондоне американского журналиста, “имеющего хорошие связи в МИД”, резюме доклада одного из его руководящих работников с изложением позиции Англии по испанскому вопросу (фамилии журналиста и британского дипломата в документе отсутствуют)¹⁸⁴. В записке как британская и французская точки зрения трактовался тезис, что “проблема будущего иностранной интервенции в Испании держится на более широких вопросах, которые быстро развиваются в Центральной Европе”. В таких условиях ставилась задача предотвратить крах невмешательства всеми известными средствами. Давалось обоснование обращения лорда Плимута от 2 сентября 1938 г. к странам-членам Комитета по невмешательству с предложением согласиться на посылку секретаря Комитета Хем-

минга для переговоров с Франко и испанским правительством по вопросам реализации плана эвакуации волонтеров. Отклонение советским правительством этой инициативы характеризовалось как “совершенно безнадежная позиция Советов”, в силу чего любое заседание Комитета в тот момент было нецелесообразным. Британскую сторону волновала политика Франции в вопросах открытия границы с Испанией (как известно, 23 августа испанское правительство в своем дсмарше французскому послу и английскому поверенному в делах в Испании потребовало в связи с отрицательным ответом Франко на план эвакуации волонтеров немедленно ее открыть. – *В.М.*). В документе признавался факт давления на Францию по этому вопросу. Перспектива открытия границы преподносилась Парижу как вероятность усиления итальянской интервенции в Испании: “Британия должна застраховать себя от краха Соглашения о невмешательстве в результате неблагоприятных поступков других участников”. Главный тактический вывод, вытекавший из этих установок: при любом сценарии событий Великобритании не следует активно вмешиваться в испанский конфликт. Даже в случае прекращения международного невмешательства нужно соблюдать видимость этого курса. Автор доклада считал, что, несмотря на всю пропаганду об иностранной помощи Франко, тот не намного ближе к победе, чем год назад. Проблема иностранной интервенции в Испании представлялась сильно преувеличенной. Вывод полностью снимал с Великобритании ответственность за “невмешательство”: не иностранные военные поставки в Испанию задерживали завершение конфликта, а промедление и препятствия со стороны стран, преследующих “зловещие цели”¹⁸⁵. Комментируя речь Н. Чемберлена в парламенте (19 ноября 1938 г.), посвященную внешней политике, “The Times” спрашивала: «Относится ли Испания к “жизненным интересам” или нет? Если да, то поведение Чемберлена за последние 6 месяцев кажется несколько странным. Очевидно, республиканская Испания более не входит в список “наших друзей”»¹⁸⁶.

Испанский премьер Х. Негрин на Ассамблее Лиги Наций (сентябрь 1938 г.) заявил о намерении республиканского правительства эвакуировать добровольцев полностью, вне зависимости от общего плана Комитета, и потребовал выделение Лигой комиссии для наблюдения за эвакуацией. Советское правительство, сомневаясь в действительном намерении мятежников эвакуировать “добровольцев”, отклонило предложение Плимута о посылке комиссии для переговоров с Франко. Последовавший отказ Франко принять такую комиссию подтвердил эти сомнения¹⁸⁷.

Вечером 26 декабря 1938 г. А. дель Вайо сообщил Марченко, что испанское правительство планирует эвакуировать всех волонтеров из Испании до 16 января 1939 г. (начало работы очередной сессии Лиги Наций) и не намерено оставлять волонтеров на гражданской работе в Испании, “ибо в этом случае жест, сделанный испанским правительством, потеряет свой эффект”. Возникали значительные технические и организационные трудности с эвакуацией нескольких тысяч волонтеров, главным образом из числа бывших германских и итальянских граждан, которых никто не хотел принимать. Было получено согласие на это мексиканского правительства. Комментируя просьбу Вайо разместить группу волонтеров на советской территории, Марченко записал в дневнике: обещал, что “просьбу его передам, но думаю, что вряд ли в нынешней международной обстановке будет удобно для самого испанского правительства, чтобы СССР выступал в роли страны, дающей приют добровольцам испанской армии – иностранцам”¹⁸⁸.

Еще в мае 1938 г. в ответ на очередное обращение республиканцев о помощи М.М. Литвинов сомневался, что советская поддержка в просимых Негрином размерах могла вывести испанское правительство из затруднительного положения: “Требуется гораздо более действенная помощь”. Ее, по мнению Литвинова, могла оказать только близкая к Испании Франция: “Я полагаю, что Франция более заинтересована в сохранении республиканской Испании и не должна была бы требовать, чтобы мы оплачивали вооружения, которые она дает Испании”¹⁸⁹. В начале 1939 г. Негрин рассказывал советскому дипломату о попытке через французского военного атташе, бывшего сторонником республиканцев, добиться от Даладье и французского генерального штаба срочной продажи оружия “ввиду создающегося на каталонском фронте критического положения”¹⁹⁰. Ответа (положительного) не поступило.

Осенью 1938 г., оценивая испанскую ситуацию и международное положение, М.М. Литвинов счел оправданным “некоторое время еще выждать, присматриваться и прислушиваться к происходящему в Берлине, Лондоне и Париже, а потом уже принять решение”¹⁹¹. О дальнейшей трансформации советской позиции в Испании свидетельствуют материалы стенограммы совещания В.П. Потемкина с полпредом СССР в Германии Г. Меркаловым 10 ноября 1938 г. По мнению Потемкина, “сейчас предвоенное время, и вкладывать капиталы за границу нет смысла”¹⁹².

Оценивая международную обстановку в середине февраля 1939 г., И.М. Майский писал М.М. Литвинову: “Чехословакия – уже пройденный этап. Та же роль, видимо, в близком будущем уготована Испании”¹⁹³.

17 февраля 1939 г. английское правительство поручило своему агенту в Бургосе Ходжсону заявить Франко, что Англия и Франция готовы признать его правительство. Тогда же британское министерство почт и телеграфа заявило о прекращении почтовой связи с республиканской Испанией. 25 февраля Франция, 27 – Англия признали Франко единственным законным правителем Испании¹⁹⁴.

Марченко в последние дни Республики жил в Париже. Он не отвечал на письма испанцев, избегал встреч, но скрыть его присутствие было нельзя, что создавало определенные трудности для парижского полпредства СССР. “...Находясь здесь, – писал Марченко Литвинову, – я фактически оторван от Испании и испанских дел не меньше, чем если бы я был в Москве ... Было бы правильнее, если бы я ждал развертывания событий в Испании вне Парижа, предпочтительнее – в Москве”¹⁹⁵.

СССР, готовый покинуть Комитет по невмешательству еще летом 1937 г., оставался в нем по просьбе испанского правительства. 4 марта 1939 г. И.М. Майский официально заявил о выходе из Комитета, потерявшего смысл существования. 20 апреля 1939 г. эта международная организация прекратила свою деятельность.

* * *

Подписание Соглашения о невмешательстве в дела Испании и создание КПН свидетельствовали о дальнейшей интернационализации испанского конфликта. Скорейшее завершение войны отвечало интересам большинства ее иностранных участников. Но осознание невозможности достижения этого подталкивали к политике: на словах – “невмешательство”, на деле – если не поддержка борющихся сторон, то их молчаливое одобрение. “Фиговый листок” политики невмешательства значительно облегчил проведение очень опасного в той ситуации “нейтралитета”. В предвоенное время разве что Мюнхенский сговор (1938) явит такой классический пример лицемерного расхождения декларативного и реального курса европейских держав. Как писал известный испанист Д. Пуццо, “испанская война выигрывалась и терпела поражение не в Бургосе и Мадриде, не у Теруелл или вдоль Эбро, а в кабинетах Европы”¹⁹⁶.

Только начало советского открытого вмешательства в испанские события и вызванный этим кризис политики невмешательства заставили Комитет изобразить видимость деятельности (принятие 15 февраля 1937 г. плана контроля).

В политике “невмешательства” можно выделить два крупных кризиса – октября 1936 г. и лета 1937 г. Первый был вызван как

углублением собственно испанского кризиса, так и более четким заявлением о себе советской позиции. Кризис “невмешательства” июня–июля 1937 г. оказался более судьбоносным для самой Испании и для втянутых в конфликт европейских государств. Он ускориł поляризацию не только в Комитете по невмешательству, но и на европейской арене в целом. На некоторое время инициативу в Комитете и политике невмешательства перехватили Германия и Италия. Они фактически диктовали свои условия Комитету в июне – начале июля 1937 г. Капитулянтские настроения Великобритании и Франции достигли апогея в рассматриваемый период в так называемом “компромиссном” плане 14 июля 1937 г.

Советская тактика в Комитете встречала негативную реакцию не только Италии и Германии (они, особенно Италия, были более заняты не дипломатической борьбой, а прямой помощью Франко), но и Великобритании и Франции. В ряде случаев советская дипломатия достигала в невмешательстве блокировки с французской. Но ее временный характер не позволил до конца противостоять политике Германии с Италией или британскому лавированию. Несмотря на ряд демаршей, Франция в конечном итоге солидаризировалась с Великобританией в реализации невмешательства.

К концу 1937 г. произошла координация тактики западных держав в Комитете по невмешательству (при разной мотивации) в отношении как советской позиции, так и самой Испании. К тому времени гражданская война в Испании переставала играть роль доминанты в европейских отношениях. Смещение векторов внешней политики великих держав в Центральную Европу и на Дальний Восток существенно приносило роль и место испанского фактора в международных отношениях.

Политика “невмешательства” дорого обошлась самой Испании и всей системе международных отношений накануне Второй мировой войны, подрывая веру в действенность международных пактов, соглашений и договоров, способных остановить агрессию.

Информационное обеспечение политики “невмешательства”

Все войны начинаются задолго до звуков первых выстрелов. Испанский конфликт 1936–1939 гг. предоставил будущим участникам Второй мировой уникальную возможность как коррекции военных доктрин, так и активной подготовки к ней общественно-го мнения своих стран. Можно согласиться с Дж. Тейлором, что “величайшим потрясением 1936 г. стал конфликт идеологий, заменивший прямое столкновение стран. В основе этого потрясения лежала гражданская война в Испании”¹. Разделение сил в Испании разделило симпатии и без того поляризованного общественного мнения Европы. Идеологическая составляющая испанского конфликта незримо присутствовала во всех других его международных аспектах. Чрезмерная политизация и интернационализация испанского конфликта вызвали к жизни острейшую пропагандистскую войну.

Проследим роль испанского фактора в формировании образа врага в массовом общеевропейском сознании в предвоенное время, взаимовлияние пропагандистского и других аспектов конфликта 1936–1939 гг. на Пиренейском полуострове. Рассмотрению будут подлежать в основном официальные формы и методы пропаганды ведущих европейских стран вокруг испанского вопроса.

3.1. Международные аспекты войны в Испании: пропагандистский ракурс

Лидеры ведущих европейских стран, используя различные формы, методы и каналы влияния на противоборствующие испанские стороны, допускали общую ошибку: они переоценивали степень восприятия испанцами идеологических постулатов. Не брались во внимание особенности испанской национальной психологии, например, максимализм (бескомпромиссность), иррациональность мышления (значительная религиозность), индивидуализм, повышенное чувство собственного достоинства и националь-

ной гордости, непринятие ряда элементов западной цивилизации (в том числе и ее политических форм), “неистовая любовь к свободе”, широкое распространение идей анархизма среди широких масс (следовательно, политическая роль армии как фактора внутреннего порядка), региональные национальные различия и многое другое².

Некоторые политические деятели того времени адекватно оценивали черты испанской этнопсихологии. Так, А. Иден подчеркивал (декабрь 1936 г.), что “испанцы не такой народ, которым мог помыкать кто бы то ни было”. Его слова о Франко, который, “вставши у власти, будет вести не итальянскую и не германскую, а испанскую политику”³, окажутся пророческими. Отмечая враждебность испанскому характеру фашистских идей, Иден уже осенью 1936 г. подчеркивал значительную роль в стране Италии и Германии в их распространении⁴.

Известный американский дипломат Бауэрс, в тот период посол в Испании, в своих мемуарах неоднократно отмечал, что “испанский темперамент несовместим с коммунизмом”⁵. Об этом же писал португальский посол в Британии Монтейро, подчеркивая большую опасность для Испании анархизма⁶. О традициях анархизма, “глубоко засевших в сознании испанских рабочих”, не без сожаления докладывали в Москву советские представители в Испании⁷.

Можно условно выделить этапы пропагандистской борьбы вокруг Испании в 1936–1939 гг.: победа Народного фронта в Испании (февраль–март 1936 г.); образование и первые мероприятия правительства Народного фронта (его программа, выборы Асаньи президентом); антиреспубликанская пропаганда (май – середина июля 1936 г.); начало гражданской войны (июль–сентябрь 1936 г.) и образование правительства Л. Кабальеро; провозглашение европейскими странами политики невмешательства в дела Испании и функционирование Комитета по невмешательству (сентябрь 1936 – начало 1939 г.). В связи с задачами работы остановимся на последних двух этапах.

Еще в феврале–июле 1936 г. испанская проблематика использовалась для воздействия на европейское общественное мнение. С началом профашистского мятежа в Испании, переросшего в гражданскую войну, перед Британией и Францией встала задача оправдания “невмешательства”. Руководители Германии, Италии и Советского Союза, в свою очередь, взяли курс на информационную поддержку противоборствующих сторон и собственной политики (вмешательства) в Испании. Германия также побаивалась солидарности Франции с республиканской Испанией и считала

нужным давить на нее, как политическими, так и пропагандистскими методами. В Великобритании и во Франции пропаганда реагировала на конкретные события в Испании и вокруг нее, а в Италии, Германии и Советском Союзе она велась постоянно, лишь изменяя иногда темпы и насыщенность.

Уже в начале августа 1936 г. английское руководство и дипломатия выражали опасение по поводу перспективы создания враждебных идеологических блоков в Европе в связи с событиями в Испании. Аналогичную боязнь на протяжении всей испанской войны высказывала французская сторона⁸.

С началом мятежа в Испании кампания в Германии, одна из “первых крупных операций гитлеровской пропаганды”⁹, была направлена на его оправдание. При этом утрировалась левая опасность, якобы способная привести к хаосу в государствах не только Пиренейского полуострова, но и всей Европы. По мнению немецкого посольства в Испании, правительство Республики вело тогда более эффективную пропаганду¹⁰. В аналогичной кампании в Италии наряду с “антикоммунистическим” мотивом, другим и едва ли не ведущим станет поднимавшийся позже с разной периодичностью антибританский мотив.

После французского предложения о политике невмешательства в дела Испании (начало августа 1936 г.) британское руководство с подачи МИД инспирировало кампанию поддержки этой идеи в британской прессе. Тем более что в Англии росли критические настроения в отношении правительственной политики в Испании¹¹. Пропагандистская кампания во Франции отражала кризис как ее внешнеполитических доктрин, так и внутривнутриполитический, и раскол французского общества во всем спектре мнений по испанскому вопросу. Советское руководство вплоть до подписания Соглашения о невмешательстве и обмене послами с Испанией ограничивалось в печати официальной и достаточно лаконичной информацией констатирующего характера о событиях в этой стране, перепечатывая сообщения зарубежных информационных агентств.

Подлинный размах пропагандистская борьба в Европе вокруг испанской проблемы приобрела с формированием Республиканского кабинета Л. Кабальеро и началом функционирования Комитета по невмешательству (сентябрь 1936 г.). Если немецкая и итальянская печать однозначно отрицательно комментировали знаменитое советское заявление в Комитете от 7 октября 1936 г., французская и британская представили некоторый спектр мнений по этому поводу. Французская “Le Peuple” требовала присоединиться к советской ноте; журналист из “L’Homme Libre” Марсэль

Пэи предполагал, что СССР из Комитета не выйдет, а “ограничится успехом пропаганды”, а Сэнтвуазан из “Le Figaro” объяснял поступок СССР желанием повлиять на французскую внутреннюю политику и усилить пропаганду в Англии и Франции в пользу Народного фронта Испании¹². Английская “Daily Telegraph” заявляла, что эта советская акция порождена стремлением вызвать внутренние затруднения у английского правительства; “The Times” утверждала, что даже мадридское правительство заинтересовано в “сохранении нынешнего положения вещей”, ибо в случае срыва соглашения зарубежные друзья мятежников будут иметь бóльшую возможность в снабжении их оружием, чем СССР–Мадрид. В этом же духе высказывались “Daily Express”, “Daily Mail” и “Morning Post”¹³.

Оправдывалась транзитная роль Португалии в снабжении мятежников, одобрялся отказ Комитета по невмешательству обсуждать советское предложение о контроле португальских портов английским и французским флотами¹⁴. Правая французская печать использовала это советское выступление в Комитете как предлог для антисоветской кампании: “Много шума из ничего”. Основное обвинение того времени: СССР решительно выступает по испанскому вопросу, разделяя Европу на два лагеря и стремясь “спутать карты в дипломатической игре”. “Les Jours”, “L’Echo de Paris”, “Le Figaro”, “Acción Française”, “La République” муссировали тезис, что Советский Союз хочет вовлечь Францию в военный конфликт с Германией и Италией¹⁵. Похожее опасение превращения испанского конфликта в международный сквозило в утверждениях французской прессы: отказ от невмешательства чреват серьезными последствиями не только для Испании¹⁶.

Французская печать комментировала демарш Плимута, не поставившего на заседании Комитета 9 октября 1936 г. на обсуждение первым советское предложение о срочных мерах в Испании. Известная французская журналистка Ж. Табуи указывала, что “благодаря этому элиминировался риск провала невмешательства”, который мог последовать за обсуждением советской инициативы. При этом выступление советского дипломата С.Б. Кагана в Комитете прессой почти не передавалось, но детально и в драматических тонах описывался уход с заседания португальского представителя¹⁷.

Вину за затягивание дискуссий в Комитете по невмешательству бóльшая часть западной прессы возлагала на советскую сторону: “За это время он [Советский Союз] сможет снабдить оружием правительство Испании” (“Les Jours”)¹⁸. Можно говорить об активном осуждении осенью 1936 г. советской политики в

Испании при молчаливом одобрении итальянской и немецкой. Британская “The Times” и французская “La République” считали, что Италия и Германия соблюдают принципы невмешательства¹⁹. Как цинично признавала правая французская печать после первого кризиса курса “невмешательства”, “фактически никто не думал строго соблюдать нейтралитет” (“L’Echo de Paris”), и “соглашение было фарсом, чтобы помешать возможным международным осложнениям” (“Le Figaro”)²⁰.

Взаимные инкриминации Италии с Германией и СССР в Комитете по невмешательству сопровождались постоянной контрпропагандой. Например, восемь пунктов обвинения Германии против СССР, представленные 22 октября в КПН, в интерпретации немецкой печати обросли массой “подробностей разоблачительного характера”. В ответ на советские обвинения сообщалось, например, что 2 октября пароход “Брамхил” под немецким флагом прибыл в Аликанте, где он выгрузил 950 т военного снаряжения (“ящики продолговатой формы”): “Один из последних при разгрузке разбился, и при этом стало видно, что эти ящики содержат винтовки. Этикетки на ящиках были написаны по-русски”. Эти и другие факты якобы нашли подтверждение в передаче барселонской радиостанции. Итальянские газеты осенью 1936 г. много писали о нарушении Советским Союзом невмешательства со ссылкой на немецкие источники. Такого рода сообщения присутствовали также в печати Англии, Франции, Австрии и Польши²¹. В свою очередь, советские газеты регулярно обращали внимание на тот факт, что “комедия продолжается. Вмешательство в форме посылки оружия превратилось во вмешательство в виде посылки моторизованных дивизий. В Комитете же продолжают паясничать с благословения лорда Плимута итальянский, немецкий делегаты”. По мнению советской стороны, ответы Германии и Италии на предложения были рассчитаны на выигрыш времени и использование его для сосредоточения в Испании германо-итальянских сил²². Из записи в дневнике М.М. Литвинова 4 августа 1937 г.: “Общественное мнение Германии и Италии нам все равно недоступно, ибо, что бы мы ни делали, фашистская печать будет валить ответственность на других”²³.

Когда весной 1937 г. французская печать начала активное освещение нарушения Италией Соглашения о невмешательстве, Г. Чиано вызвал французского поверенного Блонделя и через него просил призвать прессу к порядку и препятствовать публикации “ложных” сведений. Блондель рассказал советнику посольства СССР в Италии С. Гельфанду (25 марта 1937 г.), что в ответ на этот демарш Париж предложил Риму предварительно дать в

печатать официальное опровержение информации, в частности о выгрузке итальянских войск в Кадисс. Чиано в беседе с английским послом Друммондом признал факт посылки в Испанию пароходов, но груженных лишь “медико-санитарным персоналом”²⁴. Советская дипломатия считала, что кампания в итальянской печати конца марта 1937 г. о нарушениях Советским Союзом и Францией Соглашения о невмешательстве служила также целям подготовки общественного мнения к отказу Муссолини от соглашения о волонтерах (принятого КПН 15 февраля 1937 г.)²⁵.

В основе многих взаимных идеологических нападок лежало отсутствие четкого плана или желания решения испанского вопроса. Особенно ярко это проявилось в январе–марте 1937 г. (обсуждение и принятие плана контроля и запрещение волонтерства), июне–июле 1937 г. (кризис политики невмешательства). Борьба СССР за право участия в морском контроле (февраль 1937 г.) поддерживалась активной пропагандистской кампанией об ущемлении прав стран–участниц Комитета по невмешательству. Тем самым советская сторона выполняла двоякую цель: отстаивала свой авторитет и оттягивала время введения в действие соглашения о контроле. Риббентроп в этой связи неоднократно подчеркивал, что Майский использует Комитет по невмешательству не столько для решения испанских проблем, сколько для пропагандистских целей²⁶.

Статья Г. Димитрова к первой годовщине начала войны в Испании, озвученная по “Радио Москвы” 18 июля 1937 г., содержала в числе прочего обвинения Великобритании: она “ведет себя в испанском вопросе постыдно”, поддерживая фарс политики невмешательства. В ответном меморандуме британского посольства НКВД СССР от 16 августа 1937 г. подчеркивалось, что такого рода антианглийские выступления “содержат нарушения соглашения по пропаганде, являющегося частью условий, на которых восстанавливались дипломатические отношения с Советским Союзом в 1929 г.”²⁷

В фашистской прессе освещение испанских событий и политики европейских государств носило значительно вызывающий характер. Эта тенденция ощутимо усилилась с лета 1937 г. Один из лидеров итальянского фашизма Фириначи в передовице “Regime fascista” открыто посылал “пламенный привет нашим легионерам, которые от Сьерра де Малага до Кантабрийских гор и от равнин Талаверы до высоких холмов Кастилии пролили свою благородную кровь для спасения и чести нашей великой средиземноморской сестры”²⁸. Нацистская же печать получила разрешение писать об участии немецких “легионеров” в испанских событиях только после их окончания²⁹.

Проблемы гражданской войны в Испании активно использовались в пропагандистском обеспечении развития двусторонних отношений. Показательной в этом плане может служить англо-итальянская информационная война 1937–1938 гг. Как признавал в своих мемуарах Иден, в отношениях Лондон–Рим того периода “наиболее трудными вещами были Испания и пропаганда”³⁰. Резкая активизация итальянского вмешательства в испанские события в начале 1937 г., несмотря на заключенное накануне “джентльменское соглашение”, вызвала вместе с ростом напряженности в англо-итальянских отношениях и взаимную пропагандистскую кампанию. Уже в первые дни января 1937 г. итальянская печать в ряде статей уверяла в том, что соглашение с Англией ни в коей мере не изменяет дружбе с Германией и что “она остается столь же неизменной, и столь же горячей”. Британская пресса обвиняла Италию в “коварстве”, открыто демонстрируя обиду³¹.

Справедливо предвидя, что усиление своего присутствия в Западном Средиземноморье и Испании может спровоцировать британское перевооружение, итальянская сторона действовала по принципу упреждающего удара, активно муссируя эту тему в прессе. Известный итальянский журналист Гайда в феврале 1937 г. в “Voce d’Italia” доказывал, что необходимость британского вооружения для борьбы с фашизмом лишена оснований, так как тот усиливается только для борьбы с коммунизмом: “Не фашисты, а антифашисты ответственны за разделение Европы на блоки... Британский премьер-министр призывает к сотрудничеству и в то же время вооружается”³².

Публикация в марте 1937 г. программы британских вооружений в сопровождении парламентских речей должна была убедить Муссолини, что Англия не собирается сдавать своих позиций на Средиземном море и что шансы соглашения с ней об ограничении вооруженных сил в этом регионе невелики. Ответом дуче явилась антибританская кампания в итальянской печати, еще больше осложнявшая и запутывавшая и итало-английские отношения, и испанский вопрос³³.

Британская пресса (“News Chronicle”, “Daily Herald”, “Daily Express”), в свою очередь, освещала итальянские операции в окрестностях Мадрида в обидных для Италии тонах, о чем английскому послу Друммонду на встрече 16 марта указал Чиано, получив ответ, что названные издания – оппозиционные и не подконтрольные правительству³⁴.

Состоявшаяся тогда же (март 1937 г.) поездка Муссолини в Ливию, напомнившая знаменитое предвоенное путешествие Вильгельма II в Турцию, была остро воспринята британским

общественным мнением и внесла новую дозу раздражения в прессе. “Daily Telegraph” очень резко прокомментировала 15 марта этот факт в передовице “Новый спаситель ислама”³⁵.

Итальянское поражение под Гуадалахарой было расценено в Англии не без некоторого удовлетворения и дало повод для целой кампании насмешек и издевок над итальянской армией. Тональность выступлений британской прессы в марте 1937 г. была настолько резкой, что министр иностранных дел Италии Чиано, усматривая в них личные оскорбления Муссолини, четырежды приглашал к себе британского посла Друммонда для заявления протестов. “Обычно итальянская пресса отличается язвительностью. Теперь отличилась наша, британская”, – заметил тогда Р. Ванситтарт³⁶.

Как сообщала советская дипломатия, особое раздражение Муссолини вызвали французские и английские публикации о разгроме итальянских частей, “чувствовавших себя героями лишь перед лицом безоружных абиссинцев, и заявления газет, что испанский пример подтвердил всю историю поражений и слабости итальянской армии. Эти заявления побудили фашистскую прессу поместить серию инспирированных угрожающих статей ... указывающих, что война в Испании далеко не закончена”³⁷.

После ряда грубейших выпадов в адрес Англии, Франции и СССР, Муссолини закончил одну из своих статей заявлением, что “убитые под Гуадалахарой будут отмщены”. Дуче доказывал, что итальянские “легионеры” отнюдь не потерпели поражения под Гуадалахарой, они прекрасно сражались и побеждали”, но “вследствие большой ошибки командования вынуждены были отступить на 20 километров”³⁸. К этому времени относится известное выступление Муссолини с обвинениями англичан, готовых заметить соринки в чужом глазу, но не видящих вековых бревен в собственном³⁹. Эта речь была воспринята как сигнал к “бешеной антибританской кампании итальянской печати”, о чем докладывали в Москву советские дипломаты⁴⁰.

Римский корреспондент “Morning Post” (газеты, которая ранее поддерживала линию англо-итальянского сближения) в марте 1937 г. писал об англо-итальянских отношениях: “Нынешнее положение столь же плохо, как осенью 1935 г.”⁴¹ Муссолини неоднократно говорил Чиано, что британские и французские капиталисты с их “шакальей прессой” раздражают его даже более чем сталинское руководство СССР⁴².

Таким образом, испанская тема была удобна для взаимной негативной риторики в пропагандистской кампании. В июне–июле 1937 г. Муссолини, по определению советской дипломатии, про-

явил “большую журналистскую активность”⁴³. Его неподписанные статьи помещались в основном на страницах “Popolo d’Italia”. В них полностью поддерживались немецкие требования о “совместной демонстрации перед испанскими портами”. “Вынужденный” выход Италии и Германии из системы морского контроля объяснялся срывом англичанами и французами наметившегося соглашения четырех держав. Авторство статей не вызывало сомнений не у советской, ни у английской сторон, что было подчеркнуто при обсуждении текущих проблем Комитетом по имперской политике при Кабинете 1 июля 1937 г. Речь Чемберлена в Палате общин, посвященная испанским событиям, спровоцировала публикацию ответной статьи Муссолини под названием “Крик и лавина”. Обвиняя английскую прессу в публикации “ложных сообщений” об итальянском участии в испанском конфликте, дуче утверждал, что “если горная лавина еще и не обрушилась, то это произошло лишь из-за чувства подлинной европейской ответственности Германии и Италии, стран, правительства которых не являются рабами общественного мнения”⁴⁴.

В статье “Добровольцы и Лондон” (1 июля 1937 г.) Муссолини вновь обвинил Англию, а за ней Францию и СССР в помощи испанскому правительству. Поставка оружия из СССР, а живой силы из Франции привела, по мнению автора, к тому, что “испанские события приняли характер борьбы идеологий”, на что Италия не могла взирать равнодушно. Англия сама посылала волонтеров, а со стороны Италии и Германии было сделано все, чтобы локализовать испанский конфликт⁴⁵.

Эти тезисы были повторены остальными итальянскими газетами. “Regime fascista” опубликовала передовицу под говорящим названием “Прервать отношения”, в вызывающей манере утверждая, что “перед сильным и решительным тоном Италии и Германии эти два грязных господина, Иден и Блюм, не преминут, как всегда, принять вид баранов, надевших львиную шкуру”⁴⁶. Гайда, редактор “Il Giornale d’Italia”, считал ошибкой отклонение германских предложений по испанскому вопросу: англо-французский контроль означал покровительство валенсийскому правительству, он был бы, “безусловно, пристрастным и поэтому неприемлем”. В статье в “Voce d’Italia” Гайда категорично выступал против французских и британских газет, “желающих превратить испанский вопрос в средиземноморский”⁴⁷. Проблема средиземноморского пакта, активно муссировавшаяся до этого итальянской печатью, исчезла с ее страниц. По словам советского полпреда в Италии Б. Штейна (июль 1937 г.), “итальянская печать, с одной стороны, и итальянская дипломатия, с другой, хранят гробовое молчание по всем этим вопросам”⁴⁸.

В разгар этого информационного противостояния Иден не только отдавал очередное распоряжение Друммонду указать итальянской стороне на недопустимость как тональности, так и сути такого рода антибританских выступлений – он просил подчеркнуть при встрече с Чиано, что такие инсинуации отразятся в британском общественном мнении накапливающимся отрицательным и весьма плачевным эффектом в отношении Италии⁴⁹. В это же время в знак протеста, “в минуту крайнего раздражения”, дуче приказал отозвать всех итальянских журналистов из Англии. В Италию был запрещен ввоз британских газет. Данная акция никакого практического результата не имела, итальянская печать помещала английскую информацию, заимствуя ее из немецких газет. С 1 августа 1937 г. итальянская информационная служба в Лондоне была восстановлена⁵⁰.

Очередной всплеск пропагандистской кампании в англо-итальянских отношениях вокруг испанской проблемы будет связан с активизацией пиратства итальянских подводных лодок в Средиземноморье в августе 1937 г. (подробнее см. 5. 2). Но ее тональность с британской стороны несколько изменится в направлении поиска компромисса за счет традиционной политики “кнута и пряника”. 25 августа Ингрэм по поручению Идена предупредил Чиано, что в случае продолжения атак подлодок на суда (среди которых были и английские), направлявшиеся к берегам Испании, информация об этом появится в британских СМИ⁵¹. В период подготовки международной конференции по проблемам безопасности судоходства в Средиземном море (конец августа – начало сентября 1937 г.) оппозиционная пресса Великобритании была полна обличительных антиитальянских мотивов, проправительственная наряду с осуждением содержала и явно примирительные нотки.

Разнообразной окажется палитра оценок заключенного на Нионской конференции (сентябрь 1937 г.) международного соглашения о прекращении пиратства в Средиземном море (см. 5. 2). Оппозиционная печать справедливо замечала, что о значении конференции можно будет судить по результатам реализации соглашения. “News Chronicle”, “Daily Herald” считали, что ее решения усилят англо-французское военно-морское положение и позволят быстро решить проблему пиратства, Италия же окажется “в наиболее трудном положении со времен применения к ней экономических санкций”⁵². “Daily Telegraph” в передовой призывала Италию к сотрудничеству, а “Manchester Guardian” утверждала, что Британия в Нионе пошла на значительные уступки⁵³.

Италия, не присутствовавшая на Нионской конференции в знак протеста против советских демаршей, была не вполне удо-

влетворена ее решениями. В газетных комментариях разочарование сменялось раздражением и иной раз совершенно открытыми угрозами⁵⁴. Не намного изменился тон итальянской прессы и после присоединения страны по приглашению Англии и Франции (30 сентября 1937 г.) к Нионскому соглашению. Усиление антианглийских тенденций в итальянской прессе осени 1937 г. было, кроме испанского, связано с разгоравшимся дальневосточным конфликтом⁵⁵.

Антибританская риторика итальянской печати на рубеже 1937–1938 гг. стала определенным тормозом англо-итальянского сближения, на что несколько раз британский посол лорд Перт (Друммонд) обращал внимание Чиано, ставя в прямую зависимость от ее продолжения перспективу двусторонних переговоров⁵⁶. Одновременно аналогичная активная кампания наблюдалась на страницах германской прессы. Иден передавал инструкции Дж. Огилви-Форбесу: регулярно заявлять протест немецкой стороне. Примечательно, что параллельно с такими указаниями присутствовали распоряжения постоянно подчеркивать, что антигерманская пропаганда если и ведется в Британии, то только оппозиционными изданиями, неподконтрольными правительству⁵⁷.

Италия не ограничивала информационное воздействие на Британию печатным словом. Активное вещание в этом направлении вела расположенная в приморском городе Бари радиостанция. “Станция Бари выплескивает потоки антибританской пропаганды, пресса враждебна ... антикоминтерновский пакт усилился”, – писал в дневнике в феврале 1938 г. Чемберлен⁵⁸. Правда, в иные периоды в передачах этой радиостанции над испанской тематикой преобладали антианглийские лозунги для аудитории Ближнего и Среднего Востока⁵⁹.

После подписания в апреле 1938 г. англо-итальянского соглашения британская (не оппозиционная) пресса старалась избегать открытых антиитальянских выпадов, фашистские же СМИ взаимностью почти не отличались. Так, летом 1938 г. к общеполитическим причинам, которыми Британия мотивировала отказ от ратификации этого соглашения, присоединился и вопрос “о прекращении пропаганды [Италией]”, о чем британский посол лорд Перт 16 июля в очередной раз указал Чиано⁶⁰.

Оппозиционная печать обвиняла Чемберлена в проитальянских симпатиях и окончательном предательстве интересов Испании: “Либо британский премьер является наивным, либо намеренно слепым, если он не видит, какую страшную опасность несет Франции и Великобритании победа фашизма в Испании”⁶¹.

Как подытоживала в январе 1939 г. “Daily Herald”, “Чемберлен... утверждал, что положение в Испании не угрожает делу мира в Европе. В настоящее время, желая оправдать выдачу Испании на милость Италии, он ссылается на эту же угрозу”⁶².

Активная антибританская пропаганда в итальянской печати не всегда сопровождалась антифранцузской. Отличалась их мотивация и основные темы. Так, в начале войны в Испании Италия (параллельно с Германией) старалась оказать и информационное давление на официальный Париж. Франция обвинялась в причастности к началу испанских событий, в прореспублканских и просоветских симпатиях. Пресса откровенно шантажировала ее риском изоляции в Европе в случае активной политики в пользу Испании, недвусмысленно намекая на возможность ответных, но более содержательных мер со стороны Германии и Италии. «Можно себе представить, – писала, “Berliner Börsen-Zeitung”, – что будет во Франции, если “красные” одержат победу в Испании»⁶³. Несмотря на то что в январе 1937 г. после заключения “джентльменского соглашения” французская печать всячески прокламировала идею франко-итальянского сближения, этот шаг не нашел понимания у итальянской стороны. Итальянская пресса не без удовольствия перепечатывала французские публикации на эту тему под общим заголовком “Франция ищет дружбы Италии”. Гайда писал, что “Франция всячески пыталась в последнее время влезть в итало-английское соглашение, а когда ей это не удалось, то всячески задержать его подписание”⁶⁴.

Но, по данным советской дипломатии в Риме, в разгар антибританской кампании в итальянской прессе (октябрь 1937 г.) она “на днях снова получила директиву не трогать Францию. По словам Блонделя (французский поверенный в Риме. – В.М.), Муссолини не хочет сейчас полемикой против Франции усиливать те французские круги, которые требуют немедленного открытия пиренейской границы”⁶⁵. Антифранцузская пропаганда носила менее выраженный характер, так как в лице этой страны Гитлер и Муссолини видели, скорее, не столь серьезного противника, как Великобритания. Как писал в феврале 1937 г. Н.Н. Крестинскому советский полпред в Германии Я. Суриц, “одной из главных ставок Гитлера является игра на французских внутренних затруднениях, в частности, на распространении слухов об этих затруднениях”⁶⁶. По данным архивных источников, советская сторона собирала, систематизировала (например, в начале 1938 г.) и передавала французской информацию об антифранцузской пропаганде в Италии⁶⁷. Фашистская пресса инкриминировала Франции проведение в Комитете по невмешательству курса в пользу испанско-

го правительства. Антифранцузская пропагандистская кампания по испанскому вопросу продемонстрировала возможность изменения психологии “противника”, в данном контексте – заставить принять планы урегулирования.

Великобритания также активно использовала печатные средства давления на Францию в испанском вопросе. Так, после известного советского заявления в Комитете по невмешательству 23 октября 1936 г. “The Times” высказывала надежду, что французское правительство поддержит английскую позицию, даже если СССР выйдет из Комитета⁶⁸. Франция по ходу развития испанских событий становилась все более податливой. Вкупе с поправением политического руководства страны это будет иметь следствием и “ухаживания за Берлином и Римом”. Я. Суриц писал из Парижа М. Литвинову (ноябрь 1938 г.), что “под прямым давлением правительства прессы радикально изменила свой тон по отношению к Германии и Италии”⁶⁹. Это происходило на фоне активной антифранцузской кампании в итальянской прессе (ноябрь–декабрь 1938 г.)⁷⁰.

Несколько раньше (июль 1938 г.) советское посольство в Париже докладывало М. Литвинову, что ухудшение советско-французских отношений «очень сильно сказывается... и на нашем контакте с печатью. Он и раньше не был особенно блестящим, но все же такого положения, как сейчас, когда протаскивать самую невинную заметку становится делом архисложным, когда даже наших “испытанных” друзей приходится постоянно и не всегда с успехом понукать, раньше все-таки не было»⁷¹.

При оценке воздействия пропаганды как в самой Испании, так и в Европе в британских дипломатических документах августа 1938 г., попавших в распоряжение советского посольства в Лондоне (см. 2. 3.), отмечалось, что с начала конфликта и до указанного времени “оружие пропаганды у испанского правительства более энергично и более эффективно, чем у Франко, и достигло успехов в подаче Франко в искаженном виде в глазах мирового общественного мнения”⁷².

Само республиканское руководство несколько скромнее оценивало свои возможности в этом плане. Из докладной записки Центрального генерального штаба министерства национальной обороны от 31 мая 1937 г.: для того, чтобы “склонить на нашу сторону определенные страны ... обещания идеологического и сентиментального порядка были бы недостаточны ... в случае международной войны”. Уточнялось, что необходимо изучить возможности дать обещания территориального плана⁷³.

Методика и способы пропагандистской кампании по испанскому вопросу, разрабатываемые и используемые ведущими европей-

скими странами отличались разнообразием. Так, активно применялась тактика слухов и “утечки информации”. В феврале 1937 г. в Берлине циркулировали слухи, что для спасения Франко Германии потребуется увеличить помощь, что неизбежно приведет к конфликту с Англией и Францией. “Такие слухи здесь усиленно распространялись и даже просочились в печать. Я считаю, – писал Я. Суриц, – что они намеренно распускались немцами, чтобы под их прикрытием более незаметно подготовить решающий удар. Сейчас, когда после взятия Малаги выяснилось, что вся эта операция была проведена итальянскими войсками и германскими судами, мои коллеги начинают уже признавать, что дали себя увлечь намеренно распускавшимися немцами слухами”⁷⁴. Месяцем позже в Риме начали активно распускать слухи о готовящейся переброске в Испанию французских частей⁷⁵. Аналогичного рода слухи распространялись и печатью. 31 июля 1937 г. французский посол в Германии А. Франсуа-Понсе был вынужден заявить протест руководству МИД Германии по поводу антифранцузской кампании в немецкой прессе, муссировавшей слухи о якобы помощи Франции оружием Испанской республике⁷⁶.

Материалы Архива внешней политики РФ также свидетельствуют об активной кампании слухов в Риме и Женеве в декабре 1937 г. относительно готовившегося комбинационного удара Муссолини: одновременно с активной поддержкой военного наступления Франко дуче якобы заявит о выходе из Комитета по невмешательству. Эту информацию Б. Штейн получил от французского военного атташе в Риме. Эти же слухи были в ходу накануне заявления Италии о выходе из Лиги Наций (11 декабря 1937 г.). “По нашим сведениям, – писал Б. Штейн М. Литвинову, – решение о выходе из Лондонского комитета по невмешательству было действительно принято Муссолини, но в последний момент он воздержался от немедленного приведения его в действие. Повлияло ли на него известие со стороны Берлина, или же он решил, что выход из Комитета будет более эффективным в тот момент, когда войска Франко, подкрепленные итальянцами, начнут наступление – сказать еще трудно”⁷⁷.

Организовывались и “утечки информации”, которые, по мнению советского руководства, могли подорвать позиции оппонентов. Например, после получения Литвиновым “из достоверного источника сведений, что разговор английского посла в Берлине Гендерсона с Риббентропом (21 мая 1938 г.) носил весьма бурный характер”, а министр иностранных дел Германии, придя в бешенство, прокричал: “Ваша Британская империя – это пустая скорлупка. Она гниет и разваливается на части, существуя еще только

милостью Германии!”, Я.З. Суриц получил инструкцию: “Было бы неплохо, если бы эти подробности попали в серьезную французскую печать”⁷⁸. Аналогичную утечку информации о деятельности Комитета по невмешательству в дела Испании вопреки принятому общему коммюнике периодически организовывала советская делегация, навлекая на себя справедливый гнев других его членов⁷⁹. Типичная рекомендация по этому вопросу присутствует в письме Н.Н. Крестинского секретарю ЦК ВКП(б) Л.М. Кагановичу 10 октября 1936 г.: “Завтра нужно было бы поместить в газетах статьи по поводу вчерашнего заседания, заострив их пока против правительств Португалии, Германии и Италии, и лишь отметить стремление Комитета и его председателя уйти от обсуждения по существу поставленных нами вопросов, спрятавшись за формальными отговорками процессуального характера”⁸⁰.

Лорд Плимут 7 мая 1937 г. инкриминировал советской стороне превращение Комитета в “орудие пропаганды”. Он был поддержан Гранди и Риббентропом. Последний считал необходимым создать особую комиссию для “обнаружения виновников” постоянных утечек информации и “разработки мер по предупреждению подобных случаев в будущем”⁸¹.

Одним из последствий разгрома франкистов под Гуадалахарой в марте 1937 г. стали попытки Германии и Италии (при попустительстве Англии) отсрочить решение вопроса об эвакуации иностранных волонтеров из Испании. На 43-м заседании подкомитета (23 марта 1937 г.) на вопрос И.М. Майского, отказываются ли Италия и Германия вывести своих “добровольцев” из Испании, Гранди ответил, что “ни один итальянский доброволец не покинет Испанию, пока Франко не одержит победы”⁸². Это заявление не было включено в официальное коммюнике по итогам заседания. И. Майский описал произошедшее знакомым британским журналистам. Газеты от 24 марта содержали сенсационное сообщение: Италия оставляет своих “добровольцев” в Испании, несмотря на согласие на план контроля и эвакуации иностранных войск с Пиренейского полуострова. На заседании Комитета 24 марта советский представитель подвергся резким нападкам итальянского и германского делегатов по поводу “нарушения конфиденциальности работы Комитета”⁸³.

В западноевропейских СМИ практиковались также публикации “прогнозов” неправительственных источников и пропагандистская подготовка акций в Испании. По сведениям агентства Рейтер (8 ноября 1936 г.), английское и французское правительства якобы договорились не признавать правительство Франко автоматически, если Мадрид будет взят мятежниками. Агентство

указывало, что в таком случае создастся ситуация, напоминающая положение в Аддис-Абебе после итальянского вступления в город, когда британский посланник поддерживал контакт с оккупационными войсками исключительно в целях защиты британских интересов⁸⁴.

С июля 1937 г. в профашистской печати появились отрывки из дневников президента Испанской республики М. Асаньи, которые тот вел в 1931–1933 гг. в бытность председателем Совета министров. Как следует из материалов АВП РФ, этот дневник был украден франкистами у друга Асаньи Риваса Черифа, которому президент отдал его на хранение. Особенно охотно и с понятными целями печатались оценки Асаньи политических деятелей Республики. Так, Асанья якобы утверждал, что “Прието (министр финансов в правительстве Асаньи в 1931–1933 гг., министр обороны Испании в 1937–1938 гг. – В.М.) доходит до крайности в своих симпатиях и антипатиях”⁸⁵. Приводились наиболее одиозные и провокационные выступления испанских политических деятелей нереспубликанского лагеря. Например, высказывание руководителя партии Аксион Катала Николау д’Оливера (27 ноября 1938 г.) о том, что “дружба Испании с Советским Союзом может повлечь ненависть Англии, которая издавна видит в России непримиримого соперника”⁸⁶.

Советское руководство внимательно отслеживало не только ситуацию в Испании и вокруг нее, но и реакцию на собственные действия. Осенью 1936 г. отделом печати НКВД на основе данных советских полпредств составлялись специальные “Сводки материалов о невмешательстве в дела Испании”, “Сводки сообщений полпредств по вопросам невмешательства”, а также “Отклики иностранной печати или прессы отдельной страны”. В иные дни готовились даже утренняя и вечерняя “Сводки” параллельно с “Откликами...” и “Сообщениями посольств...”. В фонде “Секретариат Н.Н. Крестинского” найдено 55 таких сводок, датированных с 11 октября по 21 ноября 1936 г. В них анализировался не только ход событий в Испании и в Комитете по невмешательству, но и реакция на советскую тактику, материалы европейских СМИ разных направлений. Справедливо предположить, что ноябрем 1936 г. подача Отделом печати такой информации в НКВД и в “Инстанцию” не ограничивалась. Некоторые из сводок находятся в других фондах данного архива⁸⁷.

Типичный вариант инструкции советским дипломатам по этому вопросу содержится в депеше зав. 3-м Западным отделом НКВД А.Ф. Неймана советнику полпредства СССР в Париже Е.В. Гиршфельду (октябрь 1936 г.): “Ваши сводки представляют для нас ис-

ключительную важность. Необходимо, однако, чтобы они попадали к нам в такое время, чтобы их можно было еще использовать в тот же день. Саму сводку просим составлять несколько более обстоятельно, давая не только выдержки из газет, но и краткую общую характеристику позиции печати соответствующего дня по вопросу о невмешательстве⁸⁸. Аналогичные указания были направлены в советские полпредства и в Мадрид, и в Рим, и в Берлин⁸⁹.

Получаемая НКВД информация об иностранной помощи франкистам в иных случаях для большей доказательности посылалась в советское полпредство в Париж (осень 1936 г.), там она через знакомых дипломатам журналистов помещалась в ряд изданий без указания источника, а затем уже передавалась в Москву со ссылкой на французскую прессу. Вырезки из этих газет получал И.М. Майский в Лондоне и использовал их в обвинительных нотах и речах в Комитете по невмешательству. По мнению зам. зав. 3-м Западным отделом Ф.С. Вейнберга, “нам кажется, что эта практика использования данных материалов себя оправдывает”⁹⁰. В течение всей войны в Испании советская сторона регулярно прибегала в пропагандистской борьбе к этому приему⁹¹.

Аналогичная методика была использована, например, в 1937 г. по отношению к материалам, изданным баскским правительством, о действиях немецкой авиации на территории басков. Нейман передал их в советское посольство в Лондоне, уточняя, что “материал нуждается в отборе и удачной компоновке, после чего его легко использовать для печати”⁹².

Несмотря на бесспорность вмешательства Италии и Германии в испанский конфликт, НКВД СССР в начале декабря 1936 г. направлял полпреду в Париже В.П. Потемкину газетные материалы, которые могли “понадобиться в связи с предстоящим обсуждением на совете Лиги Наций испанского вопроса”. Входящая в них справка о нарушениях Соглашения о невмешательстве была составлена на основе телеграмм ТАСС и данных печати. “В связи с этим, – писал Вейнберг, – она, конечно, не имеет документального характера, но все же может быть использована”⁹³.

Известен факт субсидирования советской стороной ряда французских газет, в случаях непослушания редакторам указывалось, что “мы не можем своими деньгами оплачивать антисоветскую писанину. Мы готовы обещать от 10 до 15 тыс. швейцарских франков, но лишь при условии ее полной лояльности”⁹⁴. Почва для таких акций была подготовлена еще до начала войны в Испании: по данным полпреда СССР во Франции Потемкина, за 1935 г. на покупку лояльности французской печати (в частности, “L'Oeuvre”, “Paris-Soir”, “Paris-Midi” и др., а также агентства

“France-Press”) было израсходовано 1 млн 356 тыс. франков (в переводе на золотые рубли – 101 тыс.)⁹⁵. Обвинения в финансировании советской стороной газеты английских коммунистов “Daily Worker” периодически раздавались из уст британских дипломатов в адрес полпреда И.М. Майского⁹⁶.

В фонде ТАСС ГАРФ встречается сообщение и о такой форме советской моральной поддержки республиканской Испании: 3 июля 1938 г. в Марселе состоялся футбольный матч между командой “Барселона” (Испания) и “Торпедо” (Москва). И пусть игра закончилась со счетом 14:0 в пользу “Торпедо”, сообщение о самом факте матча (“Испания жива!”) было передано по всем зарубежным каналам ТАСС⁹⁷.

Таким образом, политика европейских держав в Испании в течение гражданской войны 1936–1939 гг. сопровождалась активной информационной и пропагандистской кампанией. Она подразумевала оправдание своей политики или собственной несостоятельности в разрешении кризиса на Пиренейском полуострове, дискредитацию курса других стран, попытки их столкновения с использованием испанской проблематики.

3.2. Испания (1936–1939) и антисоветский компонент европейской пропаганды

Идеологический аспект войны в Испании связывался европейскими лидерами с политикой СССР и активностью Коминтерна как в Европе, так и в Испании. “Расползания большевизма” опасались руководители и фашистских (собирательный термин – *В.М.*), и “демократических” стран.

Как известно, в результате внутривнутриполитической ситуации в СССР второй половины 30-х годов имидж Советского Союза в Европе упал. Свою негативную роль играл и психологический феномен недоверия Запада ко всему советскому. Заявления советской стороны на веру не принимались. Как характеризовал ситуацию американский историк А. Уолферс, “ни в одной области британской внешней политики чувства не играли такой значительной роли, как в ее отношениях к Советскому Союзу”⁹⁸. По мере своей эскалации и интернационализации гражданская война в Испании все больше воспринималась политическими кругами Европы как поединок между СССР, с одной стороны, и Германией с Италией – с другой. Об этом в НКВД регулярно докладывали советские дипломаты⁹⁹.

С появлением испанского очага напряженности антикоммунистический аспект западной пропаганды значительно расширился.

Рядом европейских СМИ был выдвинут тезис о “причастности России к началу испанских событий”. Дельбос на встрече с Майским 23 июля 1936 г. подчеркнул факт развязанной Гитлером пропаганды с обвинениями СССР в “организации испанской революции”¹⁰⁰. Эту тактику один из официальных органов немецкого министерства пропаганды будет характеризовать год спустя: “Национал-социалистическая пропаганда должна постоянно напоминать немецкому народу о том, как возникла война в Испании”¹⁰¹.

Уже через десять дней после начала мятежа в Испании британская “Daily Mail” писала: “Как Москва является цитаделью красных на Востоке, так Мадрид стал их ставкой на Западе”, “Выборы в Испании были инициированы большевиками”. Типичные заголовки лета–осени 1936 г.: “Испания в водовороте социальной смуты, подогреваемой и поощряемой Москвой”; “Это вмешательство было задумано советской властью и Коминтерном. Действия Германии и Италии – просто ответ на вопиющую агрессию коммунизма в Западной Европе”; “Испанская революция пробудила заглушенный революционный дух в СССР”¹⁰². Заметным увеличением публикаций антисоветского характера в первые недели франкистского мятежа отличались британские “The Times”, “Daily Mail” и “Morning Post”, французские “Le Figaro”, “Les Jours”, “Le Matin”, немецкие “Völkischer Beobachter”, “Berliner Tageblatt”, итальянские “La Gazzetta del Popolo”, “Il Giornale d’Italia”, помещавшие наиболее одиозные материалы. “Daily Mail” в редакционной статье от 6 августа 1936 г. требовала от британского правительства “похода против красного террора”. “The Observer” утверждал, что “истинно испанские патриоты стремятся спасти страну от волны варварства, угрожающей всей Европе”. “The Times” пестрила заголовками: “Разрушение Барселоны”, “Красные правят в Барселоне”, “Советы в Малаге”, “Террор в Барселоне”¹⁰³. В августе 1936 г. “Daily Mail” и “Daily Telegraph” обвинили СССР в том, что британский торговый кредит на сумму в 10 млн ф. ст. “уже отправлен Москвой красной Испании”¹⁰⁴.

При всей разнонаправленности и политической принадлежности этих печатных органов разницы в их подходах к трактовке характера испанских событий в июле–августе 1936 г. не прослеживается.

Правая пресса, замалчивая факты поддержки Италией и Германией испанских мятежников, публиковала заметки под громкими названиями о помощи испанскому правительству СССР и Францией. “Il Giornale d’Italia” сообщала о якобы отправке из Одессы в Испанию парохода с золотом и оружием. Основными эмиссарами Коминтерна и советского правительства в Испании назывались

Бела Кун, Троцкий, Примаков, Лацис, Штиллерман. Московским радиостанциям инкриминировалась подрывная работа – передача “подробных инструкций испанским рабочим о тактике гражданской войны и о планах Коминтерна”. Та же “Il Giornale d’Italia” перепечатывала интервью корреспондента “News Chronicle” с Франко, в котором тот заявлял о финансовой поддержке Мадрида Москвой, в частности об “использовании для этого 25% денег, выручаемых СССР в Испании за продаваемый бензин и другие нефтепродукты”¹⁰⁵. Английская печать связывала снижение призывного возраста в СССР в августе 1936 г. (с 21 года до 19 лет) с событиями на Пиренеях: “Содержание декрета не оставляет сомнения в совершенно иной причине его принятия”¹⁰⁶.

Заявление У. Черчилля в британском парламенте (11 ноября 1936 г.), что “если бы не Россия, русский коммунизм, пропаганда и интриги которого более шести месяцев накануне мучили Испанию, испанского ужаса не было бы”¹⁰⁷, в различных интерпретациях обыгрывалось многими печатными органами и Великобритания. С обвинениями, что без поддержки СССР “эта международная опасность не возникла”, выступали также британские журналы “The Army Quarterly”, “International Affairs”, “The Contemporary Review” и др., а также газеты¹⁰⁸. Это утверждение регулярно появлялось на страницах западноевропейской прессы в течение всей гражданской войны¹⁰⁹.

Наряду с инсинуациями такого рода европейские СМИ (особенно нацистские и правые во Франции и Великобритании) помещали материалы, утрирующие “коммунистическую угрозу” Испании и Европе. Следовательно (идея действия! – В.М.), требовалась решительная борьба с ней. После формирования нового испанского правительства в начале сентября 1936 г. “The Observer” писал, что этот “испанский Кабинет представляет левозэкстремистские силы и откровенно провозглашает своей целью установление коммунистической системы”, а немецкая “Deutsche Allgemeine Zeitung” характеризовала его как “господство коммунизма”¹¹⁰. Тактика противодействия ему предлагалась, например, итальянской печатью: “Непротиводействие Коминтерну – измена Европе, Коминтерн – это Россия, а Россия – это большевизм, который мы должны отбросить умирать в степи, если хотим спасти дух и единство Европы”¹¹¹. По мнению “Tribuna”, вмешательство в испанские дела Советского Союза, не имевшего интересов в Средиземном море, было продиктовано в большей мере мотивами идеологического характера¹¹².

Распространенными стали утверждения: “Гражданская война в Испании – международная война, и с одной стороны стоит Рос-

сия”, “Коммунизм борется на полуострове в большой битве, от результатов которой зависит судьба Европы” или: “Россия не хочет, чтобы Испания спаслась от русской мечты – господства в Европе через революцию”, “СССР хочет разжечь европейскую войну, снабжая испанское правительство оружием”¹¹³.

Республиканская Испания подавалась большинством европейских средств массовой информации как “плацдарм для советских экспериментов” и “бастион советских принципов в Западной Европе”: “Действительная власть в Мадриде перешла в руки Розенберга”, “Советские представители в Испании ведут себя вызывающе и не стесняются: дом Розенберга является местом, куда приходят за получением инструкций, а Антонов-Овсеенко выступает на митингах в Барселоне” (“Liberté, Les Jours”); “Один из трех человек, которые сегодня фактически управляют всем в Мадриде, – Розенберг” (“Il Messaggero”); “Горев – агент ЧК”, «Правительство Кабальеро – фикция, действительный “диктатор” в Мадриде и в Валенсии – полпред СССР в Испании Розенберг», “Работой испанского правительства руководит советский агент Розенберг”, “СССР стремится к советизации Барселона, что означает устранение всех международно признанных законов” (“Völkischer Beobachter”, “Berliner Börsen-Zeitung”)¹¹⁴.

Осенью 1936 г. австрийская “Wiener Neueste Nachrichten” считала, что “Италия сейчас больше, чем когда бы то ни было, выступит противодействием СССР в вопросах международной политики”, что особенно проявляется в испанском вопросе¹¹⁵.

Одним из результатов антисоветской пропаганды стало обретение тезисом о советизации Испанской республики к концу 1936 г. материальной силы – ее законное руководство теряло симпатии и даже моральную поддержку большинства европейских политиков. Этот факт даже побудил одного из руководителей Коминтерна Г. Димитрова в письме к Сталину от 5 декабря 1936 г. предложить, что испанскому лидеру Ларго Кабальеро после декларации о “борьбе против фашистского мятежа за установление парламентского режима в Испании, а не за Советскую власть” целесообразно сообщить о защите английской, французской и американской собственности в Испании и возможности их участия в восстановлении испанского хозяйства после войны: “Мне кажется, что такой шаг мог бы в некоторой степени улучшить международное положение Испанской республики”¹¹⁶. Можно говорить об очевидной попытке европейских СМИ активизировать запугивание “советской опасностью” и дальнейшем формировании тогдашними ньюсмейкерами в лице СССР образа врага.

Активно практиковавшаяся форма обработки общественного мнения через прессу – повторяемость в публикациях разного жанра фраз типа: “Все знают, что...” или “Русские даже не скрывают, что...”, что притупляет у реципиента критичность в восприятии. После них шли откровенные инсинуации или утрирование различных аспектов советской политики в Испании. Известное португальское обвинение в Комитете по невмешательству, что “война закончилась бы давно, если бы не вмешательство России, которая войну затягивает против желания испанского народа”¹¹⁷, было достаточно популярным в европейских СМИ.

Мотив пропагандистской кампании осени 1936 г. – о помощи СССР испанскому правительству – был направлен и на то, чтобы отвлечь общеевропейское общественное мнение от истинного размаха углублявшегося итальянского и немецкого вмешательства в испанскую драму. Этой задаче служили, например, выступления итальянской прессы, квалифицировавшей советскую политику в испанском вопросе как “бесстыдную”, “фальшивую”, помещавшей “разоблачительные” материалы относительно поставок Мадриду; немецкой, пытавшейся доказать готовность Германии “предотвратить вмешательство иностранных государств во внутренние дела Испании” и т.д.¹¹⁸. Как заявлял в конце сентября 1936 г. ТАСС, “немецкие фашисты, по всей вероятности, пытаются замаскировать нарушение декларации о невмешательстве в испанские дела и их помощь испанским фашистам, распространяя абсурдные антисоветские вымыслы”. По мнению сотрудников советского посольства в Риме, это заявление “в таком виде, конечно, не могло быть напечатано в Италии”. Полпредство, изменив текст этого документа и оставив только фактическую сторону дела, переслало его министру иностранных дел Италии Чиано с просьбой напечатать¹¹⁹. Полпред СССР в Италии Б.Е. Штейн неоднократно обращал внимание Чиано на “воспроизведение итальянской печатью заведомо фантастических и злобных небылиц” о советской позиции в испанском вопросе¹²⁰.

“Daily Mail” назвала советское заявление от 7 октября (“... если не будут немедленно прекращены нарушения Соглашения о невмешательстве, оно будет считать себя свободным от обязательств, вытекающих из Соглашения”) “нахальным запугиванием со стороны Москвы”. Тревога с оттенком угрозы сквозила в утверждении “Evening Standard”, что “в случае, если СССР окажет активную помощь Испанскому правительству, корабли мятежников столкнутся с советскими, а это может привести к военным действиям”¹²¹.

Немецкой и итальянской печатью использовалась и “тактика упреждающего удара”. Так, после советского заявления в Коми-

тете от 23 октября 1936 г. “Völkischer Beobachter” утверждала, что Соглашение о невмешательстве не существует: оно перестало функционировать в тот день, когда из Одессы отправился первый советский пароход в Испанию. Итальянская “Tribuna”, риторически спрашивая, где же кончается внешняя политика СССР и где начинается революционная политика Коминтерна, предупреждала: “Если сотрудничество [с СССР] окажется невозможным, то вина не может быть возложена на Италию”¹²².

В комментариях к советской тактике в Испании нередко применялись элементы шантажа и угроз. Итальянская “Tribuna” 24 октября 1936 г. писала, что после заявления Майского все предвидят изоляцию СССР. Берлинский корреспондент “Daily Express” со ссылкой на представителя германского правительства передавал, что “Германия не допустит перевозки какого-либо оружия через Балтийское море. Возможно, что для этого необходимо будет производить обыск советских пароходов”¹²³. Во время кризиса политики невмешательства (октябрь 1936 г.) немецкие информационные агентства распространяли сообщения, что СССР готовит открытую поддержку испанского правительства и что по этому поводу якобы подготовлено постановление Политбюро, заседавшего под председательством Л. Кагановича¹²⁴.

Советский Союз обвинялся в намерениях в случае падения Мадрида добиться установления “независимой Каталонской республики”¹²⁵. Итальянская “La Gazzetta del Popolo”, соглашаясь с “Regime fascista”, назвавшей советские действия “дьявольским планом”, добавляла, что “сепаратистские элементы Каталонии организованы и вооружены русскими эмиссарами, которые после разгрома Мадрида возьмут на себя командование силами, борющимися против генерала Франко”, а “Tribuna” указывала, что, “как считают в Берлине, не следует быть застигнутым врасплох” советской активностью¹²⁶. Французская “Le Matin”, итальянская “La Gazzetta del Popolo” предупреждали, что если Советский Союз захочет поддержать “независимую Каталонию” и это приведет к осложнениям в Средиземном море, Франция останется нейтральной, а франко-советский пакт не будет приведен в действие¹²⁷. В редакционной статье “The Observer” присутствовала неприкрытая угроза: “Поддержка Каталонии Советским Союзом приведет к катастрофе всей советской внешней политики. Британское правительство должно сделать резкий шаг, чтобы освободиться от пут политики Литвинова. Нужно разрушить систему пактов. Лига Наций мертва. Либо советское правительство перестает вмешиваться в чужие страны, либо чужие державы решат умиротворять Европу без Советского Союза”¹²⁸. Тетуанская (франкистская) радиостан-

ция 7 ноября 1936 г. сообщала, что якобы “в Барселоне советский полпред посоветовал испанскому республиканскому правительству провозгласить советскую республику на всех территориях, остающихся под властью правительства”¹²⁹. Итальянское радио пошло дальше, утверждая со ссылкой на немецкие источники (19 ноября 1936 г.), что представитель СССР в Каталонии “получил директиву добиться немедленного объявления советской каталонской республики, которая стала бы неотъемлемой частью СССР. Он получил также директиву добиваться защиты Каталонии любыми средствами. Против этого решения будто бы возразил тов. Ворошилов, который понимает серьезную угрозу столкновения в Средиземном море”¹³⁰.

Возражая заявлению М.М. Литвинова на VIII Чрезвычайном Всесоюзном съезде Советов о позиции СССР в испанском вопросе (декабрь 1936 г.), опровергавшего мнимую советизацию Каталонии, итальянская печать подчеркивала, что приведенные наркомом доказательства неубедительны¹³¹. Как показывает анализ архивных источников (АВП РФ), Каталония (особенно в лице президента Компаниса), наоборот, неоднократно высказывала претензии советской стороне в недостатке помощи, обвиняла советскую дипломатию в большем внимании республиканскому правительству. Из дневника Антонова-Овсеенко (24 октября 1936 г., беседа с Компанисом): “Жалуется на безобразное отношении Мадрида к вооружению Каталонии. Намекает на отсутствие нашей помощи”¹³². В целом злоупотребления “каталонской темой” были направлены и на то, чтобы еще больше разжечь противоречия между Мадридом и Каталонией, а обвинениями в просоветских настроениях по возможности оттолкнуть ее от СССР.

Большинство европейских политиков полагало в октябре 1936 г., что если предотвратить возможность военной помощи законному правительству, исход войны скоро будет предрешен в пользу франкистов. Против поддержки Республики было нацелено одно из главных направлений информационной войны конца 1936 – первой половины 1937 г. Утрировались характер, размеры, последствия советских поставок, их роль в ходе войны. Фальсифицировались виды советской техники, прибывавшей в Испанию, ее военно-технические характеристики. Делались попытки доказать, что советское оружие прибывало в Испанию с самого начала гражданской войны, а теперь, перед лицом неопровержимых доказательств (заявление лорда Плимута в Комитете от 23 октября), Советский Союз якобы вынужден признать это постфактум. Хотя в своем письме в Форин офис сотрудник Министерства обороны Великобритании майор Накьер вполне определенно заклю-

чал: “Нет подтверждений и очевидцев того, что Россия посылала материалы в Испанию до второй половины сентября”¹³³. Немецкой прессой активно использовалась тактика слухов о поставках советского оружия и самолетов в Испанию. Особенно активна в этом плане была “Völkischer Beobachter”¹³⁴.

На количественной стороне советских военных поставок нужно остановиться особо. Тезис о равенстве фашистских и советских поставок в Испанию старательно поддерживался европейской пропагандой в ходе всей войны, присутствует он и в зарубежной исторической литературе. Анализ документов и материалов свидетельствует, что такое отождествление было составной частью квалифицированно организованной антисоветской пропагандистской кампании. 24 сентября 1936 г. ТАСС по поручению советского правительства опровергал сведения итальянской печати, со ссылкой на “Völkischer Beobachter” сообщившей о выгрузке в Барселоне 200 советских самолетов и 70 тыс. советских винтовок в Мадрид¹³⁵. Иден в конце октября 1936 г. получил заключение британского военного атташе в Москве: советское правительство не сумеет обеспечить поддержку Республики нужным количеством танков, орудий, автоматов и амуниции без урона для Красной армии. Военно-воздушные силы СССР относительно слабы и неспособны поставить большое количество самолетов Испании¹³⁶. “The Times” тогда же писала, что “Россия не сможет состязаться с Германией и Италией”¹³⁷.

Амбиции умиротворителя нужно было удовлетворять. Ванситтарт комментировал записку сотрудника Форин офиса Сэрджента к заседанию Кабинета (январь 1937 г.): “Русские послали почти точно больше солдат в Испанию, чем немцы и итальянцы или столько же”. Иден, в свою очередь, добавил на полях: “Эти цифры будут очень полезны мне на заседании Кабинета в среду [13 января]”. Заслуживает внимания откровение тактического плана: “... мы смогли бы организовать утечку этих данных в прессу”¹³⁸. В приложении к ноте давались цифровые выкладки иностранного участия в гражданской войне в Испании. Согласно ему, немецких солдат в Севилье насчитывалось 6 тыс., итальянских – 14 тыс., советских – 15 тыс. плюс 2 тыс. в самом Мадриде¹³⁹ (и это при информированности высокопоставленных британских чиновников о реальном положении дел на испанских фронтах!). Страх английских правящих кругов перед “красной угрозой” небезуспешно использовали лидеры Германии и Италии. Без каких-либо комментариев, т.е. соглашаясь, “The Times” цитировала слова Риббентропа: “Около 35 тыс. русских сражаются в настоящее время в Валенсии”. Неделю спустя, 17 декабря 1936 г., в беседе с

Иденом Риббентроп довел эту цифру до 50 тыс.¹⁴⁰ Сознательно превратные цифровые данные подавались британскими “The Times”, “The Observer”, “Daily Mail”, немецкими “Völkischer Beobachter”, “Deutsche Allgemeine Zeitung”. Эту кампанию в Великобритании подстегивали, помимо всего, и открытые намеки Германии и особенно Италии, что в случае допущения Великобританией “установления коммунистической диктатуры в Испании” статус-кво в Средиземноморье резко изменится не в пользу англичан, невзирая на “джентльменское соглашение”¹⁴¹.

По словам сотрудника советского посольства в Риме Шейнина (декабрь 1936 г.), количество советских войск под Мадридом “растет с каждым днем, и некоторые ретивые журналисты пишут о 50 тыс. регулярных войск Красной армии”¹⁴². Итальянское радио сообщало в ноябре 1936 г., что среди правительственных войск находилось 9 тыс. советских солдат¹⁴³.

Тенденциозно освещался и вопрос о характере советского контингента, служившего в Испании. Так, несмотря на сообщение делегации шести членов британского парламента (ноябрь 1936 г.), посетившей Испанию и категорически утверждавшей, что “у нас нет доказательств существования русских войск в любом количестве у республиканского правительства”¹⁴⁴, британскими средствами массовой информации навязывалась мысль, что в испанской борьбе задействованы именно регулярные советские войска. Посол США в Испании Бауэрс писал в начале декабря 1936 г.: “Налицо непомерное и абсурдное преувеличение количества их сил. Прибытие огромного числа русских не осталось бы незамеченным ... Полное отсутствие нейтралитета и абсолютная потеря здравого смысла у некоторых моих коллег иллюстрируются фактом, что британский посол с полной уверенностью убеждал меня на этой неделе, что среди защищающих Мадрид нет испанцев. Это было по меньшей мере смешно”¹⁴⁵.

Осведомленность европейских политических кругов об истинном содержании советских, итальянских и немецких поставок в Испанию и преднамеренное искажение их размеров и характера позволяют говорить о целенаправленности развернутой пропагандистской кампании и введении общественного мнения в заблуждение.

Советская политика в Испании трактовалась также как попытка “поссорить великие державы между собой”: “Идея невмешательства похоронена (после советского заявления 7 октября 1936 г. – В.М.), и это является ударом для сторонников мира, так как последствия этого, несомненно, будут тяжелыми. В частности, проект нового Локарнского договора теперь обречен на провал”

(“Sunday Times”)¹⁴⁶. Советскому Союзу инкриминировалось, что “все три основных мирных проекта Европы: невмешательство в Испании, реформа Лиги Наций и Локарнское соглашение окончательно взорваны”¹⁴⁷. Обвинения повторялись на страницах французской печати: своей тактикой СССР “увеличивает трения между Францией, с одной стороны, и Германией и Италией, с другой, мешая их договоренности...” (“Le Matin”)¹⁴⁸. Обращает на себя внимание совпадение этой кампании с аналогичными в Германии и Италии¹⁴⁹.

В разгар следующего кризиса политики невмешательства (лето 1937 г.) европейская, особенно, итальянская и немецкая, печать опять возвратилась к тезису о заинтересованности СССР в общеевропейской войне на почве испанского конфликта, дополняя его аргументами об активизации советской военной политики в Испании, выразившейся в якобы бомбардировке “Дойчланда” самолетами с советскими летчиками на борту¹⁵⁰. Советский Союз обвинялся в провоцировании большой войны также путем курса на срыв “соглашения между четырьмя державами”¹⁵¹.

Летом 1937 г. итальянская пресса оправдывала пиратские действия своих подлодок в Средиземном море необходимостью эффективных мер для пресечения советским судам путей в Испанию¹⁵². В конечном итоге “безмерное злоупотребление советской угрозой, по мнению советской дипломатии, приняло неслыханный размах в связи с испанскими событиями”¹⁵³.

Можно говорить об относительном ослаблении к концу 1937 г. антисоветского мотива в западноевропейской пропагандистской кампании в связи с испанскими событиями. Центр политического внимания смещался в другие регионы Европы и мира, к тому времени советская позиция в испанском вопросе перестала казаться столь угрожающей и способной радикально повлиять на ситуацию.

Нужно признать, что основания для пропагандистских кампаний в течение всей войны в Испании в иных случаях давала и советская сторона. Например, Антонов-Овсеенко консультировал советника по внутренним делам Испании Агуадера по вопросу создания и функционирования органов госбезопасности по советскому образцу (октябрь 1936 г.): “Он выслушал очень внимательно, обещает, что многое из этого постарается провести в жизнь”¹⁵⁴. Весной 1937 г. временный поверенный в делах СССР в Испании Гайкис писал по этому поводу Н. Крестинскому: “Вмешательство консульства льет лишь воду на мельницу наших врагов”¹⁵⁵.

В июне 1937 г. Совет министров Испании, по сообщению советских представителей в Мадриде, принял решение “согласовы-

вать с нами свою дипломатическую активность”¹⁵⁶. Весной 1938 г. премьер-министр Испании Негрин через посла в СССР Паскуа просил “*дать ему окончательные указания Москвы* (курсив мой. — В.М.) по вопросу об участии испанских коммунистов в правительстве республики”. А позже Негрин передавал, что “с особым вниманием отнесся к советам Москвы”. Сталинское руководство, как известно, было против коммунистического присутствия в правительстве: “Если руководители Москвы считают целесообразным, чтобы испанские коммунисты не занимали в республике слишком заметных постов, Негрин признает для себя обязательным последовать этому указанию”¹⁵⁷. Дело доходило до того, что в марте 1938 г. испанский поверенный в делах в Польше Луис-Фунес пересылал через советского полпреда Давтяна свою докладную в испанское посольство в Париже в незапечатанном виде¹⁵⁸. Дополнительный негативный отпечаток на антисоветскую кампанию 1936–1939 гг. накладывали материалы о внутривнутриполитических процессах в СССР, активно подаваемые европейскими СМИ.

Антикоммунистический мотив оказался весьма выгодным и значимым для нацистской пропаганды. В министерстве пропаганды Геббельса функционировал так называемый антикоммунистический отдел (создан в 1935 г.). Муссолини преобразовал в феврале 1937 г. Министерство культуры, заменив старый Отдел экспорта фашистской идеологии новым Центром антикоммунистических исследований¹⁵⁹.

Существенная роль в антисоветской кампании принадлежала информационным агентам. Так, 27 октября 1936 г. (разгар кампании в связи с советской помощью Испании) агентство “Reuters Ltd” распространило в СМИ информацию о том, что советские пароходы “Волга”, “Сибирь” и “Ленинград” пересекли Суэцкий канал по пути из Владивостока в Испанию. В тот же день полпредство СССР в Лондоне передало ведущим английским газетам опровержение, подчеркивая, что пароход “Волга” находится на ремонте во французском порту Дувр; пароход “Сибирь” отправился 17 октября 1936 г. из Лондона в Ленинград, где проходила его погрузка. Пароход “Ленинград” был построен в 1889 г.: “Сейчас он настолько изношен, что его можно использовать лишь для береговых рейсов между советскими портами на Черном море. Он совершенно не выходил из Черного моря”. По настоянию советского посольства это заявление было напечатано в тот же день во всех лондонских вечерних газетах¹⁶⁰. 22 декабря 1937 г. агентство Рейтер передало сообщение, что “30 советских военных кораблей получили приказ выйти из Одессы в испанские воды и открыть стрельбу, если мятежники будут препятствовать советскому судо-

ходству”. По поручению советского правительства ТАСС выразил протест, подчеркнув, что информация “не соответствует действительности и является сплошным вымыслом”¹⁶¹.

В свое время Д. Ллойд-Джордж в разговоре с И. Майским подчеркивал, что британское “общественное мнение” мало интересуется Центральной Европой и не принесет каких-либо серьезных жертв ради Австрии или Чехословакии. Средний англичанин вообще даже не знает, что такое Чехословакия”¹⁶². Испанские события вызвали существенный резонанс в общественном мнении Великобритании, как и всей Европы. В том, что солидарность с Испанской республикой не вызвала поддержки советского курса в Испании, не последнюю роль сыграл пропагандистский фактор.

Антисоветская кампания в Европе во время войны в Испании 1936–1939 гг. возымела ряд серьезных политических последствий. Одним из них стал определенный уклон вправо британского общественного мнения в конце 1936–1937 гг. Даже Л. Блюм признавал “несомненный крен части английского общественного мнения в сторону Германии, особенно под влиянием испанских событий”. В сентябре 1936 г. “Daily Express” провела опрос: на чьей стороне будут симпатии читателей в случае войны между СССР и Германией. 15,9% были в пользу Германии, 6,3% – в пользу СССР, остальные 77,8% заняли нейтральную позицию¹⁶³. Иными словами, англичан, определивших для себя, кто – враг, кто – друг, более чем в два раза было больше тех, кто предпочел нацистскую Германию. Как следует из английских дипломатических документов, в мае 1937 г. СССР был отнесен британской стороной к числу государств, “которые потенциально могут угрожать британским интересам” и стать одним из “реальных врагов Англии в будущем”¹⁶⁴.

Гитлер и Муссолини хорошо знали цену “антибольшевистской пропаганде”. По мнению этих диктаторов, настроения английских консерваторов, их боязнь “всемирной революции” можно было удачно использовать в политических целях. “Антикоммунизм” был удобным оружием внесения осложнений между потенциальными союзниками. “Италия и Германия делали все, что было в их силах, чтобы усилить антисоветизм, обострившийся с начала войны в Испании”, – писал Н. Томпсон¹⁶⁵.

Советский полпред во Франции Я. Суриц докладывал М.М. Литвинову в марте 1938 г.: “По испанскому вопросу: прежнее топтание на месте. Нужно одновременно с прискорбием отметить, что бешеная пропаганда правых, доказывающая, что всякая активная политика Франции приведет неизбежно к войне, оказы-

вает свое разлагающее влияние на обывателя, пуще огня боящегося войны”¹⁶⁶.

“Идея ниспровержения большевизма, – справедливо отмечал Д. Литтл, – преследовавшая высокопоставленных политиков на обеих сторонах Атлантики, продолжала как никогда влиять на британскую и американскую политику во время гражданской войны в Испании”¹⁶⁷.

Ряд европейских политических и общественных деятелей (У. Черчилль, Ванситтарт, газетный магнат Бивербрук, Л. Эмери) адекватно оценивали “антикоммунистический ореол” информационной кампании, особенно в фашистской пропаганде. В своем меморандуме “Мировая ситуация и британское перевооружение” (декабрь 1936 г.) Ванситтарт писал: «Это [антикоммунистическая кампания] по большей части замышляется как покров германских планов в Центральной и Восточной Европе. Наша разведка частично настаивает на этом пункте и добавляет ... что “большевистская угроза” – очковтирательство, а установление международного антибольшевистского фронта под германским руководством более реалистично, так как это – специфическое средство восточной и юго-восточной экспансии»¹⁶⁸. Комментируя послание посла в Италии Э. Друммонда (апрель 1937 г.), с очередной статьей В. Гайды в “Il Giornale d’Italia” с инсинуациями против СССР (“Его помощь красной Испании не прекращалась ни на один день”), сотрудник британского МИД Шукбург отмечал: “Похоже, что кампания Гайды – облако дыма для прикрытия разрастающейся итальянской интервенции, которая обещает стать просто огромной в ближайшее время”¹⁶⁹. В 1939 г. британский историк Блайтон справедливо подчеркивал: “Опасность проникновения коммунизма ни что иное, как пугало, и даже привидение, она чересчур утрирована”¹⁷⁰.

Можно согласиться с Р. Уили, что гитлеровский антикоммунизм в Испании был частью большого европейского эксперимента, позволившего фюреру играть на итальянской, испанской, французской и британской биржах, раскалывая Народные фронты в Испании и Франции и препятствуя объединению Англии, Франции и СССР¹⁷¹.

* * *

Испания 1936–1939 гг. не приняла ни собственно фашизма, ни социализма (т.е. радикализма вообще). Италия преувеличила ее набожность (католичество), посчитав, что на этой основе можно будет получить в лице испанцев надежных союзников, Советский Союз же – левые настроения.

Политика европейских стран в испанском вопросе нуждалась в пропагандистской поддержке. Германия и Италия, открыто вставшие на сторону мятежников, сразу же развернули антиреспубликанскую кампанию. Англия и Франция оправдывали собственное “невмешательство”. Советский Союз получил возможность обличения политики стран обеих групп, отстаивая правоту своей тактики.

Всю западноевропейскую пропаганду (кроме, конечно, левых и левоцентристских изданий) объединял антиреспубликанский и антисоветский мотивы. Можно говорить о разной проблематике и нетождественных методах пропагандистской борьбы со стороны Италии и Германии против Британии и Франции. Дифференциация основывалась на оценке роли каждой из этих стран в Испании и Европе в целом.

Регулярно подвергалась сомнению и взаимной критике странами-членами КПН тактика в испанском вопросе. Помимо обвинений в нарушении Соглашения о невмешательстве (Германия↔СССР, Италия↔СССР), этим странам нарушения инкриминировались печатью различных направлений. Предметом обсуждения были формы, объемы поставок воюющим сторонам, затягивание в решении ведущих проблем невмешательства. Основные участники испанских событий – Италия, Германия и отчасти СССР – пропагандой также обвинялись в наличии серьезных геостратегических, политических и экономических интересов в Испании как основном поводе их вмешательства во внутренний конфликт. Франция Народного фронта систематически получала со стороны Германии, Италии и Великобритании почти безосновательные обвинения с элементами шантажа в поддержке республиканской Испании. Италия и Германия сопровождали пропагандистское воздействие на ситуацию и европейское общественное мнение военными методами.

Упор во взаимной информационной войне был сделан на обвинительном мотиве для прикрытия своих действий и преследовал очевидную цель – добиться их одобрения и даже поддержки со стороны общественного мнения. Распространенной в пропаганде стала практика упреждающего удара, тактика обличений, когда иные страны (особенно Германия и Италия) брали на себя роль обвинителя, чтобы не стать обвиненными (октябрь–декабрь 1936 г., июнь–июль, сентябрь–ноябрь 1937 г., весна 1938 г.).

Едва ли не более других из европейских стран пострадала от пропагандистской кампании вокруг испанских событий Франция. Идеологическое разделение Франции, явственно проявившееся в феврале 1934 г. и июне 1936 г., было, безусловно, усилено “испан-

ским фактором”, что в итоге ослабило как Народный фронт, так и саму страну, сделав ее более беззащитной перед гитлеровскими претензиями на гегемонию в Европе. Испанская проблема значительно поляризовала и британское общественное мнение.

Одним из ярчайших и типичных проявлений пропагандистской войны вокруг испанского вопроса в контексте двухсторонних отношений можно назвать англо-итальянское противостояние, сказавшееся как на отношениях Великобритании и Италии, так и на самой испанской проблеме.

Начало гражданской войны в Испании вызвало резкий всплеск антикоммунистической и антисоветской направленности пропаганды на Западе. Страх перед потенциальной коммунистической экспансией диктовал необходимость минимизировать роль СССР на международной арене. Можно условно выделить основные направления антисоветских кампаний: причастность СССР к установлению Народного фронта в Испании и началу гражданской войны; фальсификация сроков начала, форм и размеров советской помощи Мадриду; утрирование политики “советизации Испании”; шантаж европейского общественного мнения “советизацией континента”; обвинения советской стороны в нарушении политики невмешательства и якобы провоцировании на почве испанских событий общеевропейского конфликта. Наиболее острые всплески этих кампаний пришлось на сентябрь–октябрь 1936 г., февраль–март, июнь–июль, сентябрь и ноябрь 1937 г., весну 1938 г. С максимальным пропагандистским размахом они проводилось средствами массовой информации Германии и Италии.

С помощью антикоммунистической пропаганды на уровне массового сознания насаждались приоритеты внешней политики: от оправдания идеи экспансии (Германия, Италия) до оправдания курса умиротворения нацизма и фашизма перед лицом “коммунистической угрозы” (Великобритания, Франция). Антисоветская кампания подразумевала практические выводы: советская политика – это препятствие коллективной безопасности, провоцирование европейской войны; необходимо объединяться перед угрозой возможной советской агрессии, изолировать СССР как в испанском, так и в других животрепещущих международных вопросах.

Играя, в частности, на приеме “симпатия–антипатия”, европейской пропаганде (вне зависимости от политической принадлежности) удалось в определенной мере сформировать у рядового обывателя негативный образ испанского законного республиканского правительства, тождественного с коммунистическим, представляя его антиподом всего демократического и, главное, угрозой Европе. В результате был существенно смещен ракурс восприя-

тия событий в Испании. Наиболее распространенный итог этого: в стране шла борьба именно фашизма и коммунизма. Симпатий последний вызывать не должен был.

Смещение векторов европейской политики к лету—осени 1938 г. на фоне агонии Республики знаменовало существенное ослабление пропагандистской борьбы вокруг испанского вопроса, равно как и некоторую переориентацию в антисоветской тематике. Из всех международных аспектов испанского конфликта только идеологический объединил подавляющее большинство европейских держав — в его антикоммунистической ипостаси, в большинстве случаев перерастающей или совпадающей с антисоветской.

Едва ли не больше других от информационной войны выиграла Германия, этот опыт окажется очень востребованным в годы Второй мировой войны. Печальны последствия того, что и в Испании, и в Европе накануне Второй мировой войны водораздел сил по линии “фашизм—демократия” в большей мере отступил не без помощи пропаганды перед разделением “фашизм—коммунизм”, что в конечном итоге обеспечило поражение Испанской республики, во-первых, и демократии Европы, во-вторых.

Можно утверждать, что Испанская республика пала жертвой не только внутренних противоречий или военного превосходства лагеря мятежников, но и в определенной степени такого мощного оружия, как информационная война.

Военная составляющая международных аспектов испанского конфликта 1936–1939 годов

В условиях назревания мирового конфликта наряду с проблемами формирования союзов и потенциальных коалиций все большую роль начинали играть вопросы военной стратегии и тактики. Совершенствование военной техники, принципиальное изменение ее параметров снижало опыт Первой мировой войны. Региональные конфликты 30-х годов могли послужить предметом пристального изучения как политическими, так и военными аналитиками. Гражданская война в Испании и в силу территориальной приближенности к европейскому театру, и в связи с глубокой степенью иностранной вовлеченности представляла особый интерес.

Противоборствующие силы в Испании, обратившись за помощью к европейским странам, положили начало не только интернационализации внутреннего конфликта, но и превращению своей страны в военный полигон для испытания европейской военной техники в сверхважный для этого период – канун мировой войны. Эти роковые решения, как справедливо подчеркивает С.П. Пожарская, были, “возможно, неизбежные в предельно идеологически полярной атмосфере Европы”¹.

Уже 4 августа 1936 г. французский премьер-министр И. Дельбос в телеграмме послу в Лондоне Р. Камбону прозорливо замечал: “Испания превратится в место поединка военной техники великих держав”².

4.1. Иностранное военное вмешательство

Ни одна из противоборствующих испанских сторон не могла самостоятельно в военно-политическом плане и в короткие сроки одержать победу. На стороне мятежников оказались хорошо подготовленные марокканские войска, через несколько дней после начала войны они стали получать итальянскую и немецкую помощь сначала авиацией, несколько позже – другой военной техникой, амуницией и живой силой.

В республиканском лагере военная ситуация первые 2–2,5 месяца войны складывалась достаточно тяжело. “У правительства, к сожалению, не было ... единого руководства движением ... Правительственный декрет о роспуске армии и призыв к солдатам восстать против начальства и перейти на сторону республики ... отвлек некоторую часть солдат от восставших генералов... и дезорганизовал армию”, – подчеркивал в докладе о положении в Испании (сентябрь 1936 г.) Витторио Кодовилья, член делегации ИККИ в Испании. Эту картину дополнял Андре Марти на заседании Секретариата ИККИ (октябрь 1936 г.): “Старая армия почти исчезла... надо сказать, что они (республиканцы. – *В.М.*) имеют оружие, которое они плохо, неумело используют. Так, например, вначале раздавали хорошие маузеровские ружья девушкам, не имевшим понятия о том, как с этими ружьями обращаться. В 9 случаях из 10 это оружие, розданное милиционерам, приведено в негодность”³.

К осени 1936 г. вооруженные силы Республики представляли собой плохо управляемый конгломерат сотен различных по численности, партийной и профсоюзной принадлежности отрядов и колонн. Отдавая должное боеспособности ополчений и той огромной роли, которую они сыграли в начале войны, нужно признать, что политические противоречия внутри правительственного лагеря не позволили ему в полной мере использовать традиционный потенциал массовой партизанской войны. Идеологические пристрастия и амбиции командиров вооруженных подразделений нередко оказывались выше патриотического энтузиазма и готовности рядовых испанцев к защите.

Подробная характеристика военной организации противоборствующих испанских сторон не входит в задачи данного исследования. На основе доступных архивных и опубликованных документов вычленим военные проблемы, которые нужно было решать воюющим лагерям.

По данным Исполкома Коминтерна, на октябрь 1936 г. правительственные войска насчитывали 120 тыс. человек, “но боеспособных имеется максимум 30 тыс. человек... Остальные силы представляют собою разрозненные зачастую батальоны”⁴. Остро стояла проблема профессионально подготовленных кадров: командирских, рядовых – в артиллерии, авиации и танковом управлении. В сентябре 1936 г. сотрудник советского посольства в Париже М. Соколин писал в Москву: “Несколько дней назад началось обучение пехоты. На различных площадках можно наблюдать, как идет учение. Учебных винтовок нет; их заменяют либо палками, либо вовсе ничем не заменяют”⁵.

Не хватало вооружения: ружей, патронов, пороха, артиллерийских снарядов, авиации, танков и собственно амуниции. К началу гражданской войны испанская армия фактически не имела современных танков. В.А. Антонов-Овсеенко в первых числах октября докладывал Н.Н. Крестинскому: «...арагонский фронт не может развернуть успех у Уэски, потому что недостает патронов, а в Барселоне более 4 миллионов гильз и каждый день производится еще 100 тыс., но ни грамма пороху. Вторая грозная сторона – отсутствие современной авиации – в Мадриде осталось не более 6 истребителей и 1 бомбовоз; 4 октября противник уничтожил аэродром с 7 современными самолетами. В Каталонии же 25 “калош”, пара гидравлионов и пара бомбовозов (по слухам)»⁶.

В стратегическом плане республиканские силы отличались недостаточной маневренностью, невысокими темпами наступательности, слабостью разведки, в том числе полевой, почти полным отсутствием фортификационных сооружений: “вокруг осажденных и осаждаемых городов не было ни одной инженерной работы, не было самых примитивных окопов”⁷.

По сообщениям советских атташе, советников, дипломатов, в первые месяцы войны «бывали случаи, когда кажется, что люди просто не хотят защищаться... С трудом идут в бой, а иногда и вовсе не идут в “неурочное” время – завтрак, обед, ночь... Наряду с критикой испанской пехоты приходится слышать много похвал по адресу отдельных испанских героев. Но одной из слабых черт даже этих выдающихся вояк является чрезмерная любовь к театральности и бравоирование опасностью». В сентябре 1936 г. М. Соколин писал Н. Крестинскому: “Простое появление авиации, до всякой стрельбы, обращает республиканцев в бегство”. Розенберг добавлял: “Необстрелянные части приходят в ужас не только от бомбардировки самолетов, но и от пулеметов и других видов автоматического оружия”⁸. Аналогичная оценка состояния республиканских сил присутствовала и в сообщениях представителей Коминтерна в Испании: “... бойцы бросали траншеи, как только начиналась воздушная бомбардировка”⁹.

До официального оформления интербригад (14 октября 1936 г.) на стороне республиканцев сражалось немало иностранцев-добровольцев. В донесении М. Соколина (12 сентября) упоминается иностранная команда летчиков под командованием французского писателя Андре Мальро: “наилучшая группа правительственных летчиков”. Соколин отмечал, что испанцы часто болезненно относились к попыткам “иностранных друзей давать советы или навязывать свою волю. Я имею в виду взаимоотношения команды иностранных летчиков с испанскими военными властями”. В до-

кументе характеризуются боевые качества русских эмигрантов со ссылкой на “группу иностранных летчиков”: “Все они в один голос утверждали, что наилучшие пулеметчики всей народной авиации – бывшие русские белогвардейцы”. В тот же период был “единственный немецкий летчик, сражающийся на стороне Мадрида”¹⁰.

В другом письме М. Соколина (27 ноября) приводится оценка добровольцев самими испанцами: “Испанцы ошеломлены работоспособностью и самопожертвованием добровольцев. Они не понимают, как можно ночью воевать как днем, выполнять задания в срок и т.п. Их удивляет и даже, пожалуй, раздражает, что добровольцы забывают о еде, занятые обстрелом”. Добавим, что к тому времени потери частей интербригад составляли 30%¹¹.

У мятежников, по мнению зарубежных наблюдателей, в начале войны пехота была “вполне дисциплинирована. Особенно стойки марокканцы... Бывали случаи, когда марокканцы голыми руками захватывали действующие против них танки”¹². Но после потерь марокканцев в июле–августе 1936 г. перед Франко остро встала проблема людских резервов. “Регулярные части, которые пошли за Франко, – считал посетивший Испанию член британского парламента Робертс, – ненадежны и их держат главным образом в глубине оккупированных мятежниками провинций”¹³. До начала советской помощи Республике франкисты доминировали в военнотехническом плане. Не случайно в сентябре 1936 г. Франко подчеркнет, что победа будет за тем, чья техника окажется сильнее и кто лучше сможет ее использовать¹⁴. Правда, политическое единство отсутствовало и в лагере мятежников (карлисты, монархисты, фалангисты, и пр.), что играло на руку защитникам республики.

На начальном этапе войны (условно обозначим его границы Мадридским сражением, проигранным мятежниками в начале ноября 1936 г.) правительственные войска в количественном отношении превосходили силы генерала Франко (при этом построенные по милиционному принципу отряды сыграли решающую роль в обороне Мадрида), но зато в качественном уступали: “Франкисты изначально имели преимущество над республиканцами в дисциплине, а республиканцы – в инициативности бойцов”¹⁵.

Первой на просьбы Мадрида о продаже военной техники откликнулась Франция Народного фронта. Со ссылкой на прессу английский посол в Париже Дж. Клерк докладывал 27 июля 1936 г. Идену, что днем раньше испанский самолет с золотом стоимостью 19 млн франков на борту приземлился в Ля Бурже. Деньги были предназначены для оплаты амуниции и самолетов¹⁶. Симпатизировавший республиканцам министр авиации П. Кот в конце июля 1936 г. распорядился о поставках в Испанию боеприпасов, ружей,

пушек и пулеметов, авиационной техники с оборудованием и экипажами¹⁷. В Тулузе была сформирована эскадрилья “Испания” под руководством французского писателя-антифашиста А. Мальро. Французское правительство, как показано выше, колебалось: 25 июля 1936 г. Совет министров запретил продажу оружия республиканской Испании, 1 августа отменил запрет, 9-го – подтвердил его. Несмотря на последующее подписание Францией Соглашения о невмешательстве, частные фирмы сохранили, пусть и ограниченную, возможность поставки в Испанию самолетов без боевого оснащения¹⁸. В распоряжении эскадрильи “Испания” оказалось 17 самолетов-истребителей “Девуатин D. 372” со снятым вооружением. После установки на них пулеметов Викакса они вступили в бой. Тогда же, в августе 1936 г. республиканское правительство получило 12 французских двухмоторных бомбардировщиков “Потез-540”. К концу ноября 1936 г. в Испанию прибыли 10 самолетов типа “Девуатин D. 371”, позже – семь “Девуатинов D. 501”, два D. 510, пять “Луар-Ньюпор LN-46”, истребители “Спад-510”. Но состояние французской авиационной промышленности, чьи мелкие предприятия были разбросаны по всей стране и вплоть до 1938 г. не оснащены современным оборудованием, сказалось и на качестве самолетов. Серьезного противодействия итальянской и немецкой авиации эти французские самолеты в испанском небе не оказали.

Откликаясь на просьбу Франко о поддержке, Гитлер не планировал глубоко втягиваться в конфликт. Мотивы его военного вмешательства были прагматичны и расчетливы. Выступая на Нюрнбергском процессе, Геринг отметил, что это он посоветовал Гитлеру испытать в Испании немецкую авиацию¹⁹. Начало гитлеровской военной интервенции в Испанию исследователи условно делят на три этапа:

1) воздушная операция по переброске войск Франко из Марокко, решение активно поддержать Франко в борьбе против республиканцев (август 1936 г.);

2) усиленное расширение агрессии в рамках операции “Отто” (решение принято 19 сентября 1936 г.);

3) отправка в Испанию легиона “Кондор” (октябрь–ноябрь 1936 г.)²⁰.

Советская печать осенью 1936 г. отмечала: “В Мадриде отвергают возможность того, что мятежники оплачивают эти поставки. По всеобщему мнению, поставки мятежникам производятся на условиях территориальных уступок Германии и Италии”²¹.

26 июля 1936 г., на следующий день после отдачи Гитлером приказа об оказании помощи Франко, был создан так называемый

штаб “W” – формально особый отдел военного министерства, контроль над которым поручался Герингу (начальник штаба – генерал Х. Вильберг, затем – генерал Э. Енке)²². Уже 10 августа 1936 г. испанская газета “Кларидад” поместила фото немецких самолетов со свастикой. Это были “юнкерсы” для переброски войск из Марокко. Первые самолеты типа Ju-52с прибыли в Марокко уже 28 июля. Чуть позже в Испанию были направлены шесть морских разведчиков He-60. В конце июля из Гамбурга вышел пароход “Узарано” с 28 самолетами в разобранном виде, авиабомбами, снарядами и патронами на борту. Информацию о поставках немецких самолетов мировая пресса публиковала в течение всего августа 1936 г.²³

В конце августа поверенный в делах Германии в Мадриде Велкерс докладывал в МИД об успешной бомбардировке испанской столицы самолетами типа Ju-52, добавляя, что такие акции станут систематическими²⁴. В испанском небе опробовались немецкие бомбардировщики “Юнкерс (Ju)-52/3m”, “Юнкерс-87”, “Хенкель (He)-50”, He-111, DO-17, истребители He-45, He-46, He-51, He-52, “Хеншель” (H)-123, “Арадо”, “Мессершмидт 109”, морской разведчик He-60, штурмовик He-46с, торпедоносец He-59 В-2 и др. Всего же за войну в Испании Германия испытала 27 типов самолетов²⁵. Впоследствии Гитлер заметил: “Франко должен воздвигнуть памятник Ju-52. Этому самолету обязана победа в Испании”²⁶.

30 октября 1936 г. фюрер принял решение направить в Испанию авиаподразделение – легион “Кондор”. По данным американского историка Р. Проктора, в его составе службу в Испании прошло более 5 тыс. человек. В целом 19 тыс. немцев сражались на стороне Франко. На счету “Кондора” 386 сбитых самолетов, сам он потерял 160 воздушных машин разных типов²⁷. Полпред в Германии Г. Астахов так описывал (январь 1938 г.) отправку в Испанию военных специалистов-техников: “Всего отправляется 2 тыс. человек. Отправка идет небольшими группами по 50 – железной дорогой через Италию. Одну из таких групп сам собеседник видел на вокзале. Отправляемых заверяют, что участвовать в боях им не придется”²⁸. В условиях нарастания Мюнхенского кризиса (лето 1938 г.) немецкое командование стало отзывать из Испании наиболее опытных пилотов и оповещать, что они могут быть востребованы в Германии в августе²⁹.

Германия делала ставку на танк как на основу вооружения новых моторизированных войск. В Испанию первая партия немецких танков Т-1 прибыла в сентябре 1936 г. Это были легкие (6 т), слабо вооруженные (1–2 пулемета) танки со слабой броней

(6–8 мм). В начале февраля 1937 г. М. Литвинов имел информацию, что, “по довольно правдоподобным сведениям, в районе сосредоточения войск мятежников появились немецкие пушечные танки”³⁰. Ллойд-Джордж, описывая И. Майскому свою поездку в Германию в 1936 г. и наблюдение за маневрами в Баварии, подчеркивал, что особо понравившаяся ему немецкая противотанковая пушка “впоследствии оказалась столь полезной Франко в Испании”³¹.

«Гитлер вел себя достаточно осторожно, – считает Престон, – послав новейшее вооружение и небольшой по численности легион “Кондор”, напротив, вмешательство Муссолини возросло до такой степени, что он оказался в состоянии необъявленной войны с Испанской республикой»³². Несмотря на некоторую истощенность итальянского военного потенциала в результате абиссинской авантюры, Муссолини, подчеркивают такие исследователи, как Престон и Ковердейл, недолго колебался относительно военного вмешательства во внутренний испанский конфликт³³. Война в Эфиопии продемонстрировала необходимость владения современным оружием, например, маневренными танками (пулеметы танкеток в иных случаях оказывались бессильными перед пехотой противника) и создания механизированных частей. В абиссинской кампании уже были частично опробованы, как подчеркивал зам. министра по военным делам Байстроки, мощные и безопасные ручные гранаты, штурмовые мортиры, станковые пулеметы повышенной мощности, противотанковые орудия³⁴.

Некоторые из 17 сформированных в 1935–1936 гг. итальянских батальонов легких танков были применены еще в Восточной Африке. Война на Пиренейском полуострове с ее идеологическим и геополитическим подтекстом предоставляла удобный случай для дальнейшей проверки боеспособности как этих соединений, так и современных видов оружия. Это решение дуче отвечало его внешнеполитической доктрине – подготовке, как подчеркивалось в решении Совета министров Италии от 30 января 1936 г., “страны к большой европейской войне”³⁵. Из речи генерала Байстроки в палате депутатов 20 марта 1936 г. следовало, что Италию ждала “короткая, но яростная и бурная война; если же по причине высшего порядка война затянется, народ и армия, подготовленные к жертвам и сопротивлению, сумеют выиграть, чтобы развернуться при первой возможности”³⁶.

Убедившись, что Франко не сможет захватить Мадрид осенью 1936 г., Гитлер и Муссолини приняли решение разорвать дипломатические отношения с Испанской республикой и признать мятежников законным испанским правительством. Теперь никто не мог

упрекнуть их в том, что они помогают нелегитимному военному мятежу. Как подчеркивает М. Алперт, тем самым Гитлер и Муссолини связали себя обязательствами и уже не могли допустить военного поражения франкистов³⁷.

Ведущими в итальянской авиации 30-х годов были истребитель-биплан ФИАТ CR-32 (“Сверчок”) и трехмоторные бомбардировщики “Савойя S. 81” и S.79. Они и тяжелые транспортные самолеты, бомбардировщики “Капрони-111” и 113, SA-135, легкие бомбардировщики “Ромео-37” успешно опробовались в испанской войне³⁸. Вывод о значимости авиации в военных действиях итальянской политики и военные сделали еще в ходе абиссинской войны. Она, по мнению министра авиации Валле, “позволила обнаружить свои возможности. На расстоянии 4–6 тыс. километров была создана полная авиационная организация, способная питать целый воздушный флот ...Только благодаря авиации возможно удержать контроль над столь обширной областью”³⁹.

По переданным М. Розенбергом в Москву показаниям пленного итальянского летчика В. Патриарца (сентябрь 1936 г.), разобранные самолеты типа CR.32, выгружались, в частности, в Мелилье, перевозились для сборки на аэродром Надор, а затем – на аэродром Тегуана, откуда вылетали для участия в военных действиях в Севилью. Он подтвердил поставки франкистам боеприпасов калибра 7,7 и бензина. Патриарцу обещали жалование 1 тыс. песет в месяц. Итальянское консульство в Мелилье устраивало приемы прибывавшим из Италии офицерам. По словам пленного, военно-воздушный атташе посольства Италии Феррари был вынужден бежать из-за угрозы расправы с ним республиканцев. Описывая вылеты, летчик отмечал, что самолеты были оснащены 50, 70 и 100-килограммовыми бомбами испанского производства. На аэродроме, где проходила служба пленного (Касерес), числилось кроме немецких девять итальянских истребителей “Фиат”⁴⁰. Советские дипломатические и военные наблюдатели и разведка в течение всей войны докладывали в Москву о том, что “отправка аэропланов и военных материалов мятежникам продолжается итальянцами систематически”⁴¹.

CR.32 оказался самым массовым типом самолета испанской войны. На счету истребительной эскадрильи “Фиат” – большая часть из заявленных итальянцами 903 воздушных побед, ее члены были отмечены Франко медалями⁴². “Сверчки” использовались во всех крупных сражениях: в прорыве мятежников к побережью весной 1938 г. и в битве на р. Эбро, в величайшем за всю войну воздушном бою, а также в наступлении на Каталонию в начале 1939 г. По мере снижения активности республиканских ВВС

“Фиаты” все меньше работали как истребители и все больше – как штурмовики.

В самом конце войны в испанском небе появились итальянские истребители нового поколения – “Фиат G. 50” и “Макки С. 200”, по своим данным значительно превосходившие CR.32. Но именно CR.32 из группы “Ассоди Бастони” стал последним самолетом, сбитым в ходе гражданской войны 31 марта 1939 г.

Признано, что итальянские самолеты не были (по крайней мере на начальном этапе войны) слабее немецких. Во время визита в Италию в январе 1937 г. Геринг посетил авиационно-опытную станцию в Гвидони и подробно ознакомился с состоянием итальянской авиации. Советская дипломатия сообщала в Москву, что, по мнению Геринга (апеллирующему в том числе и к опыту испанской войны), “итальянские аэропланы совершеннее германских как в вопросах высоты потолка, так и в вопросах скорости”. Геринг поставил задачу использования немцами итальянского технического опыта. В обмен на это он предложил итальянцам передать германские патенты на производство синтетического бензина и каучука⁴³. По оценке советской дипломатии, после “джентльменского соглашения” (начало 1937 г.) “несомненно преимущество итальянской авиации над английской”⁴⁴.

В июле 1937 г. “Popolo d'Italia” писала, что вся итальянская авиационная и автомобильная промышленность работает в плане моторов, дизелей и других важнейших частей на заграничных патентах, конструкторская работа не развивается, Италия должна платить за это большие суммы в валюте⁴⁵. Несколько позже, в октябре 1937 г. советский полпред в Италии Б. Штейн, со ссылкой на английского коммерческого советника Носворси, докладывал М. Литвинову, что “половина фабрик, включая даже и военные заводы, сократили почти на половину свое производство из-за отсутствия сырья”⁴⁶.

Что касается использования в Испании итальянской наземной техники, то два батальона легких танков были сформированы уже 15 сентября 1936 г. и оснащены танкетками типа L. Италия также поставила Франко пулеметы двух видов, несколько миллионов патронов для винтовок и офицерских револьверов, 120 тыс. гранат (по данным 1937 г.), противотанковые орудия, снаряды⁴⁷. По качеству итальянские военные материалы уступали немецким, что отмечают многие исследователи. Ряд поставленных Италией пушек были изготовлены до Первой мировой войны, встречались ружья модели 1891 г.⁴⁸

Дипломатическое название “Итальянской военной миссии в Испании” в феврале 1937 г. сменилось откровенным “Доброволь-

ческий корпус” (“Corpo Truppa Voluntari”). В 1938 г. он включал 4 дивизии. Итальянские “добровольцы” были объединены в бригады со смешанным составом “Черные стрелы” и “Синие стрелы”, чью доблесть постоянно отмечал в своих приказах Франко. Итальянская печать называла их “нашими чернорубашечниками, нашей доблестной молодежью”⁴⁹. Вплоть до победы Франко в зоне боевых действий оставались также итальянские дивизии “Литорио” и “23 марта”. Итальянские “добровольцы” были также участниками испанского иностранного легиона “Тресио”. В ноябре 1938 г. сформировались еще две дивизии – “9 мая” и “Зеленые стрелы” (смешанная дивизия). Об их количественном составе советские дипломаты имели разноречивые сведения. Из дневника поверенного в делах СССР в Испании С. Марченко (21 ноября 1938 г.): “По одним данным, дивизии имеют до 18 тыс. человек, по другим – 12 тыс., наконец, третьи утверждают, что фактически в результате больших потерь состав итальянских дивизий не превышает 8 тыс. человек”⁵⁰.

На начальном этапе испанской войны Италия по понятным причинам старалась придать хоть относительную дипломатическую и военно-техническую маскировку своим поставкам мятежникам. Ее формы иллюстрирует пример с пароходом “Лигурия”, который вышел 28 апреля 1937 г. из Неаполя с солдатами и военными материалами. За два дня до этого итальянское морское министерство сообщило французскому и английскому правительствам о включении судна “Лигурия” в состав итальянской военной флотилии в качестве вспомогательного крейсера⁵¹. Эта уловка была предпринята для того, чтобы дать возможность пароходу избежать установленного порядка контроля, который, как известно, не распространялся на военные суда. В середине лета 1937 г. Италия предприняла другой маневр – в связи с предстоящими в августе учениями на Сицилии по всей стране шли учения местного значения с большим передвижением воинских частей. Под покровом этих перемещений посылка оружия в Испанию значительно облегчалась. По данным советского посольства в Риме, 17–23 июля ежедневно отправлялось морским и воздушным путем по 500 человек⁵².

С лета 1937 г. итальянская печать фактически перестала скрывать факт участия своей страны в испанских событиях. Газеты печатали списки и фотографии убитых, письма легионеров из Испании. Был выпущен специальный номер иллюстрированного журнала, посвященный “Черным стрелам”, под заголовком “Фашистская эпопея в окровавленной Испании”. Воспевались героизм и боевая выучка итальянских солдат: “Когда будет снято

покрывало с того, что происходит в Испании, мир увидит, что и там доблесть итальянских бойцов была на уровне старых боевых традиций”⁵³. Но, по мнению немецких военных, “без итальянской пехоты можно было в крайнем случае обойтись”⁵⁴. Советский полпред в Германии Г. Астахов записал в дневнике: “Немецкие военные продолжают острить насчет боевых качеств итальянцев”⁵⁵.

Французский поверенный в Риме Блондель поделился в конце сентября 1937 г. с советским дипломатом Гельфандом информацией об основном центре итальянских отправок в Испанию – порте Специя. Погрузка производилась в специальном, охраняемом и закрытом районе порта. В этот район прибывали большие итальянские суда и забирали войска и материалы. Пароходы уходили под охраной военных кораблей. Точно был установлен факт отбытия 900 артиллеристов, скомплектованных в сентябре 1937 г. из разных частей Италии, и “примерно 10 тыс. фашистских милиционеров. Среди последних находились якобы 2,5 тыс. немцев ... Блондель на основе своих подсчетов утверждает, что Муссолини решил довести число своих войск в Испании до 150 тыс. человек. Те же результаты подсчета дают итальянские информаторы”⁵⁶.

Существенной оказалась помощь итальянцев в подготовке пилотов. С марта 1937 г. итальянские офицеры основали также ряд школ по подготовке артиллеристов, военных инженеров, специалистов химической войны и др. К концу войны через эти курсы прошли 25 тыс. человек рядового и офицерского состава франкистской армии⁵⁷.

СССР, как известно, приступил к военной поддержке Испанской республики в конце сентября 1936 г. Советские дипломатические и военные представители в Испании приходили к справедливому выводу, что ход событий на том этапе во многом зависел от “размера дальнейшего подвоза и снабжения авиацией, танками мятежников со стороны Германии и Италии ... Этот фактор играет первостепенную роль по причине, неоднократно уже отмечаемой, – отсутствие военных навыков среди испанских трудящихся и вытекающая отсюда слабая сопротивляемость перед современной военной техникой”⁵⁸. Описывая прибытие в Аликанте советского парохода “Нева”, сотрудник советского посольства во Франции Б. Соколин, командированный в Испанию, в послании Н. Крестинскому подчеркивал: узнавая у грузчиков, что основным грузом парохода являлись не боеприпасы, а консервы, масло, сахар, “испанцы мрачно отходят. В Аликанте продовольствия много”⁵⁹.

Советское руководство в августе–сентябре 1936 г. от военной помощи Испании удерживали, как отмечалось выше, мотивы политического, географического и военного плана. Наряду

с ухудшением военного положения Испанской республики (Соколин – Крестинскому: “Накануне моего отъезда сбили 2 республиканских истребителя. Теперь их осталось всего 4”⁶⁰) на эволюцию советской позиции, как известно, повлиял внутривластный испанский фактор – изменение состава кабинета после правительственного кризиса начала сентября 1936 г. и формирование правительства Ларго Кабальеро с двумя представителями испанской компартии⁶¹.

В течение сентября 1936 г. советские дипломатические и военные представители в Испании, инструкторы Коминтерна отработывали сухопутные и авиамаршруты предстоящих поставок оружия и людей в Испанию. В донесении Соколина в НКВД СССР “Маршруты для поездки из Парижа в Мадрид” (12 сентября) предлагалось два авиамаршрута: Париж–Марсель, пересадка, Марсель–Барселона, пересадка, Барселона–Мадрид; Париж–Тулуза, пересадка, Тулуза–Барселона, пересадка, Барселона–Мадрид. Предполагаемая продолжительность – 4,5–5 часов. Железнодорожный маршрут Париж–Порт-Бу–Барселона–Мадрид занимал 13 часов⁶².

В ходе беседы Ф.Ж. Кюри в Академии наук СССР 28 сентября 1936 г. с зав. 3-м западным отделом НКВД Нейманом французский ученый подчеркивал, что одним из главных дефицитных материалов в Испании был порох, так как на территории, контролируемой правительством, не осталось пороховых заводов. Рассказывая о переправках нескольких разобранных французских аэропланов в Испанию, Жюлио Кюри сетовал, что на испанской границе “все приходится перегружать ввиду большей ширины колеи испанских железных дорог, особо затрудняя проталкивание каких бы то ни было материалов по железной дороге”⁶³.

Начавший работу в Барселоне генконсулом В. Антонов-Овсеенко докладывал в “Инстанцию” (НКВД), что его назначение “вызвало здесь расцвет огромных надежд на нашу помощь и чрезвычайный интерес к СССР”⁶⁴. В последующих телеграммах в Москву Антонов-Овсеенко постоянно настаивал на перераспределении военной помощи между Мадридом и Барселоной: “Я считаю совершенно неправильным направлять сколько-нибудь значительные вооруженные силы в Мадрид. В Мадриде они разложатся”⁶⁵. Тактика такого рода не могла не усугубить противостояние Мадрида и Барселоны и негативно сказаться на конечных итогах гражданской войны.

Согласно каталогу повесток дня заседаний Политбюро ЦК ВКП(б), решение о предоставлении военной помощи Испании было принято им 28 сентября 1936 г.⁶⁶ Советская операция по ока-

занию военной помощи Республике получила кодовое название “Операция X”.

Советская авиация в ноябре 1936 г. сыграла большую роль в судьбе Мадрида. Если, по заявлению морского министра и министра авиации Присто, в начале войны республиканское правительство имело больше самолетов, чем мятежники, то после двух месяцев “невмешательства” соотношение сил изменилось 12:1 в пользу мятежников⁶⁷. Майский в связи с этим писал М. Литвинову: “Приостановка лавинообразного наступления Франко и его неудачи под Мадридом на протяжении последних пяти недель отнесут здесь (в Лондоне. – *В.М.*) целиком на наш счет”⁶⁸.

В бою действия вступили советские бомбардировщики R-Z (“Наташа”) и СБ-2 (“Катюша”) – в то время наиболее совершенные самолеты своего класса (по скорости превосходившие итальянские и немецкие истребители), а также Р-5 (“Рязань” или “Расанте”), истребители типа И-15 (“Чатос”), И-16 (“Москас”). Основные противники И-16 конца 1936 – начала 1937 г. – немецкий истребитель He-51 и итальянский CR.32 значительно уступали ему по своим летным характеристикам.

Советский Союз продавал республиканскому правительству также легкие танки Т-26 (вес 8,5 т, максимальная толщина брони – 13 мм), броневые автомобили БА-3, БА-6, ФАИ и запчасти к ним, боеприпасы и походные авиамастерские. Летом 1937 г. в Испанию прибыла первая партия быстроходных советских танков БТ-5. Из основных видов вооружения СССР поставил в Испанию 648 самолетов, 347 танков, 60 броневых автомобилей, 1186 артиллерийских орудий, 340 минометов, 497 813 винтовок и др.⁶⁹

В марте 1937 г. министр авиации Испании Присто через полпреда Гайкиса обратился к советской стороне с очередным заказом на 100 истребителей и 50 бомбардировщиков, “от выполнения которого зависел, по его словам, в значительной степени дальнейший ход событий”. Гайкис добавлял: “Необходимость срочного пополнения республиканской авиации несомненна”⁷⁰. На заключительном этапе войны (декабрь 1938 – январь 1939 г.) испанское правительство просило поставить 200 тыс. винтовок, 3 тыс. винтовок-пулеметов, 2 тыс. тяжелых пулеметов, снаряды для 37-мм противотанковых орудий⁷¹.

Советские военные поставки оплачивались предоставленными правительству Республики кредитами, погашаемыми за счет продажи испанского золота, переданного СССР в объеме 510 т в качестве депозита⁷². К известным фактам добавим, что 30 сентября 1936 г. И. Эренбург, командированный в Испанию по решению Политбюро ЦК ВКП(б), в записке М.И. Розенбергу докладывал о

встрече с лидером каталонского правительства Л. Компанисом. Тот рассказал советскому журналисту, что испанцам удалось переправить во Францию золото, но испанское представительство в Париже, симпатизирующее мятежникам, предложило французским банкам не принимать его⁷³. Политбюро ЦК ВКП(б) 21 сентября 1936 г. рассматривало так называемый “Вопрос Гринько” (нарком финансов СССР. – В.М.) о переводе в Москву особого валютного счета и его использовании, а 17 и 19 октября – “вопрос Розенберга” о принятии на хранение в СССР золотого запаса Испании⁷⁴.

Экспертная комиссия при КПН в начале января 1937 г. приняла заключение о распространении невмешательства на финансовую помощь, запрещавшее поддержку обеих воюющих сторон в Испании в виде займов или кредитов третьими странами, сбор пожертвований и пр. Такие формы помощи запрещались для покупки оружия и военных материалов, подпадавших под соглашение о невмешательстве⁷⁵.

Европейские страны на разных уровнях в течение всей войны поднимали вопрос об испанском золоте. 12 января 1937 г. делегаты Германии и Италии в Комитете по невмешательству настаивали на рассмотрении проблемы вывоза золотых запасов испанского банка. Французский представитель в КПН добился, чтобы этот аспект обсуждался не отдельно, а как один из элементов общей проблемы расходов всей суммы заграничного экономического достояния Испании⁷⁶.

16 апреля 1937 г. Комитет по невмешательству постановил образовать комиссию юристов для изучения использования за границей испанских активов, в том числе и испанского золота. На первом заседании этой комиссии итальянский, немецкий и португальский дипломаты настояли на том, чтобы до обсуждения существа дела запросить информацию от правительств разных стран о количестве золота, депортированного из Испании после 18 июля 1936 г.: “куда это золото пошло, кому и при каких обстоятельствах оно было продано, в какой части оно депонировано на имя испанского правительства или др. имени”⁷⁷. Французский представитель Бадеван и советский С.Б. Каган при поддержке чехословацкого эксперта проф. Кучера занял отрицательную позицию по этому предложению, аргументируя тем, что задача новой комиссии – выявление и тщательное изучение международно-правовых аспектов проблемы испанских активов за границей, выяснение возможностей или затруднений, которые могли содействовать или препятствовать принятию мер против их использования в третьих европейских странах. Дебаты по этой теме на первых четырех

заседаниях комиссии продемонстрировали невозможность добиться компромисса между двумя точками зрения, отчет об ее работе был направлен Комитету по невмешательству для устранения и решения возникших проблем⁷⁸.

Секретарь итальянского посольства в Лондоне маркиз Кастелано конфиденциально сообщил Кагану, что упорное желание итальянцев любой ценой получить точные данные о количестве вывезенного испанского золота вызвано тем, что один из перешедших на сторону Франко директоров испанского банка начал во французском суде процесс с целью добиться решения о незаконности вывоза золотого запаса или его части за границу. Для ведения процесса требовались точные количественные данные и информация о нахождении золота. По словам Кастелано, французское правительство не было заинтересовано в предоставлении нужной информации⁷⁹. В июле 1938 г. парижский апелляционный суд отказал испанскому правительству во встречном иске по возврату 40 500 кг золота, депонированного Испанским банком во Французском банке⁸⁰.

В марте 1938 г. Литвинов сообщал “в самом секретном порядке” поверенному в делах СССР в Испании Марченко, что Республике предоставлен очередной кредит в 75 млн долл. из 3% годовых: “Половина обеспечивается золотым фондом. Заказы размещаются в СССР. Паскуа выражал удовлетворение”⁸¹. С этого времени, как утверждают некоторые исследователи, “Операция X” проводилась в кредит⁸². Но, как следует из вышеприведенного документа, Испании предоставлялся “*очередной* (курсив мой. – В.М.) кредит”. Кроме того, в Архиве внешней политики РФ обнаружена запись беседы зам. наркома иностранных дел В.П. Потемкина с испанским послом Паскуа, датированная 14 октября 1937 г. Документ заканчивается следующим абзацем:

“В заключение беседы Паскуа обратился ко мне с просьбой напомнить Молотову о вопросах, поставленных при свидании Паскуа с тов. Сталиным. Дело идет, во-первых, о предоставлении испанцам возможности закупки в СССР необходимых им предметов не за наличный расчет из золотого фонда, а на условиях кредита; во-вторых – о предоставлении Республиканскому правительству займа, платежи по которому обеспечивались испанским золотым фондом и, если понадобится, серебром и драгоценностями, принадлежащими тому же правительству; в-третьих – о товарообменных операциях между СССР и Испанией. Паскуа добавил, что имеет поручение Негрина просить нас о скорейшем разрешении вышеназванных вопросов.

Я обещал Паскуа передать Молотову его просьбу”⁸³.

А еще в июле 1937 г. Паскуа в “срочном разговоре” сообщил Потемкину о поручении своего правительства – просить перевести для Валенсии 40 млн долл., “из коих 15 млн необходимо переслать немедленно”. Паскуа пожаловался зам. наркому иностранных дел, что нарком финансов “тов. Гринько, у которого он многократно просил срочного свидания, в течение двух последних дней до сих пор не удосужился его принять”⁸⁴. Следовательно, можно предположить, что первые советские кредиты Испанская республика получила значительно раньше марта 1938 г.

8 марта 1938 г. Паскуа в беседе с Потемкиным высказал опасение, не стало ли известно Германии через Гринько и Крестинского, “которые признались в своих изменнических контактах с немцами, о нахождении испанского металла в СССР. Если такой вопрос не ставился на предварительном следствии, можно было бы выяснить потом, в порядке дополнительного допроса”. Потемкин ответил послу, что сообщит “о его опасениях кому следует”⁸⁵. Этой встрече предшествовала другая (10 февраля), на которой Паскуа по просьбе Негрина передавал советскому руководству, что произведена уплата в размере 50 млн франков для погашения задолженности испанского правительства Наркомату внешней торговли. В течение ближайших двух недель испанская сторона обещала погасить остальную часть задолженности⁸⁶.

Архивные источники подтверждают вывод о значительной зависимости Испанской республики в гражданской войне от советских поставок. Накануне окончательного отъезда из СССР (февраль 1938 г.) Паскуа подчеркивал в беседе с Потемкиным: “Главной опорой этого правительства (Х. Негрина. – В.М.) была до сих пор активная помощь, оказываемая ему со стороны СССР в военных и экономических областях. В настоящее время ощущается ослабление этой поддержки”. Послу было поручено сигнализировать Москве о критическом положении Республики и “добиваться решений, которые помогли бы... улучшить военное и продовольственное снабжение страны”. Сам Паскуа считал, что не выполнил возложенных на него задач и расценивал немедленный вызов в Барселону как фактический отзыв из СССР⁸⁷.

В начале января 1939 г. министр народного хозяйства и финансов Испании сообщил советскому поверенному Марченко, что, по имеющимся у него данным, прекращена отгрузка нефтепродуктов в Испанию, что ставило в очень тяжелое положение армейский транспорт и флот: “Он думает, что эта мера вызвана временными причинами, и просит выяснить, когда можно рассчитывать на возобновление отгрузки”⁸⁸.

Советское военное вмешательство в испанский конфликт не ограничивалось технической стороной. В. Антонов-Овсенко в ноябре 1936 г. докладывал в Москву о разработке им проекта правительственного воззвания и декрета о создании народной армии: “Народная армия складывалась бы из 2-х частей: действующей и народного ополчения. Действующая – из фронтовой дивизии, дивизии береговой обороны и дивизии революционной охраны. В народное ополчение включаются колонны военного обучения, военно-строительные колонны и санитарные. Декрет включает также и мобилизацию промышленности. Все вооруженные получали возможность, пройдя через особые межпартийные приемочные комиссии, поступить в соответствующие части”. Антонов-Овсенко попытался навязать испанскому руководству данный проект. Послание М. Литвинову с отчетом он заканчивал словами: “Здесь придется сильно, упорно и систематически нажимать”⁸⁹.

Месяцем позже в донесении в “Инстанцию” (НКВД) Антонов-Овсенко предлагал такую тактику: “В десятках газет, во многих выступлениях надо день ото дня вдалбливать каталонцам уроки нашей борьбы и разъяснять нашу позицию”⁹⁰. Поверенный в делах СССР в Испании Марченко в сообщениях в Москву подчеркивал, что “неоднократные мои настояния на смене руководства флотом не увенчались успехом”⁹¹.

С подачи советских военных советников были созданы Главный штаб народной армии Испании, школы и курсы по обучению бойцов и офицеров владению советским и иностранным оружием, служба тыла, шло строительство укреплений под Мадридом, организовывалась санитарная служба⁹². Существенную роль в подготовке армейских кадров и руководстве военным строительством, равно как и боевыми операциями, сыграл институт военных советников Народной армии Республики, действовавших как при Главном штабе армии, так и в боевых частях⁹³.

Можно согласиться с Ю. Рыбалкиным, что ситуации на испанских фронтах иногда затруднялись “поступавшими, но противоречивыми и не всегда оправданными указаниями из Москвы”⁹⁴. Так, на следующий день после битвы под Гуадалахарой (19 марта 1937 г.) информатор “Штык”, “ссылаясь на записку тов. Леонидова Клементя Ефремовича (Ворошилова. – В.М.)”, в которой предписывалось организовать серьезное наступление на Арагонском фронте, отмечал, что при тогдашнем состоянии этого фронта указание невыполнимо – “надо это наступление подготовить”⁹⁵.

В боевых действиях в Испании активное участие, как известно, принимали советские военные специалисты. Республику за-

пищали 772 советских летчика, 351 танкист, 100 артиллеристов, 77 моряков, 166 связистов, 141 военный инженер и техник⁹⁶.

Численность немецких и итальянских войск, защищавших Франко, в разных источниках колеблется от 16 до 19 тыс. человек (Германия, в иных исследованиях называется цифра в 40 тыс. человек), от 40 до 80 тыс. (Италия) и около 4 тыс. советских военных специалистов (в Китае в 1937–1939 гг. – 3665)⁹⁷.

В оценке объемов германской и итальянской поставок военной техники, оружия и боеприпасов в Испанию за 1936–1939 гг. отечественная и зарубежная историография расходятся. Но объяснение разночтений тем, что “в то время не был четко налажен учет”⁹⁸, представляется упрощенным. Трудно согласиться с тем, чтобы немецкие военные или бизнесмены не вели учета. Точнее будет трактовать этот факт вероятной ликвидацией всей или большинства компрометирующей документации. П. Престон справедливо замечает, что цифры поставок “в руках историков подвергаются поверхностному обращению”⁹⁹.

Всего в испанских событиях были задействованы 729–859 итальянских самолетов (по зарубежным источникам) или 1000 (по российским), немецких – 708 (по зарубежным источникам) или 593 (по российским) и советских – 648¹⁰⁰. Для сравнения: советская помощь Китаю (1937–1939 гг.) включала 985 самолетов, орудий разных калибров более 1300 (в Испанию – 1186), пулеметов – более 14 тыс. (в Испанию – 20 486)¹⁰¹.

По данным М. Алперта, испанский (франкистский) долг Италии к концу гражданской войны равнялся 8,3 млрд лир, по двустороннему соглашению сумма была зафиксирована в размере 5 млрд лир (56 млн ф. ст.)¹⁰². На 6 ноября 1937 г., по оценке Муссолини, итальянцы затратили на войну в Испании уже 4,5 млрд лир¹⁰³. Недалеки от истины были данные советской дипломатии и разведки: “...испанская авантюра обошлась Италии уже [сентябрь 1937] в около 3 млрд лир”. Месяцем позже Б. Штейн писал Литвинову о расходах в Испании, “которые несет Италия (по некоторым подсчетам, они уже достигли суммы в 4 млрд лир)”¹⁰⁴.

Наиболее близкие к реальным данные приводит в своей монографии Дж. Ковердейл. В качестве источника он называет испанские документы¹⁰⁵. При этом автор оговаривается, что сумма итальянских поставок – 6 млрд лир, или 64 млн ф. ст. по ценам 1939 г. – не вызывает у него принципиальных возражений, в то время как сумма немецких, по его подсчетам, составила от 412 до 540 млн рейхсмарок (или 35–46 млн ф. ст.). В сохранившихся германских внешнеполитических документах эта цифра меньше, у американского исследователя Р. Уили, наоборот, она больше¹⁰⁶.

При значительных качественных преимуществах ряда видов советской военной техники, использовавшейся в Испании, ее количественная сторона существенно уступала итало-германским поставкам, что сыграло не последнюю роль в причинах поражения Республики¹⁰⁷. Глубокая степень интернационализации конфликта ставила его исход в прямую зависимость от внешней поддержки оружием и боеприпасами. Можно согласиться с А. Шубиным, что в таких случаях “можно обойтись без иностранного контингента, но нельзя – без современного оружия. В XX в. поставки оружия зависели от нюансов дипломатической игры”¹⁰⁸.

4.2. Военно-технические уроки войны в Испании

Поставки военной техники и людей в Испанию в 1936–1939 гг. тщательно отслеживались самими участниками конфликта (Германия, Италия, СССР) и другими европейскими странами. Донесениями дипломатов, атташе и “информаторов” на эту тему пестрят архивные документы, равно как и зарубежные опубликованные материалы данного периода¹⁰⁹.

В документах британской внешней политики (конец ноября 1936 г.) встречается знаковая фраза: “Почти каждое судно, направляемое с военными материалами из России, известно”¹¹⁰. Курировавший этот вопрос сотрудник министерства обороны Великобритании майор С. Нэпьер в своих докладах в МИД и другие инстанции ссылаясь на источник в Стамбуле, “который снабжает аналогичной информацией Германию и Италию” (!)¹¹¹. Не случайно в турецком архиве британскому исследователю Д. Уотту встретились два доклада немецкого военного атташе в Анкаре, содержавшие достаточно полную картину советских морских поставок в Испанию с сентября 1936 по март 1938 г.¹¹² Фактом являлось и то, что английский флот собирал информацию о советских военных поставках (по морю) республиканской Испании. Эти данные британская дипломатия регулярно передавала Германии¹¹³.

Франция, несмотря на все попытки закрытия границы с Испанией, предоставляла свою территорию для транзита “значительного транспорта оружия и военного снаряжения” (В.П. Потемкин)¹¹⁴ за Пиренеи, правда, пытаясь не испортить при этом отношений с Германией или Британией. “Боннэ между прочим, – писал в июне 1938 г. Гиршфельд М. Литвинову, – указал мне, что немцы и англичане прекрасно в курсе транзита через Францию, что заставляет соблюдать величайшую осторожность и бдительность”¹¹⁵.

В Испании, как было показано выше, прошли испытание многие новейшие виды вооружений и подтвержден тезис о характе-

ре грядущей мировой войны как войне моторов. Толчок получило развитие европейской авиации и бронетанковой техники. Наиболее серьезное военное столкновение (тем более уже на континенте) кануна Второй мировой войны заставило как его прямых участников, так и наблюдателей сделать выводы военно-технического плана. Оговоримся, что рассмотрение роли флота в испанской войне – тема отдельного исследования.

Начальные оценки не всегда отличались объективностью и адекватностью. Так, например, в конце 1936 г. в дипломатических кругах Берлина господствовал тезис о том, что в соревновании различного военного вооружения в Испании немцы непрерывно терпят одно поражение за другим. Даже делался вывод, что это обстоятельство заставляет Германию спешно пересматривать планы готовящегося нападения на чехословацкую территорию¹¹⁶. А немецкое военно-политическое руководство наряду с крупнейшими производителями уже в августе 1936 г. сделало вывод, что “предстоящая война будет войной техники... Конечно же, наше оружие обладает хорошими качествами, но оно обескураживающе разнородно. Нужно его перестроить... Основным принцип должен состоять в том, чтобы пехота была вооружена только автоматическим оружием – от автомата (пистолет-пулемет) до автоматического артиллерийского орудия. Тогда она сможет самостоятельно вести оборонительный бой против любого агрессора на земле и в воздухе”¹¹⁷.

Пристальнейшему вниманию и анализу подверглась авиация: технические характеристики, тактические приемы и стратегическая роль в войне. “Под Гуадалахарой только при помощи самолетов так блестяще была завершена боевая задача и выиграно сражение”, – эту точку зрения “Вестник воздушного флота” в начале 1939 г. трактовал как английскую¹¹⁸. Оказалось, что итальянский “Фиат CR. 32” немного уступал И-15 и И-16 по маневренности и из-за большего веса (в 1,5 раза). Последний если и давал итальянскому истребителю некоторые преимущества, то только в пикировании. «Маневренные истребители типа “Фиат-32”, которые считаются устаревшими, хорошо ведут воздушный бой, имея подчас меньше скорости, чем многоместные самолеты», – полагали обозреватели¹¹⁹. Немецкие “юнкеры” могли применяться лишь при отсутствии у противоборствующей стороны действенной системы ПВО и самолетов-истребителей. Они господствовали в испанском небе до тех пор, пока у республиканцев не появилась зенитная артиллерия и советские истребители с высокими летно-тактическими данными. Такое изменение обстановки наглядно продемонстрировало, что данный самолет не в полной мере отве-

част предъявляемым к нему требованиям. Поэтому, уступив свое место более совершенным бомбардировщикам, Ju-52/3т стали использоваться лишь в качестве транспортных и десантных машин, как основной тип самолета военно-транспортной авиации нацистской Германии¹²⁰. Уже в 1936 г. немецкие летчики применили новый вид бомб – фугасные¹²¹.

Воздушные бои в Испании показали, что по скорости первые самолеты серии “Мессершмидт-109” (кроме 109С) не имели преимуществ перед советскими И-16 и уступали им в скороподъемности и вооружении. В целом же по своей боеспособности эти машины оказались близки, и все зависело от тактики ведения боя и искусства пилотирования. Наблюдатели уже осенью 1936 г. отмечали, что, развивая скорость до 175 км/час, немецкие и итальянские бомбардировщики уходили от преследования, но существенно теряли в точности бомбометания¹²².

Появившиеся в Испании к лету 1937 г. немецкие истребители Me-109Е, бомбардировщики He-111, итальянский бомбардировщик “Савойя-79” по техническим характеристикам были не слабее советских самолетов, а по ряду показателей – превосходили. Немецкие авиаинженеры на основе уроков испанской войны и анализа боевых характеристик советских истребителей И-16 достаточно оперативно усовершенствовали свои самолеты. В частности, Me-109 в новой модификации (Me-109Е) существенно превосходил советские истребители по скорости, калибру оружия и дальности стрельбы. Завершающий этап войны ознаменовался значительным преимуществом немецкой авиации. Me-109 в различных модификациях выпускался до конца Второй мировой войны. Летчик-истребитель Эрик Хартманн, одержавший наибольшее число воздушных побед за всю историю, летал только на этом самолете¹²³.

В ходе анализа воздушных боев в Испании был фактически разрешен один из дискуссионных вопросов времени – о качественных свойствах истребителей: скорости и маневренности: “Эффективность зенитного огня уменьшается в той мере, в какой возрастает скорость самолета”¹²⁴. Потребовалось создание броневой защиты на истребителях, усиление оборонительных возможностей бомбардировщиков. В испанском небе были продемонстрированы преимущества истребительной авиации и обозначилась потребность развития штурмовой авиации. Стратегические бомбардировщики дальнего действия научились избегать атак противозенитной артиллерии, прерывая ночные бомбардировки. Но лишённые в ответственный момент прикрытия истребителей, бомбардировщики оказывались подчас беспомощными.

Истребители же нуждались в дальнейшем увеличении скоростных параметров. Выход был найден в создании реактивных самолетов. Первый немецкий реактивный самолет “Хейнкель-178В1”, как известно, совершил пилотируемый полет за два дня до начала Второй мировой войны. С 1942 г. Германия развернула целую реактивную программу, а с 1943 г. Люфтваффе вообще стали инициировать чисто реактивные проекты¹²⁵.

Серьезную школу прошли командные кадры. Например, капитан Вернер Мёлдерс существенно усовершенствовал тактику воздушного боя. На его счету 14 сбитых республиканских (советских) самолетов. Франко неоднократно подчеркивал значение для своих побед “отличных немецких пилотов”¹²⁶.

Изучение советской стороной военно-технического опыта войны в Испании прослеживается по материалам рассекреченного в 1999–2001 г. фонда “Военно-техническое бюро при Комитете обороны СНК СССР” Государственного архива РФ. Интересны формы и степени оценки, даваемой конструкторами и военными, информации об иностранной военной технике: от просто “представляет интерес” и “информационный интерес”, “большой интерес для ВВС РККА” до “конструктивный интерес”, “позволяет избежать повторения проделанной в Германии работы”, “является ценным пособием”. Так, технический материал последних моделей дизель-моторов фирмы “Юнкерс” (ноябрь 1937 г.) давал “информацию и некоторое описание дизель-машин, применяемых на немецких самолетах, участвующих в боях в Испании. По предварительной оценке материал имеет информационное значение”. А чертежи описания германских авиабомб планировалось задействовать “при проектировании как подсобный”¹²⁷. Согласно архивным источникам, “калибры и системы допусков на военных заводах Италии” представляли для советской стороны “в некоторых своих частях значительный интерес”¹²⁸.

Внимание советских военных также привлек активно использовавшийся в Испании немецкий бомбардировщик He-111. Он назван Военно-техническим бюро при Комитете обороны СНК СССР в списке “к приобретению материалов по самолетам, находящимся в настоящее время на вооружении других стран”. Этот список содержался и в постановлении ВТБ (№ 13) от 5 мая 1938 г., которым Ежову и зам. начальника Разведуправления РККА Е. Гнедину поручалось принять меры для приобретения требуемых материалов: “Перечисленные в задании данные крайне важно получить в возможно короткий срок”¹²⁹. Эта и дополнительная информация об одноместном истребителе Me-109В летом того же года была в распоряжении советских специалистов. Так, РУ РККА распо-

лагало переводом описания комиссии воздушного министерства Франции по итогам изучения и летных испытаний германского истребителя Me-109 и среднего бомбардировщика He-111В, о чем в июне 1938 г. Л.М. Кагановичу докладывал зам. начальника РУ РККА Е. Гнедин. Немного позже Каганович сообщал В.М. Молотову, что полученная информация “является ценным материалом для КБ наших заводов. Материал разослан КБ заводам для использования в их конструкторской работе”¹³⁰.

Под грифом “Совершенно секретно” в перечне “наиболее ценных технических материалов, переданных для практического испытания в промышленности” за 15 июля 1938 г., упоминался “германский истребитель Me BFW-109, вполне исправный, с вооружением”. Оценка отсутствует, но на полях есть приписка карандашом: “испытывается в НИИ ВВС”¹³¹. В документе речь идет также о кусках бака для горючего с германского бомбардировщика Ju-86, оцененных как представляющих интерес “с точки зрения использования дешевого и легкого материала по сравнению с тем, из которого изготавливаются наши самолеты”. На Кинешемской фабрике были изготовлены 16 опытных фибровых баков, 8 из которых были испытаны и дали “вполне удачные результаты”. ЦАГИ (Центральный аэрогидродинамический институт) и ВИАМ занялись изготовлением опытной партии для самолета СБ. Первый бак был испытан в апреле 1938 г. Нарком обороны К.Е. Ворошилов и Л.М. Каганович представили проект постановления Комитета обороны о расширении базы по производству фибры (как сырья для баков) в системе Наркомлеса¹³².

Итальянский самолет CR.32, как наиболее частый противник советских летчиков в Испании, также привлекал внимание специалистов. Как известно, первый итальянский истребитель был доставлен в НИИ ВВС СССР уже в апреле 1937 г. Правда, этот самолет, совершивший вынужденную посадку, был искорежен. Особый интерес вызвало вооружение CR.32. В июне 1937-го в НИИ ВВС был получен фактически целый CR.32 bis. По советской оценке, системные установки радиостанций на итальянских самолетах-бомбардировщиках типа “Капрони-111” и 113 “представляют конструктивный интерес и могут быть использованы ЦАГИ при проектировании раций на самолетах”¹³³. Материалы о “Савойя-Маркетти- S. 79”, “Фиат APR-2” и “Фиат G-18V”, не только воевавших в Испании, но и предлагавшихся для продажи за границу, “представляют большой информационный интерес”, материал не секретен. Документ подписан 26 сентября 1936 г. наркомом внутренних дел, генеральным комиссаром государственной безопасности Г.Г. Ягодой. Нарком оборонной промышленности Л.М. Ка-

ганович докладывал председателю Военно-технического бюро при КО СНК СССР В.М. Молотову, что «характеристики этих самолетов имеются в журнале “Техника воздушного флота”» и в справочнике ЦАГИ. Советские конструкторы и военные также обладали описанием итальянских самолетов “Савойя-Маркетти-S.73”, S.78, S.81¹³⁴.

Многие материалы изучались и анализировались в так называемом научном военно-историческом отделе ГШ РККА. Названия дел в фонде “Военно-техническое бюро при КО СНК СССР” (ГАРФ) говорят за себя: “О новом материале, применяемом в Германии для постройки самолетов” (май 1937 г.), “О приобретении материалов по самолетам, находящимся в настоящее время на вооружении других стран” (май 1938 г.), “О колесно-гусеничном танке Штрауссера” (август–ноябрь 1936 г.), «Бомбардировщик СА-135 “Капрони”» (январь 1937 г.), «Описание самолетов “Савойя-Маркетти-S73”», “О радиостанциях на итальянских военных самолетах” (ноябрь 1936 – апрель 1937 г.), “Характеристики итальянских бомбовозов и пассажирских самолетов” (сентябрь 1936 – октябрь 1938 г.) и т.д.¹³⁵ В марте 1937 г. начальник Разведуправления РККА С. Урицкий по приказу наркома обороны К.Е. Ворошилова подготовил “Сборник информационных материалов по Испании”, переданный В.М. Молотову. Месяцем позже РУ РККА издало для служебного пользования засекреченный сборник “Воздушные силы Германии”¹³⁶.

С учетом испанского опыта в советское военное авиастроение вносились некоторые коррективы. Так, начальник 5-го отдела НИИ ВВС РККА Петров в мае 1938 г. докладывал начальнику штаба института, что “вместе с опытом по другим иностранным самолетам (в частности “Фиат-32”. – В.М.) спроектированы, построены и испытаны, но еще требуют доводки новые пневматические тормоза с новым управлением для самолетов И-16 (могут быть использованы и для других истребителей)”¹³⁷.

Участие советской авиации в испанских событиях выявило и необходимость перехода (в предвоенных условиях – максимально быстро) от модернизации серийных образцов к созданию самолетов нового поколения. Но оперативная реакция на появлявшиеся новые зарубежные модели явно опаздывала. Нельзя исключать, что некоторую самоуверенность придал факт противостояния на начальном этапе войны в Испании советских истребителей типа И-15 и И-16 относительно устаревшим моделям немецких и итальянских самолетов. Результатом этого стал факт, что к началу Великой Отечественной войны 80% советских самолетов были устаревших образцов¹³⁸.

Военный историк В.В. Гагин дает следующую характеристику воздушной войны в Испании: СССР вел бои отлаженной техникой; Италия – возраст в среднем 2–3 года, самый расцвет, Германия же отсталой начала, динамично отреагировала, бросила в операции “новое”, отладила и ушла далеко вперед¹³⁹.

Что касается наземной техники, то наибольший интерес у самих военных и политиков вызывали танки. Наблюдатели высоко оценивали их роль в новых условиях боя. Военный обозреватель “New York Evening Journal” Кникербокер особо отмечал скорость их передвижения и убойную силу¹⁴⁰. Выяснилось, что итальянские танки L.3 не пробивали даже броню легких советских танков Т-26 или БТ-5, их же броня оказывалась беззащитной перед снарядами советских танков. Тем более, что в условиях горного рельефа Испании механизированные части (в том числе и итальянские) были привязаны к дорогам, а длительные дожди (например, весны 1937 г.) значительно сдерживали мобильность этих подразделений, превращая их в удобные мишени для авиации противника. Слабость итальянских танков была ясно продемонстрирована уже в битве под Гуадалахарой (март 1937 г.), в которой итальянцы потеряли 45 танков (республиканцы – 7). Но итальянское военное руководство не сделало надлежащих выводов, и армия Италии получила новые танки типа М 11/39 уже накануне Второй мировой войны, а L 6/40 – в 1940 г. К началу Второй мировой войны из 1500 итальянских танков только 70 относились к категории средних, остальные были трехтонными машинами, которые в войсках окрестили “жестяными консервными банками”¹⁴¹.

Немецкие танки Т-1, легкие “Марк-I” и “Марк-III”, как и итальянские танки типа “Фиат-Ансальдо” (3,3 т), оказались “весьма посредственным и почти неприменимым оружием”. Танки этого типа пасовали перед пулеметным и даже ружейным огнем пехоты. Большая скорость движения (50 км/час) снижала до минимума точность их пулеметного танка¹⁴². Но итальянская реакция на обострившиеся проблемы создания тяжелых танков и замену устаревших 45-мм мортир была запоздалой. Немецкие специалисты сделали адекватный вывод, что экономии в весе танка для увеличения скорости логичнее использовать для усиления брони. В 1938 г. производство танка Т-I прекратилось. В 1937 г. был начат выпуск легкого танка Т-II. Для замены танков Т-I и Т-II на вооружение вермахта с 1937 г. поступал средний танк Т-III (основное вооружение немецких танковых дивизий в 1940–1942 гг.)¹⁴³.

Слабо эффективными в Испании оказались и итальянские 45-мм минометы, и вся система ПВО. Немецкая сторона сделала

правильный вывод, и к началу Второй мировой зенитная артиллерия Германии оказалась вне конкуренции¹⁴⁴.

В распоряжении советской стороны осенью 1936 г. оказался фрагмент стали, используемой для производства 35-мм танковой брони на итальянском заводе “Ансальдо”. По оценке специалистов (ноябрь 1936 г.), материал представлял ценность. В Институте авиационных материалов была выполнена опытная плавка и испытана на стенде. Мариупольский завод получил задание произвести две плавки по анализам “Ансальдо”¹⁴⁵. Уже осенью 1937 г. советская военная промышленность стала выпускать заклёпки, аналогичные применявшимся на итальянских танкетках “Ансальдо”. По германскому образцу производились конические башни к колесно-гусеничному танку БТ-7. На основе испанского опыта в Советском Союзе был произведен опытный образец 45-мм противотанковой пушки¹⁴⁶.

Тактико-технические качества советских танков (типа БТ) оставались непревзойденными до конца войны в Испании. По силовым установкам, запасу хода и проходимости итальянские и немецкие танки значительно уступали БТ-5. Знаменитый танковый эксперт Германии генерал фон Тома, воевавший в Испании, признавался, что “обещал марокканским солдатам 500 песет за каждый захваченный русский танк, так как с удовольствием использовал бы их в наших частях”¹⁴⁷.

Советский легкий танк Т-26 оказался уязвимым. Военные предлагали заменить бензиновый двигатель танка на дизельный большой мощности. С такими и другими предложениями по усовершенствованию танка в Наркомат обороны обращались начальники Автобронетанкового управления (АБТУ) РККА комдив Г.Г. Бокис (1937) и комкор Д. Павлов (1938)¹⁴⁸.

Советским руководством и военным командованием в предвоенное время предпринимались меры по увеличению количественных и улучшению качественных показателей советского танка. Так, в “Перечне важнейших материалов, переданных в промышленность для использования по танкам и бронеавтомобилям” (1938), анализируются броня для танков, гидравлические коробки передач, резиновые гусеницы и другие технические параметры зарубежных танков. В частности, результаты экспертизы марта 1938 г. показали, что чешский танк типа “С-11а-Р2” “по запасу хода и скорости интересен и превосходит танк Т-26 по бронированию и вооружению”. Материал, по итогам экспертизы, “представлял большой интерес”. Данные экспертизы передавались на танкостроительные заводы (в соответствии с решением Наркомата оборонной промышленности от 17 марта 1938 г.)¹⁴⁹.

В документах речь также шла о работах в советской оборонной промышленности над сверхтяжелыми, а также тяжелыми и средними танками¹⁵⁰. При этом в сводных ведомостях о выполнении плана заказов по статье Автобронетехнического управления РККА (например, за 1937 г.) постоянно присутствовали данные о невыполнении выпуска танков: легких Т-26, Т-29 и БТ-7, средних Т-38 и Т-28, тяжелых Т-35. Среди причин указываются “безобразное состояние чертежного хозяйства”, “плохое качество деталей мотора”, “безответственность главков”, плохая работа Наркомата оборонной промышленности и традиционные того времени “результаты вредительства”¹⁵¹.

Страны, прямо не участвовавшие в испанском конфликте, не менее внимательно отслеживали ситуацию. Из дневника советника полпредства СССР в Париже Е. Гиршфельда (февраль 1937 г.): “На генштаб произвела большое впечатление информация французского военного атташе в Мадриде, самым положительным образом характеризующего действия советской авиации, как со стороны материальной части, так и летного состава (в отношении танков оценка будто бы более сдержанная). Генштаб выдвинул перед Даладье вопрос о необходимости осуществления франко-советского сотрудничества. Однако Даладье отнесся к этому предложению более чем сдержанно”¹⁵². В конце января 1937 г. министр авиации Франции П. Кот в беседе с В. Потемкиным делился своим планом запросить разрешение парламента на закупку военных аэропланов за границей, в первую очередь в СССР (до 100 воздушных машин): “Кот знает технические достоинства наших аппаратов, а боевые их качества подверглись проверке в Испании, причем результаты получились поистине блестящие”¹⁵³.

Но военные и политики Франции на разных этапах испанской войны приходили порой к противоположным выводам относительно союза или партнерства с СССР. Например, в сентябре 1938 г. во время переговоров с Чемберленом Даладье высказал опасение возможной воздушной атаки со стороны Германии, подчеркивая, что такой вид военных действий применялся во всех военных конфликтах последнего времени, особенно в Испании. После чего Даладье подчеркнул, что, по данным французских обозревателей, советские самолеты, воюющие в Испании, достаточно высокого качества. Но полковник Линдберг, которого много цитировали позже, заметил, что русские воздушные силы не равны немецким¹⁵⁴. В августе 1938 г. генерал Дюффер, присовокупив к испанскому опыту итоги столкновений с Японией на советских дальневосточных границах, утверждал, что “мощная Красная армия Европейской России имет все же слабость, из-за которой

ей будет трудно вынести испытания большой войны вне советской территории”¹⁵⁵. Аргументы такого рода возобладали, к сожалению, во французском военно-политическом мышлении кануна Второй мировой войны.

В начале декабря 1936 г. И.М. Майский в телеграмме М. Литвинову писал: «Ход испанской войны рикошетом поднял престиж Красной армии и советской авиации. Кроме того, в сознании широких кругов “западной демократии”... стала укрепляться мысль, что, наконец, на европейском горизонте появилась сила, которая способна поставить предел прогрессирующей фашистской экспансии»¹⁵⁶. Немецкий генеральный консул в Валенсии Кохер высказывал Антонову-Овсенко: “Ваши летчики делают чудеса под Мадридом!”¹⁵⁷.

Заинтересованно наблюдали за войной в Испании английские политики и военные. Несмотря на то что публикации британской прессы о поставках обеим сторонам носили несколько пропагандистский характер (в зависимости от политической ориентации издания), обстановка на “испанском полигоне” обсуждалась на уровне как парламента, так и военных и дипломатических ведомств. Подробная информация из источников различного рода готовилась министру иностранных дел А. Идену в течение всей осени 1936 г. Так, аналитическая записка помощника министра Дж. Маунси от 16 октября была посвящена доставке советского оружия в Испанию. 19 октября аналогичный документ с подзаголовком “Факты нарушения соглашения о невмешательстве” поступил в британский МИД. В нем описывались поставки в Испанию оружия из Италии, Германии и СССР. Подробно указывались названия иностранных судов, места причаливания, виды и количество доставленного ими оружия. Со стоявшего в Картахене британского корабля “Графтон” поступили данные о разгрузке 15 октября советского корабля “Старый большевик”. По британским данным, на его борту находилось 20–25 самолетов, 18 пулеметов, 15 тяжелых танков, 320 бомб и большое количество обмундирования и авиационного топлива¹⁵⁸. После срыва франкистского наступления на Мадрид 23 ноября 1936 г. сотрудник британского министерства обороны майор С.С. Нэпьер в письме Робертсу вспоминал, что во время абиссинской войны министр иностранных дел особо интересовался военной ситуацией и просил обеспечивать его раз в две недели соответствующими бюллетенями. Нэпьер предлагал помощнику министра иностранных дел Ванситарту аналогичные обзоры по испанским событиям. В приложении к письму анализировался механизм поступления оружия в Испанию. Поставки С. Нэпьер разделил на две категории: пер-

вая – бесконтрольные маршруты и национальная принадлежность которых не были отслежены до конца британской разведкой или дипломатией. Нэпьер полагал, что эти небольшие партии амуниции и оружия, гранат, пороха поставляются законному правительству. Во вторую было включено “современное оружие: самолеты, танки, бомбы, газ”. В документе подчеркивалось, что это оружие, “с которым война может быть выиграна или затянуться”¹⁵⁹. Анализируя известные ему факты поступления в Испанию оружия из Италии, Германии, Советского Союза, Нэпьер детально воспроизвел их хронологию, перечислил виды вооружения и амуниции. Любопытны примечания перед каждым разделом, посвященным отдельной стране. Так, перед пунктом “Оружие из Италии” помечено: “наша информация об итальянских действиях неполна”, перед “Оружие из Германии” – “информация о германских поставках еще менее полна”, хотя одним из источников назывался британский консул в Гамбурге. И, наконец, “Оружием из России” предшествовала фраза, что эта информация наиболее полна(!). В ноте сравнивались количественные показатели итало-германских и советских поставок в Испанию¹⁶⁰.

Член английской парламентской делегации в Испании Джеймс, бывший летчик-офицер, высоко оценив качество воевавшей в Испании советской авиации, телеграфировал в британское министерство авиации: “Покровительствуя Гитлеру, вы ставите не на ту лошадку, на которую нужно. Лучше иметь своими союзниками советские истребители, чем германские бомбовозы”¹⁶¹. Но едва ли не единственное, что сочли нужным предпринять в техническом плане британские военные по итогам испанской войны, это модернизировать ВВС и усовершенствовать систему ПВО. Это коснулось знаменитых истребителей “Спитфайр” и “Хокер Харрикейн”. Как вспоминал Иден, «нам подавали самоуверенные отчеты относительно качества наших самолетов в сравнении с немецкими, итальянскими или русскими, активно применявшимися в Испании. Русские истребители, невзирая на их положительные качества, квалифицировались как более слабые, чем наши “гонглеты” и “спитфайры”»¹⁶².

Известно, что по ряду показателей “Спитфайр” не уступал немецкому Me-109. К началу Второй мировой войны было изготовлено 299 “спитфайров” и 578 “харрикейнов”. Производство небольшого количества “Спитфайров” обусловило то, что эти модели почти не использовались за пределами Британии. Даже британским экспедиционным силам во Франции с началом Второй мировой войны приходилось действовать без их прикрытия¹⁶³. По английским оценкам в Испании достаточно успешно зарекомендовали себя немецкие зенитные орудия. А. Иден считал (1937),

что Германия должна знать, что британцы продвигаются вперед в плане усовершенствования авиации и очень серьезно заняты организацией противовоздушной обороны Лондона¹⁶⁴.

В 1937 г. в рамках программы перевооружения в Великобритании на 15% было повышено солдатское жалованье. В армии началось оснащение механизированными частями, с расчетом механизации к концу 1937 г. 40% всей армии. Вследствие перевооружения армии пулеметами (пулемет “Брэн” вместо “Льюиса”) и значительному увеличению числа пулеметов, сила огня за 1937 г. почти утроилась. Существенно возросла противовоздушная оборона: число зенитных батарей выросло с 80 до 156 (за 1937 г.), прожекторных рот – с 80 до 156. Делались первые попытки строительства воздушных заграждений вокруг Лондона¹⁶⁵. При всем этом немецкое командование (май 1939 г.) характеризовало военный потенциал Англии как не соответствующий требованиям эпохи: “Английские ВВС и противовоздушная оборона в сентябре 1938 г. были не на высоте, а сухопутная армия англичан не отвечает новейшим требованиям”¹⁶⁶.

Во время “Странной войны” Гитлер так оценивал военную мощь Великобритании: “Число дивизий, которые могут стать костяком при формировании новых дивизий, в настоящее время незначительно. Военная техника для армии собирается со всего мира. Положительного результата можно ожидать не ранее следующего лета. Британская армия имеет лишь символическое значение. Ведется строительство военно-воздушных сил... Зенитная артиллерия располагает лишь орудиями из прошлой мировой войны. Немецкий самолет не уязвим для английской зенитной артиллерии на высоте 6000 м. Строительство военно-морского флота будет закончено лишь через год-два”¹⁶⁷.

Франция, не сумев за годы испанской войны ни создать коалицию, ни заручиться договором о ненападении с тоталитарными государствами, реагировала на конфликт в соседнем государстве, почти сразу потерявший внутреннее наполнение, желанием укрепить свою боевую мощь. Но перевооружение шло в условиях внутривосточных коллизий и экономического кризиса: усилившейся инфляции, снижения индекса промышленной продукции (1938) и обесценивания франка. Уже в начале 1938 г. выяснилось, что запланированные расходы на вооружение и капитальные расходы Франции в размере 54,7 млрд фр. (на 6,5 млрд больше, чем в 1937 г.) потребуют дополнительных кредитов на национальную оборону в несколько млрд франков¹⁶⁸.

Как свидетельствуют документы Военно-технического бюро Комитета обороны СНК СССР, французские самолеты-истреби-

тели типа “Девуатин-D.500”, 510, 510-P представляли интерес для европейского, в том числе советского, самолетостроения. Самолет D.510 был закуплен за месяц до начала войны в Испании. Его изучение (в том числе модификации D.510-P) продолжалось вплоть до 1938 г. Заключение советских экспертов содержало высокую оценку: “Материалы представляют интерес для народного комиссариата обороны”. При проектировании советских самолетов были использованы отдельные агрегаты этой модели – масляно-пневматические тормоза (для И-16), вырезы в фюзеляже (УТИ-4), сигнальная лампа, кислородный прибор и другие¹⁶⁹.

Но лишь летом 1938 г. новый министр авиации Ги ла Шамбр предпринял существенные меры по возрождению мощи французской авиации. Практиковалась и частичная передислокация войск. По словам Боннэ, для усиления противовоздушной обороны на испанской границе Франция вынуждена была перебрасывать зенитную артиллерию с германской границы¹⁷⁰.

В начале 1939 г. французская авиационная миссия, прибывшая в Лондон, закупила на английских заводах на несколько сот тысяч фунтов стерлингов авиационных моторов для новейших бомбардировщиков¹⁷¹. Только в 1940 г. во Франции начнется выпуск истребителя “Девуатин” D.520, не уступавшего британскому “Спитфайру” или немецкому “Мессершмидту”. Оценка руководством вермахта французского военного потенциала за неделю до начала Второй мировой войны была посредственной: “Во Франции ощущается нехватка людей (сокращение рождаемости). В области вооружения изменений мало. Артиллерия устарела”, “французы не имеют преимуществ в гаубицах и мортирах”¹⁷².

За событиями на Пиренейском полуострове следили и по другую сторону Атлантики. Серию публикаций по испанской войне (особенно по собственно военному аспекту) поместил в “New York Evening Journal” обозреватель Кникербокер. Это же издание в октябре 1936 г. представило другую серию статей о европейской военной машине “модели 1936 г.”, с анализом новой техники, методов стратегии и тактики¹⁷³.

Наиболее оперативно не только изучало, но и внедряло технические выводы испанской войны немецкое военное и политическое руководство. В докладе генерала Томаса (май 1939 г.) присутствовали элементы не только самоуверенности, но и реальной оценки состояния дел: “Можно считать установленным, что противовоздушная оборона во всех странах не соответствует современным требованиям – тем, которые предъявляем к ней мы, и что по количеству современных истребителей и бомбардировщиков любая отдельно взятая страна не может сравниться с нашими

военно-воздушными силами ...Производственная мощность собственно военной промышленности и состояние подготовленности всей прочей экономики к переводу на военные рельсы ни в одной стране не достигли еще столь высокого уровня, как у нас в Германии”¹⁷⁴. Неоправданное благодушие вкупе с самоуверенностью продемонстрировала в военно-техническом плане Италия. Великобритания традиционно определенно принижала роль наземной техники и пехоты. Франция начала обновление и пополнение парка боевых машин слишком поздно, что сказалось на ее судьбе во Второй мировой войне.

Советское руководство изучало и обобщало опыт войны в Испании, технические характеристики всей (!) использовавшейся в ее ходе военной техники. Ряд сделанных заключений нашли практическое применение при совершенствовании и модернизации советских танков, самолетов и артиллерийских орудий. Но если выводы советской стороной и были сделаны, то необходимые мероприятия, а именно: обновление и расширение военно-технического парка, завершение формирования механизированных корпусов, кадровые проблемы к началу войны решены не были.

4.3. Испанский опыт: эволюция европейских военных доктрин?

Локальность масштабов боевых испанских операций не мешала некоторым аналитикам разглядеть очертания будущих конфликтов с их новыми формами и закономерностями. Ход военных действий в Испании побуждал стратегов ведущих европейских стран к корректировке доктрин. Военная тактика в Испании на начальных этапах напоминала Первую мировую войну. Но с конца 1937 г. ситуация стала ощутимо меняться. В 1938 – начале 1939 г. это была уже война с проникновением в тыл противника, концентрированными атаками, с ростом значения фактора скорости и внезапности. Авиация все более действовала во взаимосвязи с наземными силами.

Рассмотрим изучение, обобщение и использование испанского фактора в европейском военном строительстве. Понятие масштабов данной военной кампании, безусловно, относительно. Достаточно вспомнить, что германская и итальянская артиллерия в битве на Эбро (июль–ноябрь 1938 г.) использовала более миллиона (1 150 000) снарядов, их самолеты сбросили 8 тыс. т бомб¹⁷⁵.

Уже в сентябре 1936 г. обозреватель “New York Herald Tribune” Уолтер Липманн подчеркивал: испанские события развеивают

иллюзию, что европейская война будет аналогична абиссинской. Он справедливо считал, что вторжение будущего агрессора в Центральную или Восточную Европу во многом напомнит начало продвижения генерала Франко в Южной Испании. Первый этап гражданской войны (август–сентябрь 1936 г.) с его неорганизованностью и недостаточным вооружением обеих сторон породил мнение, что грядущий конфликт в Европе будет войной без единого командования и четкой стратегии: “Это будет партизанская война, война убийств, насилия, грабежей, терроризма и вандализма на улицах городов и сел”¹⁷⁶.

О неоднозначности выводов из опыта испанских событий говорит тот факт, что многие европейские военные круги вплоть до начала Второй мировой войны продолжали оставаться под влиянием концепции позиционной войны и усиливать оборонительную (а не наступательную) сторону своей стратегии. Основной ударной силой в ее реализации считалась артиллерия. Такая точка зрения существенно влияла на прогноз будущей войны. Так, в апреле 1937 г. советский полпред в Германии Я. Суриц даже трактовал как немецкую такую точку зрения: “Испанский опыт якобы показал, что при современных средствах войны оборонительная сторона имеет преимущества перед наступающей. Это обстоятельство побуждает якобы рейхсвер пересмотреть все свои концепции”¹⁷⁷. Несколькими месяцами позже (июль 1937 г.) чешский посланник в Берлине Мастны в беседе с новым советским послом К.К. Юреныным подчеркивал: “испанский полигон” продемонстрировал, что “атака с воздуха не является решающей... В случае войны с Германией германский воздушный флот не сможет одним ударом выбить Чехословакию из строя”¹⁷⁸.

Босвая школа Испании заставила усомниться в правильности стратегии “авиация сметает все препятствия, пехота занимает очищенные территории” (доктрина итальянского генерала Дэй¹⁷⁹). По мнению военного корреспондента “New York Evening Journal” Книккербокера, авиация способна была парализовать ход военных действий. Он прозорливо подчеркивал роль бомбардировщиков в современной военной тактике, и то, что в надвигающейся войне роль авиации будет столь же значимой, как и в испанской: “Испанская война – первая после Первой мировой войны, в которой авиация играет роль, сравнимую с той, что она будет играть в международном конфликте, который, кажется, скоро разразится в Европе”¹⁸⁰.

На повестку дня обеих сторон вставала задача более четкой комбинации наступательных и оборонительных действий. Война в Испании продемонстрировала эффект и результативность стремительной

и хорошо технически вооруженной атаки. Неожиданность основывалась на стратегическом, техническом и тактическом факторах.

Испанский опыт также диктовал необходимость новейших технических средств ведения войны и важность их превосходства и сосредоточения для массированных или внезапных ударов. Но французское понимание превосходства для внезапного удара отличалось от немецкого видения проблемы: французские военные считали необходимым преобладание на всех фронтах, немецкие – допускали локальное¹⁸¹.

Став лабораторией военно-технических (и в первую очередь германских) программ, Испания первой в Европе ощутила последствия пикирующих и ковровых бомбардировок. Люфтваффе получили неоценимый опыт, в том числе дневных и ночных операций. Существенные коррективы были внесены в тактику бомбометания. Оправданной оказалась так называемая трехволновая бомбардировка (последовательный сброс бомб разного веса). Генерал-фельдмаршал А. Кессельринг подчеркивал “огромную ценность” такой практики: “В итоге она (босвая машина пикирующего бомбардировщика Ju-87. – В.М.) стала нашим основным оружием и оставалась им до 1942 года”¹⁸². Очень полезным для Люфтваффе во Второй мировой войне оказался и опыт воздушных асов (их в Испании было порядка 15 человек)¹⁸³.

Существенную помощь мятежникам оказала немецкая транспортная авиация, проводя аэрофотосъемку республиканских аэродромов и других важных объектов. Франкистский мятеж на начальном этапе позволил опробовать тактику воздушного моста (Марокко – континентальная Испания). «Подобные переброски относительно больших войсковых частей в массовых масштабах мы встречаем впервые, и вполне можно себе представить в будущей войне транспортировку пехоты на самолетах в наиболее ответственные участки театра военных действий. Эти “воздушные десанты” будут напоминать морской, с которым они могут комбинироваться. Некоторые средиземноморские острова очень подходят для подобного рода операций», – как английскую точку зрения подавал этот вывод советский “Вестник воздушного флота”¹⁸⁴. Майор Нэпьер уже в ноябре 1936 г. указывал на необходимость на примере Испании изучения и использования опыта таких специализированных военных перевозок (транспортировок)¹⁸⁵. Во время наступления в Каталонии на заключительном этапе войны немецкие 88-миллиметровые зенитные орудия (показавшие себя эффективным оружием борьбы с самолетами противника) транспортировались на буксире за танками и использовались для борьбы с наземными целями.

Динамика военных действий на Пиренейском полуострове предъявила повышенные требования к методам и способам получения разведанных. Методы разведки времен Первой мировой войны не всегда и не во всем себя оправдывали. Целесообразной оказалась тактика тесного сочетания действий авиаразведки и войсковых подразделений, легшая впоследствии в основу стратегии блицкрига. Дальнейшее развитие получила воздушная разведывательная навигация.

По мнению министра обороны Великобритании Л. Хор-Белиша, война в Испании оправдала необходимость более тесной тактической связи действий пехоты с авиационной поддержкой и создания современных линий коммуникаций между всеми родами войск. Но его точка зрения не нашла поддержки в штабе Королевских ВВС, чье руководство ошибочно полагало, что испанский опыт не несет в себе серьезных уроков для Британии. Начальник штаба К. Ньюелл (1937–1940) трактовал метод воздушной поддержки как “огромное злоупотребление воздушными силами”. На заседаниях британского кабинета министров 6 и 19 октября 1937 г. он подчеркивал, что удачи воздушных атак в Испании объясняются лишь тем, что они предпринимались против необученных военных подразделений, совершенно не владеющих методами противовоздушной обороны¹⁸⁶. Не случайно Муссолини в беседе с Риббентропом (6 ноября 1937 г.) обратил внимание на то, что “англичане не любят наземной войны и ненавидят казармы. По этой причине мы должны усилить методы сухопутной войны против них”¹⁸⁷.

Наиболее существенным выводом, сделанным Британией из испанского опыта, можно считать решение о необходимости готовиться к большой войне. В этой связи прямым следствием событий в Испании стало утверждение британским парламентом в конце 1937 г. закона о противовоздушной обороне страны, а ранее, в марте 1937 г., нового плана вооружений. Он требовал, в том числе, изменения в военном командовании вооруженными силами: замену старых генералов с устаревшими доктринами ведения войны наиболее молодыми, способными внести в теорию и практику строительства вооруженных сил новые методы с учетом практики войн в Испании и Китае¹⁸⁸. Реорганизация военного командования включила в себя преобразование существовавшего Совета армии в высший военный совет (из 15 человек), ему был присвоен ряд новых прав по координации обороны, изменен порядок продвижения по службе. Начальником имперского генерального штаба, который в случае войны становился главнокомандующим вооруженными силами, в 1937 г. был назначен генерал-лейтенант лорд

Горт (вместо фельдмаршала Деверилла). Восстановлен пост помощника начальника имперского генерального штаба, на него был утвержден полковник с правами генерал-майора Рональд Адам. Начальник комплектования кадров вооруженных сил генерал Гарри Нокс заменен генерал-майором Медделем. В военных округах также были произведены перемещения командиров и к руководству армией привлечены молодые офицеры¹⁸⁹. Программа вооружений Великобритании была рассчитана на пятилетний срок с затратами в 1,5 млрд ф. ст. Основная ставка делалась на флот и авиацию, которая “ни в количественном, ни в качественном отношении не должна уступать авиации любой другой державы”. Военный бюджет страны в 1937–1938 гг. составил 283 млн ф. ст. против 154 млн в 1936–1937 гг. (на 45,5% больше), в 1938–1939 гг. на военные нужды было израсходовано 388 млн ф. ст.¹⁹⁰

В июле 1937 г. Р. Ванситтарт в записке А. Идену комментировал ход военного строительства в Англии и высказал несогласие со сделанным несколько ранее выводом Комитета по имперской безопасности о том, что “мы не можем на настоящий момент рассчитывать на любую эффективную поддержку Франции”. По мнению Ванситтарта, Франция превосходила в тот момент Германию в артиллерии, ее флот был намного сильнее, чем перед Первой мировой: “Было бы вернее французам сказать, что они не могут сейчас рассчитывать на эффективную поддержку со стороны Англии”¹⁹¹.

Весной 1938 г. советская сторона располагала не подтвердившейся позже информацией о том, что военный министр Великобритании Дафф Купер при поддержке генерального штаба настаивал на необходимости недопущения победы Италии и Германии в Испании по соображениям именно военно-стратегического характера¹⁹². Впервые за столетие в 1938 г. бюджетные расходы на сухопутную армию Великобритании превысили бюджет морского министерства¹⁹³. Но в полной мере этот план реализован не был.

В августе 1939 г. командование вермахта считало, что “в Англии никакого настоящего вооружения не ведется, одна только пропаганда ... Англичане говорят о войне нервов. Элементом этой войны нервов служит изображение роста вооружения. Но какво британское вооружение на деле? Программа военно-морского строительства на 1938 г. до сих пор еще не выполнена. Всего лишь мобилизация резервного флота. Покупка рыболовных паровых судов. Значительное усиление флота может произойти не ранее 1941 или 1942 г. На суше изменения небольшие, Англия будет в состоянии послать на континент самое большее три дивизии.

В области авиации кое-какие изменения есть, но это всего лишь начало. Противовоздушная оборона находится в начальной стадии. К настоящему моменту Англия имеет всего несколько больше 150 зенитных орудий. Новые зенитные пушки переданы в производство только что. Пока их изготовят в достаточном количестве, пройдет много времени. Англия все еще уязвима с воздуха”¹⁹⁴.

За 2,5 месяца до начала Второй мировой войны министерство обороны Великобритании в своем меморандуме назвало действия СССР и Германии на испанском фронте (воздушная разведка и бомбометание при тесной поддержке наземных войск) оскорбительными (для военной тактики), неэкономичными и неэффективными. По мнению ведущего эксперта британской военной разведки Лена Дейтона, подобные взгляды “были следствием опасений высокопоставленных авиационных чинов лишиться своей части власти, что могло бы произойти вследствие более тесного взаимодействия с армией и военно-морским флотом”¹⁹⁵. Даже удачная операция Германии в Польше (1939) не поколебала мнения большинства британских военных лидеров. Закономерным следствием этого можно считать Дюнкерк.

Французский генеральный штаб, несмотря на напрашивавшиеся выводы, продолжал оставаться в плену устаревших военно-стратегических теорий. Так, логичное утверждение генерала Арманго (в середине 1937 г., после анализа битвы под Гуадалахарой и обороны Мадрида), что авиация полноценна в бою лишь в том случае, “если ей не противодействует сильная авиация противника или его противовоздушная оборона”, сопровождалось выводом, что “мощность наземного огня не позволит авиации осуществить массированное вмешательство в рамках сухопутного боя”¹⁹⁶. Кроме того, на французских военных в битве под Гуадалахарой произвел впечатление факт, что плотная моторизованная колонна, рвавшаяся на Мадрид, была подавлена всего несколькими бомбардировщиками¹⁹⁷.

Даладье, как министр обороны Франции, выступая 19 мая 1937 г. в Комитете национальной обороны, подчеркнул, что война в Испании продемонстрировала превосходство его страны в авиации¹⁹⁸. Роль бронетанковой техники и ее способность к защите от артиллерийского огня во внимание не брались. Такого рода мнения обеспечили доминирование во французской военной мысли концепции оборонительной войны. Геополитическая ситуация и перспектива в случае победы Франко быть окруженной в “фашистское кольцо” усиливали оборонительные настроения Франции.

Во время и сразу после войны в Испании “Revue Militaire Française”, ведущий военный журнал Франции, или игнорировал

факт войны в соседнем государстве, или помещал незначительные очерки событий. Попыток увидеть в этих событиях что-то новое или ценное для военной мысли Франции на страницах журнала не предпринималось. Едва ли не единственное исследование на эту тему, изданное во Франции до Второй мировой войны, называлось символически “Военные уроки войны в Испании”. Написано было немецким эмигрантом, бывшим офицером вермахта, пробывшим в Испании около трех недель, Гельмутом Клотцом. Он рассматривал наземные сражения в большей степени с технической, чем с тактической стороны. Клотц полагал, что танк может быть полностью побежден противотанковым артиллерийским орудием. Клотц основывал свои выводы на событиях осени 1936 г., когда война в Испании еще не вышла из своей начальной (“баррикадной”) стадии и танки, как и самолеты, не стали ее важным фактором. Клотц фактически оправдывал идею позиционной войны, и она была единственным выводом из испанского опыта, заслужившим благосклонные отзывы французской военной периодики¹⁹⁹.

“Мышление Мажино” сделало Францию весьма уязвимой к началу Второй мировой войны. Как известно, линия Мажино не представляла собой непрерывную цепь оборонительных сооружений, а лишь прерывистую цепочку фортификаций. И проектировалась она до того, как о своей боевой мощи в полной мере заявили танковые войска. Французская армия оказалась не готовой к сражению в новых условиях. “Авторитет престарелого маршала Петэна в верховном военном совете довлел над французской военной мыслью, – писал У. Черчилль, – закрывая дверь перед новыми идеями и развенчивая оружие, странно названное наступательным оружием”²⁰⁰.

17 ноября 1936 г. полпред СССР во Франции В.П. Потемкин делился с Л. Блюмом впечатлениями, вынесенными советским военным атташе в Берлине из поездки вдоль франко-германской и франко-швейцарской границ летом 1936 г. Атташе констатировал, что германское эвентуальное наступление, развиваясь от Фрейбурга в направлении Страсбург–Бельфор (восточный участок линии Мажино. – *В.М.*), представляло для командования рейхсвера наибольшие преимущества: “С указанной стороны Франция защищена в минимальной степени”. Услышав это, Дельбос, в свою очередь, отметил, что он уже обращал внимание Совета министров Франции на относительную слабость защиты страны от возможного нападения германской армии в этом районе. Намечалась поездка туда Э. Даладьё для обследования и составления плана срочного укрепления границ Франции с дан-

ной стороны²⁰¹. Но серьезных мероприятий в этом плане принято не было. Военные действия в 1936–1939 гг. в Испании, а позднее война Германии в Польше не заставили Францию переоборудовать укрепления для превентивного удара или достойного отражения атак.

Масштабы испанского конфликта не позволили французской военной мысли распространить его опыт и закономерности на большую войну²⁰². По французским сведениям (март 1937 г.), “германский генеральный штаб в испанских событиях видит подтверждение нереальности теории короткой сокрушительной войны”, – докладывал в НКИД Е. Гиршфельд. А на англо-французских переговорах в апреле 1938 г. Даладьё, обсуждая проблемы совместного отражения потенциальной немецкой агрессии, особо подчеркнул, что не верит, что “великие нации могут прибегнуть к остро внезапной атаке. В современной войне значимость обороны остается особенно сильной. Это было проиллюстрировано в Испании”²⁰³. Начальник генерального штаба Германии генерал Л. Бек считал (май 1938 г.), что со стороны Англии и Франции “наступательные операции на суше, быть может, вообще предусматриваться не будут или только с ограничительными целями”²⁰⁴.

«Мышление Мажино» вкупе с внутривластной неразберихой и пропагандой Гитлера загипнотизировало Францию, превратив ее в жертву, безропотно ожидающую конца, который многие считали неизбежным», – пишет Л. Дейтон²⁰⁵. Франция вступила во Вторую мировую войну, не имея фундаментальной стратегии. Премьер-министр Франции Поль Рейно заявил 21 мая 1940 г. в Сенате: “Правда в том, что наша классическая концепция войны столкнулась с новой концепцией. Основа этой концепции как в использовании хорошо вооруженных дивизий и взаимодействии между ними и авиацией, так и в создании беспорядка во вражеском тылу за счет парашютных десантов, искажения новостей и приказов, дающихся по телефону гражданскими властями”²⁰⁶. Однако Франция пренебрегла идеей ударных войск для атаки.

Одним из немногих французских военных, кто понимал суть тогдашней эволюции военной теории, был будущий президент страны, а в 1936–1939 гг. – полковник Шарль де Голль. Но те, кто мыслил аналогично, не были услышаны руководством французского генерального штаба²⁰⁷. «“Линия Мажино” станет барьером, но не против немецкой армии, а в понимании Францией законов современной войны», – справедливо заметит Микше²⁰⁸. Франция падет в 1940 г. жертвой не только гитлеровского наступления, но и заблуждений собственных политиков и военных.

Опыт войны в Абиссинии уже внес коррективы, даже заставил итальянское руководство обновить военную доктрину: она отстаивала идею маневренной войны, расширяла программу подготовки военных кадров, в первую очередь высшего офицерского состава, перестраивала генеральный штаб, увеличивала выпуск оправдавших себя таких видов вооружения, как ручные гранаты, штурмовые мортиры, станковые пулеметы, танки и противотанковые орудия. «Новая доктрина, – подчеркивал заместитель министра по военным делам Италии Байстроки, – решительно повернутая в сторону маневренной войны, соответствует нашей фашистской динамичности, нашим потребностям политическим, военным и экономике»²⁰⁹. Правоту такого смещения акцентов подтвердило активное участие Италии в испанской аванюре. Рожденные в Испании новые тактические и стратегические установки использовались в ходе военных маневров в самой Италии. Так, в начале сентября 1937 г. итальянцы организовали утечку информации – в руки зарубежных дипломатов попала речь Муссолини перед итальянским командованием после завершения маневров в Сицилии, в которой дуче явно утрировал тактику и стратегию своей армии²¹⁰.

В целом уроки испанских событий изучались итальянцами намного поверхностнее, чем немцами. Итальянский генералитет убедил дуче, что границы страны неприступны для танков. Успехи итальянских летчиков рассматривались не более как индивидуальный героизм, серьезному обобщению не подвергались, и как следствие – программы военной подготовки летного состава более акцентировались на воздушной акробатике, чем на методах группового воздушного боя. Даже поражение под Гуадалахарой не побудило итальянских военных осознать важность поддержки наземных частей с воздуха. Бывший замминистра авиации генерал Валле на вопрос в 1970 г. о том, какие уроки итальянские ВВС извлекли в Испании, ответил: «Никаких»²¹¹. Опыт командования в испанских условиях не оправдал принципа двухполкового комплектования дивизий, но реформа в этом направлении в Италии продолжалась. К началу Второй мировой войны генерал Фаваргосса (назначенный уполномоченным за выпуск военной продукции в Италии в августе 1939 г.) находил, что 15 из 67 дивизий (73 в 1940 г.) были неполными, что пехота была вооружена в ряде случаев ружьями образца 1891 г., если она была вооружена вообще. Итальянская авиация существенно отстала в модернизации от немецкой или советской. Канадский исследователь Виттэм считал, что Италии требовалось от 5 до 10 лет для реорганизации военной промышленности и подготовки к большой войне²¹².

Полноценную перестройку военно-технической базы и организации военного управления Италия к началу Второй мировой войны не произвела, что дает основание ряду исследователей говорить о ее неподготовленности к войне. Доказательством этого явилась тактика итальянского генерала Бергонзоли, проигравшего битву под Гуадалахарой и фактически повторившего этот печальный опыт в Ливии (1942 г.)²¹³.

В разработке Германией военной стратегии война в Испании сыграла роль одного из катализаторов. Немецкие военные обновляли как военно-технический парк, так и тактические установки. Такие военные журналы, как “Wissen und Wehr” (“Наука и оборона”) и “Kriegskunst” (“Военное искусство”) в течение всей войны печатали аналитические статьи о роли тех или иных видов вооружений по следам конкретных сражений, делая стратегические заключения.

Главный вывод, вынесенный немецкими военными из Испании, – об изменившемся характере современной войны. Командующий немецкой военной миссией в Испании генерал фон Фаупель был сторонником опробования техники и тактических приемов. Французский генералитет отталкивался от победного (для себя) опыта Первой мировой, порой возводя его в абсолют. Немецкое командование оценивало итоги той войны по известным причинам противоположным образом. Гитлеровский генерал Рейхенау в докладе перед руководителями Германии в июле 1938 г. признавал, что в Испании немецкие военные научились многому, они исправили некоторые ошибки своей военной стратегии²¹⁴. Уже в 1937 г. в Германии были проведены маневры с целью выявления организации взаимодействия трех видов вооруженных сил.

“Изменениям подвергаются также формы и методы ведения войны”, – констатировалось в памятной записке ОКВ “Проблемы организации руководства войной” от 11 апреля 1938 г. Подчеркивалось: “Дальность действия авиации значительно расширяет понятие театра военных действий”²¹⁵. Германский генералитет сделал ставку на подвижные действия за счет новых боевых средств – самолетов и танков и на усовершенствование их боевых характеристик. Начальник абвера генерал Канарис неоднократно выезжал в Испанию и принимал активное участие в разработке военных операций.

Сочетание тактики маневренного боя и внезапных воздушных атак позволили немецкому командованию в полной мере оценить преимущества каждого из вариантов и прийти к выводу о целесообразности их сочетания в зависимости от конкретных условий и времени проведения. Так, анализ битвы при Брунетте (6–28 июля

1937 г.) показал, что численное преимущество республиканцев (с учетом советской техники) не стало решающим, так как они не увидели необходимости свободной комбинации танков и авиации. Тактика генерала Д. Варела под названием “Центр тяжести” (Schwerpunkt), использованная в этом сражении, сочетала в себе действия артиллерии, авиации и танков. Одним из первых примеров преимущества такой тактики явилось сражение под Сантандером (август 1937 г.). Несколько позже (июль–август) генерал Хуан Ягуэ также результативно использовал идею “Центра тяжести” в бою на Эбро²¹⁶. Битва под Гуадалахарой продемонстрировала, в свою очередь, как не следует проводить моторизованные атаки. Кроме того, из этой битвы, внесшей много сумятицы в умы военных аналитиков, немцами был сделан вывод (неадекватно оцененный итальянской стороной) о значимости и силе моторизованной пехоты. К удовлетворению Гитлера война в Испании возродила тактику стационарной осады (Sitzkrieg).

Роль авиации в гитлеровском блицкриге была едва ли не до мелочей отработана в испанском небе. Ведущую роль в этом отношении сыграл генерал Рихтфортен, планировавший потом воздушные операции против Польши и Франции. В известной директиве № 1 на ведение войны 31 августа 1939 г. подчеркивалось: “В войне против Англии военно-воздушные силы должны быть использованы для воздействия на морские коммуникации Англии, для нанесения ударов по военно-промышленным объектам и уничтожения транспортов с войсками, отправляемыми во Францию”²¹⁷.

По мнению британского историка Р. Уили, не Польша, а Испания стала первым местом применения стратегии блицкрига. Первое упоминание с немецкой стороны термина “блицкриг” появилось в мае 1939 г. в записке генерала Георга Томаса штабу ОКВ²¹⁸. С наступательных пунктов полковник Тома и генерал Рихтфортен оценивали согласованные атаки пикирующих бомбардировщиков и танков в Испании уже с 1938 г. Генерал Тома развил наработанную в Испании тактику на полях Второй мировой войны, где он был, как известно, главным советником генерала Гудериана. На совещании фюрера с руководителями вермахта 23 мая 1939 г. отмечалось: “Нет никакого сомнения в том, что внезапное нападение может привести к быстрому исходу”, но при этом оговаривалось, что только ставка на внезапность в новых условиях явно недостаточна²¹⁹. Тактика блицкрига оправдала себя в западноевропейской кампании в 1939–1940 гг., например, при захвате Крита или операции “Yellow”. В дальнейшем практика ограниченных военных операций по примеру испанской активно использовалась вермахтом на протяжении всей Второй мировой войны.

Можно согласиться с К. Типпельскирхом, что “решающее значение, которое имеет создание многочисленных подвижных соединений и их использование для оперативных прорывов во взаимодействии с соответственно оснащенными и обученными воздушными соединениями, было понято и практически осуществлено лишь немцами”²²⁰. «Для нас, участников войны в Испании, – писал в 1941 г. Микше, – было несколько удивительным слышать с началом Второй мировой о “новых методах”, используемых Германией, о чем как о сенсациях и даже революции писала пресса. На нас эти сенсации не произвели должного впечатления; мы хорошо были знакомы с ними еще три года назад»²²¹.

Советское руководство, разведуправление и командование Красной армии внимательно наблюдали за испанскими событиями. Первый заместитель наркома иностранных дел Н.Н. Крестинский в июле–декабре 1936 г. готовил аналитические записки Сталину по испанскому вопросу. При объяснимом уклоне в сторону анализа внутривосточной ситуации в Испании или деятельности Комитета по невмешательству в них встречается и анализ военных аспектов проблемы²²².

Аналогичные донесения в “Инстанцию”, НКВД присылали советский посол в Испании М.И. Розенберг и консул в Барселоне В.А. Антонов-Овсенко. В начале октября 1936 г. для лучшей ориентации Антонова-Овсенко в военной обстановке, “для дачи нам информации и для того, чтобы Вам легче было в беседах с членами правительства указывать на те или иные ошибки в военно-организационной и военно-оперативной работе”, была учреждена должность военного атташе и его помощника в Барселоне. Так как при генконсулах военных атташе не бывает, то его предлагалось оформить как вице-консула, а его помощника – как второго секретаря консульства. Предполагалось, что по военной линии оба будут подчиняться Гореву²²³.

Уже 6 октября 1936 г. Антонов-Овсенко, анализируя сражение при Уэнцы, отмечал, что успех достигнут “правильным маневрированием и умелым применением авиации”²²⁴. Его донесение в Москву 27 ноября включало подробный раздел “О боевых качествах сторон”, где, в частности, подчеркивалась слабость полевой разведки обеих сторон, превосходство республиканской авиации и артиллерии. В начале декабря 1936 г. Антонов-Овсенко считал, что неудача со взятием Мадрида заставляет Франко пересмотреть стратегический план: он хочет вернуть себе свободу маневра. Советский дипломат признавал превосходство франкистов в маневренных операциях на открытой местности²²⁵.

Вскоре после битвы под Гуадалахарой информатор “Штык” докладывал М. Литвинову, что на исход генерального сражения может оказать решительное воздействие наступление республиканцев в южной части Арагонского фронта: “Для такого решительного наступления, по-моему, необходимо не менее 3-х пехотных дивизий (до 18 тыс. штыков) с сильно моторизованным авангардом при мощных танковых и авиачастях”²²⁶. Записка поверенного в делах СССР в Испании С. Марченко В. Молотову (май 1938 г.) называлась “К вопросу о причинах поражения республики на каталонском фронте”. В мае 1939 г. С. Марченко по просьбе Г. Димитрова подготовил обзор “Некоторые вопросы войны в Испании”²²⁷ с достаточно ценным материалом военно-технического и стратегического плана.

В 1937–1938 гг. Разведуправление и Штаб ВВС РККА регулярно выпускали бюллетени для командного состава, разбирая важнейшие операции, управление войсками и работу штабов республиканской армии, действия авиации, роль зенитной артиллерии в сражении, бои за населенные пункты, действия конницы, санитарное обеспечение армии, состояние связи, оборонительные действия, роль танков, организацию тыла и материальное обеспечение армии²²⁸. В начале 1937 г. Х.С. Вейнберг писал в Мадрид Гайкису: “Наркомздрав проводит в настоящее время работу по подготовке медперсонала к распознаванию различных отравляющих веществ и лечению пострадавших от них”. Он поручал советскому представителю выяснить возможность получения для передачи в Наркомздрав СССР официальных материалов по вопросу защиты населения в Испании от газовых и химических атак²²⁹. По подсчетам военного историка Ю. Рыбалкина, за 1937–1942 гг. Воениздат и Военмориздат выпустили 56 книг и брошюр с обобщением опыта войны в Испании. Значение испанского опыта для советского военного строительства в целом изучено в отечественной исторической науке²³⁰.

Новая тактика воздушного боя опробывалась и советскими специалистами. Немецкий “Мессершмидт-109” первым был сбит советским летчиком С. Черных. Под Мадридом на первый в истории советской авиации таран пошел командир звена П. Путивко. Военная ситуация заставила перейти и к тактике ночного боя, и к ночным таранам, что, как известно, было новаторством не только в отечественной авиации²³¹.

Академия Генерального штаба РККА до 1938 г. не имела отдельных кафедр по родам войск. Курс стратегии был исключен из программы еще в 1921 г. (реорганизация Академии Генерального штаба в Военную академию), и до воссоздания Академии Гене-

рального штаба ни в одном советском высшем военно-учебном заведении не преподавался²³². Осенью 1937 г., когда учебный план потребовал перехода к занятиям по стратегии, “оказалось, что материал, имевшийся по данному предмету, безнадежно устарел и его фактически требовалось разрабатывать заново. Однако создать за короткий срок курс стратегии... не удалось”. Вскоре по распоряжению начальника Генштаба Б. Шапошникова курс стратегии был исключен из программы обучения и восстановлен по указанию наркома обороны СССР С. Тимошенко только в 1940 г.²³³

Начатое (с 1937 г.) обучение командного и начальствующего состава армии испанскому опыту велось не на требуемом уровне. Из приказа наркома обороны по итогам боевой подготовки ВВС РККА от 11 декабря 1938 г.: “Совершенно недостаточно изучается и используется опыт войны в Испании и Китае в практике боевой подготовки, усовершенствования авиатехники, организации полевого ремонта и перебазирования в боевой обстановке частей”²³⁴. При теоретическом и практическом обогащении советской военной школы опытом войны в Испании, испытании в ней новейших видов вооружений, справедливо подчеркивает Ю. Рыбалкин, “использовать в полной мере уроки этой войны для дальнейшего развития советского оперативного искусства и тактики, более качественной подготовки личного состава не удалось”²³⁵.

Кадровый принцип построения Красной армии был закреплен в Законе о всеобщей воинской обязанности только 1 сентября 1939 г. С апреля 1940 г. началась смена командного состава, связанная не только с репрессиями, но и с неукомплектованностью этих постов профессионалами. На руководящие посты в военных округах и центральном аппарате НКО назначались молодые генералы, в том числе и отличившиеся в боях в Испании (Р.Я. Малиновский, П.И. Батов, А.И. Родимцев и др.). Выступая 31 декабря 1940 г. перед руководящим составом РККА, нарком обороны СССР С. Тимошенко подчеркнул, что у советского генералитета “нет глубокого анализа вопросов. Отстает перспектива развития отдельных положений современных операций”²³⁶. В 1940–1941 гг. советское военное руководство больше обращалось к опыту финской кампании. Можно согласиться с Ю. Рыбалкиным, что “высшее военное руководство страны не сумело рассмотреть в ограниченной масштабами и своеобразной войне ценный опыт. Специфические условия войны в Испании не были учтены при обобщении боевого опыта”²³⁷.

Переход Испанской республики с конца 1937 – начала 1938 г. к обороне почти по всем фронтам побудил советское военное руководство большее внимание уделить именно этому тактическому

маневру, хотя концепция будущей войны в целом была определена правильно²³⁸. Но собственно отход от оборонительного плана развертывания войск начнется лишь с весны 1941 г., а наступательный, упредительный вариант к началу Великой Отечественной войны еще не был реализован в полной мере. Ход событий на советско-германском фронте июня–ноября 1941 г. подтверждает этот тезис.

* * *

Гражданская война в Испании, локальный конфликт кануна Второй мировой войны, не только подтолкнула модернизацию многих видов вооружений в Европе, но и стала фактором, побудившим ряд европейских стран внести стратегические коррективы в свои военные планы.

Гитлер и Муссолини полагали, что их помощь мятежникам ограничится переброской войск в Испанию, однако оба оказались втянутыми в полномасштабную войну. В количественном отношении участие Италии в ней было большим, чем Германии, последняя в реальных военных условиях опробовала новейшие виды вооружения – бомбардировщики, истребители, зенитные пушки и другое, а также апробировала новые тактические установки. Известный опыт современной войны приобрели военные советники.

Советское руководство после определенных колебаний сочтет испанский конфликт удобной возможностью для демонстрации своего военно-политического потенциала в условиях назревания международного кризиса.

В испанском конфликте не все европейские политики и военные смогли или захотели увидеть прообраз современной войны в силу небольшой скорости развития событий и некоторой территориальной ограниченности. Хотя эти факторы, по логике вещей, должны были способствовать лучшему усвоению испанского опыта.

Война в Испании будет первой серьезной войной моторов. В ней ведущие участники будущей Второй мировой испытали свои новейшие модели как в воздухе, так и на земле. Этот локальный конфликт с его глубокой степенью интернационализации продемонстрировал, что может означать война в Европе с огромным количеством техники, а не людей, война с эскадрильями, бомбящими столицы.

Война на Пиренейском полуострове стала также первой, в которой авиация играла роль, впоследствии отведенную ей в международных конфликтах, подчеркнув значимость таких факторов, как скорость самолетов, их прочность, подготовка летного состава

к боям в ночное время, необходимость надежного прикрытия истребителей. Битва за Мадрид в полной мере продемонстрировала значение авиации в грядущей войне.

Были подтверждены роль и место танков в военной стратегии и тактике, ряд положений потребовали существенных корректив. Стала очевидной необходимость массовой поддержки артиллерийским огнем танковых атак, равно как и координации всех родов войск и на наступательном, и на оборонительном этапе.

Выводы участников испанских событий и наблюдателей оказались неоднозначными. Наиболее адекватно отреагировала гитлеровская Германия, усовершенствовав ряд моделей истребителей, вступивших в модернизированном варианте во Вторую мировую войну, несколько позже – танки и другие виды вооружения. В глазах немецкого генералитета утвердилась значимость блицкрига, не сняв, правда, со счета необходимости современной организации обороны и своего военно-политического потенциала контрнаступления.

Италия, вовлеченная в войну на Пиренях в максимальной степени, заплатила за это низкой технической (по сравнению с Германией) подготовленностью ко Второй мировой войне. Военная верхушка в целом проигнорировала уроки этой войны, удовлетворившись самим фактом победы в ней Франко.

Англия сделала из испанских событий больше политические, чем военные, выводы. Французские военные не смогли и не захотели адаптировать свою военную доктрину к новым реалиям.

Советский Союз, имея полную информацию о достоинствах и недостатках собственной и зарубежной боевой техники в Испании, сделал ряд справедливых выводов о необходимости ее модернизации; в этом направлении была начата работа. Но ряд причин внутривойсковых, военно-стратегического, экономического характера не позволил реализовать намеченное до начала Великой Отечественной войны.

Европейские страны заплатят разную цену за “испанский эксперимент”. Речь идет не только о материальных и политических затратах. Неоднозначность военных выводов, сделанных в Испании, повлечет и неоднозначные итоги первого периода Второй мировой войны.

Гражданская война в Испании и проблемы Средиземноморья

Понимание международных аспектов гражданской войны в Испании 1936–1939 гг. не будет полным без рассмотрения роли, места и значения в их комплексе средиземноморского фактора. Он закономерно выделяется среди геополитических аспектов испанского конфликта.

Можно говорить о неустойчивом равновесии сил в Средиземноморье по мере роста его геостратегического значения с середины 30-х годов XX в. С обострением международной обстановки там оставались значительными, но более уязвимыми позиции Великобритании, сократился инструментарий ее влияния на европейскую политику. В британской трактовке средиземноморская проблема была подчинена общеимперской, и ее решение важно было достичь методом примирения, а не сопротивления. Вопросы Средиземноморья во французской интерпретации к началу войны в Испании были прочно привязаны к общеевропейским. Для Италии ситуация в регионе в геостратегическом плане была едва ли не самой болезненной и важной. Стремление не допустить расширения британской экспансии в Средиземном море станет одной из доминант итальянской внешней политики в 1935–1939 гг.

Гитлер не рассматривал данное направление как сферу прямых германских интересов, он мог только выиграть от большего итальянского, французского и британского внимания к нему и концентрации там их присутствия. Фюрер был готов при отказе дуче от претензий на Центральную Европу уступить ему южный, средиземноморский вектор экспансионистских устремлений.

Средиземноморье встретило начало испанской трагедии в состоянии сложных, нерешенных как международных, так и двусторонних отношений, будучи серьезным очагом напряженности.

5.1. Испанский вопрос в средиземноморской политике Европы (июль 1936 – август 1937 года)

Испанский конфликт в силу геополитических факторов серьезно задел интересы стран, рассматривавших Средиземное море как сферу своих экономических, военно-политических или колониальных интересов. Вынеся на некоторое время Средиземноморье с периферии в центр европейской политики, события в Испании заставили европейские государства расставить новые акценты в своей политике в этом регионе.

Как показано выше, желание британских и французских руководителей локализовать начавшуюся войну в Испании вызвало к жизни в начале августа 1936 г. идею невмешательства в форме соглашения средиземноморских стран. Точнее, тех стран, чьи интересы, по мнению французского правительства, были представлены в данном регионе наиболее широко: Великобритании, Франции и Италии. Британские политики, возразив против такой постановки вопроса, справедливо полагали, что испанский конфликт не подпадает под понятие собственно средиземноморского и такое ограничение, скорее, спровоцирует более быстрое разрастание его до уровня общеевропейского.

Абиссинский кризис выявил главного оппонента Великобритании в средиземноморском бассейне – Италию. Британские лидеры выступили против того, чтобы испанские события осложнили восстановление и поддержание англо-итальянских отношений, и отчасти воспринимали победу Франко как необходимое условие для этой цели. Но перспектива усиления итальянского присутствия в Испании и в Средиземном море их тоже не устраивала, они отдавали себе отчет, что войну в Испании Италия воспринимает далеко не как борьбу коммунистической и фашистской идеологий, но преимущественно как возможность “усилить свое влияние и ослабить британское морское могущество в Западном Средиземноморье”¹.

Англия имела свои основания желать возврата к нормализации отношений с Италией: нужно было выиграть время для приведения вооружений в надлежащий порядок, облегчить свое положение на Средиземном море и вместе с тем попытаться “вбить клин” в намечавшуюся итало-германскую “ось”. Наконец, Англия рассчитывала путем известного сближения с Италией оказать на нее давление в собственно испанском вопросе. Руководители британской политики заранее считались с тем, что процесс нормализации может идти медленно, незаметными этапами. “Что рано или поздно для Италии придет час возмездия и что Англия приложит

к этому в полном объеме свою руку, – писал И. Майский, – ни у кого на британских островах с самого начала не было ни малейшего сомнения: англичане нанесенных им обид не забывают”².

При всем том, что Великобритания могла опереться на поддержку Франции в проведении средиземноморской политики, она не вполне адекватно реагировала на предупреждения французской дипломатии о планах итальянцев в отношении Балеарских островов и немцев – в отношении Канарских, а также на доводы официального Парижа, что союз трех политических диктатур: Германии, Италии и Испании “будет опасен для британских интересов, как и для французских”. Комментируя процесс итало-германского сближения в ходе испанского конфликта, французская “Либерти” (“Liberté”) писала в октябре 1936 г.: “Но Франция еще сильнее должна быть озабочена тем, что, если итало-германское соглашение состоится, то встанет вопрос, каким образом Франция сможет защитить свои позиции в Средиземном море”³. В английской трактовке защита французских коммуникаций в Средиземноморье едва ли не полностью зависела от британской морской мощи⁴.

По мнению немецких дипломатов и политиков, период после оккупации Рейнской зоны знаменовался не только ростом немецкого влияния в Европе, но и усилением итальянской военной мощи, почти лишившей Францию возможности исполнения ее союзнических обязательств на востоке Европы средствами сухопутных войск. В таком расчете Средиземное море представлялось сверхважной ареной для эвентуального военного развертывания и линией переброски войск и амуниции из Малой Антанты или России⁵.

Германия в начале войны в Испании выступила, скорее, в роли наблюдателя за борьбой в Средиземноморье. Будучи наблюдателем заинтересованным и пристрастным, Германия подливала масла в огонь, преследуя цели, напрямую не связанные со Средиземноморским регионом. Гитлер и его дипломаты при личных встречах с итальянскими политиками старались уверить последних, что “Германия оказывает помощь националистической партии исключительно в силу идеологических мотивов, и у нее нет никаких интересов в Средиземном море. Фюрер ... считает Средиземное море чисто итальянским озером. Интересы немцев повернуты к Балтийскому морю, которое – их Средиземноморье”. Вывод из этих установок сформулировал Хассель: Германия должна позволить Италии лидировать в ее испанской политике, в борьбе за Западное Средиземноморье⁶. Но в немецком руководстве, равно как британском или французском, отсутствовало единство мнений в вопросах тактики по этой проблеме. Так, Риббентроп, не всегда

находивший общий язык с Нейратом, в августе 1936 г. едва ли не отождествил испанский и средиземноморский аспекты внешней политики, подчеркивая, что английские и французские интересы в них почти полностью совпадают. Он предостерегал против слишком явного сотрудничества с Италией в этом направлении, что могло быть воспринято французами и англичанами как прямая угроза их интересам в Средиземном море⁷.

С точки зрения геополитических интересов у СССР не было оснований с началом войны в Испании вмешиваться в средиземноморское противостояние. Тем более, подписанная накануне в Монтрё конвенция до определенной степени защищала вход в акваторию Черного моря, на побережье которого размещался ряд военно-морских баз СССР. Ситуация изменится с началом военной помощи Испанской республике – советская политика в Средиземноморье станет более выраженной. В октябре 1936 г. в итальянской печати стали появляться призывы к тому, что нельзя не реагировать на то, как “советские пароходы возят оружие в Барселону, нужно принять эффективные меры, чтобы перерезать им путь через Средиземноморье”⁸. Немецкая печать, в свою очередь, в первых числах ноября 1936 г. писала, что с сезонным прекращением судоходства из ленинградского порта для посылки оружия в Испанию будет использоваться мурманский порт. И хотя путь из Мурманска сравнительно длиннее, “но он удобнее средиземноморских путей в том отношении, что находится вне всех наблюдательных зон”⁹.

Советская дипломатия, зная об определенном ослаблении британских позиций в Средиземном море, в каждом удобном случае утрировала перед англичанами угрозу захвата Средиземноморского ареала итальянцами: “Что было бы тогда с Гибралтаром? Что было бы с Мальтой и Кипром? Что было бы с имперскими коммуникациями и с британскими позициями в Палестине и Египте?”¹⁰.

Таким образом, осложнение ситуации в регионе в связи с конфликтом в Испании продемонстрировало наибольшую заинтересованность в благоприятном для себя решении средиземноморского вопроса Италии, Великобритании и, отчасти, Франции.

Началом британской активности в этом плане стала передислокация в конце июля 1936 г. ряда кораблей в непосредственной близости к испанским территориальным водам под предлогом защиты британских подданных и имущества, затем – эвакуация своих граждан из района конфликта. К 4 августа главная эвакуация из Барселоны была завершена, порядка трехсот британских граждан оставались там добровольно¹¹. 7 августа 1936 г. сотrud-

ник британского посольства в Мадриде Миланс довел до сведения испанской стороны данное британским кораблям распоряжение правительства о патрулировании Гибралтара для защиты от потенциальной интервенции мятежников. Аналогичное послание было рекомендовано передать Франко¹².

Италия, встав на путь поддержки испанских мятежников, также не была заинтересована в дальнейшем обострении средиземноморского кризиса. Муссолини одобрил в начале августа 1936 г. идею о невмешательстве, торопясь до подписания соглашения оказать Франко максимум возможной помощи и усилить хотя бы отчасти итальянское присутствие в Западном Средиземноморье.

В британском руководстве в августе 1936 г. шла интенсивнейшая работа по выработке тактики как в собственно испанском, так и в средиземноморском вопросах. В иных случаях средиземноморский аспект подчинял себе собственно испанский. По рекомендации британского министерства иностранных дел (письмо от 12 августа) при главах штабов был создан подкомитет по контролю над ситуацией в Западном Средиземноморье, занявшийся разработкой мер в противовес “итальянским действиям, способным нарушить существующий баланс в Западном Средиземноморье”. Итальянской политике в испанской войне посвятил 19 августа свою ноту парламентскому Комитету по иностранным делам А. Иден. Адекватно оценивая тот факт, что пресловутая “борьба с коммунизмом” в данном регионе – не более чем камуфляж реальной политики Муссолини, Иден полагал, что итальянское усиление в Западном Средиземноморье “даст глубокие корни”, и итало-британский антагонизм в таком случае может приобрести более острые формы, чем даже в 1935 г. Проанализировав, как скажется на Италии победа той или иной противоборствующей стороны в Испании, Иден счел, что “мы должны удержать ее [Испанию] от Италии”. При этом рекомендовалось не оставаться безразличными к малейшим колебаниям баланса сил на море и в воздушном пространстве Западного Средиземноморья и к “действиям некоторых других стран, которые могут последовать не только благодаря событиям в Испании, но и акциям ряда стран, желающих воспользоваться гражданской войной в Испании для установления своеобразных отношений с каждой из сторон”¹³.

Главные установки Подкомитета по контролю над ситуацией в Западном Средиземноморье (от 24 августа 1936 г.) подразумевали: Гибралтар должен остаться укрепленной британской морской базой. Авиабазе на Гибралтаре нужно придать особый характер для использования альтернативных воздушных путей через

западное побережье Африки. Британские интересы в испанском вопросе отождествлялись с французскими, и выдвигалась задача сохранения территориальной целостности Испании (Гибралтар) и ее владений (Балеарские и Канарские острова, Марокко и Рио де Оро)¹⁴.

Через несколько дней Иден повторит: “Мы должны занять окончательную позицию по Гибралтару. Я сомневаюсь в благоразумии Муссолини на настоящий момент”. В сентябре 1936 г. британская сторона сочла необходимым впервые с начала войны в Испании официально предупредить Италию, что любое нарушение статус-кво в Западном Средиземноморье “станет предметом пристального внимания Правительств Его Величества”. Отвечая на британский демарш, Чиано подчеркнул отсутствие у Италии подобных целей, аналогичные заверения были даны министром военно-морского флота Италии британскому морскому атташе в Риме и Идену итальянским послом в Лондоне Гранди¹⁵.

Во время визита рейхсминистра Ханса Франка в Италию (конец сентября 1936 г.) было подчеркнуто, в частности, что Германия не будет препятствовать итальянским стремлениям к доминированию в Средиземном море, и выражена надежда, что Италия, в свою очередь, не станет противостоять политике Германии в Австрии. После обсуждения британской политики Чиано записал в дневнике: “Наши отношения с Лондоном очень плохи и не могут улучшиться... Хозяином пространства в Средиземном море есть и всегда будет Италия”¹⁶.

К заверениям британского посла Э. Друммонда (начало октября 1936 г.) в желании его правительства восстановить добрые отношения с Италией как можно скорее и даже закрыть абиссинский вопрос Чиано отнесся со скептицизмом. Будучи в двадцатых числах октября с визитом в Берлине, он повторил свою мысль, найдя понимание у фюрера¹⁷. Протокол, подписанный во время этого визита и легший в основу оси Берлин–Рим, советская дипломатия расценила как “легкий пинок по адресу Англии”, а итоги визита Чиано, как “крушение надежд на возможность непосредственного сговора [Италии] с Англией по вопросам Средиземноморского бассейна”¹⁸.

Балеарские острова были фактически оккупированы Италией и использовались как перевалочная база в транспортировке оружия и живой силы в Испанию. Позиция Великобритании в регионе, таким образом, пошатнулась, но тактике грубой силы она не решалась ответить адекватно. Раздавались лишь радикальные предложения, например, британского вице-консула в г. Пальма Хиллгарта о необходимости для Великобритании первой признать

правительство мятежников, опередив Францию или Италию для сохранения своего присутствия на островах¹⁹.

Осенью 1936 г. в западноевропейских дипломатических кругах активно муссировалось мнение, что Италия принимает столь активные действия на стороне испанских мятежников потому, что получает в виде компенсации часть Балеарских островов. Когда В.А. Антонов-Овсенко 13 октября 1936 г. поинтересовался об этом у итальянского консула в Барселоне Де-Пробицера, тот раздраженно заявил, что Балеарские острова – это международная проблема: “Как мы можем из-за них входить в конфликт с Францией и Англией?”²⁰ 12 октября дуайен консульского корпуса в Барселоне, английский генконсул Кинг, услышав аналогичный вопрос, “покраснев, сказал, что считает этот слух неверным”. Тактика советского дипломата: он вскользь упомянул о громадном стратегическом значении Балеарских островов, консулу выражалась благодарность за подтверждение слухов о высадке итальянских вооруженных сил на остров Ивиса, и акцентировал, что активность Италии на Балеарских островах не может ни задеть Англию²¹.

Активность Муссолини на Балеарских островах была расценена прессой, например, американской, как ответная мера на советский демарш в Комитете по невмешательству от 23 октября 1936 г.: это острая необходимость предотвратить установление Советской республики в Каталонии, а Средиземное море защитить от попыток проникновения (политического) в него СССР²².

Меморандум Идена в отношении Испании и Балеарских островов от 14 декабря 1936 г. свидетельствовал о некоей двойственности подхода к данной проблеме. С одной стороны, отмечалась значимость Балеарских островов в британской средиземноморской политике, подчеркивалось, что в ходе испанских событий они превратились в источник опасности для Британии. С другой – итальянская оккупация любого из этих островов всего лишь даст Италии возможность завладеть базой для морских и воздушных операций, отстоявшей от Гибралтара на 250 миль ближе, чем любая другая. Иден считал, что такой ход событий будет иметь для Британии скорее политическое, чем стратегическое значение²³. Вероятность ослабления или даже потери своего присутствия на Балеарских островах носила для Великобритании болезненный, но не решающий характер. Поэтому и решать эту проблему предполагалось путем компромисса с Италией, эвентуальная война с которой, в согласии с идеей документа, могла спровоцировать войну с вставшей на ее защиту Германией.

Поиски такого решения были уже в полном разгаре. Проблема Балеарских островов – “ключа к проходу английского флота внутрь Средиземного моря” – станет в нем одной из ведущих. К моменту подписания договора и декларации о Балеарских островах (“джентльменское соглашение”, январь 1937 г.) итальянскими “частными лицами” скупались огромные земельные участки, которые, как следует из архивных источников, по некоторым сведениям, составляли едва ли не половину территории островов²⁴.

Политика невмешательства в дела Испании свидетельствовала о невозможности заключения коллективного соглашения по Средиземноморью, кроме того, после конференции в Монтрё британские политики не были расположены к коллективным действиям. Вывод определялся ими необходимостью поиска попыток нормализации англо-итальянских отношений. Надежду на это укреплял факт подписания 6 ноября 1936 г. двух англо-итальянских торговых соглашений.

В известной миланской речи Муссолини (1 ноября 1936 г.) прозвучали примирительные нотки и предложение Англии заключить джентльменское соглашение по основным проблемам Средиземноморья. Аналогичные приглашения к переговорам повторялись итальянцами на разных политических и дипломатических уровнях²⁵. Первоначальная программа Муссолини предполагала ограничение присутствия морских сил обеих стран в Средиземном море и установление соотносительной пропорции по данному вопросу²⁶. В силу экономических причин Италия не могла конкурировать с английскими морскими вооружениями, что делало ее позиции в Средиземноморье уязвимыми. Наличие такого серьезного потенциального противника было опасно и рискованно. Не меньшую роль играли мотивы политического характера. Италия, не подписавшая конвенции о проливах, в накалявшейся ситуации в Европе и в Средиземном море испытывала беспокойство по поводу морского сотрудничества Англии с Францией, Югославией, Грецией и Турцией. В связи с ее активным вмешательством в испанский конфликт это порождало чувство неуверенности и небезопасности. Сохранение напряженной атмосферы в Средиземноморском бассейне к концу 1936 г. не отвечало интересам Италии еще и потому, что это делало для малых стран неизбежным выбор между Италией и Англией.

Английская сторона, однако, уже была готова к компромиссам. Усложнение ситуации вокруг Испании с ноября 1936 г. диктовало острую и перед Великобританией срочную необходимость ликвидации напряженности в этом регионе хотя бы по ряду направлений. В начале ноября британская дипломатия поспешила

категорически опровергнуть появившуюся в итальянской печати информацию о проходе советских судов с оружием для Испании через Суэцкий канал²⁷.

В конце декабря 1936 г. Р.Дж. Ванситтарт, обсуждая с И.М. Майским предстоящее англо-итальянское соглашение, сослался на сведения о произошедшем между Германией и Италией разделе сфер влияния, по которому Италии отошел район Средиземноморья. По мнению Ванситтарта, интересы Германии и Италии во многих пунктах сталкивались, и появилась возможность “вбить между ними острый клин и постепенно оттянуть Италию от Германии”. Майский, в отличие от английского дипломата, считал, что “флирт Муссолини с Гитлером по крайней мере на 60% является лишь мерой шантажа по отношению к Англии и Франции”, с помощью которого Муссолини хотел достигнуть, возможно, более благоприятных условий замирения с обеими западными державами, особенно с Англией²⁸.

Первоначальные и итальянский, и британский варианты соглашения подверглись значительной корректировке: итальянцы отвергли предложение Лондона о присоединении к декларации Франции и включении в нее гарантий территориальной целостности Испании (Балеарские острова) и пр.²⁹ По взаимной договоренности 31 декабря 1936 г. состоялся обмен нотами относительно статус-кво в Западном Средиземноморье, а 2 января 1937 г. была подписана англо-итальянская декларация. Согласно этому весьма обтекаемому по смыслу документу, Средиземноморье признавалось зоной жизненных интересов Британской империи и Италии, обе стороны обязывались поддерживать в этом регионе статус-кво и уважать в нем взаимные права и интересы. Испания в декларации не упоминалась³⁰. В строго юридическом смысле соглашение не имело никакого к ней отношения, но “политически, как писал И.М. Майский Н.Н. Крестинскому, как раз испанские дела являются лакмусовой бумажкой для определения ценности англо-итальянского договора”³¹. Об Испании речь шла в нотах: британская, например, рассматривала уступку Балеарских островов или какой-либо иной части испанской территории Италии как невозможную. Италия фактически получала свободу рук в Испании в обмен на обязательство не затрагивать английские интересы в Испании и Средиземноморье. “Лондонские политики, как всегда, ошибочно полагали, что, слегка похлопав Муссолини по плечу, можно убедить его не так уж рьяно вмешиваться во внутренние дела Пиренейского полуострова, ставя тем самым под угрозу сохранение европейского мира и безопасность британских коммуникаций с Востоком”, – отмечал И.М. Майский³².

“Джентльменское соглашение” было неоднозначно расценено политиками и общественностью стран, втянутых в события в Испании или напряженно наблюдавшими за ними. Хотя итальянская и германская печать писала, что это соглашение означало молчаливое признание Великобританией вмешательства Италии в испанские дела, Германия усмотрела в факте его заключения некоторое расхождение с Италией в вопросах дальнейшей тактики в отношении Испании и известное уменьшение интереса Рима к сотрудничеству с Берлином. Рейхсминистру Герингу было поручено срочно “выправить колеблющуюся линию итальянской политики”³³. 13 января 1937 г. Геринг прибыл в Рим. На аудиенции у Муссолини он подробно расспрашивал дуче по каждому пункту англо-итальянского соглашения. Интервью, данное Муссолини “Völkischer Beobachter” по результатам встречи с Герингом (в известной мере повторявшее внешнеполитические тезисы миланской речи итальянского лидера от 1 ноября 1936 г.), свидетельствовало о том, что ось Берлин–Рим не только не ослаблена итало-английским соглашением, но даже получила новый импульс к своему укреплению. Программа действий в Испании фактически повторяла соответствующие заявления Гитлера. У Муссолини в тот момент было мало преимуществ, чтобы отказаться от “германского козыря”. Жестом в сторону Гитлера являлись грубые оскорбления в этом интервью английской и французской демократий. Единственное, в чем не согласился с Герингом Муссолини – в необходимости немедленно и массированно помочь Франко посылкой нескольких дивизий для быстрого разгрома республиканцев. Муссолини был готов усилить итальянскую помощь, но в тех формах, которые осуществлялись до тех пор³⁴.

Тональность французских политиков в отзывах на “джентльменское соглашение” менялась. В первые дни после его подписания преувеличенно восторженные высказывания (доходившие до надежд на возвращение “фронта Стрезы”) присутствовали и во французской прессе, поместившей “совершенно сервильное” заявление Дельбоса, приветствовавшее это соглашение. Но уже к середине января 1937 г. в политических кругах Парижа верх стало брать понимание, что средиземноморское соглашение – удар, “новая пощечина французскому международному престижу” и усугубление ситуации в Испании. По мнению французского посла в Берлине Франсуа-Понсе, “разговаривая с Муссолини, Великобритания в действительности говорит с Франко, выражая желание, чтобы он одержал победу”³⁵. Правда, некоторые из политиков (например, Шотан) пытались убедить коллег и общественное мнение, что Франция и Англия не готовы к вооруженному конфликту

с Италией или Германией и заинтересованы в его отсрочке хотя бы таким образом³⁶.

Советская дипломатия считала, что средиземноморское соглашение без Франции непрочное и нереальное, и активно навязывала эту мысль французской стороне, акцентируя внимание на том, что “итальянцы категорически отвергли предложение о привлечении Франции к участию в средиземноморском соглашении или хотя бы присоединению к нему” и что последние месяцы в Италии по отношению к Франции усвоен тон в высшей степени враждебный и агрессивный. В тот момент серьезным пунктом расхождений между Италией и Францией кроме абиссинской оставалась испанская проблема. Советская сторона справедливо полагала, что Италия найти общий язык с Францией гораздо труднее, чем с Англией, и процесс улучшения отношений между этими странами будет развиваться медленными темпами и в значительной степени зависеть от положения в Испании³⁷. Официальная Москва прилагала максимум усилий по недопущению международных договоренностей без своего участия.

Советскими дипломатами давались достаточно адекватные оценки англо-итальянского соглашения: оно лишь устанавливает временную паузу перед перегруппировкой сил как в Средиземноморье, так и в Испании; являясь этапом к дальнейшей договоренности с Англией на предмет обеспечения безопасности Италии в Средиземноморском регионе. Англия будет усиленно вооружаться и готовиться к реваншу за абиссинско-средиземноморское поражение. Италия планирует окончательный захват Балеарских островов³⁸. Майский верно подметил, что “само соглашение носит характер векселя, в котором еще не проставлена сумма долга”, справедливо сомневаясь в правильности оптимистического прогноза³⁹.

Высадка в начале января 1937 г. в Кадисе около 11 тыс. итальянских войск аннулировала положительный эффект англо-итальянского соглашения в широких кругах британского общественного мнения. Политики и общественные деятели (не только в Великобритании) задались вопросом: совершил ли Муссолини зловещий обман, или, наоборот, англичане благословили дуче на углубление интервенции в испанские дела. Прецедент пакта Хора–Лавалья не позволял дать формального одобрения (“в наши дни дипломатических тайн почти не бывает”, – писал И.М. Майский), но, согласно мнению европейских дипломатических кругов (январь–февраль 1937 г.), англичане обладали информацией о подготовке этой высадки и решили обойти ее молчанием. “Вот почему мы имеем основание обвинять англичан в попустительстве и содействии испанским мятежникам”, – заявил Майский⁴⁰.

Еще в начале 1937 г. один из выводов Комитета по имперской безопасности Великобритании гласил: “Наша безопасность в Средиземном море в последнее время в большой степени зависит от дружбы с Италией и от слабости Испании”⁴¹. Соглашение с Италией давало Лондону некоторые основания надеяться на его трансформацию со временем в политический договор в контексте политики “умиротворения”.

Значительная активизация итальянского вмешательства в испанские события (по данным Ковердейла, на 18 января 1937 г. в Испании находилось 17 422 итальянских солдат, к 30 января – 28 700⁴²) и как следствие – некоторое усиление Италии в Западном Средиземноморье вызвали очередной виток напряженности между Лондоном и Римом. “Джентльменское соглашение” на исходе второго месяца своего “действия” раскрыло весьма любопытную ситуацию: в нем, по саркастическому выражению Б. Штейна, “не оказалось ни соглашения, ни джентльменов”⁴³.

Таким образом, порожденное испанским конфликтом англо-итальянское соглашение (1937) не смогло даже частично решить его проблем, а лишь устанавливало на некоторое время очень зыбкий *modus vivendi* в Западном Средиземноморье.

Дискуссии в Комитете по невмешательству по вопросу морского контроля над поставками в Испанию оружия, амуниции и воинских контингентов заняли январь–февраль 1937 г. В средиземноморской политике заметно активизировалась роль Советского Союза. Сначала СССР заявил о недопустимости исключения советского флота из системы морского патрулирования испанского побережья, тем самым стремясь не остаться в изоляции как в Комитете, так и на европейской арене в целом. Английские дипломаты на встрече с Риббентропом откровенно говорили, что для них крайне нежелательно присутствие советских военно-морских сил в районе Гибралтара. Отстояв в дискуссиях право морского патрулирования всеми странами–членами Комитета, советская сторона вскоре отказалась от участия в нем, мотивируя этот шаг тем, что вблизи Испании не имеет собственных баз, а пользоваться английскими или французскими не желала из-за опасения провокаций⁴⁴.

6 марта 1937 г. контроль вступил в силу. Тремя днями раньше, 3 марта, в беседе с Х.С. Вейнбергом Пайяр подчеркнул, что тактика советской стороны не совсем понятна. Французский дипломат счел, что советское правительство рассматривает вопрос только под углом зрения собственных интересов, а не проблем коллективной безопасности⁴⁵. Но в той обострявшейся международной обстановке окончательное решение СССР по морскому контролю

выглядело оправданным с точки зрения национальной геополитики и безопасности.

Весна 1937 г. ознаменовалась дальнейшим осложнением ситуации в Средиземном море и вокруг Испании. Начавшиеся в марте маневры итальянского флота у берегов Ливии были демонстративно приурочены к открытию автодороги вдоль всего Ливийского побережья. Маршал Бальбо заявил в печати, что новая дорога имеет прежде всего военно-стратегическое значение. Тогда же итальянское правительство декретом запретило полеты над островом Пантеллерия. Антианглийская направленность этих действий не скрывалась⁴⁶.

Позиция Франции Народного фронта в средиземноморском вопросе продолжала оставаться пассивно-выжидательной. Попытки советской дипломатии заинтересовать и обеспокоить правые политические круги страны фактом оккупации итальянцами Балеарских островов убеждали, что эти круги не склонны проявлять беспокойство о деятельности итальянцев в Средиземном море (“все равно Франция на деле отрезана от своих колоний”)⁴⁷. Они верили заявлениям, что Италия не имеет никаких намерений изменить существовавший в Средиземном море до начала испанских событий статус-кво, и поэтому Франции нечего опасаться нарушения в этом направлении своих жизненных интересов со стороны Италии⁴⁸.

Советские дипломаты, зондируя ситуацию вокруг Средиземноморского бассейна, периодически преподносили англичанам информацию по этому вопросу. Так, например, на встрече 27 апреля с лордом Кренборном (помощник министра иностранных дел) и издателем “Financial News” Брендан Бракенем Майский упомянул о попытках Италии сколотить в Средиземном море блок Италии, Югославии, Греции и Турции, высказав опасение, что он будет направлен против Великобритании. Кренборн в ответ презрительно махнул рукой и заметил, что “Англия достаточно прочно стоит в Средиземном море”⁴⁹.

В середине апреля 1937 г. Иден делился со своими военными коллегами мнением, что Италия представляет бóльшую опасность миру, чем Германия, и что “в настоящее время война может скорее возникнуть в Средиземноморье, чем где-то еще в Европе”⁵⁰. Майский считал (апрель 1937 г.), что напряжение в англо-итальянских отношениях может уменьшиться под влиянием тех или иных обстоятельств, подчеркивая, что “ключ к ходу событий в Испании во многом находится в руках Муссолини”⁵¹.

Одной из задач в средиземноморском направлении в 1937 г. нового британского лидера Чемберлена станет возвращение к

ситуации до 1935 г., когда Италия была исключена из списка врагов Великобритании⁵². Эту точку зрения разделяли не все британские политики и общественные деятели. Стенограммы заседаний кабинета, Комитета по имперской безопасности или Комитета глав штабов за 1937 г. свидетельствуют о наличии некоторого спектра точек зрения. Так, 15 июня 1937 г. О'Малли даже заявил о возможности войны с Италией, предлагая, чтобы "Италия рассматривалась как возможный противник в течение неопределенного времени"⁵³.

Кризис политики невмешательства (июнь 1937 г.), начинавшийся как средиземноморский кризис, на время затруднил попытки англо-итальянского сближения. Его, как указывалось выше, британская дипломатия попыталась разрешить усилиями так называемого четырехстороннего комитета (Великобритания, Франция, Италия и Германия). 12 июня 1937 г. Комитет по невмешательству в дела Испании достиг соглашения об обращении к испанскому правительству с предложением установить в испанских портах "зоны безопасности" и получить от него и Франко гарантий о ненападении на патрульные суда⁵⁴. Морское патрулирование, хотя бы относительно поддерживающее порядок как в испанской прибрежной зоне, так и в Западном Средиземноморье, по британскому плану от 14 июля 1937 г. предлагалось ликвидировать, заменив его институтом наблюдателей в портах. План предусматривал предоставление Франко прав воюющей стороны.

Дискуссии вокруг этого плана в Комитете по невмешательству в июле – начале августа 1937 г. оказались непродуктивными. Италия попыталась действовать методами шантажа и запугивания. Уже в начале июля стало известно о назначенных на август больших маневрах итальянского флота в Сицилии. Итальянская печать не скрывала, но всячески раздувала, что они напрямую связаны с испанской войной, а оперативные задания этих маневров открыто направлены против Англии. Это не могло не раздражать ее руководителей и усиливать италофобские настроения⁵⁵. Отношения между Лондоном и Римом принимали все более напряженный характер.

Анализ внешнеполитических документов Великобритании за июль–август 1937 г. свидетельствует, что средиземноморские проблемы в контексте англо-итальянских отношений и испанских событий регулярно становились предметом обсуждения в различных высших государственных и военных учреждениях. При этом тональность мнений британских политиков и военных постепенно менялась: в начале июля 1937 г. преобладали прогерманские и антиитальянские настроения, допускалась возможность войны с Италией

в Средиземном море (например, заседание Комитета по имперской безопасности от 5 июля, речь Чемберлена на заседании Кабинета от 14 июля)⁵⁶. В конце июля начали звучать идеи улучшения отношений с Италией (выступление Идена в парламенте, речь морского министра Дафф-Купера). Все это имело известный эффект в Риме, и Муссолини дал Гранди инструкцию, предписывавшую встретиться с Чемберленом и передать ему (устно) личное послание итальянского диктатора: отношение Идена к средиземноморской проблеме расценивалось как “основанное на реальном понимании ситуации”⁵⁷. Муссолини разделял идею сотрудничества, подчеркнув, что Италия не имеет никаких территориальных притязаний в Испании и что интересы Великобритании и Италии не антагонистичны как в Средиземном море, так и в других регионах. Вместе с тем Гранди заявил Чемберлену, что Италия не может допустить поражения Франко⁵⁸. По мнению советской дипломатии, в вопросе о господстве на Средиземном море испанский аспект включался “как часть только что названной более общей проблемы”⁵⁹.

Тогда же в европейских дипломатических кругах усилились слухи, что официальный Лондон выдвигает идею тройственного итало-англо-французского средиземноморского пакта с подтверждением сохранения территориальной целостности Испании. “Само собой, английский вклад выразится также в признании аннексии Абиссинии”, – считал Литвинов⁶⁰.

Средством давления на политику невмешательства стала активизация итальянского надводного и подводного пиратства, в первую очередь против кораблей, направлявшихся в Испанию. С 30 октября 1936 по 9 апреля 1937 г. был задержан 81 советский корабль, к июлю 1937 г. потоплено 3 советских судна. В справке, составленной зам. наркома водного транспорта СССР Г.Г. Кучеровым, было указано 93 задержанных и обысканных советских судна с 30 ноября 1936 по 3 сентября 1937 г., хотя многие из них подвергались неоднократному обыску, следовательно, цифра несколько меньше⁶¹.

Предложения Советского Союза (январь 1937 г.) о принятии мер против пиратства фашистских кораблей не нашли понимания у британских и французских дипломатов. 19 февраля 1937 г. на заседании подкомитета И.М. Майский поставил вопрос о пресечении пиратских действий одновременно с введением морского контроля. В телеграмме в НКВД СССР он отмечал, что советское предложение едва ли вызовет большой отклик в Комитете. Плимут дал понять, “что у него имеется большое сомнение (контрольде только регистрирует нарушения соглашения, но не задерживает ни провозимых грузов, ни проезжих волонтеров)”⁶².

Вопрос о борьбе с пиратством вновь обсуждался на 47-м заседании подкомитета 27 апреля 1937 г. С предложением о мерах, которые должны приниматься в случае захвата в испанских водах судов с контролерами Комитета на борту, выступили представители Скандинавских государств. Десятки судов этих и других стран задерживались франкистами в Гибралтаре, уводились в Марокко с конфискацией груза, несмотря на его гражданское назначение и на то, что груз часто адресовался не в испанские порты. Представитель СССР поддержал эти предложения. На заседании подкомитета 30 апреля, где они обсуждались, Плимут попытался уйти от существа вопроса. Представители Скандинавских стран были возмущены полным равнодушием англичан к проблемам их судоходства. Французский представитель Корбен молчаливо поддерживал Плимута. Только благодаря вмешательству советской стороны английское намерение “похоронить весь вопрос без сколько-нибудь серьезного его рассмотрения” провалилось⁶³. Проблема вновь обсуждалась уже на пленарном заседании Комитета (5 мая 1937 г.), где были выдвинуты предложения: советское – о назначении специальной комиссии для срочного рассмотрения вопроса о мерах по защите судоходства у испанского побережья; и английское – запросить правительства всех представленных в Комитете стран о фактах нарушения свободы судоходства и их мнение о юридической стороне вопроса в случае нахождения на борту задержанного судна контролеров Комитета по невмешательству. Результатом дискуссии было вынужденное признание Плимутом срочности вопроса и согласие дополнить английское предложение запросом о практических мерах по борьбе с пиратством⁶⁴.

Обещание Плимута вернуться к вопросу о пиратстве после перерыва в работе Комитета по случаю коронации английского короля не было сдержано. И только значительное увеличение масштабов фашистского подводного пиратства летом 1937 г. побудило Англию и Францию вынести эту проблему на рассмотрение Международной конференции в сентябре 1937 г.

5.2. Нионская международная конференция (1937 год): коллективная безопасность или скрытая конфронтация?

Нападения итальянских подводных лодок с осени 1936 г. на иностранные морские суда серьезно осложняли навигацию в Средиземноморском бассейне. Связь этих действий с испанскими событиями очевидна: атакам подвергались суда, направлявшиеся в порты Испанской республики. С лета 1937 г. Муссолини попытался ввести фактически блокаду республиканского берега, которую

он планировал осуществить де-юре после получения Франко прав воюющей стороны. Для облегчения решающей победы мятежников до начала зимы ставка была сделана не только на отправку в Испанию новых войсковых соединений, но и на приостановку морского подвоза в республиканские порты, чтобы “лишить законное испанское правительство связи с внешним миром”⁶⁵. Жертвами становились в первую очередь советские и испанские суда. Итальянская пресса призывала “принять эффективные меры, чтобы перерезать им путь через Средиземное море”⁶⁶.

В начале августа 1937 г. Франко в срочном послании Муссолини называл завышенные цифры идущих советских военных поставок Испанской республике и настойчиво просил направить итальянский подводный флот для препятствования их продвижению. Дуче счел наиболее удобным для таких операций пролив между Сицилией и Тунисом⁶⁷. После того как было потоплено испанское судно “Сиудад де Кадис” (15 августа) в стамбульской газете “Бейоглу”, известной своими связями с итальянским посольством, за подписью редактора Прити был помещен недвусмысленный комментарий, из которого вытекало, что это потопление не останется одиночным⁶⁸.

Наибольший размах пиратства “неизвестных подводных лодок” пришелся на август 1937 г. Потопления происходили не только в испанских территориальных водах, но и в столь отдаленных от Испании районах, как Эгейское море или пролив Дарданелл. Министр иностранных дел Турции Арас в беседах с английским и французским послами выказал озабоченность, что “перенос военных действий в Восточную часть Средиземного моря может значительно повлиять на международную обстановку. Германия может воспользоваться моментом для создания осложнений в Центральной Европе и т.д.”⁶⁹

Тактика итальянских подводных лодок (потопление без предупреждения и без возможности для команд спастись) противоречила действовавшей тогда международной конвенции о ведении подводной войны. Над Средиземноморьем вновь нависла угроза серьезного международного конфликта. Политическое руководство Италии удачно выбрало время для массовой “пиратской” кампании. В Европе в августе 1937 г. царил обстановка относительной политической апатии: парламенты были распущены на каникулы, заседания кабинетов проводились реже обычного. Единственное заседание Комитета по невмешательству в дела Испании прошло 6 августа. Лишь активизация фашистского пиратства, значительное продвижение франкистов на севере Испании (потеря республиканцами Бильбао, Сантандера, Брунете) выве-

ли британское и французское правительства из некоторого “летнего оцепенения”. Пиратство задевало уже интересы английского и французского судоходства на средиземноморских коммуникациях и побуждало Англию и Францию к поиску мер по его пресечению.

Британские политические и дипломатические круги были хорошо осведомлены о государственной принадлежности подводных лодок, преподносимых большинством средств массовой информации в качестве “неизвестных”. Так, на полях телеграммы временного поверенного в делах Великобритании в Риме Ингрэма Идену (23 августа), в которой тот докладывал, что накануне на встрече с Чиано обсуждалось осложнение ситуации в Средиземноморье, Шукбург заметил: “Он *знает* (курсив в документе. – В.М.), что они [подлодки и самолеты] были итальянскими!”⁷⁰ Во время встреч с английскими дипломатами Чиано пытался убедить их, что подлодки и самолеты, совершающие атаки на корабли в Средиземном море – франкистские⁷¹. Но франкистский флаг мог быть использован для камуфляжа при обстреле как республиканских, так и иностранных судов.

Британские политические круги в поисках соглашения с Италией не демонстрировали свою осведомленность. Иден считал, что “корабельные инциденты в Средиземном море могут быть эпизодом в реальном развитии отношений с Италией”. На срочно созванном 17 августа заседании кабинета министров Р. Ванситтарт подчеркнул, что пока удастся не допустить спекуляции прессы этими фактами: “Это будет иметь нежелательный эффект для предстоящих англо-итальянских переговоров”. В опубликованном заявлении английского правительства была лишь выказана обеспокоенность в связи с увеличением числа атак и подчеркивалось, что в случае нападения на британские торговые корабли подводной лодкой без предупреждения судам будет приказано оказать сопротивление⁷².

По мнению И.М. Майского, “дальше этого англичане едва ли пойдут”⁷³. Такой оценки английской тактики придерживалась и европейская дипломатия. Чешский посол в Берлине Мастны еще в начале августа в беседе с советским полпредом К.К. Юрневым подчеркивал, что “Англия, по существу говоря, хочет по возможности свести на нет итальянскую интервенцию в Испании путем некоторой компенсации Италии и установить некий статус-кво на Средиземном море”⁷⁴.

Британская сторона через своих посланников в Риме намекнула итальянской на информированность официального Лондона, подчеркивая его нежелание устраивать из происшедшего между-

народный скандал: “Правительство его Величества искренне в своем желании, чтобы ничто не могло повлиять на столь благоприятную обстановку приближающихся переговоров”. Ингрэм в беседе с Чиано 23 августа по существу извинялся: если реальная информация попадет в британскую прессу, правительство будет не в состоянии удержать антиитальянскую кампанию, и это может “далеко увести от блестящей атмосферы, созданной наконец между двумя странами”⁷⁵. Когда это предупреждение не возымело силы – число атак подводных лодок увеличилось, – Ингрэм 25 августа по поручению Идена менее дипломатично известил итальянское руководство: “Если атаки продолжатся, только вопрос времени, когда комментарии появятся в прессе”⁷⁶.

Ночь с 31 августа на 1 сентября торпедированию севернее Аликанте подвергся английский эсминец “Хэвок”. Это была восьмая атака на британские корабли с начала 1937 г. и восемнадцатая против нейтральных судов в августе 1937 г. В первые две недели сентября не менее шести британских кораблей были атакованы в Средиземном море. Даже не отличавшаяся симпатиями к республиканскому правительству британская “Daily Mail” требовала действий для “опознания этих дьявольских подлодок и потопления их”⁷⁷. Средиземноморский кризис обострялся.

26 августа 1937 г. французское правительство через своего поверенного в делах в Лондоне Камбона высказало британской стороне предложение обсудить средиземноморскую проблему между Францией, Великобританией и Италией накануне работы очередной Ассамблеи Лиги Наций в Женеве. Британия выразила опасение, что подобные переговоры могут принять серьезный оборот, и “мы попадем в трудное положение, вынужденные оглашать испанские жалобы против итальянцев”⁷⁸. Иден оказался в сложном положении: он не мог найти решения, удовлетворявшего все стороны. Любая попытка вынести проблему пиратства на заседание Комитета по невмешательству могла только приблизить конец этой организации. К этому Иден готов не был, ибо это означало конец и его политической карьеры. Свежими были воспоминания о кризисе Комитета и всей политики невмешательства в июне–июле 1937 г.

Открытый вызов политике невмешательства, всей хрупкой системе международных отношений – публикации в итальянской прессе благодарности Франко Риму за помощь и поддержку (в виде пиратства)⁷⁹, непрекращавшиеся атаки со стороны подводных лодок, скандал, раздуваемый не только британскими средствами массовой информации, – все это углубило нервозность британских политических кругов. Нужно было реагировать и на непривычно резкий тон французской дипломатии.

Французский кабинет на заседании 30 августа решил сначала предложить Великобритании вынести проблему на заседание Комитета по невмешательству для получения заверений о “немедленных, полных и эффективных гарантиях безопасности от Италии”. В случае их отсутствия французские политики оставляли за собой возможность пересмотра основ Соглашения о невмешательстве и фактическую свободу действий. Об этом Идену 30 августа 1937 г. сообщил французский поверенный в делах М. Камбон⁸⁰. Дополнительный повод для тревоги английской дипломатии прибавила демонстрация Камбоном записей, фиксировавших передвижение и действия итальянских кораблей и воздушных сил в Средиземноморье. “Большое количество инцидентов, отраженных в них, свидетельствует, – писал Иден британскому послу в Париже Л. Томасу, – что французы производили наблюдение пристально и систематически. Именно эта информация вызвала взрыв негодования, как только она стала известна во Франции”⁸¹.

Как докладывал после беседы с французским послом в Анкаре поверенный в делах СССР в Турции Залкинд, «он [посол] не столько был занят политическими проблемами, могущими возникнуть из факта агрессии на подступах к Дарданеллам, сколько собиранием нужных сведений для своего генерального штаба, для характеристики появившейся в Эгейском море “неизвестной” подлодки»⁸².

Французское правительство, не получив согласия на экстренное заседание Комитета по невмешательству, обратилось к британскому с предложением обсудить ситуацию в Средиземноморье и Испании в Женеве с участием как средиземноморских, так и черноморских держав. В ноте от 30 августа также приводились пожелания министра иностранных дел Турции Т.Р. Араса о заключении Средиземноморского пакта (идея, не реализованная на конференции в Монтрё). Британская дипломатия расценила этот документ как показатель растерянности и непоследовательности французских политиков: дискуссии в Женеве предполагали отсутствие на них Италии (она вышла из Лиги Наций в 1935 г.), а реализация второго предложения без ее участия была бы невозможной. В комментарии к французской ноте Иден писал: “Всеобщее Средиземноморское соглашение, включающее Италию, может послужить полезной цели как основа здания международного сотрудничества и умиротворения”⁸³. Стороны достигли договоренности провести средиземноморскую конференцию в пригороде Женевы – Нионе.

При сравнении целей двух стран по созыву конференции нужно отметить, что их совпадение носило относительный характер: для Франции статус-кво на Средиземном море в той международной ситуации был едва ли ни основополагающей целью, сво-

образной гарантией некоторой стабильности на континенте. Для Великобритании договоренность по Средиземноморью имела промежуточное значение в плане поиска долгосрочного соглашения с Италией. Отсюда – схожесть французской и британской тактик по характеру готовившегося документа: немедленные и серьезные гарантии безопасности судоходства и введение их в действие.

Необходимость получения политических дивидендов в виде расположения итальянской стороны диктовала британской дипломатии замену на конференции дискуссий политического характера постановкой вопросов чисто технического плана. Логика принятия действенных мер против пиратства требовала установления виновных, что противоречило планам британских политических кругов. Они стремились публично заняться следствием явления, не демонстрируя интереса к его сути и не анализируя причин. Как считала “The Times”, “опознание и мотивация пиратства должны быть опущены для существа момента”⁸⁴. “The Spectator” добавлял уже в дни работы конференции: “Вопрос на данном этапе не в том, на кого возлагать ответственность за атаки на корабли в Средиземноморье, а в том, какие шаги должны быть предприняты, чтобы положить этому конец”⁸⁵.

В целях предотвращения серьезного столкновения на конференции итальянской и советской позиций английские дипломатические круги попытались не допустить СССР к участию в работе конференции. Этот вопрос стал предметом временных, но острых разногласий между официальными Лондоном и Парижем. На заседании британского кабинета (2 сентября 1937 г.), обсуждавшего информацию о нападении накануне подлодок на британские корабли “Вудфорд” и “Хэвок”, и принявшего французское приглашение на конференцию, Иден выступил как активный противник присутствия на ней СССР. Были очерчены контуры тактики британской делегации на конференции. В тот же день Иден на встрече с Камбоном выдвинул предложение: в Нионе должны быть представлены только средиземноморские державы. 1 сентября Камбон беседовал по этому вопросу по телефону с министром иностранных дел Франции Дельбосом. Дельбос просил передать Идену, что в случае, если законное испанское правительство не будет приглашено, он настаивает на присутствии черноморских держав. Иден мотивировал Камбону пожелание не приглашать Советский Союз на конференцию тем, что эта страна не является средиземноморской. Камбон обещал проинформировать свое правительство и поставить Идена в известность о полученных инструкциях⁸⁶.

Только в постановлении данного заседания британского Кабинета пиратство было официально признано деяниями Италии,

приводилась цифра 15 – количество субмарин, активно атакующих иностранные корабли, в том числе и британский “Хэвок”. При этом ни о каких нотах протеста итальянской стороне при всем различии мнений никто из членов Кабинета не упомянул. Напротив, министр торговли О. Стэнли подчеркнул: “Мы должны быть очень аккуратны во всем, что сообщаем итальянцам по этому вопросу”. В предложенном для прессы коммюнике по итогам заседания Кабинета ни о какой национальной принадлежности подлодок речь не шла. Предлагалось указать, что обстоятельства атак на британские корабли тщательно изучаются и что правительство принимает решение усилить британское присутствие в западном Средиземноморье⁸⁷.

День 3 сентября прошел в консультациях, обменах мнениями, главным образом по составу участников конференции. Активный зондаж относительно предстоящей конференции через своего поверенного в Лондоне Воерманна предприняла немецкая сторона. На вопрос, не планируется ли приглашение германской делегации, Иден ответил, что круг членов строго ограничен средиземноморскими странами, но отступления могут быть сделаны. Он дал понять, что желает провести не политическую дискуссию, а конференцию по практическим мерам⁸⁸. Аналогичное завершение было дано и итальянской стороне.

4 сентября французское посольство в Лондоне сообщило британскому министерству иностранных дел, что Франция все еще придерживается точки зрения о нецелесообразности присутствия самой Италии на конференции, одновременно настаивая на включении СССР в состав участников. За этим последовали телефонные дискуссии между Дельбосом и Иденом в течение дня. Дельбос добивался согласия англичан на приглашение СССР, неохотно изъявив готовность направить такое же Италии. Лишь угроза отставки Дельбоса и как следствие внутривосточный кризис во Франции, ответственность за который французская сторона пригрозила возложить на английское правительство, подействовала на Идена: было решено включить в состав участников Советский Союз и Италию наряду с черноморскими странами. Иден в телграмме британскому временному поверенному в Париже Томасу писал: “Я сделал все возможное, чтобы на конференции были только средиземноморские страны. Я очень сожалею, что французское правительство не разделило нашу точку зрения”⁸⁹.

Неуступчивость Франции побудила Англию прибегнуть к новому маневру: Иден настоял на приглашении Германии в качестве противовеса Советскому Союзу. В конечном итоге этот компромисс устроил обе стороны. Просьба советской стороны в ответной

на приглашение ноте объяснить “мотивы, в силу которых на это совещание приглашается Германия, которая средиземноморской державой не является”, осталась без ответа⁹⁰.

Английское правительство решительно выступило против присутствия на конференции Испании и сумело склонить к этому французские внешнеполитические круги. При вручении 6 сентября 1937 г. зам. зав. 3-м Западным отделом НКВД Ф.С. Вейнбергу приглашающей ноты поверенным в делах Франции Леви и секретарем английского посольства Маклином последний отметил, что в том случае, если какое-либо из приглашаемых на конференцию правительств поставит вопрос, почему в числе приглашенных нет Испании, ему поручено ответить, что проблема эвентуального приглашения на конференцию представителей валенсийского правительства и Саламанки может быть обсуждена на самой конференции⁹¹.

Объяснение французской позиции в данном споре только приверженностью Франции франко-советскому договору представляется упрощенным, если учесть, что после июньского политического кризиса (1937) во французском правительстве произошел ряд замен (уход Л. Блюма и формирование нового правительства К. Шотаном), что означало поправление Кабинета. Политику отстаивания Францией собственного мнения по проблемам безопасности судоходства в Средиземноморье следует рассматривать, скорее, в контексте сложившихся к осени 1937 г. международных реалий. Успехи Франко при активной поддержке Италии и Германии и перспектива его победы прямо угрожали интересам Франции как в Средиземноморском бассейне, так и Европе в целом. Дельбос был одним из тех французских политиков, кто адекватно оценивал ситуацию. Еще в начале июля 1937 г. британской стороне было заявлено, что общественное мнение и парламентские круги Франции выражают серьезную обеспокоенность слабостью политики невмешательства, и такая ситуация может спровоцировать правительственный кризис в стране⁹².

Бездействие Великобритании в ответ на участвовавшее пиратство и ее чрезмерная активность в вопросе итальянского, а потом и немецкого присутствия на Нионской конференции подталкивали к выводу о потенциальной возможности соглашения или даже союза между Великобританией и фашистскими странами, что не могло не отразиться на интересах Франции. Настаивание ею на приглашении СССР на конференцию было одной из робких попыток противодействия такому сотрудничеству, равно как и укреплению позиций Италии на Пиренейском полуострове, в Средиземном море, Европе вообще. Французские политики осозна-

вали, чем может обернуться одновременное присутствие СССР и Италии на предстоящей конференции. Даже возможность неудачи конференции в плане заключения общего соглашения представлялась французам более предпочтительной, чем доминирование на ней согласованного англо-итальянского курса.

Как следует из дневников Чиано, итальянская дипломатия серьезно готовилась к Средиземноморской конференции: 4 сентября он приказал приостановить морские нападения, несмотря на настойчивые убеждения Франко, что блокада в сентябре будет решающей. Получив шифровку Чиано, перехваченную Адмиралтейством, британское министерство иностранных дел было почти уверено в успехе конференции⁹³.

Но серьезные коррективы в эти планы внес дипломатический скандал в итало-советских отношениях, вызванный советскими нотами протеста итальянскому правительству от 6 сентября 1937 г. В первой, направленной на имя Чиано, вся полнота ответственности за пиратство подводных лодок возлагалась на итальянскую сторону. Посольство СССР от имени советского правительства настаивало на решительном пресечении агрессивных акций, полном возмещении ущерба, понесенного Советским Союзом, и наказании виновных лиц. Отрицание фактов агрессивных действий итальянских военных судов в ответной ноте министра иностранных дел Италии повлекло за собой в тот же день следующую советскую ноту, в которой подчеркивалось: «Советское правительство считает неудовлетворительным ответ Италии на свою ноту протеста от 6 сентября с.г. и настаивает на сформулированных в вышеуказанной ноте обвинениях»⁹⁴. Если инструкция передать первую ноту была послана в Рим заместителем наркоминдел В.П. Потемкиным до получения официального приглашения на Нионскую конференцию, то вторая нота, как показывает анализ, была предъявлена уже после того. Советские руководители не могли не предвидеть итальянской реакции на эти демарши (исходя, например, из тактики итальянского представителя в Комитете по невмешательству в дела Испании), осознавая, что требуемых мер итальянская сторона не предпримет⁹⁵. Логичным и целесообразным явилось бы выступление с подобным заявлением с трибуны конференции. Эти акции, одной из задач которых было обличение и некоторая изоляция Италии, сыграли негативную роль для советской стороны, отталкивая от нее потенциальных союзников (Францию) и провоцируя новую волну антисоветской кампании (Великобритания), не говоря уже об Италии и Германии⁹⁶.

Советская дипломатия на начальном этапе обсуждения вопроса не совсем адекватно оценила роль и задачи Нионской конфе-

рениции, считая, что “ее решения объективно будут способствовать изоляции Рима”⁹⁷. Ноты дали Италии удобный формальный повод не присутствовать на конференции, грозящей обернуться для нее международным скандалом: она не могла быть уверенной, что СССР не повторит там своих обвинений. Получить в оставшиеся три дня до конференции такие гарантии, даже при поддержке Парижа и Лондона, было проблематично. Опасность же публичного предъявления обвинений выдвигала перед Италией дилемму: либо оказаться вынужденной оправдываться (т.е. признать авторство пиратства), либо демонстративно уйти с конференции. По понятным причинам оба варианта не устраивали Италию. Отрицательный ответ, после предварительного данного согласия на приглашение, в известной степени демонстрировал бы боязнь разоблачений и одновременно таил опасность принятия решений по Средиземноморью без Италии. Отсюда – затяжка с ответом до последнего момента, поиски компромисса для перенесения обсуждения поставленной проблемы в Лондон, в Комитет по невмешательству. 8 сентября Чиано специально искал обмена мнениями с временным поверенным в делах СССР в Италии Л.Б. Гельфандом, чтобы попытаться выяснить, какими доказательствами итальянской вины располагает Советский Союз и что официальная Москва думает предпринять дальше. По мнению Гельфанда, в беседе сквозила весьма реальная озабоченность неизвестностью дальнейших шагов советской стороны. На страницах официальных изданий и в разъяснениях итальянского МИД журналистам присутствовал мотив о готовности Италии непосредственно урегулировать свой конфликт с Советским Союзом⁹⁸.

Советские заявления вызвали “крайнее удивление и растерянность во Франции”. Сделанные в канун конференции, они рассматривались как несвоевременные и даже провокационные. Французских политиков, как писала “Таймс”, более всего удивил факт, что, когда поверенный в делах СССР во Франции Гиршфельд посетил Дельбоса накануне, “он не упомянул существа дела вообще, хотя русская нота была вручена в Риме в тот вечер. Официальные круги в замешательстве в связи с русской инициативой”⁹⁹.

Данные демарши не удовлетворили и британских политиков. Англия, идя на сближение с итальянскими фашистами, стремилась иметь преимущества на предстоящих с ними переговорах. “Я лично не представляю лучшей прелюдии к англо-итальянским переговорам, чем удачно проведенная встреча в Нионе”, – неоднократно подчеркивал Иден. Поэтому официальный Лондон разделял точку зрения итальянского руководства на советские ноты как на “попытку торпедировать конференцию”¹⁰⁰. Когда Чиано в конфиден-

циальной беседе 7 сентября с английским послом Ингрэмом дал понять, что “русская нота сделает присутствие Италии на предстоящей конференции невозможным”, английские политики проявили беспокойство. 7 сентября Иден и Ингрэм обменялись восемью (!) телеграммами, посвященными готовящейся конференции. Ингрэм с тревогой сообщал, что итальянское правительство отказывается сидеть за одним столом с СССР. “Это не просто маневр Москвы, – заключал он. – Это атака”. По поручению Идена Ингрэм встретился с Чиано и убеждал его, что англичане придают “огромное значение конференции и стремятся, чтобы соглашение было достигнуто между всеми странами, желающими сделать шаг вперед”. Английские дипломаты не без оснований надеялись, что “Италия не позволит себе быть обвиненной любой другой страной”. На следующий день, 8 сентября, встреча повторилась, параллельно Иден продолжил длительные беседы с итальянским поверенным в Лондоне Г. Кроллой. Надеждой на благополучное завершение конференции для Идена служило заверение итальянского дипломата, что тот хорошо понимает и ценит усилия, прилагаемые британским внешнеполитическим ведомством по вопросу состава участников конференции. Он обещал доложить об этом в Рим¹⁰¹.

Британское правительство сочло, что вопрос о пиратстве в Средиземноморье не может быть рассмотрен в Комитете по невмешательству, так как “проблема безопасности на крупных морях – одна из тех, что подчиняет себе все другие, вызванные войной в Испании, и возникнет только неразбериха в попытке связать его с невмешательством в Испанию”. Итальянскую сторону пытались убедить не опасаться столкновений на конференции с советской дипломатией: практика года активных дебатов и словесных баталий в Комитете по невмешательству должна была научить их не бояться¹⁰².

Разработке тактики английской делегации на предстоящей конференции было посвящено заседание Кабинета 8 сентября. Иден подробно информировал членов Кабинета о своих дискуссиях с Дельбосом и результатах достигнутого компромисса. Министр иностранных дел поставил задачу избежать на конференции борьбы между итальянской и советской делегациями путем исключения, по возможности, последней из дискуссий. Согласившись на участие СССР в конференции, британская дипломатия стремилась нейтрализовать активность его представителя. В распространенном к заседанию Кабинета меморандуме Идена содержались и предложения британского Адмиралтейства, допускавшего невключение СССР в планируемый контроль в Средиземном море. Кабинет постановил, что в этом направлении и

следует проводить линию на конференции, но с учетом складывающихся обстоятельств. Допуская возможность отсутствия Италии на конференции, британский кабинет рассматривал способы добиться в таком случае итальянского расположения: целесообразно информировать ее о достигнутых решениях с расчетом на роль Италии в их реализации. Иден предложил использовать для этого дипломатические каналы. По его мнению, это необходимо было сделать до того, как конференция примет окончательное соглашение, чтобы Италия не почувствовала себя ущемленной или изолированной перед лицом свершившихся фактов. Чемберлен пошел дальше, настаивая на осведомлении Италии в ходе конференции обо всех предлагаемых резолюциях. Эти точки зрения нашли отражение в резюме по итогам заседания Кабинета¹⁰³. Тогда же было решено, что одной из задач британской делегации станет попытка узаконить через решения конференции предоставление франкистским мятежникам прав воюющей стороны, чего не удалось пока через механизм Комитета по невмешательству.

9 сентября 1937 г. Италия под предлогом протеста против советских демаршей прислала отрицательный ответ на приглашение. Аналогичный шаг предприняла Германия. В немецком меморандуме предлагалось при обсуждении проблем безопасности в Средиземном море отдать предпочтение Комитету по невмешательству¹⁰⁴. Английские политики понимали, что Италия и Германия будут рассматривать решения, принятые в Нионе, как не имеющие для них силы. Через своих дипломатов британский МИД дал заверения в Риме и Берлине, что переговоры будут касаться исключительно технических вопросов, последние события не будут приняты во внимание, а “Италия не будет поставлена в позу обвиняемого”¹⁰⁵.

Средиземное море оставалось сценой не только военноморских, но и дипломатических маневров и действий. По дороге в Нион Иден с делегацией на короткое время остановился в Париже, где вместе с Дельбосом и Шотаном обговаривал последние тактические установки. Иден познакомил Дельбоса с основными пунктами плана, разработанного накануне британским кабинетом. Обсуждение плана отличалось совпадением точек зрения двух стран по ключевым вопросам.

Конференция работала 10–14 сентября в Нионе. В ней приняли участие делегации Великобритании, Франции, Югославии, Греции, Турции, Египта, Румынии, Болгарии и СССР. По предложению Идена ее председателем был избран Дельбос. Англия традиционно старалась открыто не выражать свои позиции. Во вступительном слове Дельбос не преминул подчеркнуть, что вопрос,

поднимаемый на конференции, “чужд проблемам, которыми занимается Комитет по невмешательству”¹⁰⁶.

Перед открытием конференции английская дипломатия предприняла попытку оказать нажим на М.М. Литвинова через турецкого и французского представителей. Они и лично Иден старались убедить руководителя советской делегации отказаться от выступления, мотивируя это необходимостью скорее закончить работу. “Я им ответил, – телеграфировал Литвинов в НКВД, – что стою тоже за быстроту действий, но если охрана Средиземного моря начнется на полчаса позже, то никто нас в этом упрекать не будет. Кроме того, не могу я пройти мимо попыток не только Италии и Германии, но и английской и французской прессы приписать нам намерение торпедировать конференцию”¹⁰⁷. Фактически страну, без консультаций с которой была созвана конференция и разработан проект соглашения, пытались не допустить к обсуждению существа вопроса.

Советская позиция по проблемам безопасности судоходства была изложена 10 сентября в речи М.М. Литвинова, выдержанной в более мягких тонах, чем ноты от 6 сентября, в соответствии с директивой Москвы, “запрещающей делать какие бы то ни было заявления итальянцам”¹⁰⁸. Ситуация требовала сохранения пространства для политического маневра. Обострением отношений с Италией и солидаризировавшейся с ней Германией СССР углублял бы собственную изоляцию и в Комитете по невмешательству, и на международной арене. Литвинов, следуя полученному распоряжению, не возложил ответственность за пиратство в Средиземноморье на конкретную страну¹⁰⁹.

В ходе дискуссии по англо-французскому техническому плану борьбы с “пиратством” советский представитель побудил Англию и Францию отказаться от первоначального предложения разделить Средиземное море на зоны, охраняемые отдельно флотом каждого из государств–участников конференции. Советская сторона исходила из посылки, что эти страны не обладают одинаковой морской мощью, и охрана не будет равномерной. Критике подвергся и пункт об уничтожении подводных лодок только в случае несоблюдения Лондонской конвенции, которая имела в виду военное, а не мирное время, что было тождественно “гуманизации войны в мирное время”, так как подводные лодки не предоставляли возможность командам спастись¹¹⁰. Это был бы шаг к легализации профашистского мятежа в Испании и предоставлению Франко прав воюющей стороны.

Советские возражения вызвали растерянность у французских и английских дипломатов. Великобритания не добивалась права

препятствовать всякой атаке подводных лодок на торговые суда, а стремилась лишь бороться с пиратством, не признающим правил ведения подводной войны. Иден согласился сделать оговорку, что конвенция отнюдь не легализует войну, не одобряет атаки на коммерческие суда и не признает ни за кем права воюющей стороны. М.М. Литвинов предложил внести пункт, что всякая подводная лодка, пытающаяся совершить нападение на коммерческое судно, подлежит уничтожению, на что был дан решительный отказ (под предлогом, что подводная лодка чаще всего не может предоставить средств спасения, и поэтому предлагаемые правила фактически делают невозможным нападение подводных лодок)¹¹¹. Заявление советской делегации против исключения из действия охраны судов Испанской республики не было принято во внимание конференцией. В отклонении в Нионе ряда советских инициатив по урегулированию обстановки в Средиземноморье ведущая роль принадлежала английской дипломатии.

М.М. Литвинов, несмотря на признание некоторых “выгод соглашения”, допускал и возможность отказа от его подписания. Решением Политбюро ЦК ВКП(б) от 11 сентября Литвинову предписывалось согласиться на заключение итоговой конвенции при условии невозможности ее толкования как легализации досмотра и потопления торговых судов и непризнания за Франко прав воюющей стороны¹¹².

Согласно принятому 14 сентября 1937 г. Нионскому соглашению, английскому и французскому флотам поручалось поддержание безопасности судоходства в Средиземном море, “другие государства окажут им в этом содействие”. Всякая подводная лодка, атакующая торговое судно с нарушением правил гуманизации подводной войны (установленных Лондонским морским договором 1930 г. и Лондонским протоколом от 6 ноября 1936 г.), должна была “подвергаться контратаке и по возможности уничтожению”¹¹³. Днем раньше, 13 сентября, было заключено соглашение между французским и английским военно-морскими штабами о разделении акватории Средиземного моря (за исключением Тирренского моря) на пять зон, ситуацию в трех из которых должен был контролировать английский флот, в двух – французский¹¹⁴.

Несмотря на заявление советского представителя, что СССР не стремится к участию в патрулировании, английская дипломатия старалась, как писал журнал “The Contemporary Review”, “избавиться от опасности, отстранив Россию”. Британские дипломатические круги, опасаясь, что факт включения советских кораблей в охрану судоходства в Средиземноморье будет неправильно истолкован в Риме, добивались исключения СССР из патрулирования

усилиями представителей третьих стран, в частности министра иностранных дел Турции Араса. Он выступил с резким возражением против присутствия советских военных кораблей в восточном бассейне Средиземного моря под предлогом нарушения суверенитета Турции¹¹⁵. Исключение из патрулирования в Средиземном (Эгейском) море советского флота, по мнению британской дипломатии, “имело эффект распахивания дверей для Италии”¹¹⁶.

В актив советской делегации в Нионе можно отнести отказ конференции признать права воюющей стороны за испанскими мятежниками и расстройство первоначального англо-французского проекта Соглашения. Твердость и настойчивость М. Литвинова не позволили также осуществиться идее политической изоляции СССР в ходе и итоге конференции.

17 сентября 1937 г. в Женеве было подписано дополнительное соглашение между участниками Нионской конференции о коллективных мерах защиты судоходства в Средиземном море против пиратских актов, совершаемых надводными судами или авиацией¹¹⁷.

Отсутствие представителей Италии и Германии на конференции не создало, как считают некоторые исследователи, “благоприятной обстановки для принятия конкретных решительных мер”. Не представляется бесспорной также точка зрения, что советские ноты протеста (от 6 сентября 1937 г.) итальянскому правительству “способствовали разоблачению пиратов и их изоляции” и “была сорвана маска с агрессоров”¹¹⁸. Скорее (с точки зрения интересов Испанской республики), наоборот. Мешать советским поставкам республике, по признанию итальянского посла в Саламанке, становилось все сложнее, следовательно “Германия и Италия должны расширять свою помощь Франко”¹¹⁹.

В ходе конференции английские дипломаты, следуя разработанной ранее тактике, направляли в Рим и Берлин копии текста проекта договора. Министр иностранных дел Германии Нейрат выразил удовлетворение в беседе с английским послом в Берлине Гендерсоном тем, “что вы дали отпор Литвинову”, высказав пожелание объединиться в заключительной дискуссии по вопросу. Чиано с недовольством отозвался о том, что конференция не предполагала предоставления Италии статуса “великой державы в средиземноморской империи как таковой”¹²⁰.

Английские дипломаты, заручившись поддержкой Франции, через два дня после окончания работы конференции, 16 сентября 1937 г., предприняли следующий маневр. Со ссылкой на то, что они – единственные державы, осуществляющие морской контроль, и, следовательно, имеют право решать, как распорядиться

в этом вопросе своим флотом, без консультаций с другими членами Комитета по невмешательству объявили о прекращении патрулирования испанского побережья. Дополнительным аргументом стал тезис, что корабли, принимающие участие в морском контроле испанских берегов, могут и должны быть использованы в более срочных и важных действиях в борьбе с пиратством в Средиземном море¹²¹.

Англия и Франция, опасаясь негативной реакции Рима на итоги Нионской конференции (нерешенность для Франко вопроса о правах воюющей стороны), обратились к Муссолини с предложением о патрулировании итальянским флотом Тирренского моря, что свидетельствовало о постепенной капитуляции этих стран перед итальянским фашизмом. Сначала Италия возражала против предложенной зоны патрулирования, претендуя даже на одни из “ворот” Средиземноморья – Гибралтар или Суэц с базой в Александрии, но под давлением Германии согласилась на встречу с английскими и французскими дипломатами в Париже 30 сентября 1937 г. Ей предшествовали беседы Идена и Чемберлена с французским послом в Лондоне Корбенем и итальянским Гранди. 29 сентября английский Кабинет министров обсудил предстоящую англо-французскую ноту Италии по испанскому вопросу¹²².

30 сентября на переговорах морских экспертов в Париже итальянские дипломаты согласились присоединиться к решениям Нионской конференции и принять участие в патрулировании с 11 ноября 1937 г. Германия сочла для себя более уместным (из стремления закончить перевооружение и не отвлекать силы и средства) не участвовать в патрулировании и уступить лидерство в данном вопросе Италии¹²³. Таким образом, благодаря усилиям британской и французской дипломатии Италия подключилась к соглашению, подписанному в Нионе.

Британская “News Chronicle” назвала Нионское соглашение “замечательным примером коллективной безопасности”¹²⁴. В действительности, решения конференции свидетельствовали лишь о некотором временном усилении англо-французского военноморского присутствия, в основном в западном секторе Средиземного моря. С английской стороны это была своего рода демонстрация и силы, и расположенности накануне переговоров с Италией. Как справедливо замечал “Inprocon”, “британское правительство использовало Нионское соглашение... главным образом как прилавок, с которого можно удачно торговаться с итальянским фашизмом”¹²⁵. Италия хорошо осознавала цену Нионского соглашения. Отсюда парадоксальный, на первый взгляд, факт – фашистская пресса выражала удовлетворение решениями конференции, на

которой глубоко заинтересованная в вопросах Средиземноморья Италия не была представлена.

На наш взгляд, нецелесообразно преувеличивать итоги конференции в плане того, что “осуществление решений Нионской конференции привело к почти полному прекращению морского пиратства на Средиземном море”¹²⁶. Английская дипломатия еще 17 сентября 1937 г. (!) указывала: “Привычка Муссолини нарушать международные обязательства, как это было в его испанской политике и позже в нападениях подлодок в Средиземном море, возможно, найдет продолжение”¹²⁷. Уже 3 октября 1937 г. британский эсминец “Базилик” был атакован у восточного побережья Испании. С началом 1938 г. пиратство возобновилось вновь, пусть и не в прежних размерах: 31 января 1938 г. английский корабль “Эдмон” был потоплен “неизвестной” подлодкой, четыремя днями позже такая же участь постигла судно “Алсира”. Это были не первые инциденты в 1938 г. 11 января атаке подверглись датское судно “Хэннок” и два английских корабля. В течение 1938 г. неоднократные нападения подводных лодок преследовали британские суда. В июне 1938 г. Черчилль даже поднял этот вопрос в Парламенте¹²⁸. В феврале 1939 г. заместитель министра иностранных дел Бэткер привел следующие цифры в своем письменном ответе в Палату общин: “За время военных действий в Испании подверглись бомбардировкам и другим видам нападений 99 английских судов. При этом убиты 26 английских граждан и 26 ранены”¹²⁹. Эти факты в своей совокупности свидетельствовали о временном характере и относительной эффективности Нионской конференции.

Нионское соглашение не принесло ослабления накаленной международной обстановки конца 1937 г., а напротив, вынудило активизировать поиски двусторонних договоренностей. Решения, принятые в Нионе, не стали (и не могли стать) основой сближения стран, желавших остановить войну. Они, скорее, больше подходят под определение “умиротворения”: никто из участников конференции по своим причинам не захотел открыто ссориться с Италией. В начале ноября 1937 г. Гранди выразил мнение, что решение итальянского правительства не участвовать в конференции было ошибкой: “Она оживила в острой форме все опасения времен санкций и была тут же использована Германией для дальнейшего давления на Италию”¹³⁰.

Найденное на конференции решение с трудом можно назвать по-настоящему компромиссным уже потому, что оно – компромисс между самими пострадавшими (!) от пиратства при отсутствии виновника.

Советская дипломатия, как и французская, утверждала, что Нионское соглашение “является частично осуществлением идеи

коллективной безопасности”¹³¹. Отдавая дань дипломатическому протоколу и этикету, подчеркнем, что эта оценка (позже появившаяся в ряде научных исследований) была, безусловно, преувеличенной и выдавала желаемое за действительное. В тогдашней обстановке возрастания агрессии, международного беззакония и внешнеполитического авантюризма любая активная попытка совместного мало-мальски удачного противостояния им подпадала под это определение. Насколько оно было коллективным? Анализ подготовки и хода самой конференции заставляет в этом усомниться.

* * *

Созыв Нионской конференции был спровоцирован событиями в Испании. Но собственно испанские проблемы ушли здесь на задний план (английская дипломатия, как отмечалось выше, при отсутствии Италии и Германии не рискнула поднять вопрос о предоставлении Франко прав воюющей стороны). Торопясь поставить точку на пиратстве (относительно коллективно), ее участники не выдвигали задачу приостановить или даже смягчить ход войны в Испании, хотя отдавали себе отчет, что она, а не средиземноморская проблема в рассматриваемый момент больше угрожала общей безопасности Европы.

Невозможность прийти к единому коллективному решению по испанскому вопросу уже осенью 1937 г. свидетельствовала: республиканская Испания при той степени иностранного вмешательства в ее дела обречена на поражение. Слишком уж неоднозначным было понимание “замирения Испании”. Участники конференции, оперируя понятиями европейской безопасности, фактически оставляли в стороне испанскую проблематику.

Ее обсуждение на начавшейся сразу за конференцией сессии Лиги Наций закончилось безрезультатно.

5. 3. Европейские страны в Средиземноморье на завершающем этапе войны в Испании (конец 1937 – начало 1939 года)

Смещение векторов внешней политики ведущих держав в конце 1937 – начале 1938 г. в Центральную Европу и на Дальний Восток снижало роль испанского фактора в международных отношениях. Одновременно нарастание предвоенного кризиса расширяло значимость Средиземноморского региона в военно-стратегическом, коммуникационном и базовом отношениях. Средиземное море в еще большей степени играло роль “разменной карты”.

Осложнение советско-итальянских отношений в августе – начале сентября 1937 г. не должно было, по мнению обеих сторон, помешать дальнейшему их развитию. Советская дипломатия отдавала себе отчет, что демарши, подобные заявлениям от 6 сентября, “могли бы иметь главным образом демонстративное, ответно-политическое значение... Из всех проводимых нами мероприятий итальянцы почувствовали и начали реагировать только на прекращение отгрузок нефти”¹³². И когда 10 сентября 1937 г. в Батуми было недогружено итальянское нефтеналивное судно, итальянское морское министерство поспешило обратиться за разъяснениями к советской стороне. Народный комиссариат по внешней торговле сослался на “несвыясненность условий плавания в Средиземном море”. Италию настораживали, а возможно, и пугали не разовые недоразумения, а перспектива потери поставок советской нефти на длительный срок. В таком случае проблемы нефтепоставок были бы тесно завязаны на состоянии международных политических отношений, в том числе в средиземноморском бассейне: Италия попадала бы в определенную зависимость от Англии в связи с необходимостью доставлять нефть через Гибралтар. Но временная приостановка отгрузок из СССР не помешала итальянцам в сентябре 1937 г. получить нужное им количество мазута из США. Морское министерство принимало срочные меры для расширения объемов этих поставок. Это обстоятельство вкупе с нескрываемым стремлением Рима урегулировать абиссинский вопрос на проходящей сессии Лиги Наций и перспективой переговоров с Великобританией стимулировало желание итальянского правительства разрешить конфликт с Советским Союзом¹³³.

Советская дипломатия после завершения работы Нионской конференции справедливо заключала, что “ныне существующая, выгодная для СССР связанность Рима и нежелание обострять отношения с нами может почти целиком исчезнуть”¹³⁴. Для фашистской Италии обострялась актуальность лозунга Муссолини: “Для нас, итальянцев, Средиземноморье – это жизнь”.

Великобритания, стремясь максимально смягчить для себя влияние углублявшегося общеввропейского кризиса, готова была пожертвовать многим для замирения отношений с потенциальными агрессорами. Как комментировал подобную тактику И. Майский, “если врага нельзя задушить, его надо обнять”¹³⁵. Нежелание Германии делать встречные шаги осенью 1937 г. были очевидны.

Советская дипломатия, как отмечалось выше, еще в августе 1937 г. обладала информацией, “что Лондон выдвинул идею тройственного итало-англо-французского средиземноморского пакта с

подтверждением сохранения территориальной целостности Испании”¹³⁶. Более обоснованными оказались циркулировавшие в европейских дипломатических кругах слухи о возможности итало-британского соглашения: “...Англия хочет по возможности свести на нет итальянскую интервенцию в Испании путем некоторой компенсации Италии: уступить ей некий статус-кво на Средиземном море”. При этом итальянская сторона выражала надежду, что разгоравшийся дальневосточный конфликт отвлечет и Британию, и Россию от испанских проблем¹³⁷.

На упоминавшихся парижских переговорах морских экспертов (конец сентября 1937 г.) предметом “торга” Италии с Британией и Францией стал вопрос о районе патрулирования в Средиземном море. Советская дипломатия усмотрела в самом факте переговоров возможность сепаратного соглашения между этими странами. По поручению Политбюро М.М. Литвинов заявил с трибуны Лиги Наций, что СССР считает ответственными за весь наиболее судоходный маршрут в Средиземноморье (от Дарданелл до Гибралтара) Англию и Францию. Советский полпред во Франции Я. Суриц по официальным каналам получил текст технического соглашения между британскими, французскими и итальянскими морскими экспертами только 16 октября. В ответной советской ноте (25 октября) подчеркивалось, что это соглашение имеет значение только для трех участвовавших в нем стран, и повторялся тезис об англо-французской моральной и политической ответственности за безопасность коммерческого судоходства в Эгейском и в целом в Средиземном морях¹³⁸.

В октябре – декабре 1937 г. британское посольство в Москве информировало Наркоминдел о передвижениях британских подводных лодок, их патрулировании в соответствии со ст. 8 Нионского соглашения и Приложением 1. Британские субмарины, указанные в данных сообщениях, базировались в основном на Мальте и в Гибралтаре¹³⁹.

В середине ноября 1937 г. Х. Негрин обсуждал с временным поверенным в делах СССР в Испании С. Марченко, в частности, меморандум испанского правительства о готовности сотрудничать в Средиземном море с Италией. “Нас это ни к чему не обязывает, после победы мы сами найдем форму сотрудничества”, – утверждал Негрин, добавив, что Совет министров Испании решил запросить мнение советского руководства по этому поводу (“меморандум будет вручен лишь в том случае, если советское правительство не будет возражать”)¹⁴⁰.

В коммюнике по итогам переговоров А. Идена и И. Дельбоса в Лондоне (29–30 ноября 1937 г.) ситуация в Испании напрямую

связывалась со средиземноморской проблемой и подчеркивалось ее значение для обеих стран. Политика невмешательства признавалась единственно верной, законной и способной ослабить международное напряжение вокруг испанского конфликта. Декларировалось продолжение этого курса для “достижения максимальных успехов в указанном направлении”¹⁴¹.

Стремление Италии заручиться соглашением с Великобританией по основным средиземноморским проблемам (включе абиссинской) не останавливало ее активности на германском направлении. Тем более, что немецкая дипломатия в ряде случаев трактовала факт привлечения Италии к Нионскому соглашению как попытки ослабления ее уз с Германией¹⁴². На встрече Муссолини с Риббентропом в ноябре 1937 г. испанская проблема и ее перспективы тесно переплеталась со средиземноморской. Муссолини отметил важность для Италии сохранения присутствия на Балеарских островах: удобная база в случае войны с Францией (ее побережье достигаемо судами за несколько часов), перерезаются ее связи с Северной Африкой (“ни один легионер не попадет во Францию через Средиземное море”). На Пальме были созданы хорошо укрепленные морская и военно-воздушная итальянские базы, три аэродрома¹⁴³.

Когда в середине ноября 1937 г. Н. Чемберлен вновь подчеркнул желание примирения с Италией, международная обстановка по сравнению с началом того же года настолько обострилась, что “амплитуда маневренных жестов” (Б. Штейн) значительно сузилась. На призыв Чемберлена Муссолини ответил резкой по тону и по содержанию статьей. По мнению советской дипломатии, отдельные фразы этой статьи не оставляли сомнений об авторстве Муссолини. Статья выражала суть итальянской тактики того периода: или немедленные переговоры, или точка на “комедии жестов”¹⁴⁴. Начало переговоров Рим стремился синхронизировать с пребыванием в Берлине Галифакса, что давало бы возможность давления по двум каналам. Но эта попытка провалилась. Тревогу у Муссолини вызвали изменения в английской политике по отношению к Франко: назначение английских “агентов” при саламанкском правительстве. Дуче насторожили перспективы возможной потери итальянских позиций в Испании. Кроме того, к концу ноября 1937 г. стало очевидным, что до следующей весны Франко вряд ли сумеет одержать победу. Все эти факторы повлияли на то, что Муссолини поторопился сделать “испанский вопрос картой в своих руках при окончательном сговоре с Англией”¹⁴⁵. Дополнительным “козырем” Муссолини стало присоединение Италии в

ноябре 1937 г. к “антикоминтерновскому пакту”, что значительно укрепило систему координации политики Италии и Германии.

Ход подготовки и заключения англо-итальянского соглашения 1938 г. достаточно освещен в отечественной и зарубежной литературе¹⁴⁶. Разногласия между Чемберленом и Иденом по этому поводу носили сугубо тактический характер. По признанию А. Идена (беседа с советским полпредом И.М. Майским, 11 февраля 1938 г.), он вел игру на выжидание, надеясь, что положение Муссолини со временем станет все более затруднительным – в Абиссинии, Испании, Австрии и внутри собственной страны. И тогда Муссолини станет гораздо более податливым, “ручным”. Поэтому Иден саботировал, например, в начале февраля 1938 г., попытки серьезных бесед с Гранди, выставляя в качестве предварительного условия начало благоприятного разрешения испанского вопроса (в частности, начало эвакуации “добровольцев”)¹⁴⁷. В своей речи в Парламенте (21 февраля 1938 г.), фактически поставившей точку на его довоенной политической карьере, Иден особо подчеркнул, что попытки последних полутора лет улучшить отношения с Италией провалились из-за испанской проблемы¹⁴⁸.

В ответ на предложения английской стороны (начало февраля 1938 г.) начать переговоры как можно скорее, Муссолини предложил обсудить на них четыре вопроса: пропаганда, положение в Средиземноморье, колониальный и экономический. В Лондоне обратили внимание на отсутствие вопроса об Испании¹⁴⁹.

Англо-итальянское соглашение, включавшее протокол и восемь приложений, обмен нотами между сторонами относительно Испании, Ливии и т.д. было подписано 16 апреля 1938 г. Наиболее существенным, с точки зрения международных аспектов гражданской войны в Испании, является следующее. Действие документа не было ограничено определенным сроком. Он подтверждал ноты от 13 декабря 1936 г. и “джентльменское соглашение” относительно статус-кво в Западном Средиземноморье. В двусторонних отношениях в качестве кардинальных были обозначены испанский вопрос и признание итальянского захвата Абиссинии. Итальянская сторона сохраняла за собой контроль над Балеарскими островами как военно-воздушной базой. При этом она давала заверения об отсутствии территориальных, политических или экономических интересов в Испании или на Балеарских островах¹⁵⁰. Великобритания признавала за Италией жизненно важные интересы на Средиземном море, английские интересы были лишь обозначены как существенные. В ответ на признание захвата Эфиопии, Лондон получал обещание Рима на эвакуацию итальянских войск из лагеря испанских мятежников. Английское правительство сознатель-

но шло на затягивание эвакуации итальянских войск с территории Франко, будучи заверено итальянцами, что победа мятежников и, следовательно, окончание войны в Испании, произойдет не позже мая 1938 г.¹⁵¹

Францию очень насторожил факт подписания англо-итальянского соглашения. На англо-французских переговорах (апрель 1938 г.) Даладье с особой тревогой говорил, что для французского военно-морского флота обостряются две задачи: защита своих интересов в Средиземноморье и Северной Африке. В связи с событиями в Испании повышалась и значимость баз в Атлантике. Рассматривались возможности переброски войск из французских колоний через Атлантический океан в случае перекрытия коммуникаций Средиземного моря. Даладье повторил, что этот вариант делается все более реальным из-за последних событий в Испании¹⁵². Попытки Франции прийти к соглашению с Италией не встретили взаимности. Как подчеркнул в своей речи в мае 1938 г. в Генуе Муссолини, «Франция и Италия по разные стороны баррикад в Испании»¹⁵³.

Все большее вовлечение Центральной Европы в предвоенный кризис 1938 г. оставляло испанский «узел» не развязанным и тяготило ведущие европейские державы. Им готовы были пожертвовать, выторговывая отсрочку начала общеевропейского военного конфликта. В начале июня 1938 г. Галифакс записал в дневнике: «В Испании правительство [британское] боится за Франко»¹⁵⁴. В июле–августе 1938 г. вновь было зарегистрировано несколько случаев бомбардировки мятежниками английских торговых судов, находившихся в испанских водах. В августе комитет британских судовладельцев представил правительству доклад с указанием убытков, причиненных торговому флоту мятежниками, и потребовал от правительства принятия мер для их возмещения¹⁵⁵.

16 июля английский посол Перт заявил Чиано, что, по мнению английской стороны, для введения в силу англо-итальянского договора имелись лишь три возможности: перемирие между Франко и республиканцами, односторонняя немедленная эвакуация итальянских войск из Испании численностью не менее 10 тыс. человек или реализация Лондонского плана. Чиано отверг как предложение о перемирии, так и идею одностороннего вывода итальянских войск. Что касается Лондонского плана, то итальянское правительство сочло эту проблему функцией Комитета по невмешательству и для себя несуществующей¹⁵⁶.

Иллюстрацией усиления после Мюнхенской конференции (1938) фактора силы во внешней политике Германии и Италии и сдачи своих позиций Францией и Великобританией могут служить

“ухаживания за Берлином и Римом”: например, попытки Франции в ноябре 1938 г. вернуться к идее итало-французских переговоров. Италии в очередной раз были предложены уступки железной дороги в Абиссинии, территориальные “прирезки” за счет французского Сомали и увеличение итальянской доли во владении акциями Суэцкого канала. Муссолини не удовлетворился этим, продолжая настаивать на предоставлении Франко прав воюющей стороны, предъявляя претензии на Тунис под предлогом защиты статуса итальянцев в этой стране¹⁵⁷. Как писал Я.З. Суриц, “для приемлемого для Франции соглашения момент уже упущен, для капитулянтского еще не вполне созрел”¹⁵⁸.

К концу 1938 – началу 1939 г. дипломатическая активность Франции на время сконцентрировалась на средиземноморском направлении и протескала под лозунгом защиты французских имперских интересов. Этот лозунг наряду с идеей защиты континента включал защиту колоний и особенно коммуникаций, связывавших ее с колониями. Угроза их потери по мере приближения победы Франко становилась все более очевидной. Среди французских сторонников каудильо большинство выступало против допущения итальянцев или немцев к своей пиренейской границе. Лозунг “Ни одной пяди французской земли”, безусловно, мог бы сыграть консолидирующую роль накануне мировой войны, но у его защитников, равно как и у внешнеполитических оппонентов, возникало совершенно естественное сомнение в способности Франции его отстоять¹⁵⁹. В этой связи закономерным выглядит провал попыток Парижа в конце 1938 г. привести свои позиции в некоторое соответствие с английскими. Так, во время англо-французских переговоров (декабрь 1938 г.) значительное место снова отводилось средиземноморской проблеме, взаимоотношениям с Италией и испанскому вопросу. Чемберлен не проявил особой склонности изменять свою политику в отношении Италии в угоду французам, ограничившись обещаниями оказать воздействие на итальянскую сторону через своего посла в Риме и лично в ходе предстоящего визита в Италию. В декабре 1938 г. лорд Перт высказывал в дипломатическом корпусе в Риме мнение, что перечисленные требования Муссолини к Франции не были бы нарушением статус-кво в Средиземном море, и все это нужно оговаривать¹⁶⁰.

Британская пресса в ноябре 1938 г. очерчивала круг вопросов, готовившихся к обсуждению на встрече Чемберлена с Муссолини: “Испания, средиземноморские проблемы и вопросы колониального сотрудничества”. Одновременно выражалась закономерная озабоченность тем, что в испанском вопросе Н. Чемберлен пойдет на уступки, а «Муссолини дорого запросит за свою “дружбу”». Три-

умф Франко “означает явную угрозу нашему существованию как морской державы. Но, увы! – этого не понимают те, кто едет в гости к Муссолини”¹⁶¹. В ответ на кампанию в печати вокруг итальянских претензий на Тунис Н. Чемберлен вынужден был сделать заявление в Парламенте о том, что статус-кво в Средиземном море предусматривает и Тунис¹⁶².

Англо-итальянские переговоры января 1939 г. продемонстрировали как заинтересованность обеих стран в Средиземноморском бассейне, так и взаимное нежелание и невозможность идти на уступки в данном регионе. Анализируя их итоги, германские политические круги утверждали, что ось Берлин–Рим действует безотказно, а статус-кво в Средиземноморье не является реальностью. Итальянская печать в более сдержанных тонах высказывала надежду, что Н. Чемберлен предоставит Муссолини больший простор в Средиземном море¹⁶³.

Если общая политическая директива Муссолини, обсуждавшаяся генеральным штабом Италии 26 января 1939 г., допускала возможность ограниченной войны с Францией (для обеспечения бесперебойных итальянских поставок в Ливию), то программа итальянских внешнеполитических претензий, озвученная Муссолини на заседании Большого фашистского совета 4 февраля, расширяла список потенциальных врагов, делающих Италию “пленницей Средиземного моря”. Обозначение стратегически важными Мальты, Кипра, Суэца, Гибралтара (“железная решетка”) неизбежно подводило к идее уже недипломатической борьбы за них. На этом же заседании было принято коммюнике, в котором подчеркивалось, что итальянские войска не покинут Испанию до полной победы Франко¹⁶⁴.

Желанием удержать свое присутствие и влияние в регионе было продиктовано решение английского правительства (начало февраля 1939 г.) об оказании поддержки испанским мятежникам в захвате острова Менорки и посылка им на помощь крейсера “Девоншир”. В ответ английская сторона получила заверение, что ни итальянские, ни германские войска не будут допущены на Менорку¹⁶⁵.

По мере приближения развязки испанской трагедии обстановка в Средиземном море становилась все напряженнее. 5 апреля 1939 г. Италия отказалась соблюдать Нионское соглашение. Чиано заявил лорду Перту, что итальянский флот должен получить возможность не считаться ни с какими ограничениями в Средиземном море. 6 апреля в Палате общин британского Парламента правительству был задан вопрос: какие меры примет правительство, если статус-кво в Средиземном море будет нарушен. Н. Чем-

берлен ограничился формальным заявлением, что итальянское правительство хорошо знакомо с содержанием англо-итальянского соглашения¹⁶⁶.

Британская оппозиционная пресса, комментируя политику правительства в Средиземном море еще в конце 1938 г., задавалась справедливым вопросом: «Относится ли независимость Испании к “жизненным интересам” [Англии] или нет? Если относится, то поведение Чемберлена за последние 6 месяцев кажется несколько странным»¹⁶⁷.

Европейская печать в последний месяц войны в Испании, подводя ее итоги, писала: “В будущем при разрешении средиземноморских вопросов голос Испании будет звучать более решительно” (“Frankfurter Zeitung”)¹⁶⁸.

Как отмечала С.П. Пожарская, в канун Второй мировой войны в Средиземноморском регионе “баланс сил” «сложился в пользу стран “оси” и тесно связанной с ними Испании»¹⁶⁹.

Англия и Франция проиграли не только в Испании и Средиземноморье. Их поражение в Европе становилось вопросом времени.

* * *

Судьба средиземноморского ареала в контексте испанских проблем как никогда подтверждает теснейшую связь геопространства и развития межгосударственных отношений.

Средиземноморский кризис, вызванный итальянской агрессией в Абиссинии, не успев исчерпать себя до конца, приобрел новое наполнение с началом войны в Испании. Он не прекращался фактически до начала Второй мировой войны, принимая лишь разные формы и являя дипломатической практике различные прецеденты решения его промежуточных вопросов. Он был, безусловно, частью общеевропейского кризиса, и их взаимообусловленность, взаимовлияние, взаимопродуцирование и взаимозависимость на каждом этапе предвоенного кризиса были неравнозначными. Он также продемонстрировал разность в значимости Средиземноморского региона для ведущих европейских держав, как в общем внешнеполитическом курсе, так и в контексте испанских событий.

Британские интересы в Средиземноморье укладывались в общеимперские, геополитические. Италия Муссолини отождествляла их с национальными. Для Франции, Германии и Советского Союза в данной связи средиземноморские проблемы носили подчиненный характер. Обнаруживается некоторая схожесть в германской и советской тактике в этом плане: германская дипломатия пыталась (и в конечном счете ей это удалось) убедить итальян-

скую сторону в собственной незаинтересованности в данном направлении, “выторговав” у Италии Центральную Европу в обмен на Западное Средиземноморье и Испанию. Советская дипломатия, старавшаяся по возможности внести разногласия между своими настоящими и будущими международными оппонентами, утратила в их глазах геостратегическую роль и значимость средиземноморского ареала.

Испанский конфликт вызвал дальнейшее углубление международных противоречий в регионе, усилив тенденции как собственно “средиземноморского умиротворения”, так и блоковой политики. Влияние держав в Средиземном море подтверждалось, но не всегда равномерно, военным присутствием.

Можно выделить следующие фазы средиземноморского кризиса накануне Второй мировой войны в контексте международных аспектов войны в Испании 1936–1939 гг.:

1) июль 1936 – май 1937 г. – начало гражданской войны, определение позиций ведущих европейских держав, превалирование испанских проблем в средиземноморском кризисе, валютский характер кризиса (“предштурмовое состояние”);

2) лето 1937 г. – кризис политики “невмешательства” (“шторм”); Средиземное море все более активно начинает играть роль “разменной карты”;

3) конец августа – сентябрь 1937 г. – обострение средиземноморских проблем в связи с пиратством “неизвестных подводных лодок”, итало-советский дипломатический скандал, Нионская конференция (активные попытки ведущих стран ослабить “шторм”);

4) конец 1937 – март 1938 г. – превалирование англо-итальянского “вектора” в средиземноморском кризисе, усиление военного присутствия Англии и Италии в регионе наряду с поисками путей мирного урегулирования спорных проблем по линии двусторонних отношений; подписание англо-итальянского соглашения;

5) весна 1938 – сентябрь 1939 г. Снижение амплитуды средиземноморского кризиса, все большее подчинение его общеевропейскому, временные осложнения или, напротив, улучшения в этом контексте двусторонних отношений. Завершение войны в Испании. Крах политики испанского и средиземноморского “умиротворения”, проводимой Англией и Францией. Подготовка средиземноморских баз всеми сторонами к будущей войне.

Таким образом, на отдельных этапах ситуация вокруг Испании осложняла средиземноморский кризис, в других развивалась параллельно или даже приобретала подчиненный характер.

Особняком в средиземноморском вопросе стоит Нионская конференция (1937), чьи решения по пресечению пиратства могли бы стать едва ли не единственным позитивным за годы гражданской войны в Испании коллективным шагом европейских стран. Итоги конференции контрастировали с большинством мертворожденных, формальных решений Комитета по невмешательству или Лиги Наций. Они продемонстрировали возможность коллективного решения краткосрочных задач. Дипломатическая борьба накануне конференции, едва не переросшая в международный скандал в ходе нее, расхождения между участниками по ряду принципиальных вопросов не свидетельствовали о коллективности в решении спорных и актуальных международных проблем.

Временная иллюзия коллективной безопасности сыграла с участниками Нионской конференции злую шутку: вскоре в ходе переговоров по подготовке англо-итальянского соглашения французские интересы в расчет не брались, Советский Союз оказался на грани международной изоляции.

Собственно средиземноморская проблема в некоторые моменты превалировала для ряда европейских стран (Великобритания и Италия) над испанской, обрекая Республику на более длительную и тяжелую агонию.

Заключение

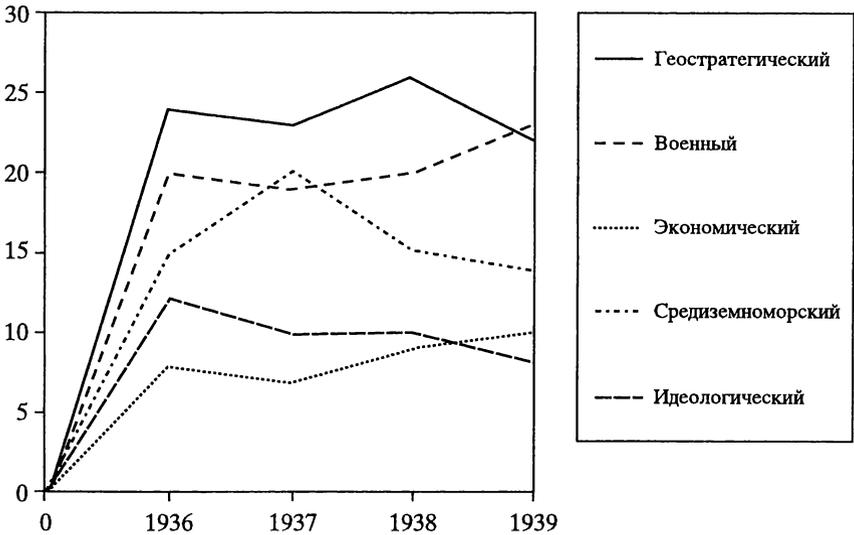
Гражданская война в Испании 1936–1939 гг. при столь значительной степени иностранного вмешательства означала появление очага войны в Европе, превратившись в серьезную континентальную проблему и создав в международных отношениях прецедент быстрой и глубокой интернационализации локальных конфликтов, углубив традицию, не изжитую и в XXI в.

Испанский вопрос стал одним из системообразующих факторов международных отношений 1936–1939 гг., во многом определив внешнеполитическую поведенческую модель европейских стран кануна Второй мировой. Война в Испании подвергла некоторой корректировке и придала большую корреляцию геополитическим установкам ведущих европейских стран, обострила проблему их интересов и пристрастий не только на Пиренейском полуострове, но и на континенте в целом. Этим оказались захвачены как те, кто готовился к большой войне, так и те, кто старался максимально отсрочить ее начало. Борьба такого количества участников за влияние на испанском силовом поле означала начало формирования новой геополитической модели предвоенной Европы.

В разрастании гражданской войны до масштабов общеевропейского конфликта не была заинтересована ни одна из держав. Но тактика “погашения” конфликта существенно различалась. Очевидность зависимости исхода войны едва ли не полностью от факта помощи извне побудила европейские страны поторопиться подписать в августе 1936 г. Соглашение о невмешательстве. В национальных интересах Англии и Франции было стараться максимально дольше соблюсти нейтралитет, а Германии и Италии – иметь формальное прикрытие своих действий и связать соглашением Советский Союз. Не питая особых иллюзий по поводу практической реализации данного соглашения, он справедливо счел необходимым подключиться к нему, но к моменту подписания имел в виду несколько вариантов собственной тактики. Испанская проблема в дальнейшем была использована советской

Таблица 2

Международные аспекты гражданской войны в Испании (1936–1939 годы) в политике ведущих европейских государств*

* По пятибалльной системе суммированы по годам значения указанных аспектов для каждой из ведущих европейских стран (Великобритания, Франция, Германия, Италия, Советский Союз).

внешней политикой также как возможность для дальнейшего самоутверждения на европейской сцене, защиты своих геостратегических и политических интересов.

В процессе интернационализации гражданской войны в Испании 1936–1939 гг. можно выделить следующие этапы:

- обращение обеих сторон за иностранной помощью (июль 1936 г.);
- начало итальянской и германской военной помощи мятежникам (конец июля 1936 г.);
- провозглашение ведущими европейскими государствами политики невмешательства (август 1936 г.);
- вмешательство СССР в конфликт (начало советской помощи Испанской республике, октябрь 1936 г.).

Соглашаясь в принципе на невмешательство, каждый его участник-страна выдвигал условия, отвечающие в ряде случаев не столько испанским интересам, сколько своим, национальным. Следствием этого станет то, что практически “невмешательство” не даст должных результатов. Вместо прекращения конфликта произошла его эскалация.

Сравнение роли и места ведущих международных аспектов войны в Испании в курсе ведущих европейских стран за 1936–1939 гг. представлено в таблице 2. Ее данные свидетельствуют о преобладании в ходе всего испанского конфликта геополитического и военно-стратегического аспектов, о всплеске, а затем некотором ослаблении значения средиземноморского и, отчасти, пропагандистского, о закономерном повышении в канун мировой войны роли экономического аспекта.

Политический цинизм стран, вовлеченных в испанский конфликт, явственно выразился в их тактике в Комитете по невмешательству в дела Испании. Основные дискуссии в Комитете происходили по вопросам установления действенного контроля над военными поставками в Испанию (обеим воюющим сторонам) и вывода из страны так называемых “волонтеров” (в число которых входили не только иностранные добровольцы, но и регулярные военные части Италии и Германии). Меры, принимаемые в рамках политики невмешательства, были изначально бесперспективными, в чем отдавали себе отчет все участники Комитета. Опасение выхода испанского конфликта за границы Пиренейского полуострова с недвусмысленной проекцией на ведущие европейские страны заставляло их поддерживать иллюзию “невмешательства” как в собственных глазах, так и в глазах европейского общественного мнения.

Курс “невмешательства” ускорил поражение Республики и не выполнил отведенной ему в предвоенной ситуации роли. Он, наоборот, обострил международные и двусторонние отношения. Новая международная организация – Комитет по невмешательству в дела Испании – не стала фактором проведения реальной политики коллективной безопасности. Провозглашение политики “невмешательства” означало изменение реалий не только на собственно испанских фронтах, ускоряя процесс перегруппировки сил на европейской сцене в преддверии мировой войны. Пространство для противоречий между основными членами Комитета по невмешательству оказалось значительно шире поля для сотрудничества. То, что СССР не сумеет найти общий язык с Англией и Францией, в том числе и в испанском вопросе, сыграет определенную роль в том, что к августу 1939 г. Гитлер и Сталин останутся наедине.

Гражданская война в Испании позволила во многом определить и даже проверить векторы английской и французской тактики в надвигающейся мировой схватке: Великобритания значительно “привязала” Францию к своим внешнеполитическим интересам, Франция по многим направлениям оказалась бессильна, франко-советскому пакту не суждено было быть реализованным (не без

влияния испанского фактора). Германия, вмешавшись в конфликт, получила возможность также относительно изолировать СССР от Европы, а Европу – от Советского Союза, не особенно осложняя при этом отношений с Францией и Великобританией. Испанские события также предоставила удобную возможность будущим противникам Второй мировой войны максимально обнажить свои взаимные претензии.

Провал потенциальной консолидации Великобритании, Франции и СССР в годы войны в Испании означал начало конца политики коллективной безопасности. Антифашистские силы, не нашедшие возможности для блокировки, вынуждены будут несколько позже объединяться в условиях более масштабных мировых боевых действий. Западноевропейским странам придется расплачиваться за свои предвоенные ошибки (в частности, по линии: партнер–союзник) не только высокой ценой победы над фашизмом, но и получить на три десятилетия франкистскую Испанию и на четыре – просоветскую Восточную Европу.

С учетом значительного увеличения роли военной составляющей внешней политики этот аспект испанских событий приобрел особое звучание. В первую очередь он станет существенен для Германии, СССР и Италии.

Гражданская война в Испании с ее высокой степенью интернационализации продемонстрировала, что может означать война в Европе с тем состоянием международных противоречий и тогдашним уровнем развития военной техники и стратегического искусства – война с огромным количеством техники. В испанских сражениях 1936–1939 гг. не все европейские политики и военные смогли или захотели увидеть прообраз будущей войны.

Европейские страны заплатили разную цену за “испанский эксперимент”. Речь не только о материальных и политических затратах. Неадекватность военных выводов, сделанных из “испанской лаборатории”, повлечет и неоднозначные итоги первых месяцев и лет Второй мировой войны.

Война в Испании, нарушив геополитический баланс на европейском континенте, дестабилизировала обстановку и в Средиземноморье. Средиземноморский аспект испанской проблемы станет одной из лакмусовых бумажек, которая немедленно и точно обнаружит подлинный характер как двусторонних, так и международных отношений в целом.

События в Испании вызвали, как известно, резкую поляризацию общественного мнения Европы. Идеологический подтекст испанской трагедии катализировал не только ее ход, но и развитие блоковой политики на континенте. “Невмешательство” яви-

лось формой в том числе и идеологического умиротворения в виде антиреспубликанизма (испанского) и антисоветизма.

Испанская тема активно использовалась во взаимном информационно-психологическом противостоянии европейских стран. Одной из ведущих тем пропагандистской войны вокруг испанских событий стала уже отмеченная проблема невмешательства (разработка Соглашения, его корректировка, создание и функционирование Комитета по невмешательству, нарушения Соглашения, причины его малоэффективности и т.д.). Активные кампании сопровождали не только кризисные периоды политики невмешательства, но и сопутствовали каждой попытке принятия реальных мер по невмешательству, не говоря уже об обсуждении ее наиболее острых проблем.

Информационному наступлению со стороны фактически всех стран-членов Комитета по невмешательству подвергнется советская тактика в Испании (еще до начала советской помощи). Антикоммунистическая пропаганда в связи с испанскими событиями стала для фашистских стран, особенно Германии, орудием раскола потенциального антифашистского фронта. Активным приемом в этом направлении будет эффект симпатии-антипатии, фальсификации реальных событий и др. Вкупе с антисоветскими настроениями активнейшим образом эксплуатировалась идея опасности утверждения в Испании “коммунистической просоветской республики”. Можно говорить о подмене сути войны в Испании в западноевропейской, в первую очередь правой пропаганде (насаждение мифа о столкновении в Испании фашизма и коммунизма, а не демократического и профашистского режимов), что позже найдет отражение и в научной литературе. Формы и методы пропагандистской борьбы, опробованные вокруг войны в Испании, окажутся востребованными и будут продолжены в последовавшей за Второй мировой холодной войне.

Пропагандистское противоборство в Европе (1936–1939) с использованием испанской проблематики имело одним из следствий известную расстановку сил накануне Второй мировой войны. Конструирование с обеих сторон ложных политических и психологических стереотипов, взаимное стремление не отделять пропагандистскую кампанию от реальных механизмов внешней политики имели исключительно отрицательные последствия для всего комплекса международных отношений. К сожалению, оно пришлось на едва ли не самый ответственный период в плане сдерживания фашистской агрессии. При этом Германия, Италия и СССР (их лидеры), придавая пропаганде большую значимость, чем Британия или Франция, вели ее более квалифицированно и не оказались пойманными в собственные же силки идеологиче-

ских мифов, не переоценивали их роль в отношениях с другими странами.

Антифашизм отступил перед антикоммунизмом и в пропагандистской борьбе. В итоге проекция восприятия конфликта в Испании сместилась, международный аспект в определенной мере подменил внутренний, что ускоряло его трансформацию в международный.

Европа, как и все международное сообщество, не имела к тому времени опыта регулирования локальных конфликтов, тем более при такой степени интернационализации. Следовательно, большинство мер реализовывалось методом проб и ошибок. Испанский пример подтверждает тезис, что атмосфера второй половины 30-х годов XX в. почти не допускала иных вариантов решения спорных международных вопросов, кроме силовой модели, и банальный закон международных отношений, что общая цель при тактических расхождениях почти недостижима.

Будучи одним из ярчайших примеров региональных конфликтов межвоенного периода, гражданская война в Испании сделала актуальными такие их аспекты, как геополитический, военно-стратегический, идеологический, экономический и, безусловно, проблему взаимоотношений третьих стран в этом контексте.

Дальнейшая история локальных конфликтов XX в. внесет некоторое новое наполнение в эти международные аспекты, придаст им иные форматы, оставив неизменными их суть и задачу поиска как универсальных, так и специфических методов решения.

P.S. Испанскую драму (политика “невмешательства”) ее авторы взялись писать, строго очертив контуры ведущих ролей и задачи действующих лиц и распределив роли: главную роль отвели Италии и Германии, суфлера – Англии, желательна вторая план – Франции и СССР, а кому оставив роль статистов – Скандинавские, восточноевропейские страны, возможно, и СССР. Но режиссура оказалась весьма недобросовестной, действия актеров, несмотря на все попытки (метод “кнутом и пряника”), согласовать не удавалось. Не последнее значение при этом имели взаимные антипатии артистов и регулярные обострения отношений между ними. Актеры вышли из повиновения, почти не прислушиваясь к режиссеру или в отдельные моменты лишь делая вид, что исполняют заданную роль. “Пьеса” оказалась проваленной, разочарованными остались не только зрители, серьезно пострадали и сами действующие лица. Изможденные, фактически без антракта, они вынуждены будут играть следующую, еще более жестокую и трагичную, драму под названием “Вторая мировая война”.

Примечания

Введение

- ¹ Война и революция в Испании 1936–1939: в 2-х т. М., 1968; *Гарсиа Х.* Испания Народного фронта. М., 1957; *Он же.* Испания двадцатого века. М., 1967; *Грахов А.Н.* Международная обстановка в связи с итало-германской фашистской интервенцией в Испании: автореф... дисс. канд. ист. наук. М., 1946; Из истории освободительной войны испанского народа. М., 1959; *Майданик К.Л.* Испанский пролетариат в национально-революционной войне. 1936–1939. М., 1960; *Майский И.М.* Испанские тетради. М., 1962; *Меццержаков М.Т.* Интернациональные бригады в Испании // Новая и новейшая история. 1979. № 4. С. 37–54; *Он же.* Испанская республика и Коминтерн (Национально-революционная война испанского народа и политика Коммунистического Интернационала. 1936–1939 гг. М., 1981; *Овчинников Р.С.* За кулисами политики “невмешательства”: Испанский вопрос в политике империалистов Англии, Франции и США накануне второй мировой войны. М., 1959; *Пожарская С.П.* Социалистическая рабочая партия Испании. 1931–1939 гг. М., 1966; *Она же.* Тайная дипломатия Мадрида. М., 1971; *Она же.* Фашистская фаланга в Испании // Новая и новейшая история. 1972. № 5, 1973. № 1; *Она же.* Внутренние и внешние факторы утверждения фашизма в Испании // История фашизма в Западной Европе. М., 1978. С. 287–340; *Прицкер Д.П.* Подвиг Испанской республики. М., 1962 и др.
- ² Документы внешней политики СССР. М., 1974–1976. Т. 19–21. Анализ открытых в 90-е годы XX в. фондов Архива внешней политики МИД РФ свидетельствует, что взятые из него для публикации в серии ДВП СССР документы во многих случаях урезались в объеме (что придавало им смысловую незавершенность) и подвергались не только стилистической корректировке. Так, например, в опубликованной записи беседы советского полпреда в Лондоне И.М. Майского с Ллойд-Джорджем от 1 июля 1937 г. выражение: “Но одних действий британской оппозиции будет, пожалуй, недостаточно для предотвращения каких-либо опасных шагов со стороны правительства” – взято в кавычки и, следовательно, принадлежало британскому политику. В оригинале же это – ремарка Майского, после чего в кавычках идет уже монолог Ллойд-Джорджа. Ср.: АВП РФ. Ф. 069. Оп. 1. П. 62. Д. 4. Л. 81; ДВП СССР. Т. 20. С. 353. Встречаются хронологические неточности. Например, беседа Вейнберга с Пайяром, в которой французский дипломат сообщал о предложении своего правительства о создании “специального комитета (по невмешательству в дела Испании. – В.М.), задачей которого явится суммировать информации о принятых отдельными странами мерах”, согласно архивным источникам, состоялась 28 августа 1936 г., в примечаниях к 19-му тому ДВП СССР она датируется 29 числом. См.: АВП РФ. Ф. 097. Оп. 11. П. 102. Д. 14. Л. 178; ДВП СССР. Т. 19. С. 761.
- ³ *Пожарская С.П.* Гражданская война в Испании в контексте международных отношений в канун Второй мировой войны // Европа между миром и войной.

- М., 1992. С. 152–172; *Она же*. Гражданская война в Испании и проблемы Средиземноморья // Средиземноморье и Европа: исторические традиции и современные проблемы. М., 1986. С. 60–70.
- ⁴ *Новиков М.В.* СССР, Коминтерн и гражданская война в Испании 1936–1939: В 2-х ч. Ярославль, 1995; *Постерняк А.В.* Внешняя политика Франции в связи с гражданской войной в Испании (1936–1939 гг.): дисс. ... канд. ист. наук. Ярославль, 1998; *Рыбалкин Ю.* Операция "X". Советская военная помощь республиканской Испании (1936–1939). М., 2000; *Елпатьевский А.В.* Испанская эмиграция в СССР. Историография и источники, попытка интерпретации. Тверь, 2002.
- ⁵ *Beevor A.* The Spanish Civil War. N.Y., 1983; *Carr R.* The Spanish Tragedy. The Civil War in Perspective. L., 1977; *Jackson G. A.* A Concise History of the Spanish Civil War. L., 1974; *Idem.* The Spanish Republic and the Civil War, 1931–1939. L., 1986; *Payne R.* The Civil War in Spain. 1936–1939. N.Y., 1962; *Idem.* Fascism in Spain. 1923–1977. Wisconsin, 1999; *Preston P.* The Coming of the Spanish Civil War: Reform, Reaction and Revolution in the Second Republic, 1931–1939. L., 1971; *Idem.* The Spanish Civil War, 1936–1939. L., 1986; *Purcell H.* The Spanish Civil War. L.; N.Y., 1973; *The Republic Besieged: Civil War in Spain 1936–1939* / Ed. P. Preston, A.L. Mackenzie. Edinburgh, 1996; *Revolution and War in Spain. 1931–1939* / Ed. P. Preston. Menthen; L.; N.Y., 1984; *Richards V.* Lessons of the Spanish Revolution, 1936–1939. L., 1972; *Thomas H.* The Spanish Civil War. N.Y., 1977; *Vilar P.* La guerre d'Espagne (1936–1939). P., 1986; *Viñas A.* Gold, the Soviet Union and the Spanish Civil War // *Spain in Conflict 1931–1939*. L., 1986. P. 224–243, etc.
- ⁶ *Esch P.A.M.* Prelude to War: The International Repercussions of the Spanish Civil War, 1936–1939. The Hague, 1951.
- ⁷ *Alpert M.* A New International History of the Spanish Civil War. L., 1994.; Подробную рецензию на указанную работу см.: *Малай В.В., Новиков М.В.* Алперт М. Новая международная история гражданской войны в Испании. Лондон, 1994 // Новая и новейшая история. 1998. № 4. С. 190–191.
- ⁸ *The Republic Besieged: Civil War in Spain 1936–1939* / Ed. P. Preston, A.L. Mackenzie. Edinburgh, 1996. Подробный анализ см.: *Новиков М.В., Малай В.В.* Республика в осаде / Под ред. П. Престона и А. Маккинзи. Эдинбург, 1996 // Новая и новейшая история. 2000. № 5. С. 242–244.
- ⁹ См.: История второй мировой войны 1939–1945. М., 1974. Т. 2; История дипломатии: 2-е изд. М., 1965. Т. 3; История внешней политики СССР. 1917–1985: В 2-х т. М., 1986. Т. 1; История международных отношений и внешней политики СССР: В 3-х т. М., 1986. Т. 1; *Бруз В.С.* Борьба СССР за коллективную безопасность в Европе в период начала фашистской агрессии и политика западных держав (1935–1937). Киев, 1969; *Овинников Р.С.* За кулисами политики "невмешательства". М., 1959; *Овсяный И.Д.* Тайна, в которой война рождалась. М., 1975; *Ситолс В.Я.* Дипломатическая борьба накануне второй мировой войны: 2-е изд., дораб. и доп. М., 1989; *Прицкер Д.П.* Подвиг Испанской республики. М., 1962 и др.
- ¹⁰ *Глушков А.Е.* Роль нацистской пропаганды в подготовке и проведении агрессивных актов фашистской Германии в Европе в 1936–1939 гг.: Автореф. ... канд. ист. наук. Томск, 1969; *Она же.* Антиреспубликанская пропаганда в прессе гитлеровской Германии в связи с началом гражданской войны в Испании 1936 г. // Тр. Томского ун-та. Томск, 1973. Вып. 222. С. 42–48; *Комишук А.А.* Советская печать о международной солидарности трудящихся с борьбой испанского народа (1936–1939) // Вопросы новой и новейшей истории. Киев, 1981. Вып. 27; *Она же.* Разоблачение в советской печати политики невме-

- шательства западных держав в Испании // Вопросы новой и новейшей истории. Киев, 1982. Вып. 28.
- ¹¹ На основе анализа представленных в фондах материалов в несколько ином свете по сравнению с традиционной отечественной историографией предстают военно-политические и внешне-стратегические аспекты войны в Испании. Попытки вмешательства СССР во внутривнутриполитические дела Испании прослеживаются по материалам фонда 097 и дневникам В.А. Антонова-Овсенко (часть из них присутствует в других фондах).
- ¹² АВП РФ. Ф. 010. Оп. 11. П. 71. Д. 55; Там же. Ф. 05. Оп. 17. П. 131. Д. 49. Л. 28–29; Д. 50. Л. 95–96 и т.д.
- ¹³ Documents on British Foreign Policy. 2nd ser. L., 1979–1982. Vol. 17–19; Documents on British Foreign Policy. 3rd Ser. L., 1950. Vol. 3; Documents on German Foreign Policy. 1918–1945. Ser. D. Vol. 3. Germany and the Spanish Civil War. 1936–1939. Wash., 1950; Documents Diplomatiques français (1932–1939). 2e sér. P., 1966–1972. Т. III–VIII; Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. (1936–1939). Wash., 1952–1955; I Documenti Diplomatici Italiani. 8 ser: 1935–1939. Vol. IV: 10 maggio – 31 agosto 1936. Roma, 1993; Документы министерства иностранных дел Германии. М., 1946. Вып. 3: Германская политика и Испания. 1936–1943; Документы внешней политики СССР. М., 1974–1992. Т. 19–22.; Война в Испании. Вып. 1–17. М.: Развед. упр-е, 1937–1938. Вып. 1; Бои за населенные пункты. 1937; Вып. 2: Боевые действия конницы. 1937; Вып. 3: Ночные действия. 1937; Вып. 4: Действия бомбардировочной авиации. 1937; Вып. 5: Действия истребительной авиации. 1937; Санитарное обеспечение республиканской армии. 1937. Вып. 7: Боевые действия зенитной артиллерии. 1937. Вып. 8: Связь в республиканской армии. 1937; Вып. 9: Оборонительные действия. 1938; Вып. 10: Танки в обороне. 1938; Вып. 11: Организация и боевые действия республиканского морского флота на севере Испании; Вып. 12: Бои войск южного фронта за монастырь Вирхен де ла Кабеса и дворец Эль Люгар Нуэва, 1938; Вып. 13: Наступательный бой пехоты. 1938; Вып. 14: Операции республиканского флота 6 – 7.09.37 г. и 5–6. 03.38 г. 1938; Вып. 15: Действия морского флота на коммуникациях. 1938; Вып. 16. Действия авиации на море. 1938; Вып. 17: Организация тыла и материальное обеспечение республиканской армии, 1938 и т.д.
- ¹⁴ Коминтерн и гражданская война в Испании. Документы. М., 2001.
- ¹⁵ Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Европа. Решения “особой папки”. 1923–1939. М., 2001.
- ¹⁶ Чему свидетели мы были. Переписка бывших царских дипломатов 1934–1940: Сб. док.: В 2-х кн. Кн. 1: 1934–1937. Кн. 2: 1938–1940. М., 1998.
- ¹⁷ Дневник посла Додда. 1933–1938: Пер. с англ. М., 1961; *Клотц Г.* Уроки гражданской войны в Испании / Пер. с фр. М., 1938; *Листер Э.* Наша война. (Из истории национально-революционной войны испанского народа 1936–1939 гг.): Мемуары / Пер. с исп. Предисл. Б. Полевого. М., 1969; *Майский И.М.* Воспоминания советского посла. Кн. 2: Мир или война? М., 1964; *Он же.* Испанские тетради. М., 1962; *Мерецков К. А.* На службе народу. Страницы воспоминаний. М., 1970; *Мероньо П.Ф.* В небе Испании. Воспоминания испанского летчика – участника национально-революционной войны в Испании / Пер. с исп. М., 1975; Мы – интернационалисты. Воспоминания советских добровольцев – участников национально-революционной войны в Испании: 2-е изд. М., 1986; *Bolin L.* Spain: The Vital Years. L., 1967; *Bowers C.G.* My Mission to Spain. Watching the Rehearsal for World War II. N.Y., 1954; *Ciano G.* Diplomatic Papers. 1936–1942. L., 1948; *Cooper D.* Old Men Forget. The Autobiography of Duff Cooper. L., 1953. *Churchill W.* His Complete Speeches. 1897–1963. Vol. VI:

1935–1942. N.Y.; L., 1974; The Diaries of Sir Alexander Cadogan. 1938–1945 / Ed. D. Dilks. L., 1971; The Diplomatic Diaries of Oliver Harvey, 1937–1940 / Ed. H. John. L. Harvey. L.; 1970; *Eden A.* Facing the Dictators. Boston, 1962; *Eden A.* Foreign Affairs. L.; N.Y., 1971; The Von Hassell Diaries, 1938–1944. N.Y.: Doubleday, 1947; *Hoare S.* Ambassador on Special Mission. L.: Collins, 1946. Pt I/II; *Lipski J.* Diplomat in Berlin. 1933–1939. Papers and Memoirs of J. Lipski, Ambassador of Poland / Ed. W. Jedrzejewicz. N.Y.; L., 1968, etc.

¹⁸ The Times, The Observer, Daily Express, Daily Herald, Daily Mail, Daily Telegraph, News Chronicle, The Army Quarterly, Contemporary Review, The Economist, Manchester Guardian, The Political Quarterly, The Round Table, Soviet News, Spectator, Le Figaro. 1936. Les Jours. Liberté. Le Matin. Paris-Soir. Le Peuple. La République, etc.

Глава 1

¹ См.: DBFP. 2nd ser. Vol. 17. Doc.1, 2, 6 11, etc.; *Esch P.A.M.* Prelude to War: The International Repercussions of the Spanish Civil War, 1936–1939. The Hague, 1951. P. 13–17; *Edwards J.* The British Government and the Spanish Civil War, 1936–1939. L., 1979. P. 64–100; *Esenwein G, Shubert A.* Spain at War. The Spanish Civil War in Context. 1931–1939. L.; N.Y., 1995. P. 189, etc.

² DBFP. 2nd ser. Vol. 17. P. 137.

³ L'Humanité. 1936. Aug. 5.

⁴ АВП РФ. Ф. 011. Оп. 1. П. 4. Д. 38. Л. 103.

⁵ *Preston P.* Mussolini's Spanish Adventure: From Limited Risk to War // The Republic Besieged: Civil War in Spain 1936–1939 / Ed. P. Preston, A.L. Mackenzie. Edinburgp, 1996. P. 22.

⁶ *Аксанов Е.* Португалия и ее роль в фашистской интервенции в Испании. М., 1937; *Овинников Р.С.* За кулисами политики “невмешательства”. Испанский вопрос в политике империалистов Англии, Франции и США М., 1959; *Белоусова З.С.* Начало гражданской войны в Испании и дипломатия Парижа // Из истории Европы в новое и новейшее время: к 100-летию со дня рождения ак. И.М. Майского. М., 1984. С. 191–207; *Горбик И.В.* Роль Великобритании в формировании политики невмешательства по отношению к национально-революционной войне испанского народа // Вопросы новой и новейшей истории. Киев. 1991. Вып. 37. С. 45–53; *Пожарская С.П.* Гражданская война в Испании в контексте международных отношений в канун второй мировой войны // Европа между миром и войной. М., 1992. С. 152–172; *Малай В.В.* Судьба республики решалась не в Мадриде: из истории англо-советских дипломатических отношений в канун второй мировой войны. Белгород, 1999; *Она же.* Испанский вектор в Европе 1936 г.: рождение политики “невмешательства” // Ярославский педагогический вестник. 2003. № 4. С. 44–53; *Она же.* Начало гражданской войны в Испании (1936–1939 гг.) и проблемы невмешательства: по материалам Архива внешней политики РФ // Новая и новейшая история. 2006. № 6. С. 28–45; *Она же.* Международные аспекты гражданской войны в Испании (1936–1939 гг.) / Война. Народ. Победа: Материалы межд. науч. конф. Москва, 15–16 марта 2005 года / Ин-т всеобщ. истории РАН. М., 2008. С. 51–59; *Хормач И.А.* СССР–Италия. 1924–1939 гг. (дипломатические и экономические отношения). М., 1995. С. 206–209. *Рыбалкин Ю.* Операция “Х”. Советская военная помощь республиканской Испании (1936–1939). М., 2000, и др.; *Coverdale J.* Italian Intervention in the Spanish Civil War. Princeton, 1975. P. 31–84, 388–389; *Esch P.A.M.* Prelude to War: The International Repercussions of

- the Spanish Civil War, 1936–1939. The Hague, 1951. P. 11–23; *Esenwein G, Shubert A.* Op. cit. P. 199–205, etc.
- ⁷ АВП РФ. Ф. 069. Оп. 21. П. 62. Д. 4. Л. 97.
- ⁸ Цит. по: *Пожарская С.П.* Россия и Испания в годы наполеоновских войн (1808–1812 гг.) // Россия и Европа. Дипломатия и культура. М., 2002. С. 64.
- ⁹ См.: DDF. 2 sér. T. 3. Doc. 25, 33, 34, 36, 66, 69, 77, etc; *Colton J. Leon Blum. Humanist in Politics.* N.Y., 1966; *Dreifort J.E.* Ivon Delbos at Quai d’Orsay. French Foreign Policy during the Popular Front. 1936–1938. Lawrence (Kansas), 1973; *Gallagher M.D.* Op. cit. P. 60–64; *Warner G.* France and Non-Intervention in Spain, July and August 1936 // *International Affairs.* 1962. P. 203–220. Vol. 38, N 2; *Watt D.C.* Britain, France and Italian Problem // *Les relations Franco-britaniques de 1935 a 1939.* P., 1975. P. 243–262; *Whealey R.* Foreign Intervention in the Spanish Civil War // *The Republic and the Civil War in Spain.* L.; N.Y., 1971. P. 233, etc.
- ¹⁰ Например, в беседах с Майским Лотиан (либерал) 10 декабря 1936 г., герцогиня Атгольская (3 декабря 1936), министр обороны Инскрип (22 ноября 1937), Ллойд-Джордж (1 июля 1937), редактор “Обсервер” Гарвин (ноябрь 1937) и т.д. // АВП РФ. Ф. 069. Оп. 20. П. 60. Д. 4. Л. 69; Там же. Оп. 21. П. 62. Д. 24. Л. 80, 158, 164.
- ¹¹ АВП РФ. Ф. 069. Оп. 21. П. 62. Д. 4. Л. 30.
- ¹² Там же. Ф. 011. Оп. 1. П. 7. Д. 73. Л. 8.
- ¹³ Там же. Ф. 069. Оп. 21. П. 62. Д. 4. Л. 96–97.
- ¹⁴ Там же. Л. 98.
- ¹⁵ Там же. Ф. 0136. Оп. 20. П. 167. Д. 828. Л. 108.
- ¹⁶ Там же. Ф. 082. Оп. 19. П. 83. Д. 4. Л. 117–118, 125, 129–130.
- ¹⁷ Там же. Ф. 011. Оп. 1. П. 4. Д. 35. Л. 10–11: Полпред СССР в Италии Штейн - Литвинову, 5 января 1937 г.
- ¹⁸ Там же. Ф. 069. Оп. 20. П. 60. Д. 4. Л. 70; Оп. 21. П. 62. Д. 4. Л. 65; DBFP. 2nd ser. Vol. 17. Doc. 157. P. 208–209.
- ¹⁹ *Moradiellos E.* The Gentle General: The Official British Perception of General Franco during the Spanish Civil War // *The Republic Besieged.* P. 7.
- ²⁰ АВП РФ. Ф. 069. Оп. 21. П. 62. Д. 4. Л. 27–28, 30.
- ²¹ Там же. Ф. 011. Оп. 1. П. 4. Д. 38. Л. 104–105; Ф. 69. Оп. 27. П. 87. Д. 25. Л. 167–168; ДВП СССР. Т. 20. С. 563.
- ²² АВП РФ. Ф. 011. Оп. 1. П. 4. Д. 37. Л. 156.
- ²³ Там же. Ф. 097. Оп. 13. П. 103. Д. 24. Л. 5.
- ²⁴ Там же. Ф. 010. Оп. 11. П. 71. Д. 53. Л. 117–118.
- ²⁵ Там же. Ф. 082. Оп. 19. П. 83. Д. 4. Л. 149.
- ²⁶ *Esenwein G., Shubert A.* Op. cit. P. 199.
- ²⁷ Лорд Стэнхоуп – Галифаксу, 19 мая 1939. Цит. по: *Pratt L.* East of Malta, West of Suez: Britain’s Mediterranean Crises, 1936–1939. Cambridge, 1975. P. 41.
- ²⁸ DBFP. 2nd ser. Vol. 17. Doc. 65. P. 70.
- ²⁹ Ibid. Vol. 18. Doc. 32. P. 38: Меморандум А. Идена по Испании. 8 января 1937 г.; АВП Ф. 069. Оп. 21. П. 62. Д. 4. Л. 161.
- ³⁰ АВП РФ. Ф. 082. Оп. 19. П. 83. Д. 4. Л. 29: Телеграмма Полпреда СССР в Германии Я. Сурица Наркому Иностранных Дел М.М. Литвинову 16 февраля 1936 г.
- ³¹ Там же. Ф. 069. Оп. 20. П. 60. Д. 4. Л. 36–37.
- ³² Daily Telegraph. 1937. 9 Nov.
- ³³ АВП РФ. Ф. 069. Оп. 21. П. 62. Д. 4. Л. 158.
- ³⁴ Там же. Ф. 069. Оп. 21. П. 62. Д. 4. Л. 32.
- ³⁵ Там же. Ф. 097. Оп. 12. Д. 15. Л. 47.
- ³⁶ Там же. Ф. 069. Оп. 20. П. 60. Д. 9. Л. 125.

- ³⁷ Times. 1939. 2 Feb.; Ф.69. Оп. 28. П. 98. Д. 24. Л. 18.
- ³⁸ *Ciano G. Diplomatic Papers. 1936–1942. L., 1948. P. 45; DGFP. Ser.C. Vol. 5. P. 778.*
- ³⁹ DGFP. Ser. C. Vol. 5. Doc.499. P. 876–879.
- ⁴⁰ АВП РФ. Ф. 069. Оп. 21. П. 62. Д. 4. Л. 7, 17.
- ⁴¹ Там же. Оп. 20. П. 60. Д. 4. Л. 70. И.М. Майский – М.М. Литвинову, 10 декабря 1936 г.; Ф. 0136. Оп. 20. П. 167. Д. 828. Л. 142.
- ⁴² Там же. Ф. 011. Оп. 1. П. 4. Д. 35. Л. 3.
- ⁴³ Там же. Ф. 0136. Оп. 21. П. 169. Д. 837. Л. 8.
- ⁴⁴ Там же. Ф. 011. Оп. 1. П. 4. Д. 35. Л. 24.
- ⁴⁵ Там же. Ф. 069. Оп. 21. П. 62. Д. 4. Л. 97–98.
- ⁴⁶ DBFP. 2nd ser. Vol. 17. Doc. 157. P. 208–209.
- ⁴⁷ Ibid. Doc. 84. P. 90.
- ⁴⁸ АВП РФ. Ф. 069. Оп. 21. П. 62. Д. 4. Л. 66.
- ⁴⁹ Там же. Ф. 069. Оп. 20. П. 60. Д. 4. Л. 35–36, 51: Дневник полпреда СССР в Великобритании Майского И.М. Разговор с Дальтоном 20 октября 1936 г. Разговор с Идсом 3 декабря 1936 г.
- ⁵⁰ Там же. Л. 164.
- ⁵¹ Там же. Л. 97–98; News Chronicle. 1939. March, 31.
- ⁵² DBFP. 2nd ser. Vol. 17. Doc. 78. P.83–84.
- ⁵³ АВП РФ. Ф. 010. Оп. 11. П. 71. Д. 53. Л. 29–30.
- ⁵⁴ Политбюро ЦК РКП (б) – ВКП (б) и Европа. С. 340.
- ⁵⁵ Коминтерн и гражданская война в Испании. Документы. М., 2001. С. 10.
- ⁵⁶ АВП РФ. Ф. 010. Оп. 11. П. 71. Д. 53. Л. 36; ДВП СССР. Т. 19. С. 230. Примеч. 72. С. 738.
- ⁵⁷ АВП РФ. Ф.010. Оп. 11. П. 71. Д. 53. Л. 35–36, 79; Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б). Повестки дня заседаний. Каталог. М., 2001. Т. 2: 1930–1939. С. 797.
- ⁵⁸ АВП РФ. Ф. 010. Оп. 11. П. 71. Д. 54. Л. 43.
- ⁵⁹ Там же. Д. 53. Л. 58.
- ⁶⁰ DDF. 2e sér. T. 4. Doc. 153. P. 288.
- ⁶¹ АВП РФ. Ф. 010. Оп. 11. П. 71. Д. 53. Л. 58.
- ⁶² Там же. Л. 73–74.
- ⁶³ Там же. Л. 84–85, 79, 40–41.
- ⁶⁴ Там же. Л. 116.
- ⁶⁵ Там же. Л. 81–84, 97–107, 100, 116.
- ⁶⁶ Политбюро ЦК РКП (б) – ВКП (б). Повестки дня заседаний. Т. 2. С. 808.
- ⁶⁷ АВП РФ. Ф. 097. Оп. 12. Д. 15. Л. 42.
- ⁶⁸ Там же. Ф. 010. Оп. 11. П. 71. Д. 53. Л. 109–110.
- ⁶⁹ Там же. Л. 57.
- ⁷⁰ Там же. Ф. 05. Оп. 16. П. 119; Ф. 011. Оп. 1. П. 4; Ф. 097. Оп. 11, П. 102; Оп. 12. П. 102; Ф.010. Оп. 11. П. 71. Д. 53. Л. 158 и др. О сложностях работы с Розенбергом писал в конце декабря 1936 г. Литвинову Гайкис. – АВП РФ. Ф. 010. Оп. 11. П. 71. Д. 53. Л. 170.
- ⁷¹ Там же. Ф. 010. Оп. 11. П. 71. Д. 53. Л. 158, 170; Ф. 05. Оп. 16. П. 119. Д. 62, 64; Оп. 17. П. 131. Д. 49. Л. 33; Ф. 011. Оп. 1. П. 4. Д. 35, 37; Ф. 097. Оп. 11, П. 102, Д. 14; Оп. 12. П. 102. Д. 15, 17 и др.
- ⁷² Там же. Ф. 05. Оп. 17. П. 131. Д. 49. Л. 33.
- ⁷³ Там же. Ф. 010. Оп. 11. П. 71. Д. 53. Л. 107.
- ⁷⁴ Там же. Л. 122.
- ⁷⁵ Там же. Ф. 05. Оп. 18. П. 144. Д. 86. Л. 3, 16, 18–19.
- ⁷⁶ Там же. Ф. 010. Оп. 11. П. 71. Д. 55. Л. 103.

- ⁷⁷ The Times. 1936. 17 Jul.
- ⁷⁸ DBFP. 2nd ser. Vol. 17. Doc. 84. P. 91: Нога сэра Сэрджента, Форин Офис, 12 августа 1936 г.; Doc. 200. P. 270; Ap. 1. P. 773: Меморандум Р. Ванситгарта, 16 сентября 1936 г.
- ⁷⁹ АВП РФ. Ф. 011. Оп. 2. П. 17. Д. 165. Л. 253; Там же. Ф. 069. Оп. 21. П. 62. Д. 4. Л. 70: Дневник Полпреда СССР в Великобритании И.М. Майского. 1 мая 1937 г.: “Я подробно информировал Кога, и, в частности, подчеркнул, что Франция, на мой взгляд, при правительстве Блюма поставила себя в слишком большую зависимость от Лондона”. А.Ф. Нейман: “Я выразился ... что ведь и французская политика и сама могла бы, если бы проявляла несколько большую твердость, влиять на политику Англии”. См.: Дневник А.Ф. Неймана. Запись разговора с французским послом Кулондром. 8 декабря 1936 // АВП РФ. Ф. 0136. Оп. 20. П. 167. Д. 828. Л. 56(б).
- ⁸⁰ La Republic. 1936. Nov. 3.
- ⁸¹ АВП РФ. Ф. 098. Оп. 19. П. 141. Д. 658. Л. 217–218.
- ⁸² DDF. 2e sér. T. 3. P. 135.
- ⁸³ АВП РФ. Ф. 0136. Оп. 20. П. 167. Д. 828. Л. 55-6.
- ⁸⁴ Цит. по: *Colton J. Leon Blum. Humanist in Politics.* N.Y., 1966. P. 211.
- ⁸⁵ Один из характерных примеров – беседа советского полпреда В.П. Потемкина с Дельбосом 18 ноября 1936 г. // АВП РФ. Ф. 0136. Оп. 20. П. 167. Д. 828. Л. 173.
- ⁸⁶ DBFP. 2nd ser. Vol. 17. Doc. 200. P. 270.
- ⁸⁷ DDF. 2-é ser. T. 3. Doc. 486; АВП РФ. Ф. 010. Оп. 11. П. 71. Д. 55. Л. 254. Сводка материалов о невмешательстве в дела Испании № 49. 13 ноября 1936 г.
- ⁸⁸ АВП РФ. Ф. 069. Оп. 21. П. 62. Д. 4. Л. 25–26.
- ⁸⁹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 510. Л. 69.
- ⁹⁰ Чельшев И.А. Указ. соч. С. 22.
- ⁹¹ АВП РФ. Ф. 011. Оп. 1. П. 7. Д. 73. Л. 9.
- ⁹² Там же. Ф. 0136. Оп. 21. П. 169. Д. 837. Л. 15.
- ⁹³ Там же. Ф. 069. Оп. 21. П. 62. Д. 4. Л. 117.
- ⁹⁴ Там же. Л. 117; Там же. Ф. 082. Оп. 20. П. 86. Д. 4. Л. 129.
- ⁹⁵ “Правительство Франции могло и в некоторых случаях сохраняло свободу маневра на международной арене. Однако сложилась такая ситуация, когда французские лидеры охотно следовали за Лондоном в ущерб национальным интересам Франции”. См.: *Чельшев И.А. СССР – Франция: трудные годы 1938–1941.* М., 1999. С. 24.
- ⁹⁶ АВП РФ. Ф. 0136. Оп. 20. П. 167. Д. 828. Л. 143–144.
- ⁹⁷ Подробнее см.: *Белоусова З.С. Европейская политика Великобритании и Франции: противоречия и сотрудничество // Европа между миром и войной. 1918–1939.* М., 1992. С. 85–86.
- ⁹⁸ АВП РФ. Ф. 0136. Оп. 21. Д. 837. Л. 3.
- ⁹⁹ Там же. П. 169. Д. 839. Л. 27.
- ¹⁰⁰ АВП РФ. Ф. 011. Оп. 2. П. 17. Д. 165. Л. 8–9.
- ¹⁰¹ Там же. Ф. 0136. Оп. 21. П. 169. Д. 839. Л. 60, 62. Как известно, в середине октября 1938 г. Кулондр был назначен послом в Берлине.
- ¹⁰² Там же. Ф. 011. Оп. 2. П. 17. Д. 165. Л. 60.
- ¹⁰³ Там же. Л. 201, 111.
- ¹⁰⁴ Чему свидетели мы были... Т. 2. Прилож. 2. С. 528.
- ¹⁰⁵ АВП РФ. Ф. 011. Оп. 2. Д. 165. Л. 203: Литвинов – Сурицу, 17 октября 1938 г.
- ¹⁰⁶ Manchester Guardian. 1939. Jan. 20.

- ¹⁰⁷ Подробнее см.: *Малай В.В.* Судьба Республики решалась не в Мадриде: из истории англо-советских отношений в канун II мировой войны. 1936–1939. Белгород, 1999.
- ¹⁰⁸ DBFP. 2nd ser. Vol. 19. Doc. 244. P. 403.
- ¹⁰⁹ Ibid. Doc. 316. P. 501–511. Ср.: Ibid. Vol. 18. Doc. 15. P. 22–26.
- ¹¹⁰ АВП РФ. Ф. 069. Оп. 20. П. 60. Д. 4. Л. 52–53.
- ¹¹¹ Там же. Л. 48–49; Ф. 05. Оп. 16. Д. 64. Л. 46.
- ¹¹² Цит. по: *Stone G.* The European Great Powers and the Spanish Civil War. P. 224.
- ¹¹³ *Черчилль У.* Вторая мировая война. Т. 1. С. 173.
- ¹¹⁴ DGFP. Ser. C. Vol. 5. P. 775. Хассел – в Министерство иностранных дел Германии, 17 июля 1936.
- ¹¹⁵ *Henig R.* The Origins of the II World War. 1933–1939. L.; N.Y., 1992. P. 29.
- ¹¹⁶ АВП РФ. Ф. 098. Оп. 19. П. 141. Д. 658. Л. 133.
- ¹¹⁷ Там же. Л. 116.
- ¹¹⁸ DBFP. 2nd ser. Vol. 17. No. 84. P. 90; АВП РФ. Ф. 098. Оп. 19. Д. 658. Л. 117, 118.
- ¹¹⁹ АВП РФ. Ф. 082. Оп. 19. П. 83. Д. 4. Л. 78.
- ¹²⁰ Там же. Л. 125, 115, 116.
- ¹²¹ Frankfurter Zeitung, 1936. Oct. 26.
- ¹²² АВП РФ. Ф. 0136. Оп. 20. П. 167. Д. 828. Л. 182: Из дневника советника Г. Гиршфельда. 11 декабря 1936.
- ¹²³ Там же. Ф. 011. Оп. 1. Д. 35. Л. 6, 20, 23.
- ¹²⁴ Там же. Ф. 082. Оп. 20. П. 86. Д. 4. Л. 28. Полпред СССР в Италии Штейн тоже подчеркивал: “единственная кооперация Берлина и Рима в настоящее время происходит только по испанскому вопросу” // АВП РФ. Ф. 011. Оп. 1. Д. 35. Л. 30.
- ¹²⁵ Там же. Л. 49.
- ¹²⁶ Там же. Л. 68–69.
- ¹²⁷ Там же. Л. 33.
- ¹²⁸ Чему свидетели мы были... Кн.2. С. 477; АВП РФ. Ф. 082. Оп. 20. П. 86. Д. 4. Л. 68–69.
- ¹²⁹ АВП РФ. Ф. 082. Оп. 20. П. 86. Д. 4. Там же. Л. 118.
- ¹³⁰ Как характеризовал ситуацию М. Литвинов, “Флирт с Италией [Англии] может быть имеет целью вызвать ревность Берлина, который до сих пор отвечал на английские авансы напускной недоступностью” // АВП РФ. Ф. 011. Оп. 1. Д. 35. Л. 139.
- ¹³¹ Престон П. Франко. С. 173.
- ¹³² АВП РФ. Ф. 082. Оп. 20. П. 86. Д. 4. Л. 128.
- ¹³³ Там же. Ф. 0136. Оп. 20. П. 167. Д. 828. Л. 142.
- ¹³⁴ Там же. Ф. 011. Оп. 1. П. 4. Д. 35. Л. 115–116.
- ¹³⁵ Там же. Л. 139.
- ¹³⁶ Там же. П. 3. Д. 23. Л. 120.
- ¹³⁷ Там же. П. 4. Д. 35. Л. 17.
- ¹³⁸ Там же. Л. 192.
- ¹³⁹ Так, по мнению И.М. Майского (январь 1937 г.), Риббентроп (в рассматриваемый период – посол Германии в Лондоне) “показал себя человеком, совершенно не понимающим и не знающим Великобритании” // АВП РФ. Ф. 069. Оп. 21. П. 62. Д. 4. Л. 29.
- ¹⁴⁰ АВП РФ. Ф. 011. Оп. 2. Д. 165. Л. 53.
- ¹⁴¹ Там же. Ф. 069. Оп. 21. П. 62. Д. 4. Л. 46, 159.
- ¹⁴² В декабре 1938 г. французский посол в Берлине Кулондр в беседе с советским полпредом Астаховым, оправдываясь, заметит: “Никто не предвидел

размеров мюнхенской неудачи. Немцы зашли гораздо дальше, чем можно было предполагать. Выиграть в Мюнхене Англия и Франция не могли ибо по существу, там шла игра в покер, а демократы, не будучи способны на блеф, всегда будут в подобном случае в проигрыше" // АВП РФ. Ф. 082. Оп. 21. Д. 4. Л. 331–332.

¹⁴³ АВП РФ. Ф. 011. Оп. 1. П. 4. Д. 35. Л. 17.

¹⁴⁴ DGFP. Ser. D. Vol. 2. Docs. 622, 638, 641, 659. P. 950–951, 969–970, 972–973, 991; *Merkes M.* Die deutsche Politics im Spanischen BurgerKrieg 1936–1939, Bonn, 1969. P. 328–329.

Глава 2

¹ *Малай В.В.* Судьба Республики решалась не в Мадриде. Белгород, 1999; *Овчинников Р.С.* За кулисами политики "невмешательства". М., 1959; *Пожарская С.П.* От 18 июля 1936 года – долгий путь. М., 1977; *Она же.* Испания и США. Внешняя политика и общество. 1936–1976. М., 1982; *Прицкер Д.П.* Подвиг Испанской республики. М., 1962; *Рыжиков В.А.* Зигзаги дипломатии Лондона. М., 1973; *Трухановский В.Г.* Внешняя политика Англии на первом этапе общего кризиса капитализма (1918–1939). М., 1952; *Alpert M.* A New International History of the Spanish Civil War. L., 1994. Der Spanische Burgerkrieg in der internationalen Politik (1936–1939). München, 1976; *Friedlander L.* Great Power Politics and the Spanish Civil War. The First Phase // *Historican.* 1965. N 28; *Jackson G.* The Spanish Republic and the Spanish Civil War, 1931–1939. Princeton, 1965; A Concise History of the Spanish Civil War. L., 1974; *Little D.* Malevolent Neutrality. The U.S., Great Britain and the Spanish Civil War. N.Y., 1985; *Preston P.* The Spanish Civil War, 1936–1939. L., 1986; *Puzzo D.* Spain and Great Powers. 1936–1941. N.Y., 1961; *Idem.* The Nonintervention Committee and Italo-German Aid to the Nationalist // *The Spanish Civil War. Domestic Crisis or the International Conspiracy?* / Ed. G. Jackson. Boston, 1967; *Spain in Conflict. 1919–1939. Democracy and its Enemies.* L., 1986; *Thomas H.* The Spanish Civil War. L., 1977; *Watters W.E.* An International Affairs. Non-Intervention in the Spanish Civil War, 1936–1939. N.Y., 1971, etc.

² DBFP. 2nd. ser. Vol. 17. P. 14.

³ *Ibid.* Doc. 41, 43. P. 45–47.

⁴ См.: DBFP. 2nd. ser. Vol. 17. Doc. 13–16, 18, etc. P. 14–19, 20–21.

⁵ *Eden A.* Facing the Dictators. L., 1962. P. 476; *Edwards J.* The British Government and the Spanish Civil War, 1936–1939. L., 1979. P. 15–39, 172–175; *Gallagher M.D.* Leon Blum and the Spanish Civil War // *Journal of Contemporary History.* 1971. Vol. 6. N 3. P. 58; *Grandmougin J.* Histoire vivante du Front populaire. P., 1962. P. 223; *Joll J.* Intellectuals in Politics. L., 1960. P. 38; *Stone G.* The European Great Powers and the Spanish Civil War. P. 212. *Thomas H.* The Spanish Civil War. N.Y., 1977. P. 344–345, 387–389, 825, etc.

⁶ АВП РФ. Ф. 069. Оп. 20. П. 60. Д. 4. Л. 25–29; Ф. 098. Оп. 19. П. 141. Д. 658. Л. 47–49; Ф. 082. Оп. 19. П. 83. Д. 4. Л. 78–80.

⁷ Там же. Ф. 069. Оп. 20. П. 60. Д. 4. Л. 25, 29.

⁸ См.: *Gallagher M.D.* Leon Blum and the Spanish Civil War // *Journal of Contemporary History.* L., 1971. Vol. 6, № 3. P. 58.

⁹ DBFP. 2nd. ser. Vol. 17. Doc. 7. Note 3. P. 8–9.

¹⁰ Политбюро ЦК РКП (б) – ВКП (б) и Европа. М., 2001. С. 340.

¹¹ DDF. 2e sér. T. 3. Doc. 17, 25. P. 52. Ref. 3; *Gallagher M.D.* Op. cit. P. 59.

¹² DDF. 2e sér. T. 3. Doc. 56, 59. P. 97–98, 100–101; DBFP. 2nd. ser. Vol. 17. Doc. 44. P. 47–48.

- ¹³ DDF. 2e sér. T. 3. Doc. 30, 33, 34, 56, 59, 66, 69, 111.
- ¹⁴ DBFP. 2nd. ser. Vol. 17. Doc. 53. P. 59; Doc. 57. P. 63–64; Doc. 72. P. 78; Doc. 77. P. 82; Doc. 83. P. 78, etc.
- ¹⁵ Ibid. Doc. 45. P. 49. Note 3. P. 49–50.
- ¹⁶ Ibid. Doc. 52. Note. 1. P. 58–59; DDF. 2e sér. T. 3. Doc. 75, 76. P. 118–119.
- ¹⁷ АВП РФ. Ф. 082. Оп. 19. Д. 4. Л. 114: Суриц-Крестинскому, 15 августа 1936 г.
- ¹⁸ DDF. 2e sér. T. 3. P. 113; DBFP. 2nd ser. Vol. 17. P. 55–56; DGFP. Ser. D. Vol. 3. Doc. 29. P. 29: Меморандум министра иностранных дел Нейрата, 4 августа 1936 г.
- ¹⁹ DBFP. 2nd. ser. Vol. 17. Doc. 52. P. 58: Ciano's Diplomatic Papers. L., 1948. P. 27–28.
- ²⁰ DDF. 2e sér. T. 3. Doc. 56, 59; DBFP. 2nd ser. Vol. 17. Doc. 52. P. 58; Doc. 54. P. 60; АВП РФ. Ф. 097. Оп. 11. П. 102. Д. 14. Л. 193.
- ²¹ ДВП СССР. Т. 19. С. 392–393; См., например: *Постерняк А.В.* Указ. соч. С. 114; Политбюро ЦК РКП (б) – ВКП (б) и Европа... С. 339. Примеч. 1 и др.
- ²² АВП РФ. Ф. 097. Оп. 11. П. 102. Д. 14. Л. 194–195; DBFP. 2nd. ser. Vol. 17. Doc. 52. P. 58–59.
- ²³ АВП РФ. Ф. 097. Оп. 11. П. 102. Д. 14. Л. 193.
- ²⁴ DBFP. 2nd ser. Vol. 17. Doc. 64. P. 68.
- ²⁵ АВП РФ. Ф. 010. Оп. 11. П. 71. Д. 53. Л. 19–20; DBFP. 2nd ser. Vol. 17. Doc. 45. Note 3. P. 49–50. Doc. 78. P. 83.
- ²⁶ АВП РФ. Ф. 010. Оп. 11. П. 71. Д. 53. Л. 19–20: Н.Н. Крестинский – генеральному секретарю ЦК ВКП (б) тов. И.В. Сталину, 5 августа 1936 г.
- ²⁷ Там же. Ф. 098. Оп. 19. П. 141. Д. 658. Л. 218–219.
- ²⁸ Там же. Ф. 097. Оп. 11. П. 102. Д. 14; Ф. 010. Оп. 11. П. 71. Д. 53; Ф. 098. Оп. 19. П. 141. Д. 658; Ф. 415. Оп. 8. П. 57. Д. 2; ДВП СССР. Т. 19. Примеч. 156. С. 761.
- ²⁹ Там же. Ф. 010. Оп. 11. П. 71. Д. 53. Л. 19–20: Н.Н. Крестинский – генеральному секретарю ЦК ВКП (б) тов. И.В. Сталину. 5 августа. Ф. 098. Оп. 19. П. 141. Д. 658. Л. 218–219; ДВП СССР. Т. 19. С. 396.
- ³⁰ DBFP. 2nd ser. Vol. 17. Doc. 69. Note 4. P. 75.
- ³¹ АВП РФ. Ф. 098. Оп. 19. П. 141. Д. 658. Л. 220. “Стопроцентный нейтралитет Чиано, как он заявил о том, трудно согласовывается с инцидентами по поставкам самолетов”, – комментировал телеграмму Ингрэма из Рима от 7 августа третий секретарь британского МИД по Лиге Наций и Западному департаменту С.А. Шукбург // DBFP. 2nd ser. Vol. 17. Doc. 69. Note 4. P. 75.
- ³² ДВП СССР. Т. 19. С. 397; АВП РФ. Ф. 010. Оп. 11. П. 71. Д. 53. Л. 28: Н.Н. Крестинский – генеральному секретарю ЦК ВКП(б) тов. И.В. Сталину, 8 августа 1936 г.
- ³³ АВП РФ. Ф. 010. Оп. 11. П. 71. Д. 53. Л. 28, 41.
- ³⁴ Там же. Л. 39, 42–43; DBFP. 2nd ser., Vol. 17. Doc. 62, 69, 70. P. 66, 74, 76; I Documenti Diplomatici Italiani. (Далее: DDI). 8 ser., 1935–1939. Vol. IV. Roma, 1993. Doc. 687. P. 755.
- ³⁵ DBFP. 2nd ser. Vol. 17. Doc. 71. P. 77.
- ³⁶ Ibid. Doc. 64, 79–81, 83–84, 86–96. P. 67–68, 85–104.
- ³⁷ Ibid. Doc. 67. P. 71–71; DDF. 2e sér. T. 3. No. 108. Note. 1. P. 159.
- ³⁸ АВП РФ. Ф. 010. Оп. 11. П. 71. Д. 53. Л. 41, 38–39.
- ³⁹ Там же. Л. 38–39, 40, 44.
- ⁴⁰ Там же. Л. 42–43; Ф. 097. Оп. 11. П. 102. Д. 14. Л. 182; Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Европа... С. 339.
- ⁴¹ DBFP. 2nd. ser. Vol. 17. Doc. 94. Note 1, 3. P. 100–102; Doc. 95–96. P. 103–104; DDF. 2-e sér. T. 3. Doc. 150. P. 221–223.

- ⁴² АВП РФ. Ф. 097. Оп. 11. П. 102. Д. 14. Л. 183; DDF. 2e sér. T. 3. Doc. 156. P. 229.
- ⁴³ АВП РФ. Ф. 082. Оп. 19. П. 83. Д. 14. Л. 86–87.
- ⁴⁴ Там же. Ф. 097. Оп. 11. П. 102. Д. 14. Л. 180; DBFP. 2nd ser. Vol. 17. Doc. 101, 103–106, 116, 121. P. 108–139, 147–148; DDF. 2e sér. T.3. Doc. 185.
- ⁴⁵ АВП РФ. Ф. 097. Оп. 11. П. 102. Д. 14. Л. 179: Запись разговора Вейнберга с Пайяром, 21 августа 1936 г.
- ⁴⁶ Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Европа. Док. 243. Примеч. 2. С. 340; АВП РФ. Ф. 010. Оп. 11. П. 71. Д. 53. Л. 52–53.
- ⁴⁷ АВП РФ. Ф. 0136. Оп. 20. П. 167. Д. 828. Л. 29.
- ⁴⁸ DGFP. Ser. D. Vol. 3. Doc. 64. P. 64.
- ⁴⁹ АВП РФ. Ф. 010. Оп. 11. П. 71. Д. 53. Л. 55; Дикгоф писал 30 августа 1936 г.: “Мы не сможем избежать жалоб (на вмешательство в испанские дела. – В.М.) в любом случае. Ситуация может быть приемлемой для нас, если центр притяжения, которым стал Париж в результате французских инициатив, переместится в Лондон” // DGFP. Ser. D. Vol. 3. Doc. 64. P. 64, также Doc. 65. P. 65.
- ⁵⁰ В работе Комитета принимали участие послы стран, подписавших соглашение о невмешательстве. – В.М.
- ⁵¹ DBFP. 2nd ser. Vol. 17. Doc. 178. P. 236, 247. Стенограмма I заседания Комитета по невмешательству в дела Испании. 9 сентября 1936 г.; *Майский И.М.* Испанские тетради. М., 1962. С. 27.
- ⁵² *Puzzo D.* The Nonintervention Committee and Italo-German Aid to the Nationalist // The Spanish Civil War. Domestic Crisis or the International Conspiracy? / Ed. G. Jackson. Boston, 1967. P. 69.
- ⁵³ АВП РФ. Ф. 010. Оп. 11. П. 71. Д. 53. Л. 75–77.
- ⁵⁴ Там же. Л. 83–84.
- ⁵⁵ Там же. Л. 3; Ф.0136. Оп. 20. П. 167. Д. 828. Л. 35(102-Фр.); Запись беседы зав. 3-м Западным отделом НКВД СССР Неймана с поверенным в делах Франции Пайяром. 1 октября 1936; DBFP. 2nd ser. Vol. 17. Doc. 244. P. 335–336; Doc. 251. P. 347.
- ⁵⁶ АВП РФ. Ф. 069. Оп. 20. П. 60. Д. 9. Л. 62–63.
- ⁵⁷ Там же. Л. 71–72.
- ⁵⁸ Там же. Д. 29. Л. 22–23; Д.25. Л. 44–45, 184.
- ⁵⁹ Там же. Ф. 69. Оп. 27. Д. 29. Л. 184–185.
- ⁶⁰ Там же. Ф. 010. Оп. 11. П. 71. Д. 53. Л. 84: Крестинский Н.Н. – секретарю ЦК ВКП(б) Кагановичу Л. 23 сентября 1936.
- ⁶¹ Там же. Ф. 097. Оп. 11. П. 102. Д. 14. Л. 235, 171; Ф. 069. Оп. 20. Д. 9. Л. 62.
- ⁶² Там же. Ф. 097. Оп. 11. П. 102. Д. 14. Л. 107.
- ⁶³ Там же. Ф. 0136. Оп. 20. П. 167. Д. 828. Л. 39–40.
- ⁶⁴ Там же. Ф. 69. Оп. 24. Д. 5. П. 77. Л. 116; ДВП СССР. Т. 19. С. 463–464; Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б). Повестки дня заседаний. Т. 2. С. 812.
- ⁶⁵ DBFP. 2nd ser. Vol. 17. Doc. 272. P. 371–372.
- ⁶⁶ *Ibid.* P. 378, 389–393: Стенографический отчет 6-го заседания Комитета по невмешательству, 9 октября 1936.
- ⁶⁷ DDF. 2-e sér. T. 3. P. 482; DBFP. 2nd ser. Vol. 17. P. 382–383.
- ⁶⁸ АВП РФ. Ф. 69. Оп. 24. Д. 5. П. 77. Л. 116; ДВП СССР. Т. 19. С. 463–464.
- ⁶⁹ АВП РФ. Ф. 010. Оп. 11. П. 71. Д. 55. Л. 38.
- ⁷⁰ Там же. Л. 29, 31–32, 47–49, 54–55; DBFP. 2nd ser. Vol. 17. Doc. 277. P. 377; Sunday Express. 1936. Oct. 12.
- ⁷¹ DBFP. 2nd ser. Vol. 17. Doc. 278. P. 377–396: Стенографический отчет 6-го заседания Комитета по невмешательству в дела Испании 9 октября 1936 г.; АВП РФ. Ф. 010. Оп. 11. П. 71. Д. 55. Л. 29.

- ⁷² АВП РФ. Ф. 010. Оп. 11. П. 71. Д. 55. Л. 2.
- ⁷³ Там же. Ф. 05. Оп. 16. П. 119. Д. 64. Л. 21–23. Несколько ранее с такими обвинениями выступила немецкая сторона. Но к тому времени советские поставки оружия в Испанию еще не начались.
- ⁷⁴ Там же. Л. 13; Там же. Ф. 010. Оп. 11. П. 71. Д. 55. Л. 66; DBFP. 2nd ser. Vol. 17. P.477; Doc. 328. Note 4. P. 467.
- ⁷⁵ DBFP. 2nd ser. Vol. 17. P. 449.
- ⁷⁶ АВП РФ. Ф. 069. Оп. 20. П. 60. Д. 9. Л. 73–74, 77,78–79, 91–93; Ф. 0136. Оп. 20. П. 167. Д. 828. Л. 35, 41, 42.
- ⁷⁷ Там же. Ф. 0136. Оп. 20. П. 167. Д. 828. Л. 42; Там же. Ф. 069. Оп. 20. П. 60. Д. 9. Л. 78–79.
- ⁷⁸ L'Echo de Paris; Le Figaro, etc. 1936. 11 Oct.; Ф. 010. Оп. 11. П. 71. Д. 55. Л. 48.
- ⁷⁹ АВП РФ. Ф. 069. Оп. 20. П. 60. Д. 4. Л. 36–37.
- ⁸⁰ Там же. Л. 13; Ф. 010. Оп. 11. П. 71. Д. 55. Л. 66; DBFP. 2nd ser. Vol. 17. P. 477; Doc. 328. Note 4. P. 467.
- ⁸¹ АВП РФ. Ф. 010. Оп. 11. П. 71. Д. 55. Л. 71, 72–74: Заместитель НКВД Крестинский Н.Н. – секретарю ЦК ВКП (б) Кагановичу Л., 14 октября. Копии: Сталину, Молотову, Ворошилову, Орджоникидзе.
- ⁸² Там же. Л. 67.
- ⁸³ Там же. Л. 97, 83: Заместитель НКВД Крестинский Н.Н. – секретарю ЦК ВКП(б) Кагановичу Л., 15 октября 1936 г.
- ⁸⁴ Там же. Л. 97.
- ⁸⁵ Там же. Ф. 0136. Оп. 20. П. 167. Д. 828. Л. 436.
- ⁸⁶ Там же. Ф. 05. Оп. 16. П. 119. Д. 64. Л. 14–16.
- ⁸⁷ Там же. Ф. 010. Оп. 11. П. 71. Д. 55. Л. 127.
- ⁸⁸ DDF. 2-e sér. T.3. Doc. 429. P. 661–662; АВП РФ. Ф. 069. Оп. 20. Д. 9. П. 60. Л. 95.
- ⁸⁹ АВП РФ. Ф. 05. Оп. 16. П. 119. Д. 64. Л. 17–18; Ф.069. Оп. 20. П. 60. Д. 9. Л. 91–93.
- ⁹⁰ Там же. Ф. 05. Оп. 16. П. 119. Д. 64. Л. 36–37.
- ⁹¹ DBFP. 2nd ser. Vol. 17. Doc. 327. P. 465.
- ⁹² АВП РФ. Ф. 082. Оп. 19. П. 83. Д. 4. Л. 117.
- ⁹³ Там же. Ф. 69. Оп. 27. П. 88. Д. 29. Л. 103–104, 106–107; DBFP. 2nd ser. Vol. 17. Doc. 339. Note 2. P. 444.
- ⁹⁴ АВП РФ. Ф. 69. Оп. 27. Д. 29. Л. 109; Д.31. Л. 51.
- ⁹⁵ Там же. Ф. 010. Оп. 11. П. 71. Д. 55. Л. 237–239, 249–250; Ф.69. Оп. 27. Д. 29. Л. 109–110.
- ⁹⁶ Там же. Ф. 010. Оп. 11. П. 71. Д. 55. Л. 249–250.
- ⁹⁷ Там же. Ф. 05. Оп. 16. П. 119. Д. 64. Л. 45–46: Нарком иностранных дел СССР Литвинов М.М. – полпреду СССР в Испании Розенбергу, 4 ноября 1936.
- ⁹⁸ Там же. Ф. 097. Оп. 13. П. 103. Д. 24. Л. 4.
- ⁹⁹ Там же. Ф. 011. Оп. 1. П. 4. Д. 37. Л. 151.
- ¹⁰⁰ Там же. Ф. 069. Оп. 20. П. 60. Д. 5. Л. 32–33.
- ¹⁰¹ Там же. Ф. 0136. Оп. 20. П. 167. Д. 828. Л. 29.
- ¹⁰² Там же. Ф. 05. Оп. 16. П. 119. Д. 64. Л. 69; ДВП СССР. Т. 19. С. 675–676.
- ¹⁰³ АВП РФ. Ф. 010. Оп. 11. Д. 53. Л. 165–166; Ф. 0136. Оп. 20. П. 167. Д. 828. Л. 28.
- ¹⁰⁴ Там же. Ф. 069. Оп. 20. П. 60. Д. 4. Л. 71.
- ¹⁰⁵ Там же. Ф. 05. Оп. 16. П. 119. Л. 89.
- ¹⁰⁶ Там же. Ф. 069. Оп. 20. П. 60. Д. 4. Л. 71; Ф. 05. Оп. 16. Д. 64. Л. 89.
- ¹⁰⁷ DBFP. 2nd ser. Vol. 17. Doc. 498. P. 714–715; The Times. 1936. 14 Dec.
- ¹⁰⁸ АВП РФ. Ф. 069. Оп. 21. П. 62. Д. 4. Л. 36–37.

- ¹⁰⁹ Там же. Ф. 0136. Оп. 167. Д. 828. Л. 34-а.
- ¹¹⁰ Там же.
- ¹¹¹ Там же. Ф. 069. Оп. 20. Д. 5. Л. 51–52; Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б). Повестки дня заседаний. Т. 2. С. 835.
- ¹¹² АВП РФ. Ф. 69. Оп. 27. Д. 25. Л. 54–56; FRUS. Diplomatic Papers. 1937. Vol. 1. P. 224–225.
- ¹¹³ АВП РФ. Ф. 069. Оп. 21. П. 62. Д. 8. Л. 133–136.
- ¹¹⁴ ДВП СССР. Т. 20. С. 86.
- ¹¹⁵ АВП РФ. Ф. 69. Оп. 27. Д. 27. Л. 60–61; Д. 28. Л. 122–123; Ф. 05. Оп. 16. Д. 64. Л. 66–67; Ф. 097. Оп. 12. Д. 15. Л. 39. В начале февраля 1937 г. выход СССР из Комитета допускался уже не в декларативной форме. “Возможно, в случае неудовлетворения наших требований, мы даже уйдем из Комитета”, – писал М. Литвинов М. Розенбергу 4 февраля 1937 г. // АВП РФ. Ф. 011. Оп. 1. П. 4. Д. 37. Л. 14.
- ¹¹⁶ См.: *Малай В. В.* Судьба Республики решалась не в Мадриде. С. 35–36. По мнению советской дипломатии, автором идеи о разделе ролей и сфер контроля между Англией и Францией, с одной стороны, и Германии Италией – с другой, явился французский посол в Берлине Франсуа-Понсс. Гитлер ухватился за такое предложение, переданную ему через Нейрата, и заговорил об этом на новогоднем приеме для иностранных дипломатов в январе 1937 г. “Сам Понсс в разговоре со мной не отрицал, – писал полпред в Германии Я. Суриц, – что он сейчас прилагает много усилий, чтобы улучшить атмосферу. Действует он, якобы, по предписанию начальства” // АВП РФ. Ф. 082. Оп. 20. П. 86. Д. 4. Л. 26.
- ¹¹⁷ АВП РФ. Ф. 069. Оп. 21. П. 62. Д. 8. Л. 97: Дневник В.П. Потемкина. Беседа с английским послом Чилстоном 16 октября 1937 г.; Там же. Ф. 097. Оп. 12. Д. 15. Л. 39. М. Литвинов – полпреду СССР в Испании М.И. Розенбергу, 7 февраля 1937.
- ¹¹⁸ Там же. Ф. 069. Оп. 21. П. 62. Д. 8. Л. 28.
- ¹¹⁹ Там же. Л. 63, 84, 129.
- ¹²⁰ Там же. Ф. 011. Оп. 1. П. 4. Д. 37. Л. 26–28.
- ¹²¹ Там же. Ф. 069. Оп. 21. Д. 8. П. 62. Л. 32–33: Дневник наркома иностранных дел СССР М.М. Литвинова. Прием Пайяра. 20 марта 1937 г.
- ¹²² Там же. Ф. 69. Оп. 27. Д. 33. Л. 89–90; Известия. 1937. 27 марта; ДВП СССР. Т. 20. С. 158; DBFP. 2nd ser. Vol. 18. Doc. 392. P. 605.
- ¹²³ АВП РФ. Ф. 011. Оп. 1. П. 4. Д. 38. Л. 103.
- ¹²⁴ Там же. Л. 95–96: Ответ Уоллеса на Письмо Майского. Лондон, 10 июня 1937 г.
- ¹²⁵ DBFP. 2nd ser. Vol. 18. Doc. 561. P. 834–835; АВП РФ. Ф. 0136. Оп. 20. П. 169. Д. 839. Л. 32.
- ¹²⁶ DBFP. 2nd ser. Vol. 18. Doc. 534. P. 836.
- ¹²⁷ АВП РФ. Ф. 097. Оп. 12. Д. 15. Л. 7.
- ¹²⁸ DDF. 2-c sér. T.6. P. 64.
- ¹²⁹ АВП РФ. Ф. 0136. Оп. 20. П. 169. Д. 839. Л. 32.
- ¹³⁰ *Алперт М.* A New International History of the Spanish Civil War. L., 1994. P. 127–135.
- ¹³¹ DGFP. Ser. D. Vol. 3. Doc. 339–353. P. 354–368; DBFP. 2nd ser. Vol. 18. Doc. 627. P. 911–912; *Lipski J.* Diplomat in Berlin. 1933–1939. Papers and Memoirs of J. Lipski, Ambassador of Poland / Ed. W. Jedrzejewicz. N.Y.; L., 1968. P. 291–292.
- ¹³² DGFP. Ser. D. Vol. 3. Doc. 343, 347. P. 359, 362.
- ¹³³ DBFP. 2nd ser. Vol. 18. P. 922–923.

- ¹³⁴ АВП РФ. Ф. 098. Оп. 21. П. 26а. Д. 5. Л. 18–19.
- ¹³⁵ Там же. Ф. 69. Оп. 27. Д. 25. Л. 146–150.
- ¹³⁶ Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Европа. С. 351–352.
- ¹³⁷ DBFP. 2nd ser. Vol. 19. Doc. 1. P. 2; АВП РФ. Ф. 011. Оп. 1. П. 4. Д. 35. Л. 134.
- ¹³⁸ АВП РФ. Ф. 011. Оп. 1. Д. 35. Л. 134.
- ¹³⁹ Там же. Л. 133.
- ¹⁴⁰ Там же. Ф. 098. Оп. 21. Д. 5. Л. 50.
- ¹⁴¹ Там же. Ф. 097. Оп. 12. Д. 15. Л. 16: Дневник зам. зав. 3-м Западным отделом НКВД СССР Ф.С. Вейнберга. Запись беседы с испанским послом Паскуа, 8 июля 1937 г.
- ¹⁴² Там же. Ф. 098. Оп. 21. П. 26а. Д. 5. Л. 49.
- ¹⁴³ Там же. Ф. 69. Оп. 27. Д. 25. Л. 146–150.
- ¹⁴⁴ ДВП СССР. Т.20. С. 382. Примеч. 146. С. 737; АВП РФ. Ф. 069. Оп. 21. Д. 8. Л. 141.
- ¹⁴⁵ АВП РФ. Ф. 011. Оп. 1. Д. 35. Л. 132–133.
- ¹⁴⁶ Там же. Л. 133.
- ¹⁴⁷ The Times. 1937. 27, 30, 31 Jul.; 2 Aug; The Observer. 1937. 1 Aug.
- ¹⁴⁸ АВП РФ. Ф. 69. Оп. 27. Д. 34. Л. 50–51; DBFP. 2nd ser. Vol. 19. Doc. 75. P. 134–135; Doc. 63. P.117; Doc. 66. P. 120–121;
- ¹⁴⁹ ДВП СССР. Т. 20. С. 407; DDF. 2-e sér. T.6. Doc. 300. P. 529.
- ¹⁵⁰ DDF. 2e sér. T. 6. P. 554–555; Doc. 318. P. 556; DBFP. 2nd ser. Vol. 19. Doc. 96. P. 151.
- ¹⁵¹ АВП РФ. Ф. 0136. Оп. 21. П. 169. Д. 837. Л. 12.
- ¹⁵² Там же. Ф. 069. Оп. 21. П. 62. Д. 4.
- ¹⁵³ Там же. Ф. 069. Оп. 21. П. 62. Д. 4. Л. 104–105.
- ¹⁵⁴ Там же. Ф. 082. Оп. 20. П. 86. Д. 4. Л. 134.
- ¹⁵⁵ Там же. Ф. 69. Оп. 27. Д. 28. Л. 56–57.
- ¹⁵⁶ DGFP. Ser. D. Vol. 3. Doc. 441. P. 465: Временный поверенный в делах в Великобритании Верманн – министру иностранных дел Германии Нейрату. 17 октября 1937 г.
- ¹⁵⁷ ДВП СССР. Т. 20. С. 552–554; *Майский И.М.* Воспоминания советского посла. Т. 2. М., 1964. С. 403.
- ¹⁵⁸ АВП РФ. Ф. 05. Оп. 16. Д. 62. Л. 74.
- ¹⁵⁹ DBFP. 2nd ser. Vol. 19. Doc. 271. P. 444.
- ¹⁶⁰ ДВП СССР. Т. 20. С. 574, 578–579; DBFP. 2nd ser. Vol. 19. Doc. 272. P. 445.
- ¹⁶¹ ДВП СССР. Т.20. С. 573–574.
- ¹⁶² Там же. С. 563; DBFP. 2nd ser. Vol. 19. Doc. 292. P. 469.
- ¹⁶³ АВП РФ. Ф. 69. Оп. 27. Д. 23. Л. 87–88.
- ¹⁶⁴ Там же. Ф. 011. Оп. 1. Д. 38. Л. 135.
- ¹⁶⁵ Там же. Л. 132.
- ¹⁶⁶ Там же. Ф. 097. Оп. 13. П. 103. Д. 22. Л. 11–12.
- ¹⁶⁷ Там же. Л. 12.
- ¹⁶⁸ Там же. Ф. 05. Оп. 18. Д. 85. Л. 25.
- ¹⁶⁹ Там же. Ф. 011. Оп. 2. Д. 227. Л. 64.
- ¹⁷⁰ Там же. Д. 63. Л. 26.
- ¹⁷¹ Там же. Ф. 05. Оп. 18. Д. 84. Л. 6.
- ¹⁷² Там же. Ф. 69. Оп. 27. Д. 36, 37.
- ¹⁷³ ДВП СССР. Т. 21. С. 291–295; Примеч. 76. С. 715.
- ¹⁷⁴ Там же. С. 338–339; Прим. 92–93. С. 720–721.
- ¹⁷⁵ АВП РФ. Ф. 011. Оп. 2. Д. 206. Л. 203.
- ¹⁷⁶ Там же. Л. 217–218; Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Европа. Решения “Особой папки”. С. 360–361.

- 177 АВП РФ. Ф. 011. Оп. 2. П. 17. Д. 165. Л. 132.
 178 Там же. Л. 137.
 179 Там же. Оп. 2. Д. 227. Л. 35, 63.
 180 Там же. Л. 63, 35.
 181 Там же. Оп. 2. Д. 63. Л. 31–32.
 182 ДВП СССР. Т. 21. С. 472.
 183 АВП РФ. Ф. 097. Оп. 13. Д. 22. Л. 5–6.
 184 Там же. Ф. 069. Оп. 22. Д. 6. Л. 11.
 185 Там же. Л. 12–16.
 186 The Times. 1938. 20 Nov.
 187 АВП РФ. Ф. 011. Оп. 2. Д. 227. Л. 62–63.
 188 Там же. Ф. 06. Оп. 1. Д. 103. Л. 26.
 189 Там же. Ф. 05. Оп. 18. Д. 84. Л. 5.
 190 Там же. Ф. 097. Оп. 13. Д. 43. Л. 8.
 191 Там же. Ф. 011. Оп. 2. Д. 165. Л. 203.
 192 Там же. Ф. 082. Оп. 21. Д. 4. Л. 276.
 193 Чему свидетели мы были... Переписка бывших царских дипломатов 1934–1940: Сб. документов. Кн. 2. С. 543.
 194 АВП РФ. Ф. 69. Оп. 28. Д. 48. Л. 15–17.
 195 Там же. Ф. 06. Оп. 1. П. 10. Д. 103. Л. 35.
 196 Puzzo D. Spain and Great Powers. 1936–1941. N.Y., 1961. P. 195.

Глава 3

- ¹ Taylor A.J.P. The Origins of the Second World War. N.Y., 1961. P. 118.
² Подробнее см.: Испанцы и русские. Миссия Испании // Шубарт В. Россия и душа Востока. М., 1997. С. 257–270; Сухарев В., Сухарев М. Психология народов и наций. Донецк, 1997. С. 334–344. Как писал Шубарт, “Европа думает, что вправе смеяться над отсталой Испанией, как и над отсталой Россией. Эти характеристики, вменяемые как недостаток, когда-нибудь еще сделают честь обеим странам” (Указ. соч. С. 259).
³ АВП РФ. Ф. 069. Оп. 20. П. 60. Д. 4. Л. 49–50.
⁴ DBFP. 2nd ser. Vol. 17. Doc. 193. P. 262–263.
⁵ Bowers C.G. My Mission to Spain. Watching the Rehearsal for World War II. N.Y., 1954. P. 319.
⁶ DBFP. 2nd ser. Vol. 18. Doc. 298. P. 439.
⁷ АВП РФ. Ф. 010. Оп. 11. П. 71. Д. 53. Л. 102: Полпред в Испании М.И. Розенберг – зам. наркома иностранных дел Н.Н. Крестинскому. 26 сентября 1936 г.
⁸ DBFP. 2nd ser. Vol. 17. Doc. 84. P.90–91; Paris-Soir. 1936. 18 Aug.; АВП РФ. Ф. 05. Оп. 16. П. 119. Л. 18.
⁹ Глушков А.Е. Роль нацистской пропаганды в подготовке и проведении агрессивных актов фашистской Германии в Европе в 1936–1939 гг.: автореф. ... канд. ист. наук. Томск, 1969. С. 10.
¹⁰ DGFP. Ser. D. Vol. 3. Doc.7, 9, 11, 30, 32, etc. P. 8, 9, 11–13, 30, 32;
¹¹ DBFP. 2nd ser. Vol. 17. Doc. 92. P. 98–99; The Times. 1936. Aug. 17.
¹² Berliner Börsen-Zeitung. 1936. 22 Oct.; Le Peuple, Le Figaro, L’Homme Libre. 1936. 10 Oct; АВП РФ. Ф. 0136. Оп. 20. П. 167. Д. 828. Л. 64.
¹³ Daily Telegraph. 1936. 11, 12 Oct.; The Times. 1936. 8, 11 Oct; Daily Express. 1936. 8, 10, 11 Oct; Daily Mail. 1936. 8, 11 Oct; Morning Post. 1936. 8 Oct.
¹⁴ The Times. 1936. 16 Oct; Daily Telegraph. 1936. 28, 30 Oct; L’Ami du Peuple. 1936. 29 Oct.

- ¹⁵ Les Jours, L'Echo du Paris, Le Figaro, Acción Française. 1936. 10, 11 Oct.; АВП РФ. Ф. 010. Оп. 11. П. 71. Д. 55. Л. 48.
- ¹⁶ АВП РФ. Ф. 010. Оп. 11. П. 71. Д. 55. Л. 32.
- ¹⁷ Там же. Л. 29, 26.
- ¹⁸ Les Jours. 1936. 29 Oct.
- ¹⁹ The Times. 1936. 26 Oct.; La République. 1936. 26 Oct.; АВП РФ. Ф. 010. Оп. 11. П. 71. Д. 55. Л. 165–167.
- ²⁰ L'Echo de Paris. 1936. 24 Oct; Le Figaro. 1936. 24 Oct.
- ²¹ АВП РФ. Ф. 010. Оп. 11. П. 71. Д. 55. Л. 128–129, 94, 134.
- ²² Известия. 1937. 8, 9 янв.
- ²³ АВП РФ. Ф. 0136. Оп. 21. П. 169. Д. 837. Л. 12.
- ²⁴ Там же. Ф. 011. Оп. 1. П. 4. Д. 35. Л. 51.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ DBFP. 2nd ser. Vol. 18. Doc. 345. P. 524.
- ²⁷ АВП РФ. Ф. 69. Оп. 25. П. 79. Д. 2. Л. 160–161.
- ²⁸ Regime fascista. 1937. 24 Maggio.
- ²⁹ Глушков А.Е. Антиреспубликанская пропаганда в прессе гитлеровской Германии в связи с началом гражданской войны в Испании в 1936 г. // Тр. Томского ун-та. Омск, 1973. Т. 222. С. 48.
- ³⁰ Eden A. Facing the Dictators. Boston, 1962. P. 650.
- ³¹ АВП РФ. Ф. 011. Оп. 1. П. 4. Д. 35. Л. 7; Ф.069. Оп. 21. П. 62. Д. 4. Л. 54–55; ГАРФ. Ф. Р-4459. Оп. 13. Д. 159. Л. 147.
- ³² Voce d'Italia. 1937. 21 Febbraio; DBFP. 2nd ser. Vol. 18. Doc. 197. P. 274–275.
- ³³ АВП РФ. Ф. 069. Оп. 21. П. 62. Д. 4. Л. 54–55; Ф. 098. Оп. 21. Д. 5. Л. 12.
- ³⁴ DBFP. 2nd ser. Vol. 18. Doc. 295. P. 433.
- ³⁵ 1937. 15 March.
- ³⁶ DBFP. 2nd ser. Vol. 18. Doc. 295. P. 433. Doc. 343.
- ³⁷ АВП РФ. Ф. 011. Оп. 1. П. 4. Д. 35. Л. 52.
- ³⁸ Там же. Ф. 098. Оп. 21. П. 26-а. Д. 5. Л. 42.
- ³⁹ Там же. Ф. 069. Оп. 25. П. 81. Д. 11. Л. 37.
- ⁴⁰ Там же. Оп. 21. П. 62. Д. 4. Л. 5. Л. 56.
- ⁴¹ Morning Post 1937. 22 March.
- ⁴² Whealey R.H. Hitler and Spain. The Nazi Role in the Spanish Civil War, 1936–1939. Lexington, 1989. P. 34.
- ⁴³ АВП РФ. Ф. 098. Оп. 21. П. 26-а. Д. 5. Л. 46.
- ⁴⁴ Popolo d'Italia. 1937. 30 Giugno; 1, 2 Iuglio; DBFP. 2nd ser. Vol. 19. Doc. 7, 12. P. 11, 19.
- ⁴⁵ Popolo d'Italia. 1937. 1 Iuglio.
- ⁴⁶ Regime fascista. 1937. 25 Giugno.
- ⁴⁷ Il Giornale d'Italia. 1937. 24 Giugno; 2 Iuglio; Voce d'Italia. 1937. 4 Iuglio.
- ⁴⁸ АВП РФ. Ф. 011. Оп. 1. П. 4. Д. 35. Л. 121.
- ⁴⁹ DBFP. 2nd ser. Vol. 19. Doc. 12. P.19.
- ⁵⁰ АВП РФ. Ф. 011. Оп. 1. П. 4. Д. 35. Л. 130–131.
- ⁵¹ DBFP. 2nd ser. Vol. 19. P. 188–189; Иден – Ингрэму, 25 августа 1937 г.
- ⁵² News Chronicle, Daily Herald. 1937. 13, 16 Sept.
- ⁵³ Daily Telegraph, Manchester Guardian. 1937. 13 Sept.
- ⁵⁴ ЦГАОР. Ф. Р-4459. Оп. 12. Д. 1. Л. 157.
- ⁵⁵ Там же. Д. 5. Л. 32.
- ⁵⁶ DBFP. 2nd ser. Vol. 19. Doc. 405. P.702–703.
- ⁵⁷ Ibid. Doc. 267. P. 436–437.
- ⁵⁸ Ibid. Ap.1. P.1138.
- ⁵⁹ АВП РФ. Ф. 69. Оп. 25. П. 81. Д. 11. Л. 36.

- ⁶⁰ Там же. Ф. 011. Оп. 2. П. 17. Д. 165. Л. 133.
- ⁶¹ News Chronicle. 1939. 16 Jan.
- ⁶² Daily Herald. 1939. 20 Jan.
- ⁶³ Völskischer Beobachter. 1936. 7, 9, 14 Aug.; Berliner Börsen-Zeitung. 1936. 5 Sept., etc.
- ⁶⁴ АВП РФ. Ф. 011. Оп. 1. П. 435. Д. Л.5.
- ⁶⁵ Там же. Л. 206.
- ⁶⁶ Там же. Ф. 082. Оп. 20. П. 86. Д. 4. Л. 26.
- ⁶⁷ Там же. Оп. 2. П. 17. Д. 165. Л. 2.
- ⁶⁸ Times. 1936. 24 Oct.
- ⁶⁹ АВП РФ. Ф. 011. Оп. 2. П. 17. Д. 165. Л. 228–229.
- ⁷⁰ Там же. Ф. 69. Оп. 28. П. 98. Д. 24. Л. 5.
- ⁷¹ Там же. Ф. 011. Оп. 2. П. 17. Д. 165. Л. 145.
- ⁷² Там же. Ф. 069. Оп. 22. П. 4. Д. 6. Л. 12.
- ⁷³ Там же. Ф. 05. Оп. 17. П. 131. Д. 49. Л. 78.
- ⁷⁴ Там же. Ф. 082. Оп. 20. П. 86. Д. 4. Л. 27.
- ⁷⁵ Там же. Ф. 011. Оп. 1. П. 4. Д. 35. Л. 51.
- ⁷⁶ Там же. Ф. 082. Оп. 20. П. 86. Д. 4. Л. 98.
- ⁷⁷ Там же. Ф. 011. Оп. 1. П. 4. Д. 35. Л. 228.
- ⁷⁸ Там же. Оп. 2. П. 17. Д. 165. Л. 163.
- ⁷⁹ DBFP. 2nd ser. Vol. 17. Doc. 278. P. 378, 389, 393.
- ⁸⁰ АВП РФ. Ф. 010. Оп. 11. П. 71. Д. 55. Л. 46.
- ⁸¹ *Майский И.М.* Указ. соч. С. 305; DBFP. 2nd ser. Vol. 18. P. 714–716: Заключение 50-го заседания Подкомитета при Председателе Комитета по невмешательству в дела Испании, 7 мая 1937 г.
- ⁸² ДВП СССР. Т. 20. С. 143.
- ⁸³ The Times. 1937. 24 March; DBFP. 2nd ser. Vol. 8. Doc. 339, note 1. P. 516–517.
- ⁸⁴ АВП РФ. Ф. 010. Оп. 11. П. 71. Д. 55. Л. 248.
- ⁸⁵ Там же. Ф. 05. Оп. 18. П. 144. Д. 85. Л. 1–3.
- ⁸⁶ Там же. Л. 26.
- ⁸⁷ Там же. Ф. 010. Оп. 11. П. 71. Д. 55. Л. 26–269; Ф. 069. Оп. 20. П. 60. Д. 9. Л. 75–76, 87; Ф.05. Оп. 16. П. 119. Д. 64. Л. 33–37; Ф. 098. Оп. 20. П. 26. Д. 3. Л. 16.
- ⁸⁸ Там же. Ф. 069. Оп. 20. П. 60. Д. 9. Л. 89.
- ⁸⁹ Там же. Ф. 097. Оп. 11. П. 102. Д. 14. Л. 171; Ф.069. Оп. 20. П. 60. Д. 9. Л. 62 и др.
- ⁹⁰ Там же. Ф. 069. Оп. 21. П. 62. Д. 8. Л. 104; Ф. 098. Оп. 19. П. 141. Д. 658. Л. 16.
- ⁹¹ Там же. Ф. 69. Оп. 27. П. 87. Д. 27. Л. 3–8; Ф. 069. Оп. 20. П. 60. Д. 9. Л. 55, 62; Ф. 097. Оп. 11. П. 102. Д. 15. Л. 1; Д.14. Л. 171; Ф. 011. Оп. 2. П. 17. Д. 165. Л. 145; Ф. 010. Оп. 11. П. 71. Д. 54. Л. 43,44 и др.
- ⁹² Там же. Ф. 69. Оп. 27. П. 87. Д. 27. Л. 5.
- ⁹³ АВП РФ. Ф. 069. Оп. 21. П. 62. Д. 8. Л. 103–104.
- ⁹⁴ Там же. Ф. 011. Оп. 2. П. 17. Д. 165. Л. 106: Литвинов М.М. – Сурицу Я.З., 17 апреля 1938 г. Название газеты в документе отсутствует.
- ⁹⁵ *Меленберг А., Максименков Л.* Позолоти ручки // Новая газета. 2007. 18 окт.
- ⁹⁶ АВП РФ Ф. 069. Оп. 20. П. 60. Д. 4. Л. 14: Дневник И.М. Майского. Разговор с Ванситтаргом 30 июня 1936 г.
- ⁹⁷ ГАРФ. Ф. Р-4459. Оп. 13. Д. 198. Л. 23.
- ⁹⁸ *Wolfers A.* Britain and France between Two Wars. *Conflicting Strategies of Peace since Versailles.* N.Y., 1940. P. 304.
- ⁹⁹ АВП РФ. Ф. 069. Оп. 20. П. 60. Д. 4. Л. 70.
- ¹⁰⁰ Там же. Л. 29.

- ¹⁰¹ Цит. по: Глушков А.Е. Антиреспубликанская пропаганда в прессе гитлеровской Германии в связи с началом гражданской войны в Испании в 1936 г. С. 42.
- ¹⁰² Daily Mail. 1936. 27 July, 18 Aug.; The Contemporary Review. 1936. Nov. N 851. P. 617; The Observer. 1936. 25 Oct; 1 Nov; L'Echo de Paris. 1936. 25 Oct.
- ¹⁰³ The Observer. 1936. 9 Aug.; The Times. 1936. 23, 24, 25 Jul., 1 Aug.
- ¹⁰⁴ Daily Mail. 1936. 8 Aug.; Daily Telegraph. 1936. 10 Aug.
- ¹⁰⁵ АВП РФ. Ф. 098. Оп. 19. П. 141. Д. 658. Л. 40, 41.
- ¹⁰⁶ The Contemporary Review. 1936. Nov. N 851. P. 617.
- ¹⁰⁷ Parliamentary Debates. House of Commons. Vol. 316. Col. 318.
- ¹⁰⁸ См.: International Affairs. 1937. Vol. 16. N 3. P. 412; The Contemporary Review. 1937. Jan. N 853. P. 109; The Observer. 1937. 17 Jan.
- ¹⁰⁹ The Observer. 1937. 3 Jan.; Contemporary Review. 1937. Jan. N 853; The Army Quarterly. 1939. Vol. 37, N.2. P. 313, 320, etc.
- ¹¹⁰ The Observer. 1936. 6 Sept.; Deutsche Allgemeine Zeitung. 1936. 4 Okt.
- ¹¹¹ La Gazzetta del Popolo. 1936. 12 Dicembre.
- ¹¹² Tribuna. 1936. 12 Ottobre.
- ¹¹³ Völkischer Beobachter. 1936. 12 Okt.; Berliner Tageblatt. 1937. 1 Januar; Tribuna. 1936. 18 Ottobre; Le Petit Parisien. 1936. 20 Décembre; АВП РФ. Ф. 010. Оп. 11. П. 71. Д. 55. Л. 120–121;
- ¹¹⁴ Daily Telegraph. 1936. 9 Nov.; Liberté. 1936. 1 Nov.; Les Jours. 1936. 20 Oct.; Völkischer Beobachter. 1936. 3 Okt, 3, 20 Nov.; Berliner Börsen-Zeitung. 1936. 22 Okt, 14 Nov.; Frankfurter Zeitung. 1936. 20 Nov.; АВП РФ. Ф. 098. Оп. 19. П. 141. Д. 658. Л. 37–38.
- ¹¹⁵ Wiener Neueste Nachrichten. 1936. 26 Okt.
- ¹¹⁶ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 201. Л. 186.
- ¹¹⁷ АВП РФ. Ф. 010. Оп. 11. П. 71. Д. 55. Л. 119.
- ¹¹⁸ Il Giornale d'Italia. 1936. 31 Ottobre; Völkischer Beobachter. 1936. 19 Nov.
- ¹¹⁹ АВП РФ. Ф. 098. Оп. 19. П. 141. Д. 658. Л. 32, 28.
- ¹²⁰ ДВП СССР. Т.19. С. 394–395, 417, 595–596, 605–606, 609–610; АВП РФ. Ф. 098. Оп. 19. П. 141. Д. 658. Л. 3–38.
- ¹²¹ Daily Mail. 1936. 8 Oct.; Evening Standard. 1936. 8 Oct.; Puzzo D.A. Op. cit. P. 182.
- ¹²² Völkischer Beobachter. 1936. 24 Okt.; Tribuna. 1936. 27 Dicembre.
- ¹²³ Tribuna, Daily Express. 1936. 24 Oct.
- ¹²⁴ АВП РФ. Ф. 010. Оп. 11. П. 71. Д. 55. Л. 132.
- ¹²⁵ Le Figaro, Le Matin. 1936. 20 Oct.
- ¹²⁶ La Gazzetta del Popolo, Tribuna. 1936. 20 Ottobre.
- ¹²⁷ Le Matin, La Gazzetta del Popolo. 1936. 17 Ottobre; АВП РФ. Ф. 010. Оп. 11. П. 71. Д. 55. Л. 163.
- ¹²⁸ The Observer. 1936. 25 Oct.
- ¹²⁹ АВП РФ. Ф. 010. Оп. 11. П. 71. Д. 55. Л. 242–243.
- ¹³⁰ Там же. Л. 264. Сводка материалов о невмешательстве в Испанию № 53, 19 ноября 1936 г.
- ¹³¹ Там же. Ф. 098. Оп. 19. П. 141. Д. 658. Л. 3.
- ¹³² Там же. Ф. 010. Оп. 11. П. 71. Д. 54. Л. 53.
- ¹³³ DBFP. 2nd ser. Vol. 17. P. 590.
- ¹³⁴ Völkischer Beobachter. 1936. 7–24 Sept.
- ¹³⁵ АВП РФ. Ф. 098. Оп. 19. П. 141. Д. 658. Л. 32.
- ¹³⁶ DBFP. 2nd ser. Vol. 17. P. 480.
- ¹³⁷ The Times. 1936. 23 Oct.
- ¹³⁸ DBFP. Vol. 18. Doc. 34. P. 52: Записка м-ра Сэрджента о советской политике по отношению к Испании, 8 января 1937 г.; Ibid. Doc. 34. Note 1. P. 53.

- ¹³⁹ Ibid. Annex to Doc. 34. P. 53.
- ¹⁴⁰ The Times. 1936. 10 Dec; DBFP. 2nd ser. Vol. 17. P. 702.
- ¹⁴¹ DBFP. 2nd ser. Vol. 18. P. 12; Deutsche Allgemeine Zeitung. 1936. 14 Okt.
- ¹⁴² АВП РФ. Ф. 098. Оп. 19. П. 141. Д. 658. Л. 5.
- ¹⁴³ Там же. Ф. 010. Оп. 11. П. 71. Д. 55. Л. 259.
- ¹⁴⁴ *Dzelepy E.N.* Britain in Spain. A. Study of the National Government's Spanish Policy. L., 1949. P. 43.
- ¹⁴⁵ FRUS. Diplomatic Papers. 1936. Vol. II. P. 603.
- ¹⁴⁶ Sunday Times. 1936. 13 Oct; АВП РФ. Ф. 010. Оп. 1. П. 71. Д. 55. Л. 60.
- ¹⁴⁷ The Observer. 1936. 11 Oct.
- ¹⁴⁸ АВП РФ. Ф. 010. Оп. 11. П. 71. Д. 55. Л. 65.
- ¹⁴⁹ Там же. Ф. 098. Оп. 19. П. 141. Д. 658. Л. 3,4, 9, 12, 20–21, 35–38; Оп. 21. Д. 5. П. 26а. Л. 17–21, 42–52.
- ¹⁵⁰ La Gazzetta del Popolo. 1937. 1 Diugno; АВП РФ. Ф. 098. Оп. 21. П. 26а. Д. 5. Л. 17–19.
- ¹⁵¹ АВП РФ. Ф. 098. Оп. 21. П. 26а. Д. 5. Л. 18–19.
- ¹⁵² Там же. Оп. 19. П. 141. Д. 658. Л. 12.
- ¹⁵³ АВП РФ. Ф. 082. Оп. 19. Д. 4. П. 83. Л. 94.
- ¹⁵⁴ Там же. Л. 24.
- ¹⁵⁵ Там же. Оп. 17. П. 131. Д. 49. Л. 33.
- ¹⁵⁶ Там же. Л. 73.
- ¹⁵⁷ Там же. Оп. 18. П. 144. Д. 86. Л. 6–7; Ф. 011. Оп. 2. Д. 205. П. 20. Л. 91.
- ¹⁵⁸ Там же. Оп. 17. П. 131. Д. 49. Л. 32.
- ¹⁵⁹ *Whealey R. H.* Op. cit. P. 32, 36.
- ¹⁶⁰ АВП РФ. Ф. 69. Оп. 27. Д. 29. Л. 101; Evening Standard. 27 Oct. 1936.
- ¹⁶¹ Правда. 1936. 22 дек.
- ¹⁶² АВП РФ. Ф. 069. Оп. 20. П. 60. Д. 4. Л. 12: Дневник И.М. Майского, 1 июля 1936 г.
- ¹⁶³ ДВП СССР. Т.19. С. 431; АВП РФ. Ф. 69. Оп. 24. Д. 5. Л. 128.
- ¹⁶⁴ DBFP. 2nd ser. Vol. 18. Doc. 53. P. 99: Меморандум Гендерсона о британской политике по отношению к Германии, 10 мая 1937; The Political Quarterly. 1937. N 2. P. 258.
- ¹⁶⁵ *Thompson N.* The Anti-Appeasers. Conservative Opposition to Appeasement in the 1930's. Oxford, 1971. P. 125.
- ¹⁶⁶ АВП РФ. Ф. 011. Оп. 2. П. 17. Д. 165. Л. 87.
- ¹⁶⁷ *Little D.* Op. cit. P. 246.
- ¹⁶⁸ DBFP. 2nd ser. Vol. 17. App. 2. P. 782.
- ¹⁶⁹ Ibid. Vol. 18. Doc. 382. Note 4. P. 588.
- ¹⁷⁰ *Blyton W.J.* Anglo-German Future. L., 1939. P. 88.
- ¹⁷¹ *Whealey R. H.* Op. cit. P. 43.

Глава 4

- ¹ Коминтерн и гражданская война в Испании. Документы. М., 2001. Введение. С. 9.
- ² DDF. 2-e sér. Т. III. P., 1966. Doc. 69. P.111.
- ³ Коминтерн и гражданская война в Испании. Документы. С. 123–124, 163–164.
- ⁴ Там же. С. 163.
- ⁵ Там же. С. 163, 177; АВП РФ. Ф. 010. Оп. 11. П. 71. Д. 53. Л. 65–72, 149–152; Д. 54. Л. 5, 10, 40–41, 81; Ф. 05. Оп. 16. П. 119. Д. 62. Л. 64.
- ⁶ АВП РФ. Ф. 010. Оп. 11. П. 71. Д. 54. Л. 9.

- ⁷ Там же. Д. 53. Л. 67, 63–66; Д.54. Л. 47–48, 66; Ф. 097. Оп. 11. П. 102. Д. 14. Л. 12–15; Ф. 05. Оп. 16. П. 119. Д. 62. Л. 64.
- ⁸ Там же. Ф. 010. Оп. 11. П. 71. Д. 53. Л. 151–152, 113, 103.
- ⁹ Коминтерн и гражданская война в Испании. Документы. С. 181.
- ¹⁰ АВП РФ. Ф. 010. Оп. 11. П. 71. Д. 53. Л. 62–63.
- ¹¹ Там же. Л. 149, 152.
- ¹² Там же. Л. 151.
- ¹³ Там же. Ф. 069. Оп. 20. П. 60. Д. 5. Л. 45.
- ¹⁴ Коминтерн и гражданская война в Испании. Документы. С. 135.
- ¹⁵ *Шубин А.В.* Революционная гражданская война: критерии типологии // Европейские сравнительно-исторические исследования / ИВИ. РАН. М. 2006. Вып. 2: География и политика. С. 258.
- ¹⁶ DBFP. 2nd Ser. Vol. XVII. P. 30.
- ¹⁷ DDF. 2-e sér. T. III. P. 52.
- ¹⁸ Ibid. № 33. P. 98; Doc. 36. P. 111.
- ¹⁹ International Military Tribunal. Nuremberg. Vol. IX. Nuremberg, 1948. P. 280–281.
- ²⁰ *Whealey R.H.* Hitler and Spain. The Nazi Role in the Spanish Civil War, 1936–1939. Lexington, 1989. P. 8.
- ²¹ Гудок. 1936. 22 сент.
- ²² *Merkes M.* Die deutsche Politics im Spanischen Bürgerkrieg 1936–1939, Bonn, 1969. P. 29.
- ²³ АВП РФ. Ф. 69. Оп. 27. П. 86. Д. 23. Л. 36; DGFP. Ser. D. Vol. 3. P. 58; АВП РФ. Ф. 069. Оп. 21. П. 62. Д. 8. Л. 109; New York Times. 1936. 13 Aug.; Times. 1936. 13 Aug.; Daily Express. 1936. 13 Aug.; News Chronicle. 1936. 28 Aug., etc.
- ²⁴ АВП РФ. Ф. 69. Оп. 27. П. 86. Д. 23. Л. 36; DGFP. Ser. D. Vol. 3. P. 58.
- ²⁵ АВП РФ. Ф. 069. Оп. 21. П. 62. Д. 8. Л. 109, 111; Ф. 69. Оп. 27. П. 86. Д. 23. Л. 7; *Proctor R.* Hitler's Luftwaffe in the Spanish Civil War. L., 1983. P. 275; *Whealey R.H.* Op. cit. P. 102.
- ²⁶ *Грин В.* Боевые самолеты Третьего рейха / Пер. с англ.: В 5 ч. М., 1995. Ч. 5. С. 286.
- ²⁷ *Proctor R.* Op. cit. P. 253: Данные автора взяты из доклада Главного штаба легиона Кондор.
- ²⁸ АВП РФ. Ф. 082. Оп. 21. П. 89. Д. 4. Л. 19.
- ²⁹ DBFP. 3rd ser. Vol. 1. Doc. 507. P. 580.
- ³⁰ АВП РФ. Ф. 011. Оп. 1. П. 4. Д. 37. Л. 5.
- ³¹ Там же. Ф. 069. Оп. 21. П. 62. Д. 4. Л. 86.
- ³² *Preston P.* Mussolini's Spanish Adventure: From Limited Risk to War // The Republic Besieged: Civil War in Spain 1936–1939 / Ed. P. Preston, A.L. Mackenzie. Edinburgh, 1996. P. 22–43.
- ³³ *Coverdale J.* Italian Intervention in the Spanish Civil War. Princeton, 1975. P. 31–84, 388–390; *Preston P.* Op. cit. P. 22.
- ³⁴ АВП РФ. Ф. 98. Оп. 20. П. 26. Д. 7. Л. 95.
- ³⁵ Там же. Ф. 098. Оп. 20. П. 26. Д. 3. Л. 7.
- ³⁶ Там же. Д. 7. Л. 91.
- ³⁷ *Alpert M.* Op. cit. P. 88.
- ³⁸ АВП РФ. Ф. 082. Оп. 19. П. 141. Д. 658. Л. 217; Там же. Ф. 069. Оп. 21. П. 62. Д. 8. Л. 109, 11–113; Ф. 69. Оп. 27. П. 86. Д. 23. Л. 20, 22–23.
- ³⁹ Там же. Ф. 098. Оп. 20. П. 26. Д. 7. Л. 75.
- ⁴⁰ Там же. Ф. 69. Оп. 27. П. 86. Д. 23. Л. 26–27.
- ⁴¹ Там же. Ф. 097. Оп. 13. П. 103. Д. 27. Л. 1; Ф. 05. Оп. 17. П. 131. Д. 54. Л. 17; Ф. 011. Оп. 1. П. 4. Д. 35. Л. 133.

- ⁴² Там же. Ф. 098. Оп. 21. П. 26а. Д. 5. Л. 15.
- ⁴³ Там же. Ф. 011. Оп. 1. П. 4. Д. 35. Л. 21.
- ⁴⁴ Там же. Л. 14.
- ⁴⁵ Там же. Ф. 098. Оп. 21. П. 26а. Д. 5. Л. 55.
- ⁴⁶ Там же. Л. 203.
- ⁴⁷ Documents on the Italian Intervention in Spain. L. 1937. P. 5.
- ⁴⁸ *Alpert M.* Op. cit. P. 393.
- ⁴⁹ АВП РФ. Ф. 098. Оп. 21. П. 26а. Д. 5. Л. 15; Documents on the Italian Intervention in Spain. P. 7, 57, 64.
- ⁵⁰ Там же. Ф. 097. Оп. 13. П. 103. Д. 24. Л. 9; Ф. 098. Оп. 21. П. 26а. Д. 5. Л. 52.
- ⁵¹ Там же. Ф. 05. Оп. 17. П. 131. Д. 54. Л. 17.
- ⁵² Там же. Ф. 011. Оп. 1. П. 4. Д. 35. Л. 133.
- ⁵³ Там же. Ф. 098. Оп. 21. П. 26а. Д. 5. Л. 14–15, 52, 22.
- ⁵⁴ Документы германской внешней политики. М., 1946. С. 31.
- ⁵⁵ АВП РФ. Ф. 082. Оп. 21. П. 89. Д. 4. Л. 23–24.
- ⁵⁶ Там же. Ф. 011. Оп. 1. П. 4. Д. 35. Л. 188–189.
- ⁵⁷ *Alpert M.* Op. cit. P. 395.
- ⁵⁸ АВП РФ. Ф. 010. Оп. 11. П. 71. Д. 53. Л. 103.
- ⁵⁹ Там же. Л. 113.
- ⁶⁰ Там же.
- ⁶¹ 4 сентября 1936 г. М. Литвинов писал М. Розенбергу: “Мы считаем, конечно, необходимым, чтобы правительство сохранило характер национальной обороны и возглавлялось радикалами, которые должны составлять большинство в правительстве, но это дело испанских партий” // АВП РФ. Ф. 010. Оп. 11. П. 71. Д. 53. Л. 58.
- ⁶² Там же. Л. 71–72.
- ⁶³ Там же. Ф. 0136. Оп. 20. П. 167. Д. 228. Л. 37.
- ⁶⁴ Там же. Ф. 010. Оп. 11. П. 71. Д. 54. Л. 7.
- ⁶⁵ Там же. Л. 4, 6, 10, 40; Ф. 05. Оп. 17. П. 131. Д. 49. Л. 33 и т. д.
- ⁶⁶ Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б). Повестки дня заседаний. Каталог. Т. 2. М., 2001. С. 808.
- ⁶⁷ Daily Herald. 1936. 9 Sept.
- ⁶⁸ АВП РФ. Ф. 069. Оп. 20. П. 60. Д. 4. Л. 71.
- ⁶⁹ *Рыбалкин Ю.* Операция “X”. Советская помощь республиканской Испании (1936–1939). М., 2000. С. 43–45.
- ⁷⁰ АВП РФ. Ф. 011. Оп. 1. П. 4. Д. 37. Л. 32.
- ⁷¹ Там же. Ф. 06. Оп. 1. П. 10. Д. 103. Л. 8: Марченко -- наркоминдел СССР Литвинову, 16 января 1939 г.; Л. 10–11.
- ⁷² Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Европа. М., 2001. Док. 247. Примеч. 1. С. 342; *Рыбалкин Ю.* Операция “X”... С. 125; *Он же.* Тайный путь “золотого каравана” // Аргументы и факты. 1996. № 14. С. 7.
- ⁷³ Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б). Повестки дня заседаний. Каталог. Т. 2. С. 796; АВП РФ. Ф. 097. Оп. 11. П. 102. Д. 14. Л. 116.
- ⁷⁴ Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б). Повестки дня заседаний. Т. 2. С. 807, 815.
- ⁷⁵ АВП Ф. 05. Оп. 17. П. 131. Д. 53. Л. 9–10; Ф. 011. Оп. 1. П. 4. Д. 38. Л. 81–88.
- ⁷⁶ Там же. Ф. 011. Оп. 1. П. 4. Д. 38. Л. 41.
- ⁷⁷ Там же. Л. 79.
- ⁷⁸ Там же. Л. 78.
- ⁷⁹ Там же. Л. 77–78.
- ⁸⁰ Там же. Оп. 2. П. 21. Д. 227. Л. 42.
- ⁸¹ Там же. Ф. 05. Оп. 18. П. 144. Д. 84. Л. 1.

- ⁸² Рыбалкин Ю. Указ. соч. С. 99.
- ⁸³ АВП РФ. Ф. 05. Оп. 17. П. 131. Д. 51. Л. 11.
- ⁸⁴ Там же. Л. 3.
- ⁸⁵ Там же. Ф. 011. Оп. 2. П. 20. Д. 205. Л. 98. Запись беседы Потемкина В.П. с испанским послом Паскуа, 8 марта 1938 г.
- ⁸⁶ Там же. Ф. 097. Оп. 13. П. 103. Д. 22. Л. 9: Из дневника В.П. Потемкина. Беседа с испанским послом Паскуа, 10 февраля 1938.
- ⁸⁷ Там же. Ф. 011. Оп. 2. П. 20. Д. 205. Л. 57–58.
- ⁸⁸ Там же. Ф. 06. Оп. 1. П. 10. Д. 103. Л. 29.
- ⁸⁹ Там же. Ф. 010. Оп. 11. П. 71. Д. 54. Л. 80.
- ⁹⁰ Там же. Л. 74.
- ⁹¹ Там же. Ф. 06. Оп. 1. П. 10. Д. 103. Л. 57.
- ⁹² Коминтерн и гражданская война в Испании. С. 167, 203, 207–208 и т.д.
- ⁹³ Подробнее см.: Рыбалкин Ю. Операция “X”. С. 48–64.
- ⁹⁴ Там же. С. 55.
- ⁹⁵ АВП РФ. Ф. 05. Оп. 17. П. 131. Д. 50. Л. 15.
- ⁹⁶ Рыбалкин Ю. Указ. соч. С. 64.
- ⁹⁷ Там же. С. 77; Гриф секретности снят. Потери вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: статистическое исследование / Под общ. ред. Г.Ф. Кривошеева. М., 1993. С. 168; *Лустер Э.* Наша война. N.Y., 1977. С. 295; DGFP. Ser. D. Vol. 3. Doc. 783. P. 892–894.; *Coverdale J.* Op. cit. P. 392–393; *Thomas H.* The Spanish Civil War. P. 977–979; *Proctor R.L.* Op.cit. P. 253; *Whealey R.H.* Op. cit. P. 102–103; *Idem.* Foreign Intervention in the Spanish Civil War // The Republic and the Civil War in Spain / Ed. P. Carr. L., 1971. P. 219, 232.
- ⁹⁸ Рыбалкин Ю. Указ. соч. С. 44.
- ⁹⁹ *Preston P.* Op. cit. P. 22.
- ¹⁰⁰ *Coverdale J.* Op. cit. P. 393; *Whealey R.H.* Hitler and Spain. P. 103; Рыбалкин Ю. Указ. соч. С. 44.
- ¹⁰¹ Гриф секретности снят. С. 69; Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил: статистическое исследование / Под ред. Г.Ф. Кривошеева. М., 2001. С. 164–167; Рыбалкин Ю. Указ. соч. С. 44–46.
- ¹⁰² *Alpert M.* Op. cit. P. 171.
- ¹⁰³ *Ciano's Papers.* P. 144.
- ¹⁰⁴ АВП РФ. Ф. 011. Оп. 1. П. 4. Д. 35. Л. 188, 205.
- ¹⁰⁵ *Coverdale J.* Op. cit. P.393.
- ¹⁰⁶ *Ibid.* P. 392–393, notes; DGFP. Ser. D. Vol. 3. P. 783; *Whealey R.H.* How Franco Financed the War // Spain in Conflict. L., 1986. P. 248 – 251.
- ¹⁰⁷ Подробнее см.: Рыбалкин Ю. Указ. соч. С. 44–48.
- ¹⁰⁸ *Шубин А.В.* Op. cit. С. 242.
- ¹⁰⁹ Например: АВП РФ. Ф. 05. Оп. 17. П. 131. Д. 51. Л. 10–11, Д. 54. Л. 17; Ф. 011. Оп. 1. П. 4. Д. 35. Л. 133, 188–189. Д. 37. Л. 5; Ф.069. Оп. 20. П. 60. Д. 5. Л. 44–45; Ф. 082. Оп. 21. П. 89. Д. 4. Л. 19, 83; Ф. 097. Оп. 13. Д. 27. Л. 1; Documents on the Italian Intervention in Spain. P. 3, 7, 32–34, 87–92; DBFP. 2nd ser. Vol. 17. Doc. 131, 308, 325, 328, 339, 368, 369, 375, 406; Vol. 18. Doc. 54, 190, 255, 257, 376; Vol. 19. Doc. 11, 12, 3; DBFP. 3rd ser. Vol. 2. Doc. 595, 1093, 1228, etc.
- ¹¹⁰ DBFP. 2nd ser. Vol. 17. Doc. 406. P. 590, etc.
- ¹¹¹ *Ibid.* Vol. 19. Doc. 11. P. 18.
- ¹¹² *Watt D.C.* Soviet Military Aid to the Spanish Republic in the Civil war. 1936–1938 // Der Spanische Burgerkrieg in der internationalen Politick (1936–1939). Munchen, 1976. P. 250.
- ¹¹³ См., например: DBFP. 2nd ser. Vol. 17. Doc. 272. P. 370–372.

- ¹¹⁴ АВП РФ. Ф. 097. Оп. 13. П. 103. Д. 22. Л. 6.
- ¹¹⁵ Там же. Ф. 011. Оп. 2. П. 17. Д. 165. Л. 136.
- ¹¹⁶ Там же. Ф. 082. Оп. 19. П. 83. Д. 4. Л. 151–152.
- ¹¹⁷ *Дашичев В.И.* Стратегия Гитлера – путь к катастрофе, 1933–1945: Ист. очерки, док. и мат.: в 4 т. М., 2005. Т. 1: Подготовка ко Второй мировой войне, 1933–1939. С. 56–57.
- ¹¹⁸ Роль авиации в современной войне в Испании (английские взгляды)//Вестник воздушного флота. 1939. № 3. С. 51.
- ¹¹⁹ Там же. С. 53.
- ¹²⁰ *Якуба Н., Фельдман Ф.* Над Пиренеями // Крылья Родины. 1998. № 1. С. 21–22.
- ¹²¹ *Whealey R.H.* Hitler and Spain. P. 102; *Питкери Ф.* В Испании (июль–август 1936) / Пер. с англ. М., 1936. С. 103.
- ¹²² New York Evening Journal. 1936. 16 Sept.
- ¹²³ Подробнее см.: *Шумихин В.С.* Советская военная авиация. 1917–1941. М., 1986. С. 199–212; *Прокофьев Г.М.* Испанское небо в огне // Под знаменем Испанской республики. М., 1964. С. 483–540; *Дейтон Л.* Вторая мировая война: ошибки, промахи, потери. М., 2000. С. 378.
- ¹²⁴ Роль авиации в современной войне в Испании (английские взгляды). С. 53.
- ¹²⁵ См.: *Запольскис А.А.* Реактивные самолеты Люфтваффе. Минск, 1999. С. 26–27, 30.
- ¹²⁶ Документы Министерства иностранных дел Германии. Вып. 3. М., 1946. С. 23; *Whealey R.H.* Hitler and Spain. P. 105.
- ¹²⁷ ГАРФ. Ф. Р-8433. Оп. 3. Д. 31. Л. 81, 103.
- ¹²⁸ Там же. Л. 130.
- ¹²⁹ Там же. Оп. 4. Д. 249. Л. 1–2.
- ¹³⁰ Там же. Оп. 3. Д. 30. Л. 21; Оп.4. Д. 249. Л. 5, 23, 37–38, 45.
- ¹³¹ Там же. Оп. 3. Д. 31. Л. 49.
- ¹³² Там же. Л. 52.
- ¹³³ Там же. Оп. 2. Д. 121. Л. 1: народный комиссар внутренних дел Н.И. Ежов – председателю Совнаркома СССР В.М. Молотову. 13 ноября 1936.
- ¹³⁴ Там же. Оп. 3. Д. 136. Л. 1, 4, 5; Там же. Д. 31. Л. 76, 78.
- ¹³⁵ Там же. Оп. 2. Д. 121; Оп. 4. Д. 249; Оп.1. Д. 39; Оп. 3. Д. 31, 136.
- ¹³⁶ Там же. Оп. 2. Д. 13. Л. 19–38, 39.
- ¹³⁷ Там же. Оп. 3. Д. 131. Л. 8.
- ¹³⁸ *Рыбалкин Ю.* Указ. соч. С. 119.
- ¹³⁹ *Гагин В.В.* Воздушная война в Испании (1936–1939). Воронеж, 1998. С. 75.
- ¹⁴⁰ New York Evening Journal. 1936. 26 Sept.
- ¹⁴¹ *Wittam J.* The Italian General Staff and the Coming of the Second World War // General Staffs and Diplomacy before the Second World War / Ed. A. Preston. L., 1978. P. 93.
- ¹⁴² *Клотц Г.* Уроки гражданской войны в Испании / Пер. с фр. М., 1938. С. 37–38; Другая война: 1939–1945 / Под общ. ред. Ю.Н. Афанасьева. М., 1996. С. 371.
- ¹⁴³ Подробнее см.: *Шунков В.Н.* Оружие Вермахта. Минск, 2000. С. 305–325.
- ¹⁴⁴ Нюрнбергский процесс: сб. материалов. М., 1997. Т. 2. С. 239.
- ¹⁴⁵ ГАРФ. Ф. Р-8433. Оп. 3. Д. 31. Л. 134.
- ¹⁴⁶ *Рыбалкин Ю.* Указ. соч. С. 117.
- ¹⁴⁷ Другая война... С. 372.
- ¹⁴⁸ ГАРФ. Ф. Р-8418. Оп. 12. Д. 92. Л. 2, 7, 65, 78.
- ¹⁴⁹ Там же. Ф. Р-8433. Оп. 3. Д. 31. Л. 132–133.
- ¹⁵⁰ Там же. Л. 136.

- ¹⁵¹ Там же. Ф. Р-8418. Оп. 12. Д. 92. Л. 2,7, 19, 24, 25,65, 78; Ф. Р-8433. Оп. 3. Д. 31. Л. 17.
- ¹⁵² АВП РФ. Ф. 0136. Оп. 21. П. 170. Д. 846. Л. 9.
- ¹⁵³ Там же. Ф. 011. Оп. 1. П. 7. Д. 73. Л. 5.
- ¹⁵⁴ DBFP. 3rd ser. Vol. 2. Doc. 1093. P. 528–533.
- ¹⁵⁵ АВП РФ. Ф. 011. Оп. 2. П. 17. Д. 165. Л. 181.
- ¹⁵⁶ Там же. Ф. 069. Оп. 20. П. 60. Д. 4. Л. 71.
- ¹⁵⁷ Там же. Ф. 05. Оп. 16. П. 119. Д. 62. Л. 24.
- ¹⁵⁸ DBFP. 2nd Ser. Vol. XVII. P. 438–439.
- ¹⁵⁹ Ibid. P. 587–588.
- ¹⁶⁰ Ibid. P. 588–590.
- ¹⁶¹ АВП РФ. Ф. 069. Оп. 20. П. 60. Д. 4. Л. 71.
- ¹⁶² *Eden A. Facing the Dictators.* P. 547.
- ¹⁶³ *Дейтон Л.* Указ. соч. С. 399.
- ¹⁶⁴ *Eden A.* Op. cit. P. 546.
- ¹⁶⁵ АВП РФ. Ф. 069. Оп. 21. П. 62. Д. 4. Л. 44.
- ¹⁶⁶ Доклад генерал-майора Томаса 24 мая 1939 г. в министерстве иностранных дел // *Дашичев В.И.* Стратегия Гитлера – путь к катастрофе, 1933–1945 Т. 1: Доклад генерал-майора Томаса 24 мая 1939 г. в министерстве иностранных дел. С. 285.
- ¹⁶⁷ Выступление Гитлера на совещании с командованием вермахта 23 ноября 1939 г. // *Нюрнбергский процесс: Сб. материалов.* Т. 2. С. 239.
- ¹⁶⁸ АВП РФ. Ф. 011. Оп. 2. П. 17. Д. 165. Л. 119.
- ¹⁶⁹ ГАРФ. Ф. Р-8433. Оп. 3. Д. 131. Л. 1–2, 124; Оп.3. Д. 30. Л. 17.
- ¹⁷⁰ Там же. Л. 142.
- ¹⁷¹ АВП РФ. Ф. 69. Оп. 28. П. 98. Д. 48. Л. 16.
- ¹⁷² *Нюрнбергский процесс: сб. материалов.* Т. 2. С. 233, 239.
- ¹⁷³ *New York Evening Journal.* 1936. 16 Sept., 17, 21 Oct., 14 Nov., etc.
- ¹⁷⁴ *Дашичев В.И.* Стратегия Гитлера – путь к катастрофе... Т. 1. С. 285.
- ¹⁷⁵ *Miksche F.O. Blitzkrieg.* L., 1941. P. 41.
- ¹⁷⁶ Цит. по: *New York Herald Tribune.* 1936. 19 Sept.
- ¹⁷⁷ АВП РФ. Ф. 082. Оп. 20. П. 86. Д. 4. Л. 56.
- ¹⁷⁸ Там же. Л. 105.
- ¹⁷⁹ См.: *Дэу Дж.* Господство в воздухе. Посмертное издание трудов по вопросам воздушной войны / Пер. с ит. М., 1935.
- ¹⁸⁰ *New York Evening Journal.* 1936. 17, 21 Oct.
- ¹⁸¹ *Miksche F.O.* Op. cit. P. 29–30.
- ¹⁸² *Кессельринг А.* Люфтваффе: триумф и поражение. Воспоминания фельдмаршала третьего рейха. 1933–1937. М., 2003. С. 31–32.
- ¹⁸³ *Whealey R.H.* Hitler and Spain. P. 102; *Питкертн Ф.* Указ. соч. С. 103.
- ¹⁸⁴ Роль авиации в современной войне в Испании (английские взгляды). С. 51.
- ¹⁸⁵ DBFP. 2nd Ser. Vol. XVII. Doc. 406. P. 587.
- ¹⁸⁶ *Bond B.* British Military Policy between the Two World Wars. Oxford, 1980. P. 322.
- ¹⁸⁷ *Ciano G.* Op. cit. P. 145.
- ¹⁸⁸ АВП РФ. Ф. 69. Оп. 25. П. 81. Д. 11. Л. 3, 5.
- ¹⁸⁹ Там же. Л. 4–5, 6.
- ¹⁹⁰ АВП РФ. Ф. 69. Оп. 25. П. 81. Д. 11. Л. 3–4; Оп. 28. П. 98. Д. 24. Л. 31.
- ¹⁹¹ DBFP. 2nd Ser. Vol. XVIII. Doc. 32. P. 54.
- ¹⁹² АВП РФ. Ф. 011. Оп. 2. П. 17. Д. 165. Л. 63.
- ¹⁹³ Там же. Ф. 69. Оп. 28. П. 98. Д. 24. Л. 32.
- ¹⁹⁴ *Нюрнбергский процесс: Сб. материалов.* М., 1988. Т. 2. С. 233.

- ¹⁹⁵ Дейтон Л. Указ. соч. С. 381.
- ¹⁹⁶ Клотц Г. Указ. соч. С. 22.
- ¹⁹⁷ Anatomie d'une défaite. Cinq études sur les origines profondes de l'effondrement militaire français, 1919–1939. Lausanne, 1973. P. 141.
- ¹⁹⁸ DDF. 2e sér. T. 5. Doc. 450. P. 770.
- ¹⁹⁹ Клотц Г. Указ. соч. С. 12, 14, 37, 40–42, 49, 51–52; *Miksche F.O.* Op. cit. P. 33.
- ²⁰⁰ Черчилль У.С. Вторая мировая война: В 6 т. / Пер. с англ. М., 1997. Т. 1: Надвигающаяся буря. С. 230.
- ²⁰¹ АВП РФ. Ф. 0136. Оп. 20. П. 167. Д. 828. Л. 174.
- ²⁰² Revue de Monde. 1937. 15 Aug.; *Armengaud R.* Les leçons de la guerre d'Espagne. P., 1937; *Bénazet P.* Défense nationale. P., 1938, etc.
- ²⁰³ ДВП СССР. Т. 20. С. 152; DBFP. 3rd ser. Vol. 1. Doc. 164. P. 205: Англо-французские переговоры, 28–29 апреля 1938.
- ²⁰⁴ Из памятной записки Бека “Оценка современного военно-политического положения Германии” от 5 мая 1938 г. // *Дашичев В.И.* Стратегия Гитлера – путь к катастрофе, 1933–1945. Т. 1. С. 324.
- ²⁰⁵ Дейтон Л. Указ. соч. С. 164.
- ²⁰⁶ Цит. по: *Miksche F.O.* Op. cit. P. 23.
- ²⁰⁷ См.: *Miksche F.O.* Op. cit. P. 27; *Арзаканян М.Ц.* “Самый знаменитый из французов” // Шарль де Голль. М., 2000. С. 6; *Она же.* Генерал де Голль на пути к власти. М., 2001. С. 25–26; *Молчанов Н.* Генерал де Голль. М., 1988. С. 94–115.
- ²⁰⁸ *Miksche F.O.* Op. cit. P. 27.
- ²⁰⁹ АВП РФ. Ф. 098. Оп. 20. П. 26. Д. 7. Л. 90–91.
- ²¹⁰ Там же. Ф. 011. Оп. 1. П. 4. Д. 35. Л. 133, 161–163.
- ²¹¹ *Miksche F.O.* Op. cit. P. 36; *Coverdale J.* Op. cit. P. 410. Note. 38; *Wittam J.* Op. cit. P. 93.
- ²¹² *Wittam J.* Op. cit. P. 93–94.
- ²¹³ *Coverdale J.* Op. cit. P. 410. Note 38; *Miksche F.O.* Op. cit. P. 36–37; *Wittam J.* Op. cit. P. 95.
- ²¹⁴ DBFP. 3rd ser. Vol. 1. Doc. 507. Note 2. P. 581.
- ²¹⁵ Нюрнбергский процесс: Сб. материалов. В 8 т. Т. 2. С. 435.
- ²¹⁶ *Whealey R.H.* Hitler and Spain. P. 105.
- ²¹⁷ Нюрнбергский процесс: Сб. материалов. Т.3. С. 251.
- ²¹⁸ *Whealey R.H.* Hitler and Spain. P. 105; Нюрнбергский процесс: Сб. материалов. Т. 2. С. 452, 454.
- ²¹⁹ Нюрнбергский процесс: Сб. материалов. Т. 2. С. 228–229.
- ²²⁰ *Типпельскирх К.* История второй мировой войны. Т. 1. 1939–1943. М., 1994. С. 11.
- ²²¹ *Miksche F.O.* Op. cit. P. 42.
- ²²² АВП РФ. Ф. 010. Оп. 11. П. 71. Д. 53, 54, 55.
- ²²³ Там же. Ф. 097. Оп. 11. П. 102. Д. 14. Л. 19.
- ²²⁴ Там же. Ф. 010. Оп. 11. П. 71. Д. 54. Л. 5.
- ²²⁵ Там же. Л. 100.
- ²²⁶ Там же. Ф. 05. Оп. 17. П. 131. Д. 50. Л. 26–27.
- ²²⁷ Там же. Ф. 097. Оп. 11. П. 102. Д. 14. Л. 14; Оп.13. Д. 43. Л. 16–35; Ф. 06. Оп. 1. П. 10. Д. 103. Л. 56–65.
- ²²⁸ Война в Испании. М.: Разведывательное управление РККА, 1937–1938. Вып. 1–17; Боевые действия истребительной авиации (из опыта войн в Испании и Китае). М., 1939; *Вечный П.П.* Управление войсками и работа штабов в армии республиканской Испании (Из опыта вооруженной борьбы с мятежниками и интервентами 1936–1938 гг.) // Бюллетень боевой подготовки РККА. М.,

1940. 1939, № 2; *Корсуи Н.Г.* Оперативные уроки войны в Испании и Китае: Очерк. М., 1940; Краткие оперативно-тактические выводы из опыта войны в Испании. М.: 50-е управление РККА, 1939 (для служебного пользования), и др.

²²⁹ АВП РФ. Ф. 097. Оп. 12. П. 102. Д. 17. Л. 61.

²³⁰ *Рыбалкин Ю.* Указ. соч. С. 107, С. 104–123.

²³¹ См.: *Шумихин В.С.* Советская военная авиация. 1917–1941. М., 1986 С. 200; *Степанов Н.Е.* Ночной таран // Мы – интернационалисты. Воспоминания советских добровольцев – участников национально-революционной войны в Испании: Изд. 2-е, доп. М., 1986. С. 268–269.

²³² Академия Генерального штаба. Ист. воен. орденов Ленина и Суворова I степени акад. Генштаба Воор. Сил СССР им. К.Е. Ворошилова / Под ред. ген. армии В.Г. Куликова. М., 1976. С. 9, 55.

²³³ Там же. С. 55.

²³⁴ *Рыбалкин Ю.* Указ. соч. С. 108–109.

²³⁵ Там же. С. 120–121.

²³⁶ Другая война... С. 195.

²³⁷ *Рыбалкин Ю.* Указ. соч. С. 121.

²³⁸ См.: *Балабанов В.М.* Противотанковая оборона в основных видах боя. М., 1941; *Басанец Л.* Оборона // Военный вестник. 1939. № 2; Война в Испании Вып. 10: Танки в обороне. М., 1938; Роль авиации в современной войне в Испании. С. 51.

Глава 5

¹ DBFP. 2nd Ser. Vol. XVII. Doc. 115. P. 136–137.

² АВП РФ. Ф. 069. Оп. 21. П. 62. Д. 4. Л. 51–52. Мысль о злопамятности англичан Майский снова подчеркнул в письме Крестинскому 9 января 1937 // Там же. Л. 5–6.

³ Liberté. 1936. Oct. 29.

⁴ DDF. 2-е sér. T. 3. Doc. 87. P. 131; DBFP. 2nd Ser. Vol. XVII. Doc. 115. P. 138.

⁵ DGFP. Ser. C. Vol. 5. Doc. 403. P. 686.

⁶ *Ciano G.* Diplomatic Papers. 1936–1942. L., 1948. P. 44–45; DGFP. Ser. D. Vol. 3. Doc. 158. P. 173.

⁷ АВП РФ. Ф. 082. Оп. 19. П. 83. Д. 4. Л. 82–83.

⁸ Там же. Ф. 098. Оп. 19. П. 141. Д. 658. Л. 12.

⁹ Там же. Ф. 010. Оп. 11. П. 71. Д. 5. Л. 230.

¹⁰ Там же. Ф. 069. Оп. 20. П. 60. Д. 4. Л. 49–50: Дневник И.М. Майского. Разговор с Иденом, 3 декабря 1936; Там же. Л. 41; Оп. 21. П. 62. Д. 4. Л. 66–67; Ф. 011. Оп. 1. П. 4. Д. 35. Л. 117 и др.

¹¹ DBFP. 2nd Ser. Vol. XVII. Doc. 8, 11, note 2; Doc. 27, 40, 42, 57.

¹² Ibid. Doc. 66. P. 70.

¹³ Ibid. Doc. 126. Note 2. P. 151, Doc. 115. P. 136–138.

¹⁴ Ibid. Doc. 126. P. 151–158.

¹⁵ Ibid. P. 157. Note 5; P. 678.

¹⁶ *Ciano G.* Op. cit. P. 46.

¹⁷ АВП РФ. Ф. 082. Оп. 19. П. 83. Д. 4. Л. 121–126; DBFP. 2nd Ser. Vol. XVII. Doc. 545. P. 487–488; *Ciano G.* Op. cit. P. 51.

¹⁸ АВП РФ. Ф. 082. Оп. 19. П. 83. Д. 4. Л. 115, 121.

¹⁹ DBFP. 2nd Ser. Vol. XVII. P. 211–212, Doc. 243. P. 334–335.

- ²⁰ АВП РФ. Ф. 097. Оп. 11. П. 102. Д. 14. Л. 66: Дневник Антонова-Овсеевко (№ 4), 13 октября 1936 г.
- ²¹ Там же. Ф. 05. Оп. 16. П. 119. Д. 62. Л. 21–22.
- ²² New York Evening Journal. 1936. 27 Oct.
- ²³ DBFP. 2nd Ser. Vol. XVII. Doc. 471. P. 677–683.
- ²⁴ АВП РФ. Ф. 011. Оп. 1. П. 4. Д. 35. Л. 10–11: Штейн – Литвинову, 5 января 1937 г.
- ²⁵ Documents on International Affairs. 1936 / Ed. S. Heald. L., 1937. P. 343–347. Такие предложения звучали и во время интервью Муссолини “Дейли мейл” 5 ноября, беседы Друммонда 12 ноября с главой африканского департамента итальянского МИД, встречи Гранди с Ванситтартом 17 ноября 1936 г. и т.д. См.: Daily Mail. 1936. 9 Nov.; DBFP. 2nd Ser. Vol. XVIII. Doc. 377. Note. 5. P. 550; Doc. 378. P. 551, Doc. 358. P. 522; Doc. 334, 353 etc.
- ²⁶ АВП РФ. Ф. 011. Оп. 1. П. 4. Д. 35. Л. 14.
- ²⁷ Там же. Ф. 098. Оп. 19. П. 141. Д. 658. Л. 21.
- ²⁸ Там же. Ф. 069. Оп. 21. П. 62. Д. 4. Л. 5, 16.
- ²⁹ DBFP. 2nd Ser. Vol. XVII. Doc. 441, 451, 482, 483, 499, 502, 508, etc.
- ³⁰ Ibid. Doc. 530. P. 754–756.
- ³¹ АВП РФ. Ф. 069. Оп. 21. П. 62. Д. 4. Л. 8.
- ³² Там же. Л. 52–52, 76: И.М. Майский – М.М. Литвинову, 24 июня 1937 г.
- ³³ Там же. Л. 19; Ф. 011. Оп. 1. П. 4. Д. 35. Л. 24–25.
- ³⁴ Там же. Ф. 011. Оп. 1. П. 4. Д. 35. Л. 20, 22–23.
- ³⁵ Чему свидетели мы были... Переписка бывших царских дипломатов. Кн. 2. М., 1998. С. 453; DDF. 2-e sér. T. 4. P. 383.
- ³⁶ АВП РФ. Ф. 011. Оп. 1. П. 7. Д. 73. Л. 8: Дневник В.П. Потемкина, 28 января 1937 г. Встреча с Шотаном 19 января 1937 г.
- ³⁷ Там же. П. 4. Д. 35. Л. 4–5; DDF. 2-e sér. T. 4. Doc. 128.
- ³⁸ Там же. Ф. 011. Оп. 1. П. 4. Д. 35. Л. 12, 29–30.
- ³⁹ Там же. Ф. 069. Оп. 21. П. 62. Д. 4. Л. 7, 17.
- ⁴⁰ Там же. Л. 7–8: И.М. Майский – Н.Н. Крестинскому. 9 января 1937 г. Разочарование “джентльменским соглашением” вызвало дебаты в британском парламенте, где 19 января Иден вынужден был оправдываться, что “эта декларация послужит умиротворению в Средиземноморье”; на критику, что оно не содержит упоминания об интервенции в Испании, Иден ответил, что это более касается других стран, чем Англии или Италии. См.: Parliamentary Debates. House of Commons. Vol. 319. Col. 104.
- ⁴¹ DBFP. 2nd Ser. Vol. XVIII. Appendix. 1. P. 982.
- ⁴² Coverdale J. Italian Intervention in the Spanish Civil War. Princeton, 1975. P. 56.
- ⁴³ АВП РФ. Ф. 011. Оп. 1. П. 4. Д. 35. Л. 30.
- ⁴⁴ DBFP. 2nd Ser. Vol. 18. P. 154; АВП РФ. Ф. 69. Оп. 27. П. 87. Д. 27. Л. 82–84.
- ⁴⁵ АВП РФ. Ф. 069. Оп. 21. П. 62. Д. 8. Л. 27.
- ⁴⁶ Там же. Оп. 25. П. 81. Д. 11. Л. 36–37.
- ⁴⁷ Там же. Ф. 05. Оп. 16. П. 119. Д. 62. Л. 90.
- ⁴⁸ Там же. Ф. 098. Оп. 21. П. 26а. Д. 5 Л. 49–50.
- ⁴⁹ Там же. Ф. 069. Оп. 21. П. 62. Д. 4. Л. 66–67: Дневник И.М. Майского, 4 мая 1937 г.
- ⁵⁰ Pratt L. East of Malta, West of Suez: Britain’s Mediterranean Crises, 1936–1939. Cambridge, 1975. P. 65.
- ⁵¹ АВП РФ. Ф. 069. Оп. 21. П. 62. Д. 4. Л. 56.
- ⁵² На 296-м заседании Комитета по имперской безопасности, 5 июля 1937 г., Чемберлен, в ответ на активные антиитальянские настроения военных и политиков, допускавших даже вероятность войны с Италией, настаивал на невозмож-

- ности определения Италии как врага: “Эта акция со стороны Комитета станет беспрецедентной”. См.: DBFP. 2nd Ser. Vol. 18. Doc. 15. P. 22–30.
- ⁵³ DBFP. 2nd Ser. Vol. 18. N 615, 566.
- ⁵⁴ АВП РФ. Ф. 0136. Оп. 21. П. 170. Д. 846. Л. 40; DDF. 2-e sér. T. 6. P. 64.
- ⁵⁵ Там же. Ф. 011. Оп. 1. П. 4. Д. 35. Л. 117.
- ⁵⁶ Имеются в виду заседания Кабинета министров (1, 14 июля, 1, 17 августа), министерства иностранных дел (10 августа), Комитета по внешней политике при Кабинете (1 июля), Комитета имперской безопасности (5, 29 июля), заседаниях глав штабов (28 июля), подкомитета по оборонной политике при Комитете по имперской безопасности (23 июля). К середине месяца в публичных выступлениях руководителей в очередной раз четко очерчивались британские интересы в Средиземноморье (речь Идена в Парламенте 19 июля), но подчеркивалось, что Великобритания не питает никаких агрессивных замыслов против Италии. DBFP. 2nd Ser. Vol. 18. Doc. 295; Vol. 19. Doc. 7, 40, 94, 90, 7, 15, 74, 68, 59 etc.
- ⁵⁷ DBFP. 2nd Ser. Vol. 19. Doc. 48. N 4. P. 86.
- ⁵⁸ АВП РФ. Ф. 069. Оп. 21. П. 62. Д. 4. Л. 113–114; DBFP. 2nd Ser. Vol. 19. Doc. 15, 40, 64, 65, 81, 86; Parliamentary Debates. House of Commons. Vol. 326. Col. 1805.
- ⁵⁹ АВП РФ. Ф. 069. Оп. 21. П. 62. Д. 4. Л. 114.
- ⁶⁰ Там же. Ф. 0136. Оп. 21. П. 169. Д. 837. Л. 9.
- ⁶¹ АВП РФ. Ф. 415. Оп. 8. П. 57. Д. 3. Л. 1–17; *Cattel D. Soviet Diplomacy and the Spanish Civil War*. Berkley; Los Angeles. 1956. P. 76.
- ⁶² Из протокола № 45 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 7 января 1937: “Запросить английское и французское правительства, намерены ли они принять меры против пиратства в испанских водах и какие”. Великобритания и Франция уклонились от официального ответа. В сб.: Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Европа. Решения “особой папки”. М., 2001. С. 347; ДВП СССР. Т. 20. Примеч. 3. С. 692–693.
- ⁶³ АВП РФ. Ф. 69. Оп. 27. П. 88. Д. 33, Л. 146–147; ДВП СССР. Т. 20. С. 693.
- ⁶⁴ Известия. 1937. 8 мая.
- ⁶⁵ АВП РФ. Ф. 011. Оп. 1. П. 4. Д. 35. Л. 188; Гельфанд – Потемкину, 24 октября 1937 г.
- ⁶⁶ Там же. Ф. 098. Оп. 19. П. 141. Д. 658. Л. 12.
- ⁶⁷ DGFP. Ser. D. Vol. 3. Doc. 407. P. 431.
- ⁶⁸ АВП РФ. Ф. 097. Оп. 12. П. 102. Д. 15. Л. 114.
- ⁶⁹ Там же. Л. 185; Ф. 069. Оп. 21. П. 62. Д. 4. Л. 118.
- ⁷⁰ DBFP. 2nd Ser. Vol. 19. P. 187, note 3.
- ⁷¹ *Ciano G.* Op. cit. P. 134–136.
- ⁷² DBFP. 2nd Ser. Vol. 19. Doc. 99. P. 186; Doc. 94. P. 180–183.
- ⁷³ АВП РФ. Ф. 069. Оп. 21. П. 62. Д. 4. Л. 118–119; Майский И.М. – Потемкину В.П., 24 августа 1937 г.
- ⁷⁴ Там же. Ф. 082. Оп. 20. П. 86. Д. 4. Л. 135.
- ⁷⁵ DBFP. 2nd Ser. Vol. 19. Doc. 100. P. 186–187.
- ⁷⁶ *Ibid.* P. 188–189; Иден – Ингрэму, 25 августа 1937 г.
- ⁷⁷ *Daily Mail*. 1937. 3 Sept.; Anglo-Russian Parliamentary Committee. 1937. N 11. P. 11.
- ⁷⁸ DBFP. 2nd Ser. Vol. 19. Doc. 103. P. 190.
- ⁷⁹ См.: DBFP. 2nd Ser. Vol. 19. Doc. 108, note 4. P. 200.
- ⁸⁰ *Ibid.* 2nd Ser. Vol. 19. P. 198–200.
- ⁸¹ *Ibid.* 2nd Ser. Vol. 19. P. 201.
- ⁸² АВП РФ. Ф. 097. Оп. 12. Д. 15. Л. 113.
- ⁸³ DBFP. 2nd Ser. Vol. 19. Doc. 110. P. 203–205; Doc. 114. P. 211–213.
- ⁸⁴ *The Times*. 1937. 6 Sept.

- ⁸⁵ The Spectator. 1937. N 5698. 10 Sept. P. 405.
- ⁸⁶ DBFP. 2nd Ser. Vol. 19. Doc. 110. P. 203–205; Doc. 114. P. 211–218. Выдержка из проекта постановления Кабинета, 2 сентября 1937 г.; Doc. 116. P. 228.
- ⁸⁷ Ibid. P. 215, 217–218.
- ⁸⁸ DGFP. Ser. D. Vol. 3. Doc. 413. P. 438; DBFP. 2nd Ser. Vol. 19. P. 231–231.
- ⁸⁹ DBFP. 2nd Ser. Vol. 19. Doc. 120. P. 232–233, Doc. 146. P. 263–264; Doc. 135. P. 245; DDF. 2-e sér. Vol. 6. Doc. 391, 395. P. 686–693.
- ⁹⁰ ДВП СССР. Т. 20. С. 489, 483–490, 493.
- ⁹¹ АВП РФ. Ф. 0136. Оп. 21. П. 170. Д. 846. Л. 41–42.
- ⁹² DBFP. 2nd Ser. Vol. 19. Doc. 2. P. 4.
- ⁹³ Ibid. Doc. 122. Note 2. P. 234.
- ⁹⁴ ДВП СССР. Т. 20. С. 487–488.
- ⁹⁵ В письме В.П. Потемкину временный поверенный СССР в Италии 25 сентября писал, что ответ Италии на ноту “прекрасно предвидели в Москве”. – АВП РФ. Ф. 011. Оп. 1. П. 4. Д. 35. Л. 197.
- ⁹⁶ “Следует отметить новый взрыв антисоветской кампании, связанной с нашими нотами... Пресса бьется в истерике”, – писал советский полпред в Германии К.К. Юренев В.П. Потемкину. – АВП РФ. Ф. 082. Оп. 20. Д. 4. П. 86. Л. 137.
- ⁹⁷ АВП РФ. Ф. 011. Оп. 1. П. 4. Д. 35. Л. 198.
- ⁹⁸ Там же. Л. 197.
- ⁹⁹ The Times. 1937. 8 Sept.
- ¹⁰⁰ DBFP. 2nd Ser. Vol. 19. Doc. 130: Иден – Ингрэму (Рим), 7 сентября 1937 г. P. 241; Doc. 136, P. 247; Doc. 126, P. 237–238.
- ¹⁰¹ Ibid. P. 246–247.
- ¹⁰² Ibid. Doc. 128. P. 329; Doc. 129. P. 239–240. Note 2. P. 240; Doc. 133: Иден – Ингрэму, 7 сентября 1937 г. P. 242; Doc. 136. P. 246–247.
- ¹⁰³ Ibid. Doc. 134. P. 243–245; Doc. 142. P. 252–254. Выдержка из Заключения заседания Кабинета, 8 сентября 1937 г. Doc. 143. P. 255–256.
- ¹⁰⁴ DGFP. Ser. D. Vol. 3. Doc. 417. P. 442.
- ¹⁰⁵ Ibid. Doc. 414. P. 440; *Dzelepy E.N. Britain in Spain. A Study of the National Government's Spanish Policy. L., 1949. P. 147.*
- ¹⁰⁶ АВП РФ. Ф. 415. Оп. 8. П. 57. Д. 3. Л. 32–33.
- ¹⁰⁷ ДВП СССР. Т. 20. С. 312. Примеч. 189. С. 750–751.
- ¹⁰⁸ АВП РФ. Ф. 011. Оп. 1. П. 4. Д. 35. Л. 183.
- ¹⁰⁹ ДВП СССР. Т. 20. С. 492–495, 501–502.
- ¹¹⁰ АВП РФ. Ф. 415. Оп. 8. П. 57. Д. 3. Л. 39–43.
- ¹¹¹ ДВП СССР. Т. 20. С. 501–505. Примеч. 189. С. 751; DDF, 2-e sér. Т. VI. P. 700–701; DBFP. 2nd Ser. Vol. 19. P. 730–740.
- ¹¹² ДВП СССР. Т. 20. Примеч. 190. С. 751; Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Европа. С. 353.
- ¹¹³ ГАРФ. Ф. 4459. Оп. 12. Д. 1. Л. 9–11; АВП РФ. Ф. 415. Оп. 8. П. 57. Д. 5. Л. 2–5.
- ¹¹⁴ DBFP. 2nd Ser. Vol. 19. Doc. 169. P. 299–301.
- ¹¹⁵ Ibid. P. 752–754; ДВП СССР. Т. 20. С. 504; Contemporary Review. 1937. N 863. P. 612.
- ¹¹⁶ DBFP. 2nd Ser. Vol. 19. Doc. 207. P. 341.
- ¹¹⁷ ГАРФ. Ф. 4459. Оп. 12. Д. 1. Л. 220; DBFP. 2nd Ser. Vol. 19. P. 289. 10 сентября Литвинов выступил с предложением сразу после окончания конференции в том же ее составе, но уже в Женеве, обсудить вопрос о борьбе с нападением надводных судов на коммерческие суда: “Дельбос согласился, но Иден морщился”. См.: ДВП СССР. Т. 19. Примеч. 189. С. 751.

- ¹¹⁸ Бруз В.С. Борьба СССР за коллективную безопасность в Европе в период начала фашистской агрессии и политика западных держав (1935–1937): Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. Киев, 1970. С. 576–584; *Овсяный И.Д.* Тайна в которой война рождалась. М., 1975. С. 152–153; *Сиполс В.Я.* Дипломатическая борьба накануне второй мировой войны. М., 1989. С. 132–133; *Трухановский В.Г.* Антони Иден. М., 1983. С. 127–128.
- ¹¹⁹ DGFP. Ser. D. Vol. 3. Doc. 420. P. 444.
- ¹²⁰ DBFP. 2nd Ser. Vol. 19. Doc. 159. P. 275; Doc. 161. P. 289.
- ¹²¹ АВП РФ. Ф. 69. Оп. 27. Д. 29. Л. 171; ГАРФ. Ф. 4459. Оп. 12. Д. 1. Л. 218; DBFP. 2nd Ser. Vol. 19. Doc. 179. P. 311.
- ¹²² DBFP. 2nd Ser. Vol. 19. P. 303, 305–306, 309–312, 340–346, 347–351.
- ¹²³ АВП РФ. Ф. 69. Оп. 25. П. 79. Д. 2. Л. 39; ГАРФ. Ф. 4459. Оп. 12. Д. 3. Л. 171; DGFP. Ser. D Vol. 3. Doc. 420. P. 444.
- ¹²⁴ News Chronicle. 1937. 16 Sept.
- ¹²⁵ Inprecorr. 1938. Vol. 18. N 6. 12 Febr. P. 106.
- ¹²⁶ *Сиполс В.Я.* Внешняя политика Советского Союза. 1936–1939. М., 1987. С. 62; *Кузьмин В.А., Михайленко В.И.* Англо-итальянские противоречия в Восточном Средиземноморье накануне второй мировой войны. С. 81.
- ¹²⁷ DBFP. 2nd Ser. Vol. 19. N 170. P. 302.
- ¹²⁸ Economist. 1937. N 4911. 9 Oct. P. 61; Inprecorr. 1939. Vol. 19, N31. P. 725; *Dzelepy E.K.* Op.cit. P. 196, 207, 210; *Churchill W.* His Complete Speeches. Vol. 6: 1935–1942. N.Y.; L., 1974. P. 5680.
- ¹²⁹ АВП РФ. Ф. 69. Оп. 28. П. 98. Д. 48. Л. 9. Однако орган английских судовладельцев “Сирен” писал еще в ноябре 1938 г., что с 1 января 1938 г. подверглись бомбардировке 125 английских судов, из которых 14 затонули. Было убито 40 английских офицеров и матросов и 68 ранено (Там же. Л. 10).
- ¹³⁰ DBFP. 2nd Ser. Vol. 19. Doc. 297. P. 473.
- ¹³¹ ДВП СССР. Т. 20. С. 504; АВП РФ. Ф. 415. Оп. 8. П. 57. Д. 3. Л. 41: Из речи Дельбоса на закрытии Нионской конференции (2-е пленарное заседание).
- ¹³² АВП РФ. Ф. 011. Оп. 1. П. 4. Д. 35. Л. 183.
- ¹³³ Там же. Л. 182–183, 195–196.
- ¹³⁴ Там же. Л. 181.
- ¹³⁵ И.М. Майский – зам. наркома иностранных дел СССР Н.Н. Крестинскому. 24 июля 1934 г. // Чему свидетели мы были... Переписка бывших царских дипломатов. Кн. 2. 1938–1940. С. 448.
- ¹³⁶ АВП РФ. Ф. 0136. Оп. 21. П. 169. Д. 837. Л. 9.
- ¹³⁷ Там же. Ф. 082. Оп. 20. П. 86. Д. 4. Л. 134: Дневник полпреда СССР в Германии К.К. Юренева; DGFP. Ser. D. Vol. 3. Doc. 410. P. 434.
- ¹³⁸ ДВП СССР. Т. 19. С. 527–528; Примеч. 216. С. 757–758; Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Европа. С. 353–354.
- ¹³⁹ АВП РФ. Ф. 69. Оп. 25. П. 79. Д. 2. Л. 6, 71, 74, 79, 82, 83, 108.
- ¹⁴⁰ Там же. Ф. 097. Оп. 13. П. 103. Д. 24. Л. 2.
- ¹⁴¹ DBFP. 2nd Ser. Vol. 19. Annex to Doc. 354. P. 620–621; Doc. 355. P. 621–623.
- ¹⁴² DGFP. Ser. D. Vol. 3. Doc. 422, 423, 424, 425. P. 445–450.
- ¹⁴³ Ciano’s Diaries. P. 144–145. В анализе перспектив действий обеих сторон в Ливии, Египте, Абиссинии отчетливо просматривались направления будущих военных действий в Северной Африке.
- ¹⁴⁴ АВП РФ. Ф. 011. Оп. 1. П. 4. Д. 35. Л. 218: Штейн Б.Е. – Литвинову М.М. 26 ноября 1937 г.
- ¹⁴⁵ Там же. Л. 215.
- ¹⁴⁶ *Михайленко В.И.* Англо-итальянское соглашение 16 апреля 1938 г. // Политика великих держав на Балканах и Ближнем Востоке в новейшее время. Свердловск, 1982. С. 30–48; *Попова Н.П.* Англо-итальянские отношения в Средизем-

ном море в 1937–1938 гг. // *Rex Britannica: Актуальные проблемы социально-экономической и политической истории Великобритании в новое и новейшее время: Тез. научн. конф. Уфа, 1991. Ч. 2. С. 186–189; Трухановский В.Г. Указ. соч. С. 154–159 и др.*

- ¹⁴⁷ Чему свидетели мы были... Переписка бывших царских дипломатов. Кн. 2. Приложение 3. С. 517–518.
- ¹⁴⁸ *Eden A. Foreign Affairs. L., N.Y., 1971. P. 261.*
- ¹⁴⁹ *DBFP. 2nd Ser. Vol. 19. Doc. 486. P. 834–835.*
- ¹⁵⁰ *АВП РФ. Ф. 098. Оп. 22. П. 26. Д. 11. Л. 2–17; DBFP Vol. 19. Doc. 662. P. 1084–1110.*
- ¹⁵¹ *АВП РФ. Ф. 011. Оп. 2. П. 21. Д. 227. Л. 64.*
- ¹⁵² *DBFP. 3rd Ser. Vol. 1. Doc. 164. P. 203.*
- ¹⁵³ *Ibid. Doc. 242. Note 2. P. 325.*
- ¹⁵⁴ *The Diplomatic Diaries of Oliver Harvey, 1937–1940. L., 1970. P. 48.*
- ¹⁵⁵ *АВП РФ. Ф. 011. Оп. 2. П. 21. Д. 227. Л. 62; Coverdale. Op. cit. P. 359.*
- ¹⁵⁶ *АВП РФ. Ф. 011. П. 17. Д. 165. Л. 133.*
- ¹⁵⁷ Там же. Л. 229, 231: Литвинов М.М. – Сурицу Я.З., 19 ноября 1938 г.
- ¹⁵⁸ Чему свидетели мы были... Переписка бывших царских дипломатов. Кн. 2. Приложение 3. С. 537.
- ¹⁵⁹ *АВП РФ. Ф. 011. Оп. 2. П. 17. Д. 165. Л. 240.*
- ¹⁶⁰ Там же. Л. 243–245, 236.
- ¹⁶¹ *Times. 1938. 29 Nov.; Daily Herald. 1938. 29 Nov.; Manchester Guardian. 1938. 30 Nov.*
- ¹⁶² *АВП РФ. Ф. 69. Оп. 28. П. 98. Д. 24. Л. 6.*
- ¹⁶³ Там же. Л. 10–11.
- ¹⁶⁴ *Михайленко В.И. Формирование итапо-германского военно-политического союза в 1936–1939 гг. // Политика великих держав на Балканах и Ближнем Востоке в новейшее время. Свердловск, 1983. С. 52–53.*
- ¹⁶⁵ *АВП РФ. Ф. 69. Оп. 28. П. 98. Д. 24. Л. 21; Д. 48. Л. 12. В начале февраля 1939 г. авиация интервентов, бомбардировавшая Валенсию, потопила английский пароход “Лаки”.*
- ¹⁶⁶ Там же. Л. 28.
- ¹⁶⁷ Там же. Д. 24. Л. 8.
- ¹⁶⁸ *Frankfurter Zeitung. 1939. 6 Feb.*
- ¹⁶⁹ *Пожарская С.П. Гражданская война в Испании и проблемы Средиземноморья // Средиземноморье и Европа: исторические традиции и современные проблемы. М., 1996. С. 69.*

Источники и литература

Архивные источники

Архив внешней политики Российской Федерации:

Фонд 69. Референтура по Англии (1936–1939)

Оп. 24. П. 77. Д. 1, 5, 24; П. 78. Д. 8.

Оп. 25. П. 79. Д. 1–3; П. 81. Д. 11.

Оп. 26. П. 82. Д. 2; П. 83. Д. 13, 17.

Оп. 27. П. 86. Д. 23; П. 87. Д. 25, 27; П. 88. Д. 27, 28, 29, 31–34; П. 89. Д. 35–37.

Оп. 28. П. 97. Д. 23; П. 98. Д. 24, 48.

Фонд 98. Референтура по Италии (1936–1938)

Оп. 20. П. 26. Д. 7.

Оп. 22. П. 26–6. Д. 11.

Оп. 22. П. 146. Д. 8, 15.

Фонд 415. Лига Наций (1937)

Оп. 8. П. 57. Д. 2, 3, 4, 5.

Фонд 05. Секретариат М.М. Литвинова (1936–1938)

Оп. 16. П. 119. Д. 62 – 66.

Оп. 17. П. 131. Д. 49–54.

Оп. 18. П. 144. Д. 84–86.

Фонд 06. Секретариат В.М. Молотова (январь – май 1939)

Оп. 1. П. 10. Д. 103.

Оп. 1. П. 19. Д. 205.

Фонд 010. Секретариат Н.Н. Крестинского (апрель 1936 – декабрь 1936)

Оп. 11. П. 71. Д. 53–55.

Фонд 011. Секретариат В.П. Потемкина (1937–1938)

Оп. 1. П. 3. Д. 23.

Оп. 1. П. 4. Д. 35, 37, 38.

Оп. 1. П. 7. Д. 73–75.

Оп. 2. П. 12. Д. 43.

Оп. 2. П. 13. Д. 63.

Оп. 2. П. 17. Д. 165.

Оп. 2. П. 20. Д. 205, 206

Оп. 2. П. 21. Д. 227.

Фонд 0566. Отдел печати НКВД СССР (1936–1937)

Оп. 34/12. П. 395. Д. 1, 2, 4, 5, 7–9, 14.

Оп. 34/12. П. 326. Д. 1–3, 11–14.

Фонд 069. Секретная референтура по Великобритании (1936–1939)

Оп. 20. П. 60. Д. 4, 5, 9.

Оп. 21. П. 62. Д. 4, 8.

Оп. 22. П. 64. Д. 6, 9.

Фонд 082. Секретная референтура по Германии (1936–1939)

Оп. 19. П. 83. Д. 4.

- Оп. 20. П. 86. Д. 4.
Оп. 21. П. 89. Д. 4.
Оп. 22. П. 93. Д. 7, 8.

Фонд 097. Секретная референтура по Испании (1936–1939)

- Оп. 11. П. 102. Д. 14.
Оп. 12. Д. 14, 15, 17.
Оп. 13. П. 103. Д. 22, 24, 26, 27, 41.
Оп. 14. П. 104. Д. 43.

Фонд 098. Секретная референтура по Италии (1936–1938)

- Оп. 19. П. 141. Д. 658.
Оп. 20. П. 26. Д. 3.
Оп. 21. П. 26а. Д. 5.

Фонд 0136. Секретная референтура по Франции (1936–1939)

- Оп. 20. П. 167. Д. 828.
Оп. 21. П. 169. Д. 837, 839.
Оп. 21. П. 170. Д. 846.
Оп. 23. П. 176. Д. 916, 922.

Государственный архив Российской Федерации

Фонд Р- 4459. Телеграфное Агентство Советского Союза

- Оп. 12. Вестник иностранной информации ТАСС. 1937. Д. 1–5, 10–15.
Оп. 13. Отдел иностранной информации ТАСС. Вестник почтовой информации ТАСС, переданной за границу. 1936–1938. Д. 97–101а., 155–157, 159, 160, 195–198.

Фонд Р-8418. Комитет обороны при Совнаркоме Союза ССР (1936–1939)

- Оп. 12. Д. 4, 92.

Фонд Р-8433. Военно-техническое бюро при Комитете обороны Совнаркома Союза ССР. 1936–1939. Секретные и совершенно секретные архивные дела ВТО при КО Совнаркома СССР. 1936–1939

- Оп. 1. Д. 39.
Оп. 2. Д. 50, 107, 109, 121.
Оп. 3. Д. 13, 30, 31, 131, 136, 138.
Оп. 4. Д. 112, 246, 249, 254, 298.

Российский государственный архив социально-политической истории

Фонд 495. Фонд Коминтерна

- Оп. 74. Д. 199. Решения ИККИ по испанскому вопросу. Д. 200–201. Письма ИККИ И. Сталину, В. Молотову о положении в Испании.
Д. 219. Доклады о положении в Испании после Мюнхена.

Фонд 545. Фонд Интербригад

- Оп. 1. Д. 11, 19, 30. Интернациональные соединения и бригады республиканской армии Испании 1936–1939 гг.
Оп. 2. Д. 103. Служебные записки англо-американской секции службы кадров Базы интербригад.
Д. 106, 110. Статистические данные по интербригадам 1937–1938 гг.
Д. 111. Английские статистические данные по интербригадам.

Документальные опубликованные источники

- Война в Испании. Боевые действия авиации. (С начала мятежа по август 1937 г.). М.: Развед. упр-е РККА. Штаб ВВС РККА, 1938.
- Война в Испании. Действия авиации ночью. М.: Развед. упр-е РККА, 1938.
- Война в Испании. Вып. 1: Важнейшие операции на Центральном фронте. М.: НКО СССР, 1937.
- Война в Испании. Вып. 2: Важнейшие операции на Северном, Арагонском и Южном фронтах. М.: НКО СССР, 1937.
- Война в Испании. Вып. 3: Боевые действия авиации. М.: Воениздат, 1937.
- Война в Испании. Мадридская операция. 1937. М.: Развед. упр-е, 1938.
- Война в Испании. Морской флот в гражданской войне. М.: Развед. упр-е РККА, 1938.
- Война в Испании. Роль артиллерии в современном бою. М.: Развед. упр-е, 1938.
- Война в Испании. Вып. 1–17. М.: Развед. упр-е, 1937–1938. Вып. 1: Бои за населенные пункты. 1937; Вып. 2: Боевые действия конницы. 1937; Вып. 3: Ночные действия. 1937; Вып. 4: Действия бомбардировочной авиации. 1937; Вып. 5: Действия истребительной авиации. 1937; Вып. 6: Санитарное обеспечение республиканской армии. 1937; Вып. 7: Боевые действия зенитной артиллерии. 1937; Вып. 8: Связь в республиканской армии. 1937; Вып. 9: Оборонительные действия. 1938; Вып. 10: Танки в обороне. 1938; Вып. 11: Организация и боевые действия республиканского морского флота на севере Испании. 1938; Вып. 12: Бои войск южного фронта за монастырь Вирхен де ла Кабеса и дворец Эль Люгар Нуэва, 1938; Вып. 13: Наступательный бой пехоты. 1938; Вып. 14: Операции республиканского флота 6–7. 9. 37 г. и 5–6. 3. 38 г. 1938; Вып. 15: Действия морского флота на коммуникациях. 1938; Вып. 16: Действия авиации на море. 1938; Вып. 17: Организация тыла и материальное обеспечение республиканской армии. 1938.
- Гриф секретности снят: Потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистическое исследование / Под общ. ред. Г.Ф. Кривошеева. М., 1993.
- Документы внешней политики СССР. М., 1974–1992. Т. 19–22.
- Документы и материалы кануна второй мировой войны: в 2-х т. М., 1981.
- Документы министерства иностранных дел Германии. Вып. 3: Германская политика и Испания. 1936–1943. М., 1946.
- Испания в цифрах. М., 1936.
- Каталонская операция. 23 декабря 1938 г. – 9 февраля 1939 г. (Оперативно-технический очерк). М., 1940. (Для служеб. пользования).
- Коминтерн и гражданская война в Испании: документы. М., 2001.
- Краткие оперативно-тактические выводы из опыта войны Испании. (Для служеб. пользования). М.: 5-е управление РККА, 1939.
- Москва – Рим: Политика и дипломатия Кремля 1920–1939 / Отв. ред. Г.Н. Севостьянов. М., 2002.
- Нюрнбергский процесс: сб. материалов в 8 тт. М., 1987–1991.
- Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б). Повестки дня заседаний. Каталог. М., 2001. Т. 2: 1930–1939.
- Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Европа. Решения “особой папки”. 1923–1939. М., 2001.
- Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил: статистическое исследование / Под ред. Г.Ф. Кривошеева. М., 2001.
- Сборник документов по международной политике и международному праву. М., 1932. Вып. XI.

- Чему свидетели мы были. Переписка бывших царских дипломатов 1934–1940: сб. док. в 2-х кн. М., 1998. Кн. 1: 1934–1937. 567 с.; Кн. 2: 1938–1940.
- Documents of the London Naval Conference. December, 1935 – March, 1936. L., 1936.
- Documents on American Foreign Relations. Jan. 1938 – Jun. 1939. Boston, 1939.
- Documents on British Foreign Policy. 1st Ser. L., 1968. Vol. II. (DBFP.)
- Documents on British Foreign Policy. 2nd Ser. L., 1973–1982. Vol. 13, 14, 16–19.
- Documents on British Foreign Policy. 3rd Ser. 1938. L., 1949. Vol. 1, 2.
- Documents on German Foreign Policy. 1918–1945. Ser. C. (1933–1937). The Third Reich: First Phase. L., 1966. Vol. 5: March – Oct. 31, 1936.
- Documents on German Foreign Policy. 1918–1945. Ser. D. Wash., 1950. Vol. 3: Germany and the Spanish Civil War. 1936–1939. (DGFP.)
- Documents Diplomatiques français (1932–1939). 2-e sér. P., 1966–1972. T. III–VIII. (DDF.)
- Documents on International Affairs. 1936 / Ed. S. Heald. L., 1937.
- Documents on International Affairs 1936–1946. L.; N.Y.: Toronto, 1951. Vol. 1. March–Sept. 1939 / Ed. A.J. Toynbee.
- I Documenti Diplomatici Italiani. 8 ser: 1935–1939. Roma, 1993. Vol. IV: 10 maggio – 31 agosto 1936.
- Fascistas en España: La intervention ital. en la guerra civil a través de los telegramas de la “Missione militare ital. in Spagna”, 15 diciembre 1936 – 31 marzo 1937 / Ed. y estudio documental a cargo de Saz i., Tussell J. Roma, 1981.
- Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. The Soviet Union (1933–1939). Wash., 1952.
- Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1937. General. Wash., 1954. Vol. I–II.
- Documents on the Italian Intervention in Spain. L., 1937.
- The Spanish Government and the Axis. Official German Documents. Wash., 1946.
- Spanish White Book. The Italian Invasion of Spain. Official Documents and Papers Seized from Italian Units in Action at Guadalajara. Presented by the Spanish Government to the League of Nations. Wash., 1937.

Мемуары

- Авиация в испанской войне: Впечатления и опыт французского летчика / Пер. с нем. // Военный зарубежник. 1939. № 4. С. 42–46.
- Авилов В. Переправа 35-й дивизии через р. Эбро (июль 1938) // Военно-исторический журнал. 1941. № 5. С. 102–120.
- Акуленко П. Не числом, а умением // Вместе с патриотами Испании. Киев, 1976. С. 79–86.
- Артёмьев И.И. Советские радисты в войне в Испании (1936–1939 гг.) // Военно-исторический журнал. 1976. № 7. С. 57–62.
- Аскарате М., Сандоваль Х. 986 дней борьбы. Национально-революционная война испанского народа. М., 1964.
- Балабанов В.М. Противотанковая оборона в основных видах боя. М., 1941.
- Басанец Л. Оборона // Военный вестник. 1939. № 2. С. 63–69.
- Белли В. Основы ведения операций на море // Морской сборник. 1939. № 7. С. 13–24.
- Бесси А. Люди в бою. И снова Испания: пер. с англ. М., 1981.
- Белов А. На аэродромах под Мадридом // Вместе с патриотами Испании. Киев, 1976.

- Бобров Д.* Теруэльская операция республиканцев на окружение // Военная мысль. 1939. № 2. С. 93–101.
- Боевые действия истребительной авиации (из опыта войн в Испании и Китае). М., 1939.
- Боевые эпизоды героической борьбы испанского народа. Сталинград, 1937.
- Бурмистров И.* Действие подводных лодок республиканской Испании // Морской сборник. 1939. № 6. С. 59–63.
- Вайя А.* От каторжанина до генерала: пер. с ит. М., 1986. 256 с.
- Василевский Л.П.* Фашистский легион “Кондор” в Испании в 1936–1939 гг. // Военно-исторический журнал. 1960. № 12. С. 118–120.
- Ветров А.А.* В боях на Эбро // Военно-исторический журнал. 1969. № 4. С. 72–82.
- Ветров А.А.* Броневой щит республиканской Испании. Воспоминания советского танкиста – участника национально-революционной войны в Испании // Проблемы испанской истории. М., 1971. С. 249–316.
- Ветров А.А.* В боях за Теруэль // Новая и новейшая история. 1971. № 2. С. 145–148.
- Ветров А.А.* Непреходимая “тридцатьчетверка” // Вопросы истории. 1982. № 5. С. 89–100.
- Ветров А.А.* Советские добровольцы в армии республиканской Испании. Воспоминания // Военно-исторический журнал. 1971. № 7. С. 71–77.
- Вечный П.П.* Действия на стыках (Боевые примеры из опыта войны в Испании) // Военный вестник. 1939. № 11. С. 47–57.
- Вечный П.П.* Управление войсками и работа штабов в армии республиканской Испании. (Из опыта вооруженной борьбы с мятежниками и интервентами 1936–1938 гг.) // Бюллетень боевой подготовки РККА. М., 1940. № 2 (1939 г.). С. 3–80.
- Вечный П.П.* Каталонская операция. (Краткий очерк) // Военная мысль. 1939. № 12. С. 88–114.
- Вечный П.П.* Организация и работа тыла по опыту войны в Испании (1936–1939 гг.) // Военная мысль. 1940. № 7. С. 101–118.
- Воронов Н.Н.* Артиллерия республиканской Испании // Под знаменем Испанской республики... С. 69–138.
- Гагрилов Я.* Победа республиканской армии Испании под Гвадалахарой // Военная мысль. 1967. № 3. С. 55–62.
- Генерал Лукач: Воспоминания. М., 1967.
- Гофман Г.* Мангейм – Мадрид – Москва: Мемуары / Пер. с нем. М., 1982.
- Гудович С.А.* Советские “Катюши” в знойном небе Каталонии // Мы – интернационалисты... С. 288–298.
- Дайнес В.О.* На фронтах республиканской Испании: к 50-летию начала национально-революционной войны испанского народа // Военно-исторический журнал. 1986. № 7. С. 85–90.
- Дневник посла Додда 1933–1938: пер. с англ. М., 1961.
- Евдокимов П.В.* Бомбардировочная авиация. Конспект. М., 1938.
- Евтеев А.А.* Подготовка боевых самолетов СБ // Мы – интернационалисты... С. 34–37.
- Египко П.* Во флоте республиканской Испании: Воспоминания Героя Советского Союза, вице-адмирала // Советский патриот. 1985. 2, 5, 9, 12 июня.
- Каратов Н.* Разгром итальянского экспедиционного корпуса под Гвадалахарой // Военная мысль. 1939. № 5. С. 78–96.
- Кейтлев В.* Размышления перед казнью: пер. с нем. Смоленск, 2000.
- Кессельринг А.* Люфтваффе: триумф и поражение. Воспоминания фельдмаршала третьего рейха. 1933–1947 / Пер. с англ. М., 2003.

- Клотц Г.* Уроки гражданской войны в Испании / Пер. с фр. М., 1938.
- Кокс Д.* Оборона Мадрида. М., 1937.
- Кольцов М.Е.* Испания в огне: в 2-х т. Т. 1: Испанский дневник. Кн. 1 и 2 (7 ноября – 30 декабря 1936 г.). М., 1987; Т. 2: Испанский дневник. Кн. 2 (1 января – 10 апреля 1937 г.). М., 1987; Кн. 3: Корреспонденции. Репортажи. Очерки. М., 1987.
- Корсун Н.Г.* Оперативные уроки войны в Испании и Китае. Очерк. М., 1940.
- Кривицкий В.* Я был агентом Сталина. М., 1991.
- Кузнецов Н.Г.* Испанский флот в борьбе за республику // Военно-исторический журнал. 1962. № 3. С. 53–72.
- Кузнецов Н.Г.* На далеком меридиане. Мемуары, 3-е изд. М., 1988.
- Листер Э.* Наша война (Из истории национально-революционной войны испанского народа 1936–1939 гг.): Мемуары / Пер. с исп. / Предисл. Б. Полевого. М.: Политиздат, 1969.
- Майский И.М.* Воспоминания советского посла. М., 1964. Кн. 2: Мир или война?
- Майский И.М.* Испанские тетради. М., 1962.
- Малиновский Р.Я.* Драгонская операция. Март–апрель 1938 г. (Оперативно-тактический очерк из войны в Испании 1936–1939 гг.) М., 1941.
- Мерецков К.А.* На службе народу. Страницы воспоминаний. М., 1971.
- Меронь П.Ф.* В небе Испании. Воспоминания испанского летчика – участника национально-революционной войны в Испании: пер. с исп. М., 1975.
- Мы – интернационалисты.* Воспоминания советских добровольцев – участников национально-революционной войны в Испании: 2-е изд. М., 1986.
- Питкери Ф.* В Испании (июль–август 1936): пер с исп. М., 1936.
- Под знаменем Испанской республики. 1936–1939: Воспоминания советских добровольцев – участников национально-революционной войны в Испании.* М., 1965.
- Раушинг Г.* Говорит Гитлер. Зверь из бездны / Пер с нем. М., 1993.
- Риббентроп И. фон.* Между Лондоном и Москвой: Воспоминания и последние записи // Из его наследия / изд. Аннелиз фон Риббентроп / Пер. с нем. М., 1996.
- Родимцев А.И.* Под небом Испании. Воспоминания: 2-е изд. М., 1974.
- Савич О.Г.* Два года в Испании. 1937–1939: Очерки и рассказы: 3-е изд. М., 1975.
- Табуи Ж.* Двадцать лет дипломатической борьбы: пер. с фр. М., 1960.
- Теруэльская, Восточная и Левантская операции.* М., 1940.
- Черчилль У.* Вторая мировая война: в 6 т. / Пер. с англ. М., 1997–1998. Т. 1: Надвигающаяся буря. М., 1997.
- Шингарев С.И.* “Чатос” идут в атаку: 2-е изд. М., 1971.
- Эренбург И.Г.* Испанские репортажи, 1931–1939. М., 1986.
- Якуба Н.* Над Пиренеями // Крылья Родины. 1988. № 12. С. 32–34.
- Bolin L.* Spain: The Vital Years. L., 1967.
- Bowers C.G.* My Mission to Spain. Watching the Rehearsal for World War II. N.Y., 1954.
- Brasillach R.* Histoire de la Guerre d'Espagne: Memoires. P., 1969.
- Calderon D.I.* Guerra Civil Española (1936–1939). Mis memorias. Sevilla, 1977.
- Churchill W.* His Complete Speeches. 1897–1963. Vol. 6: 1935–1942. N.Y.; L., 1974.
- Ciano G.* Diplomatic Papers. 1936–1942. L., 1948.

- The Ciano's Diaries. 1939–1943. The Complete, Unabridged Diaries of Count Galcazzo Ciano, Italian Minister for Foreign Affairs, 1936–1943 / Ed. H. Gibson. N.Y., 1946.
- Cooper D.* Old Men Forget. The Autobiography of Duff Cooper. L., 1954.
- Cot P.* L'armée de l'air. 1936–1939. P., 1939.
- Dalton H.* The Fateful years 1931–1945. L., 1957.
- The Diaries of Sir Alexander Cadogan. 1938–1945 / Ed. D. Dilks. L., 1971.
- Dias J.* Lessons of the Spanish War, 1936–1939.
- The Diplomatic Diaries of Oliver Harvey, 1937–1940 / Ed. Harvey John. L. Harvey. L., 1970.
- Eden A.* Facing the Dictators. Boston, 1962.
- Eden A.* Foreign Affairs. L.; N.Y., 1971.
- Gaya y Delrue M.* Combattre pour Madrid (Mémoires d'un officier franquiste). P., 1964.
- Gurney J.* Crusade in Spain. L., 1974.
- The Von Hassell Diaries, 1938–1944. N.Y.; Doubleday, 1947.
- Kennan G.E.* Memoirs. 1925–1950. Boston; Toronto, 1967.
- Larios J.* Combat over Spain. Memoirs of a Nationalist Fighter Pilot: 1936–1939. N.Y., 1987.
- Lipski J.* Diplomat in Berlin. 1933–1939. Papers and Memoirs of J. Lipski, Ambassador of Poland / Ed. W. Jędrzejewicz. N.Y.; L., 1968.
- Laski H.J.* London – Washington – Moscow. Partners in Peace? L., 1943.
- Macmillan H.* The Past Masters Politics and Politicians, 1906–1939. L., 1975.
- Macmillan H.* The Winds of Change, 1914–1939. N.Y a. Evaston, 1966.
- Nicolson H.* Diaries and Letters. 1930–1939. N.Y., 1966.
- Seton-Watson W.* Britain and Dictators. Survey of Post-War British Policy. Cambridge, 1938.
- Thompson G.* Front-Line Diplomat. L., 1952.
- Vansittart R.* The Mist Procession. The Autobiography of Lord Vansittart / Publ. R. Gilbert. L., 1958.
- Vansittart R.* Lessons of My Life. L., 1943.
- Yayo A.J. del.* Freedom's Battle. N.Y., 1971.
- Warlimont W.* Inside Hitler's Headquarters. 1939–1945. N.Y., 1962.

Периодическая печать

СССР

Правда. 1936–1939.

Известия. 1936–1939.

Австрия

Wiener Neueste Nachrichten. 1936. Отдельные номера.

Великобритания

Anglo-Russian Parliamentary Committee. 1936–1937.

The Army Quarterly. 1936–1939.

The Contemporary Review. 1936–1939.

Daily Express. 1936. Oct.

Daily Herald. 1936–1939.

Daily Mail. 1936–1938.

Daily Telegraph. 1936–1937.

Evening Standard. 1936. Отдельные номера.

Inprecorr. 1936–1938
International Affairs. 1936–1937.
Manchester Guardian. 1936–1939.
Morning Post. 1936–1937.
News Chronicle. 1936–1939.
The Observer. 1936–1939.
The People. Отдельные номера.
The Political Quarterly. 1937–1938.
The Round Table. 1936–1939.
Soviet News. 1936–1937.
Spectator. 1936–1938.
Sunday Express. 1936. Отдельные номера.
Sunday Times. 1936. Отдельные номера.
The Times. 1936–1939.

Франция

Acción Française. 1936.
L'Ami du Peuple. 1936.
L'Echo de Paris. 1936.
L'Homme Libre. 1936.
La République. 1936.
Le Figaro. 1936–1938.
Le Matin. 1936.
L'Oeuvre. 1936–1937.
Le Petit Parisien. 1936.
Le Peuple. 1936.
Les Jours. 1936.
Liberté. 1936.
Humanité. 1936.
Paris-Soir. 1936.
Temps. 1936. Отдельные номера.

Германия

Berliner Börsen-Zeitung. 1936.
Berliner Tageblatt. 1936–1937.
Deutsche Allgemeine Zeitung. 1936. Отдельные номера.
Frankfurter Zeitung. 1936.
Völkischer Beobachter. 1936–1938.

Италия

La Gazzetta del Popolo. 1936–1937.
Il Giornale d'Italia. 1936–1938.
Il Messaggero. 1936–1937.
Popolo d'Italia. 1936–1937.
Regime fascista. 1937.
Tribuna. 1936.
Voce d'Italia. 1937.

США

Chicago Daily News. 1936. Отдельные номера.
New York American. 1936.
New York Evening Journal. 1936. Aug. -- December.
New York Times. 1936.
New York Herald Tribune. 1936. Aug.-Dec.

Научные исследования

- Аксанов Е. Португалия и ее роль в фашистской интервенции в Испании. М., 1937.
- Арзакания М.Ц. “Самый знаменитый из французов” // Шарль де Голль. М., 2000. С. 5–16.
- Арзакания М.Ц. Генерал де Голль на пути к власти. М., 2001.
- Артемьев И. Советские радисты в войне в Испании (1936–1939 гг.) // Военно-исторический журнал. 1976. № 7. С. 57–62.
- Басанец Л. Оборона // Военный вестник 1939. № 2 С. 63–69.
- Белли В. Основы ведения операций на море // Морской сборник. 1939. № 7. С. 13–24.
- Безыменский Л. Гитлер и Сталин перед схваткой. М., 2000.
- Белоусова З.С., Кремер И. Политика окружения Франции: к истории германо-итальянской интервенции в Испании 1936–1939 гг. // Международная жизнь. 1960. № 7. С. 113–120.
- Белоусова З.С. Проблема безопасности Франции в 1936–1937 гг. // Французский ежегодник. 1962. М., 1963. С. 332–367.
- Белоусова З.С. Французская дипломатия накануне Мюнхена. М., 1964.
- Белоусова З.С. Франция и европейская безопасность. М., 1976.
- Белоусова З.С. Начало гражданской войны в Испании и дипломатия Парижа // Из истории Европы в новое и новейшее время: к 100-летию со дня рождения ак. И.М. Майского. М., 1984. С. 191–207.
- Белоусова З.С. Европейская политика Великобритании и Франции: противоречия и сотрудничество // Европа между миром и войной. 1918–1939. М., 1992. С. 57–101.
- Белоусова З.С., Наджафов Д.Г. Вызов капитализму: советский фактор в мировой политике // XX век. Многообразие, противоречивость, целостность. М., 1996. С. 54–107.
- Березов Г. Малага–Харама–Гвадалахара // Большевик 1937. № 7. С. 70–75.
- Бобров Д. Теруэльская операция республиканцев на окружение // Военная мысль. 1939. № 2. С. 93–101.
- Бешенцева В.В. Аграрно-крестьянская проблема в Испанской революции 1931–1939 гг.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1985.
- Борисов Ю.В. Сначала к Мюнхену, затем – к войне (из истории франко-германских отношений 1933–1938 годов) // Международная жизнь. 1961. № 2. С. 86–94.
- Борисов Ю.В. Советско-французские отношения 1933–1938 годов (по материалам парламентского рассмотрения причин поражения Франции) // Вопросы истории. 1963. № 8. С. 161–178.
- Борисов Ю.В. Советско-французские отношения (1924–1945). М., 1964.
- Борисов Ю.В. Франко-советские отношения накануне второй мировой войны в свете новых документов Кэ д’Орсе // Вопросы истории. 1970. № 1. С. 56–74.
- Бошняк Ю. Развитие теории противовоздушной обороны в предвоенные годы // Военно-исторический журнал. 1984. № 5. С. 43–50.
- Бродель Ф. История моря и суши // Европейский альманах. 1997. История. Традиции. Культура. М., 1998. С. 7–13.
- Бруз В.С. Борьба СССР за коллективную безопасность в Европе в период начала фашистской агрессии и политика западных держав (1935–1937): Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. Киев, 1970.
- Бурмистров И. Действие подводных лодок республиканской Испании // Морской сборник. 1939. № 6. С. 59–63.

- Бурова Т.Т.* Империалистическая политика США в связи с войной Италии против Эфиопии и началом итало-германской агрессии против Испании (1935–1937): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Томск, 1972.
- Буханов В.А.* Европейская стратегия германского фашизма, 1933–1939. Свердловск, 1991.
- Варга Е.* Испания в революции. М., 1936.
- Варга Е.С.* Португалия и фашистская интервенция в Испании. М., 1937.
- Варга Е.С.* Португалия и испанские события // Мировое хозяйство и мировая экономика. 1937. № 3. С. 29–47.
- Василевский Л.П.* Подвиг испанского народа в национально-революционной войне // Вопросы истории. 1968. № 10. С. 124–126.
- Василевский Л.П.* Фашистский “Легион Кондор” в Испании в 1936–1939 гг. // Военно-исторический журнал. 1960. № 12. С. 118–120.
- Варфоломеева Р.С.* Реакционная внешняя политика французских правых социалистов (1936–1939 гг.). М., 1949.
- Война в Испании. Боевые действия авиации (с начала мятежа по август 1937 г.). М., 1938.
- Война и политика, 1939–1941. М., 1999.
- Война и революция в Испании 1936–1939 гг. / Пер. с исп.: В 2-х т. М., 1968.
- Волков Ф.Д.* СССР–Англия. 1929–1945. М., 1964.
- Волков Ф.Д.* Тайны Уайт-холла и Даунинг-стрит. М., 1980.
- Вопросы стратегии и оперативного искусства в советских военных трудах (1917–1940 гг.). М., 1965.
- Вышеславский Л.* Мадрид, 1936–1937 / Пер. с польск. М., 2003.
- Гаврилов Я.* Победа республиканской армии Испании под Гвадалахарой // Военная мысль. 1967. № 3. С. 55–62.
- Гагин В.В.* Воздушная война в Испании (1936–1939). Воронеж, 1998.
- Гальего И.* Опыт и уроки национально-революционной войны в Испании // Коммунист. 1986. № 17. С. 111–119.
- Гарбузов И.* По законам интернационализма (Об участии советских добровольцев-интернационалистов в национально-революционной войне испанского народа против фашизма. 1936–1939) // Советское военное обозрение. 1986. № 9. С. 44–46.
- Гарсиа Х.* Испания Народного фронта. М., 1957.
- Гарсиа Х.* Испания XX в. М., 1967.
- Гарсиа Х.* Испанский народ в борьбе за свободу и демократию против фашизма (1936–1939). М., 1956.
- Германия и СССР в 1918–1939 гг.: Мотивы и последствия внешнеполитических решений // Россия и Германия в годы войны и мира (1914–1945) / Под ред. Д. Проэктора и др. М., 1995. С. 26–94.
- Глушков А.Е.* Роль нацистской пропаганды в подготовке и проведении агрессивных актов фашистской Германии в Европе в 1936–1939 гг. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Томск, 1969.
- Глушков А.Е.* Антиреспубликанская пропаганда в прессе гитлеровской Германии в связи с началом гражданской войны в Испании 1936 г. // Тр. Томского ун-та. Томск, 1973. Вып. 222. С. 42–48.
- Головешкин В.* Добровольцы свободы (Об участии советских танкистов в героической обороне Мадрида) // Знаменосец. 1986. № 11. С. 18–19.
- Горбик И.В.* Роль Великобритании в формировании политики невмешательства по отношению к национально-революционной войне испанского народа // Вопросы новой и новейшей истории. Киев. 1991. Вып. 37. С. 45–53.

- Грахов А.Н. Международная обстановка в связи с итало-германской фашистской интервенцией в Испании. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1946.
- Дайнес В.О. На фронтах республиканской Испании (к 50-летию начала национально-революционной войны испанского народа) // Военно-исторический журнал. 1986. № 7. С. 85–90.
- Дашичев В.И. Стратегия Гитлера – путь к катастрофе, 1933–1945: ист. очерки, док. и материалы: в 4-х т. М., 2005. Т. 1: Подготовка ко Второй мировой войне, 1933–1939.
- Дейтон Л. Вторая мировая: ошибки, промахи, потери. М., 2000.
- Демид Ф. Военный обзор гражданской войны в Испании // Большевик. 1936. № 16. С. 74–84; № 17. С. 75–88.
- Десятсков С.Г. Формирование и развитие политики попустительства и поощрения агрессии (1931–1940): автореф. дисс. ... докт. ист. наук. М., 1983.
- Дронов В. Новый взгляд на состояние германского танкостроения с 1934 по 1945 г. // Актуальные проблемы новой и новейшей истории. Ульяновск, 1995. С. 47–55.
- Другая война: 1939–1945 / Под общ. ред. Ю.Н. Афанасьева. М., 1996.
- Дэу Дж. Господство в воздухе. Посмертное издание трудов по вопросам воздушной войны: пер. с ит. М., 1935.
- Европа в системе международных отношений (1917–1945): сб. научн. трудов Урал. гос. университета. Свердловск, 1990.
- Европа в международных отношениях, 1917–1939. М., 1979.
- Европа между миром и войной. 1918–1939. М., 1992.
- Елпатовский А.В. Испанская эмиграция в СССР. Историография и источники, попытка интерпретации. Тверь, 2002.
- Зарождение и развитие советской военной историографии. 1917–1941 / Отв. ред. П.А. Жилин. М., 1985.
- Ибаррури Д. Национально-революционная война испанского народа против итало-германских интервентов и фашистских мятежников (1936–1939) // Вопросы истории. 1953. № 11. С. 28–47.
- Иванов А.Г. Агрессоры и умиротворители. Гитлер, Муссолини и британская дипломатия. М., 1993.
- Иванов Л.Н. Средиземноморская проблема // Морской сборник. Орган Народного Комиссариата Военно-морского флота СССР. Л., 1939. № 3. С. 62–63.
- Иванов Л.Н. Морская политика и дипломатия империалистических держав между первой и второй мировыми войнами. М., 1964.
- Из истории освободительной борьбы испанского народа: Сб. статей / Под ред. И.М. Майского. М., 1959.
- Испания в цифрах. М., 1936.
- Испания 1918–1972. Ист. очерк / Под ред. И.М. Майского, Х. Винсенса, С.П. Пожарской и др. М., 1975.
- Испания в борьбе против фашизма: сб. статей и материалов. М., 1936.
- Испанский народ против фашизма (1936–1939 гг.): сб. статей / Отв. ред. И.М. Майский, С.П. Пожарская. М., 1963.
- Иссерсон Г.С. Новые формы борьбы (Опыт исследования современных войн). М., 1940. Вып. 1.
- История второй мировой войны 1939–1945: В 12-ти т. М., 1974. Т. 2.
- История внешней политики СССР. 1917–1985: В 2-х т. М., 1986. Т. 1.
- История дипломатии: в 5 т. 2-е изд. М., 1965. Т. 3.
- История международных отношений и внешней политики СССР: В 3-х т. М., 1986. Т. 1.
- История фашизма в Западной Европе. М., 1978.

- Кисляков Ю., Бабич В.* Развитие воздушного боя (В небе Испании) // *Авиация и космонавтика*. 1987. № 1. С. 29–31.
- Киссинджер Г.* Дипломатия. М., 1997.
- Кирсанов В.Н.* Локальные войны и военные конфликты накануне первой и второй мировых войн: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1980.
- Клювер К.* Военный потенциал государств / Пер. с англ. М., 1960.
- Козак С.* Наступление в противотанковом районе (Исторический пример) // *Автобронетанковый журнал*. 1940. № 3. С. 9–17.
- Коломиец Г.Н.* Очерки новейшей истории Португалии. М., 1965.
- Комшуков А.А.* Разоблачение в советской печати политики “невмешательства” западных держав в Испании // *Вопросы новой и новейшей истории*. Киев, 1982. Вып. 28. С. 70–79.
- Коротков И.А.* История советской военной мысли (Краткий очерк. 1921 – июнь 1941 г.). М., 1980.
- Корсун Н.Г.* Оперативные уроки войны в Испании и Китае. Очерк. М., 1940.
- Корзун Л.* Роль военной стратегии в подготовке стран к войне (по опыту первой и второй мировых войн) // *Военно-исторический журнал*. 1982. № 7. С. 46–53.
- Копман В.* Германские легкие крейсера второй мировой войны. М., 1996.
- Красиков А.А.* Испания и мировая политика. Повека дипломатической истории. М., 1989.
- Красильников А.Н.* СССР и Англия. Советско-английские отношения в 1917–1967. М., 1967.
- Креленко Д.М.* Битва на Эбро // *Военно-исторические исследования в Поволжье*. Вып. 2. Саратов, 1997. С. 158–167.
- Кривошеев Г.Ф.* Война брони и моторов // *Военно-исторический журнал*. 1991. № 4. С. 36–41.
- Кузьмин В.А., Михайленко В.И.* Англо-итальянские противоречия в Восточном Средиземноморье накануне второй мировой войны // *Средиземноморье и Европа: исторические традиции и современные проблемы*. М., 1986.
- Кулик Н.* Оперативно-тактический опыт войны в Испании (Боевые действия на Центральном фронте с октября 1936 г. по февраль 1937 г.). М., 1937.
- Кульков Е.Н.* Советский Союз в военно-политических планах нацистской Германии (1933–1941 гг.) // *Россия и Германия*. М., 1998. Вып. 1. С. 244–318.
- Ланза К.Х.* Уроки боев в Испании / Пер с англ. // *Военный зарубежник*. 1939. № 1. С. 2–15.
- Литицкий С.В.* Вооруженные Силы СССР и советское военное искусство в период между гражданской и Великой Отечественной войнами (1920–1940 гг.). М., 1957.
- Любарский С.* Некоторые оперативно-тактические выводы из опыта войны в Испании. Л., 1939.
- Людвиг.* Военная техника в испанской войне / Пер. с нем. // *Военный зарубежник*. 1939. № 3. С. 30–37.
- Майзель Б.* Поражение фашистов под Гвадалахарой. М., 1937.
- Максимычев И.Ф.* Дипломатия мира против дипломатии войны. Очерк истории советско-германских дипломатических отношений в 1933–1939 годах. М., 1981.
- Малай В.В.* Нионская международная конференция и курс Великобритании на политическую изоляцию СССР. [Деп. в ИНИОН АН СССР 26.07.89. № 39014].
- Малай В.В.* Тактика английской дипломатии в отношении советской позиции в испанском вопросе и проблема изоляции СССР на международном арсене // *Актуальные проблемы социально-экономической и политической истории Великобритании в новое и новейшее время*. Уфа, 1991.

- Малай В.В.* Начало гражданской войны в Испании 1936–1939 гг. и внешнеполитические задачи Великобритании // Исторические и историографические проблемы международных отношений и дипломатии. Белгород, 1993. С. 92–100.
- Малай В.В.* Некоторые проблемы англоязычной историографии международных аспектов гражданской войны в Испании на примере англо-советских дипломатических отношений 1936–1939 гг. // Отечественная и всеобщая история: методология, источниковедение, историография. Брянск, 1993. С. 75–77.
- Малай В.В.* Международные аспекты гражданской войны в Испании (на примере англо-итальянских дипломатических отношений: 1936 – первая половина 1937 г.) // Международные отношения в межвоенный период: мат. межвуз. научн. конф. Белгород, 1995. С. 14–17.
- Малай В.В.* О некоторых международных аспектах гражданской войны в Испании 1936–1939 гг. // Вопросы всеобщей истории и политологии. Белгород, 1997. С. 120–127.
- Малай В.В., Новиков М.В., Алперт М.* Новая международная история гражданской войны в Испании. Лондон, 1994 // Новая и новейшая история. 1998. № 4. С. 190–191.
- Малай В.В.* Судьба республики решалась не в Мадриде: из истории англо-советских дипломатических отношений в канун второй мировой войны. Белгород: Изд-во БелГУ. 1999.
- Малай В.В.* Проблемы нарушения Соглашения о невмешательстве в дела Испании и тактика ведущих европейских государств (сентябрь 1936 – весна 1937) // Международные отношения в межвоенный период. Белгород, 1999. С. 15–19.
- Малай В.В., Новиков М.В.* Британский историк о международных аспектах гражданской войны в Испании // Ярославский педагогический вестник. Ярославль, 1996. № 3(6). С. 50–53.
- Малай В.В.* Проблемы итальянской интервенции в Испании (1936–1939) в работах зарубежных историков // Проблемы историографии всеобщей истории. Белгород, 2000. С. 44–53.
- Малай В.В.* Международные аспекты гражданской войны в Испании 1936–1939 гг. по материалам Архива внешней политики РФ // Проблемы источниковедения всеобщей истории. Белгород, 2002. Ч. II: Проблемы источниковедения новой и новейшей истории. С. 52–60.
- Малай В.В.* Гражданская война в Испании (1936–1939 гг.) в контексте международных отношений (по материалам Архива внешней политики России) // Источники гуманитарного поиска: новое в традиционном. (Лингвистика. История): сб. статей / Под ред. В.К. Харченко. Белгород, 2002. С. 127–132.
- Малай В.В.* Проблемы гражданской войны в Испании (1936–1939) по отечественным источникам: сравнительный анализ // Источниковедческая компаративистика и историческое построение: тез. докл. и сообщ. XV научн. конф. Москва, 30 янв. – 1 февр. 2003 г. РГГУ. Ист.- архив. ин-т М., 2003. С. 197–199.
- Малай В.В.* Испанский “вектор” европейской политики (июль–август 1936 г.): рождение политики “невмешательства” // Ярославский педагогический вестник. 2003. № 4. С. 44–53.
- Малай В.В.* Международные аспекты Гражданской войны в Испании 1936–1939 гг.: Автореф. дисс. ... докт ист. наук. М.: ИВИ РАН, 2004.
- Малай В.В.* Начало гражданской войны в Испании (1936–1939 гг.) и проблемы невмешательства. По материалам Архива внешней политики РФ // Новая и новейшая история. 2006. № 6. С. 28–45.
- Малай В.В.* Гражданская война в Испании (1936–1939) и блоковая политика накануне Второй мировой войны // Научные ведомости. БелГУ. Серия История. Политология. Экономика. Белгород, 2007. Вып. 1 (32). С. 20–30.

- Малай В.В.* Проблемы гражданской войны в Испании в геополитических реалиях Европы // *Гражданская война в Испании 1936–1939 гг. и Европа (к 70-летию начала)*: мат. межвуз. научн. семинара / Под ред. В.В. Малай. Белгород, 2007. С. 5–8.
- Малай В.В.* Европа и Испания (сентябрь 1936 г. – май 1937 г.) // *Научные ведомости. БелГУ. Серия История. Политология. Экономика.* Белгород, 2008. Вып. 1 (41). С. 153–161.
- Малай В.В.* Международные аспекты гражданской войны в Испании (1936–1939 гг.) // *Война. Народ. Победа: Мат. между. науч. конф. Москва, 15–16 марта 2005 года / ИВИ РАН.* М., 2008. С. 51–59.
- Малай В.В., Новиков М.В.* Юбилейное издание о гражданской войне в Испании 1936–1939 гг. // *Ярославский педагогический вестник.* 2000. № 1 (23). С. 184–190.
- Малай В.В., Новиков М.В.* Гражданская война в Испании 1936–1939 годов на страницах английского исторического журнала // *Новая и новейшая история.* 2003. № 1. С. 200–209.
- Мамонов В.М.* Английская политика “экономического умиротворения” Германии (1931–1939): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Новгород, 1996.
- Международные отношения: социологические подходы / Под ред. П.А. Цыганкова.* М., 1998.
- Мешкова Н.Г.* Советская историография итало-германской интервенции в Испании в 1936–1939 гг. // *Проблемы историографии международных отношений и национального движения в странах Западной Европы.* М., 1982. С. 91–110.
- Мещеряков М.Т.* Битва за свободу (Национально-революционная война испанского народа в 1936–1939 гг.) М., 1964.
- Мещеряков М.Т.* Движение солидарности в защиту республиканской Испании (1936–1939 гг.) // *Учен. зап. Высшей партийной школы при ЦК КПСС.* М., 1974. Вып. 2. С. 228–254.
- Мещеряков М.Т.* Испанская тема в работах советских историков (обзор) // *Вестник АН СССР.* 1965. № 5. С. 129–134.
- Мещеряков М.Т.* Испания в огне. М., 1971.
- Мещеряков М.Т.* Интернациональные бригады в Испании (1936–1939 гг.) // *Новая и новейшая история.* 1979. № 4. С. 37–54.
- Мещеряков М.Т.* Испанская республика и Коминтерн (Национально-революционная война испанского народа и политика Коммунистического Интернационала 1936–1939 гг.) М., 1981.
- Мещеряков М.Т.* Народная армия Испанской республики // *Вопросы истории.* 1979. № 11. С. 44–57.
- Мещеряков М.Т.* Первая вооруженная битва с фашизмом // *Учен. зап. Высшей партийной школы при ЦК КПСС.* 1977. Вып. 2. С. 198–215.
- Мещеряков М.Т.* Советский Союз и антифашистская война испанского народа (1936–1939) // *История СССР.* 1988. № 1. С. 22–40.
- Мещеряков М.Т.* Судьба интербригад в Испании по новым документам // *Новая и новейшая история.* 1993. № 5. С. 18–41.
- Мещеряков М.Т.* СССР и Гражданская война в Испании // *Отечественная история.* 1993. № 3. С. 83–95.
- Михайленко В.И.* Англо-итальянское соглашение 16 апреля 1938 г. // *Политика великих держав на Балканах и Ближнем Востоке в новейшее время: межвуз. сб. научн. трудов.* Свердловск, 1982. С. 30–38.
- Михайленко В.И.* На пути к формированию фашистской оси Рим–Берлин (по материалам итальянского Центрального Государственного Архива) // *Проблемы итальянской истории.* 1982. М., 1984. С. 80–99.

- Михайленко В.И.* Формирование итало-германского военно-политического союза в 1936–1939 гг. // Политика великих держав на Балканах и Ближнем Востоке в новейшее время: сб. научн. тр. Свердловск, 1983. С. 33–54.
- Моховикова Г.В.* Дипломатическая деятельность Клода Бауэrsa в период национально-революционной войны в Испании (1936–1939) // Новгород, 1993. [Деп. в ИНИОН РАН от 27.07.93.]
- Мюллер-Гиллебранд Б.* Сухопутная армия Германии, 1933–1945 / Пер. с нем.: В 3-х т. Т. 1: Сухопутная армия Германии перед Второй мировой войной. 1956.
- Наджафов Д.Г.* Народ США против фашизма и войны 1933–1939. М., 1968.
- Новиков М.В.* Некоторые новые тенденции в изучении истории гражданской войны в Испании 1936–1939 гг. // Перестройка в исторической науке и задачи школьного исторического образования. Ярославль, 1989. С. 38–40.
- Новиков М.В.* История гражданской войны в Испании в трудах советских историков // Европейская историография XX века: мат. российско-британской междунаrodn. конф. историков “Ярославль – Эксетер”. Ярославль, 1992.
- Новиков М.В.* Советские и зарубежные историки и мемуаристы о национально-революционной войне испанского народа 1936–1939 гг. Ярославль, 1992.
- Новиков М.В.* СССР, Коминтерн и гражданская война в Испании 1936–1939 гг.: В 2-х ч. Ярославль, 1995.
- Новиков М.В., Малай В.В.* Республика в осаде / Под ред. П. Престона и А. Маккинзи. Эдинбург, 1996 // Новая и новейшая история. 2000. № 5. С. 242–244.
- Новиков М.В.* Война в Испании и Советский Союз. 1936–1939. Ярославль, 2000.
- Овинников Р.С.* Как рождалась политика “невмешательства” в испанские дела (июль–август 1936 г.) // История международных отношений, история зарубежных стран: сб. ст. М., 1957. С. 93–136.
- Овинников Р.С.* За кулисами политики “невмешательства”. Испанский вопрос в политике империалистов Англии, Франции и США. М., 1959.
- Овсяный И.Д.* Тайна, в которой война рождалась. Как империалисты подготовили и развязали вторую мировую войну: изд. 2-е, доп. М., 1975.
- Орлов Б.М.* В поисках союзников: командование Красной Армии и проблемы внешней политики в 30-х годах // Вопросы истории. 1990. № 4. С. 40–53.
- Панарин И.* Технология информационной войны. М., 2003.
- Перов Б.М.* Франция накануне войны. Внутренняя и внешняя политика правительства Э. Даладьe в 1938–1939 гг. Самара, 2001.
- Петрова Г.Д.* Критерий периодизации и классификации английской и американской буржуазной историографии национально-революционной войны испанского народа 1936–1939 // Буржуазная историография Западной Европы и США проблем новой и новейшей истории (XIX–XX в.). Сыктывкар, 1986. С. 18–30.
- Петрова Г.Д.* Марксистская историография 1936–1957 гг. о роли внутренних и внешних факторов в судьбе испанской Республики 1936–1939 гг. // Актуальные проблемы историографии всеобщей истории. Сыктывкар, 1990. С. 116–122.
- Под знаменем Испанской республики 1936–1939. М., 1965.
- Пожарская С.П.* Испания и США. Внешняя политика и общество. 1936–1976. М., 1982.
- Пожарская С.П.* Тайная дипломатия Мадрида. Внешняя политика Испании в годы второй мировой войны. М., 1971.
- Пожарская С.П.* От 18 июля 1936 г. – долгий путь. М., 1977.

- Пожарская С.П.* Гражданская война в Испании и проблемы Средиземноморья // Средиземноморье и Европа: исторические традиции и современные проблемы. М., 1986. С. 60–70.
- Пожарская С.П.* Гражданская война в Испании в контексте международных отношений в канун второй мировой войны // Европа между миром и войной. М., 1992. С. 152–172.
- Пожарская С.П.* Россия и Испания в годы наполеоновских войн (1808–1812) // Россия и Европа. Дипломатия и культура. М., 2002.
- Пожарская С.П.* Советская историография антифашистской войны в Испании (1936–1939 гг.) // Новая и новейшая история. 1987. №2. С. 200–211.
- Пожарская С.П.* Франсиско Франко и его время. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. 410 с.
- Попов В.И.* Дипломатические отношения между СССР и Англией. 1929–1939. М., 1965.
- Попова Е.Н.* СССР и Гражданская война в Испании 1936–1939 гг. // Вестник военной истории. 1990. № 1. С. 64–102.
- Прицкер Д.П.* Освободительная война испанского народа и агрессивная политика империалистических государств: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1950.
- Прицкер Д.П.* Подвиг Испанской республики. М., 1962.
- Прицкер Д.П.* Как рождалась политика “невмешательства” в испанскую гражданскую войну (1936) // Учен. зап. Ленинград. пед. ин-та. Л., 1969. Т. 307. С. 17–32.
- Прокопьев В.П.* Государство и армия в истории Германии X–XX вв. Калининград, 1998.
- Прозектор Д.М.* Мировые войны и судьбы человечества. М., 1989.
- Размеров В.В.* Экономическая подготовка гитлеровской агрессии (1933–1939). М., 1958.
- Рамишвили С.* Противовоздушная оборона морских баз (По опыту войны в Испании) // Морской сборник. 1939. № 1. С. 31–48; № 7. С. 25–36; № 13–14. С. 40–56.
- Ратнер И.* Брунетская операция 5–27 июля 1937 г. (Война в Испании). М., 1941. С. 11–81.
- Резево В.Г.* Радянський Союз і політика невтручання у справі Іспанії (серпень – жовтень 1936 р.) // Питання нової та сучасної історії. Міжвідомчий науковий зб. Київ, 1968. Випуск 6. С. 28–39.
- Репневский А.В.* Этапы и направления развития американской и английской буржуазной историографии национально-революционной войны в Испании // Общественное движение и национальная борьба в странах Западной Европы и Америки в XIX–XX вв. Л., 1979. С. 67–76.
- Ржевская Е.М.* Геббельс: портрет на фоне дневника. М., 1994.
- Розанов Г.Л.* Сталин и Гитлер. Документальный очерк советско-германских дипломатических отношений 1939–1941. М., 1991.
- Роль авиации в современной войне в Испании (Английские взгляды) // Вестник Воздушного флота. 1939. № 3. С. 51–54.
- Россия и Запад. Формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины XX века / Отв. ред. А.В. Голубев. М., 1998.
- Рубинский Ю.М.* Тревожные годы Франции. Борьба классов и партий от Версаля до Мюнхена (1919–1939 гг.). М., 1973.
- Ружерон К.* Уроки войны в Испании. От массового разрушения к непрерывной тревоге / Пер. с фр. // Военный зарубежник. 1939. № 6. С. 17–25.

- Рыбалкин Ю.* Деятельность советских военных советников в Народной Армии Испанской республики (1936–1939 гг.) // Военный вестник. 1991. № 14. С. 7–10.
- Рыбалкин Ю.* Под Гвадалахарой и Теруэлем (Советские танкисты в Испании) // Военные знания. 1994. № 9. С. 10–11.
- Рыбалкин Ю.* Чему научил Красную Армию “испанский полигон”? // Обозреватель. 1993. № 27. С. 95–98.
- Рыбалкин Ю.* Операция “Х”. Советская военная помощь республиканской Испании (1936–1939). М., 2000.
- Рыжиков В.А.* Зигзаги дипломатии Лондона. (Из истории советско-английских отношений). М., 1973.
- Рыжиков В.А.* Советско-английские отношения. Основные этапы истории. М., 1987.
- Рябокош С.И.* Джентльменское соглашение Англии с Турцией и Югославией в декабре 1935 г. // Политика великих держав на Балканах и Ближнем Востоке в новейшее время. Свердловск, 1981. С. 73–89.
- Савинов А.В.* Англо-итальянские отношения в период средиземноморского кризиса 1935–1936 // Проблемы итальянской истории. 1982. М., 1983. С. 100–127.
- Самарин А.* Борьба за Мадрид. М., 1940.
- Самойлов П.И.* Гвадалахара. Разгром итальянского экспедиционного корпуса. М., 1940.
- Серебряков А.Г.* Восточная операция в Испании (март–апрель 1938 г.) // Военная мысль. 1939. № 8. С. 121–130.
- Серебряков А.* Каталонская операция (1938–1939 гг.) // Военно-исторический журнал. 1940. № 2. С. 74–93.
- Серебряков А.Е.* Брунетская операция республиканской армии Испании. Оперативно-тактические очерки. М., 1941.
- Серебряков А.Г.* Восточная операция в Испании (март–апрель 1938 г.) // Военная мысль. 1939. № 8. С. 121–130.
- Серебряков А.* Каталонская операция (1938–1939 гг.) // Военно-исторический журнал. 1940. № 2. С. 74–93.
- Сиполс В.Я.* Дипломатическая борьба накануне второй мировой войны: 2-е изд., дораб. и доп. М., 1989.
- Сиполс В.Я.* Внешняя политика Советского Союза. 1936–1939. М., 1987.
- Случ С.З.* Внешняя политика фашистской Германии 1933–1939 гг. (Основные этапы подготовки к войне) // Европа в международных отношениях 1917–1939 / Отв. ред. А.О. Чубарьян. М., 1979. С. 206–207.
- Случ С.З.* Германо-советские отношения в 1918–1941 (мотивы и последствия внешнеполитических решений): дисс. (в форме научн. докл. по совокупности опубл. работ) ... докт. ист. наук. М., 1995.
- Смирнова Н.Д.* Балканская политика фашистской Италии. Очерк дипломатической истории (1936–1941). М., 1969.
- Смит Д.* Муссолини / Пер. с англ. М., 1995.
- Солидарность народов с Испанской республикой 1936–1939 гг. М., 1972.
- Сориа Ж.* Война и революция в Испании, 1936–1939 / Пер. с фр.: В 2-х т. М., 1987.
- Старинов И.Г.* Мины ждут своего часа. М., 1964.
- Стегарь С.А.* Политика французского правительства в испанском вопросе в 1936–1939 годах // Вопросы истории. 1965. № 1. С. 45–54.
- Стегарь С.А.* Дипломатия Франции перед второй мировой войной. М., 1990.
- Сухарев В., Сухарев М.* Психология народов и наций. Донецк, 1997.

- Типпельскирх К.* История второй мировой войны / Пер. с нем.: В 2-х т. М., 1994.
- Трухановский В.Г.* Новейшая история Англии. М., 1958.
- Трухановский В.Г.* Уинстон Черчилль. Политическая биография. 2-е изд. исп. и доп. М., 1977.
- Трухановский В.Г.* Антони Иден: 2-е изд., перераб. и доп. М., 1983.
- Устрялов Н.В.* Итальянский фашизм. М., 1999.
- Филитов А.М.* Мировые войны – роковые вехи нашего столетия // XX век. Многообразии, противоречивость, целостность. М., 1996. С. 108–144.
- Фуллер.* Танки в Испании: пер. с англ. // 1939. № 1. С. 20–24.
- Фомин В.Г.* Агрессия Германии в Европе 1933–1939 гг. М., 1963.
- Хибберт К.* Бенито Муссолини. Биография / Пер с англ. М., 1996.
- Ходнев А.С.* Международная организация в ожидании приговора? Лига наций в мировой политике. 1919–1946: Очерки истории. Ярославль, 1995.
- Хормач И.А.* СССР–Италия. 1924–1939 гг. (дипломатическис и экономическис отношения). М., 1995.
- Челышев И.А.* СССР – Франция: трудные годы 1938–1941. М., 1999.
- Чикваидзе А.Д.* Английский кабинет накануне второй мировой войны. Тбилиси, 1976.
- Шиловский Е.А.* Подготовка и ведение оперативного прорыва // Военная мысль. 1939. № 8. С. 15–29.
- Ширер У.* Взлет и падение третьего Рейха / Пер. с англ.: В 2-х т. М., 1993.
- Шмелев Г.* Война в Испании. Обзор военных действий. М., 1938.
- Шперк В.Ф.* Фортификация в испанской войне 1936–1938 гг. // История фортификации. М., 1957. С. 257–264.
- Шубин А.В.* Революционная гражданская война: критерии типологии // Европейские сравнительно-исторические исследования / Ин-т всеобщ. истории РАН. М.: Наука, 2006. Вып. 2: География и политика. С. 235–262.
- Шубарт В.* Россия и душа Востока. М., 1997.
- Шумихин В.С.* Советская военная авиация. 1917–1941. М., 1986.

Зарубежные исследования

- Abendroth H.-H.* Hitler in der Spanischen Arena: Die deutsch-spanischen Beziehungen im Spannungsfeld der europäischen Interessenpolitik bis zum Ausbruch des Weltkrieges 1936–1939. Padeborn, 1973.
- Abendroth H.-H.* Deutschland, Frankreich und der spanische Bürgerkrieg 1936–1939 // Deutschland und Frankreich, 1936–1939. 15 Deutsch-französisches Historikerkolloquium des Deutschen Historischen Institut Paris (Bonn, 26 – 29 Sept. 1979) veranstaltet in Zusammenarbeit mit dem Comité français d’Histoire de la Deuxième Guerre mondiale und Militärgeschichtlichen Forschungsamt Freiburg / Beihefte der Francia. Herausgegeben vom Deutschen Historischen Institut Paris. München, Zürich: Artmetis, 1981. S.453–474.
- Adamthwaite A.P.* France and the Coming of the II World War. 1936–1939. L., 1977.
- Adelman P.* British Politics in the 1930s and 1940s. Cambridge.1987.100 P.
- Alexander M.S.* The Republic in Danger: General M. Gamelin and the Politics of French Defense, 1933–1940. Cambridge, 1992.
- Albrecht-Carrié R.* France, Europe and the Two World Wars. Geneva, P., 1960.
- Alcroft D.H.* The European Economy 1914–1990. L., 1994.
- Alpert M.* Gibraltar y la guerra civil Española // Studia Historica. Salamanca, 1985. IV. P. 91–101.
- Alpert M.* La guerra civil Española en el mer. Madrid, 1987.

- Alpert M.* The Spanish Army and the Popular Front // The French and Spanish Popular Front. Cambridge, 1989. P. 50–61.
- Alpert M.* A New International History of the Spanish Civil War. L., 1994.
- America and the European Crisis. Pasadana, 1940.
- Anatomic d'une défaite. Cinq études sur les origines profondes de l'effondrement militaire français, 1919–1939. Lausanne, 1973.
- Appeasement in Europe. A Reassessment of United States' Politics / Ed. D.F Schmitz, R.D. Challener. N.Y.; L., 1990.
- Astorkia M.* Les Leçons aériennes de la guerre d'Espagne // Revue Historique des Armees. 1977. Apr. 2. P. 145–147.
- Aymard C.* Le Drame de la Méditerranée. P., 1938.
- Bartlett C.J.* British Foreign Policy in the Twentieth Century. L., 1989.
- Beevor A.* The Spanish Civil War. N.Y., 1983.
- Bell P.* British Policy in the Mediterranean, 1919–1939 // La Méditerranée de 1919 à 1939: Actes du Colloque organisé par le Centre de la Méditerranée moderne et contemporaine. P., 1969. P. 67–78.
- Beloff M.* War and Welfare. Britain 1914–1945. Arnold, 1984.
- Beloff M.* Balance of Power. L., 1968.
- Bernard M.* La Conquête de la Méditerranée. P., 1939.
- Bernecker W.L.* Spaniens Geschichte seit dem Bürgerkrieg. München, 1984.
- Beshop R.* Russia's Enemies in Britain. L., 1947.
- Blinkhorn M.* Mussolini and Fascist Italy. L., 1994.
- Blinkhorn M.* Democracy and Civil War in Spain. L., 1992.
- Bloch Ch.* Les relations franco-allemandes et la politique des puissances pendant la Guerre d'Espagne // Deutschland und Frankreich, 1936–1939. S. 429–452.
- Blyton W.J.* Anglo-German Future. L., 1939.
- Bolloten B.* The Grand Camouflage: The Communist Conspiracy in the Spanish Civil War. 1936–1939. L., 1968.
- Bolloten B.* The Spanish Civil War: Revolution and Counterrevolution. Chapel Hill: Univ. of Carolina Press, 1991.
- Bond B.* British Military Policy between the Two World Wars. Oxford, 1980.
- Brandford E.* Mediterranean Portrait of a Sea. L., 1971.
- Britain in Spain. A Study of the National Government's Spanish Policy. By "the Unknown Diplomat". L., 1939.
- Brereton G.* Will Spain Follow Russia? // The Contemporary Review. 1936. N 847. P. 43–50.
- Brereton G.* Can Franco win the Spanish War? // The Contemporary Review. 1937. July. N 864. P. 656–663.
- Britain's Conquest of the Mediterranean. The First Complete Authoritative account of the Five Years' Fight for Mastery in the Critical Mediterranean Theatre. Full Story, New Facts and Figures. Explanatory Maps and Official Photographs. Prepared from Official Records and First-hand Reports / With a Foreword by Lt. General Sir William Doffie, G.C. M. G., K.C.B., D.S.O., Late Governor of Malta., 1944.
- Britain, Fascism and the Popular Front / Ed. I. Fyrth. L., 1985.
- Broué P., Témime E.* La révolution e la guerre de España. México; Buenas Aires, 1962.
- Buchanan B.* Britain and the Spanish Civil War. Cambridge, 1997.
- Beumelburg W.* Kampf um Spanien Die Geschichte der Legion Condor. Beard im Auftrag des Reichsluftfahrtministerium. Oldenburg; Berlin, 1939.
- Buckley H.* Life and Death of the Spanish Republic. L., 1940.
- Burdick C.* Germany's Military Strategy and Spain in World War II. N.Y., 1968.

- Burdick C.* The Resupply of German Submarines in Spain 1939–1942 // *Central European History*, 1970. III. N 3. P. 256–284.
- The Coming of the Spanish Civil War: Reform, Reaction and Revolution in the Second Republic, 1931–1939 / Ed. by P. Preston. L.; N.Y., 1984.
- Capamia F.* *Politica Mediterranea de l'Italia*. Rome, 1940.
- Carlton D.* Eden, Blum and the Origins of Non-Intervention // *Journal of Contemporary History*. Vol. 6. N 3, 1971. P. 40–55.
- Carr E.H.* The Foreign Policy of Britain from 1918 to September 1939. L., 1939.
- Carr E.H.* Propaganda in International Relations. Oxford, 1939.
- Carr E.H.* The Twenty Year's Crisis, 1919–1939. An Introduction to the Study of International Relations, 1941.
- Carr E.H.* International Relations between the Two World Wars (1919–1939). L., 1948.
- Carr E.H.* German-Soviet Relations between the Two World Wars, 1919–1939. Baltimore, 1951.
- Carr E.H.* The Comintern and the Spanish Civil War. L., 1984.
- Carr R.* The Spanish Tragedy. The Civil War in Perspective. L., 1977.
- Carrilo S.* Dialogue on Spain. L., 1976.
- Casas de la Veda R.* Las milicias nacionales en la guerra de España. Madrid, 1974.
- Cattel D.* Communism and the Spanish Civil War. Berkley; Los Angeles. 1956.
- Cattel D.* Soviet Diplomacy and the Spanish Civil War. Berkley; Los Angeles. 1957.
- Cattel D.* Soviet Military Aid to the Republic // *The Spanish Civil War. Domestic Crisis or International Conspiracy?* / Ed. G. Jackson. Boston, 1967. P. 72–79.
- Charmley G.* Chamberlain and the Lost Peace. L., 1989.
- Churchill / Ed. R. Blake, W.R. Lous. Oxford, 1994.
- Cierva R. de la.* Nueva y definitiva historia de la Guerra civil. Madrid, 1986.
- Cleugh J.* Spanish Fury: The Story of a Civil War. L., 1962.
- Coates D.* The Context of British Politics. Harthinson, 1984.
- Coates W.P., Coates Z.* World Affairs and the USSR. L., 1939.
- Coates W.P., Coates Z.* A History of Anglo-Soviet Relations. L., 1945. Vol. I: 1919–1942.
- Cockett R.* Twilight of Truth: Chamberlain Appeasement and the Manipulation of the Press. N.Y., 1989.
- Colton J.* Leon Blum. Humanist in Politics. N.Y., 1966.
- Colvin I.* The Chamberlain Cabinet. How the Meetings in 10 Downing Street, 1937–1939 led to the Second World War. Told for the First Time from the Cabinet Papers. L., 1971.
- Colvin I.* None so Blind. A British Diplomatic View of the Origins of World War II. N.Y., 1965.
- Colvin I.* Vansittart in Office: A Historical Survey of the Origins of the Second War. Based on the Papers of R. Vansittart. L., 1965.
- Cook J.* Apprentices of Freedom. L., 1979.
- Cooper M.* The German Army, 1933–1945. Its Political and Military Failure. N.Y., 1978.
- Coverdale J.* Italian Intervention in the Spanish Civil War. Princeton, 1975.
- Cowling M.* The Impact of Hitler. British Politics and British Policy. 1933–1940. Cambridge, 1975.
- Crozier B.* Franco. A Biographical History. L., 1967.
- Dahms H.* Der spanische Bürgerkrieg, 1936–1939. Bonn, 1962.
- Daniel S.D.* Spain's Civil War. The Last Great Cause. N.Y., 1975.
- Dankelmann O.* Franco zwischen Hitler und den Westmächten. B., 1970.
- Davis D.S.* Spain's Civil War. The Last Great Cause. N.Y., 1975.

- Déaunay J.-M.* 1936. Les intérêts français en Espagne // Autour de la guerre d'Espagne: Actes du colloque organisé à la Sorbonne par le Centre de Recherche Idéologique et Discours les 7 et 8 novembre 1986. 2 éd. Sorbonne, 1993, P. 165–172.
- Derlington O.* Germany's War for Hegemony of Europe and the World 1933–1938 / Cave F.A. (ed.) The Origins and Consequences of the World War II. N.Y., 1948. P. 359–386.
- The Diplomats, 1919–1939 / Ed. Gordon A. Craig. Vol. 2: The Thirties. Princeton, 1976. P. 316–688.
- Desmond R.W.* The Press and World Affairs. L., 1937.
- Deszczyński M.P.* Ekspozycja polskiego wojskowego do Hiszpanii podczas wojny domowej 1936–1939 // Kwartalnik Historyczny. Rocznik. 1997. CIV. N 1. S. 47–58.
- Detwiler D.S.* Hitler, Franco und Gibraltar. Die Frage des spanischen Eintritts den Zweiten Weltkrieg. Wiesbaden, 1962.
- Dreifort J.E.* Ivon Delbos at Quai d'Orsay. French Foreign Policy during the Popular Front. 1936–1938. Lawrence (Kansas), 1973.
- Duroselle J.B.* La décadence. 1932–1939. P., 1979.
- Dzelepy E.N.* Britain in Spain. A Study of the National Government's Spanish Policy. L., 1949.
- Edwards J.* The British Government and the Spanish Civil War, 1936–1939. L., 1979.
- Edwin F.* The Life of Lord Halifax. Boston, 1966.
- Einhorn M.* Die ersten Maßnahmen des deutschen Imperialismus zur wirtschaftlichen Plünderung Spaniens (Juli bis Aug. 1936) // Der Spanische Bürgerkrieg in der internationalen Politik... S. 147–161.
- Eizing P.* Appeasement before, during and after the War. L., 1945.
- Elstob P.* Legion Condor. Wien, 1973.
- Esch P. A.M.* Prelude to War: The International Repercussions of the Spanish Civil War, 1936–1939. The Hague, 1951.
- Esenwein G., Shubert A.* Spain at War. The Spanish Civil War in Context, 1931–1939. L., N.Y., 1995.
- España actual: La guerra civil (1936–1939) / Andrés-Gallego J., De Lleral, Velardi J., Gonzales N. Madrid, 1989.
- Europe and the Spanish Crisis. Democracy and the Empire are at Stake. L., 1936.
- European Diplomacy between Two Wars. 1919–1939 / Ed. H.W. Gatzke. Chicago, 1972.
- Fabian E.* Sprisahanie proti Španielskej republike. Bratislava, 1961.
- The Fascist Challenge and the Policy of Appeasement / Ed. W.J. Mommsen, L. Kettenher. L., 1983.
- Fenby Ch.* British Public Opinion on Spain // The Political Quarterly. 1937. April–June. Vol. VIII, N 2. P. 248–258.
- Feiling N.* The Life of Neville Chamberlain. L., 1946.
- Foster A.* The Times and Appeasement: The Second World War // The Second World's War: Essays in Military and Political History / Ed. W. Laqueur. L., 1982.
- Les Français et la guerre d'Espagne. Perpignan, 1990.
- Fraser R.* Blood of Spain: The Experience of Civil War, 1936–1939. L., 1976.
- Friedlander L.* Great Power Politics and the Spanish Civil War. The First Phase // Historian. Nov. 1965. N 28. P. 72–95.
- Fuller J. F.C.* The Soviet-Spanish War to September, 1938 // The Army Quarterly. 1939. Jan. Vol. 37, N 2. P. 312–321.
- Furnia A.H.* The Diplomacy of Appeasement: Anglo-French Relations and the Prelude to World War II. 1931–1938. Wash., 1960.
- Gallagher M.D.* Leon Blum and the Spanish Civil War // Journal of Contemporary History. Vol. 6, N 3, 1971. P. 56–64.

- Gallo M.* Mussolini's Italy: Twenty Years of the Fascist Era. N.Y., 1973.
- Gannon F.* The British Press and Germany. 1936–1939. Oxford, 1971.
- Garratt G.F.* Gibraltar and the Mediterranean. L., 1939.
- General Staffs and Diplomacy before the Second World War / Ed. A. Preston. L.; New Jersey. 1978.
- George M.* The Warped Visions. British Foreign Policy 1933–1939. Pittsburgh, 1965.
- Georges-Roux.* La guerre civile d'Espagne. P., 1963.
- Gibbs J.* The Spanish Civil War. L., 1973.
- Gibbs N.H.* Grand Strategy. L., 1976. Vol. 1.
- Gilbert M.* The Roots of Appeasement. L., 1966.
- Gilbert M., Gott L.* The Appeasement. L., 1969.
- Glasgow G.* The Further Course of "Non-Intervention in Spain" // The Contemporary Review. 1937. July. N 859. P. 101–112.
- Glasgow G.* Foreign Affairs: Italy and the Peace of Europe // The Contemporary Review. 1937. Nov. N 863. P. 613–625.
- Goldston R.* The Civil War in Spain. Indianapolis, 1964.
- Goodspeed D.J.* The German Wars, 1914–1945. Boston, 1977.
- Gordon A. Craig.* The German Foreign Office from Neurath to Ribbentrop // The Diplomats, 1919–1939 / Ed. Gordon A. Craig. Princeton, 1976. Vol. 2: The Thirties. P. 428–433.
- Gordon A. Craig.* Germany 1865–1945. Oxford, 1981.
- Grandmougin J.* Histoire vivante du Front populaire, 1934–1939. P., 1966.
- Greenwall H.J.* Mediterranean Crisis. L., 1939.
- Gretton P.* The Nyon Conference – the Naval Aspect // English Historical Review. 1975. Vol. XC. N 354. Jan. P. 103–112.
- The Guardian Book of the Spanish Civil War. Aldershot, 1987.
- La guerra civil española: 50 años después. Barcelona, 1985.
- La guerra civil española 50 años después: Una reflexión moral. Barcelona, 1986.
- La guerra civil (1936–1939). Madrid, 1996. Vol. 2. 363–761 p.
- La Guerra civil española en el mar. Madrid, 1987.
- Jackson G.A.* A Concise History of the Spanish Civil War. L., 1974.
- Jackson G.A.* The Spanish Republic and the Civil War, 1931–1939. Princeton, 1965.
- Jllinek F.* The Civil War in Spain. L., 1938.
- Haigh R.H et al.* The Years of Triumph?: German Diplomatic and Military Policy, 1933–1941. Totowa, 1986.
- Halperin S.M.* Mussolini and Italian Fascism. Princeton (New Jersey); N.Y., 1964.
- Hankey L.* Diplomacy by Conference. Studies in Public Affairs, 1920–1946. N.Y., 1946.
- Harper G.* German Economic Policy in Spain during the Spanish Civil War, 1936–1939. Hague; Paris, 1967.
- Haslam J.* The Soviet Union and the Struggle for Collective Security in Europe, 1933–1939. Basingstoke, 1993.
- Henig R.* The Origins of the II World War, 1933–1939. L.; N.Y., 1992.
- Henke J.* England in Hitlers politischen Kalkul, 1935–1939. Boppard, 1973.
- Hermet G.* La guerre d'Espagne. P., 1989.
- Hildebrand K.* The Foreign Policy of the Third Reich. Berkeley; Los Angeles, 1973.
- The History of the "Times". Vol. IV: The 150th Anniversary and beyond. 1912–1948. Pt II: 1921–1948, L., 1952. P. 535–1182.
- Hitler's Friends in Britain. L., 1938.
- Hughes S.* The Fall and Rise of Modern Italy. N.Y., 1967.
- Italia y la guerra civil española. (Simp. celebrado en la Escuela esp. de historia e arqueología de Roma). Madrid, 1986.

- Kennan J.F.* Soviet Foreign Policy, 1917–1941. N.Y., 1960.
- Kershaw I.* Hitler. L., 1998.
- Kish R.* They Shall not Pass. The Spanish People at War. 1936–1939. L., 1974.
- Kitchen M.* Europe between the Wars. Political History. L.; N.Y., 1995.
- Kleine-Ahlbrandt Wm. L.* The Policy of Simmering. A Study of British Policy during the Spanish Civil War, 1936–1939. Nijoff, 1962.
- Kühne H.* Revolutionäre Militärpolitik 1936–1939. Militärpolitische Aspekte des national-revolutionären Krieges in Spanien. B., 1969.
- Kühne H.* Ziele und Ausmaß der militärischen intervention des deutschen faschismus in Spanien (1936–1939) // Der Spanische Bürgerkrieg in der internationalen Politik... S. 129–146.
- Lacouture J.* Leon Blum. P., 1977.
- Lammers D.* Fascism, Communism and the Foreign Office. 1937–1939 // Journal of Contemporary History. L., 1971. Vol. 6, N 3. P. 66–86.
- Lammers D.* From Whitehall after Munich: The Foreign Office and the Future Course of British Policy // The Historical Journal. 1973. XVI, N 4. P. 831–856.
- Landis A.H.* Spain: The Unfinished Revolution. Baldwin Park, 1972.
- Larrázabá S.R.* Pérdidas de la Guerra. Barcelona, 1977.
- Leeds C.* Italy under Mussolini. L., 1972.
- Leon Blum, Chef de Gouvernement / Ed. Bourdin J. P., 1967.
- Little D.* Malevolent Neutrality: The United States, Great Britain and the Origins of the Spanish Civil War. Ithaca; L., 1985.
- Little D.* Antibolshevism and Appeasement: Great Britain, the United States and the Spanish Civil War // Appeasement in Europe. A Reassessment of U.S. Policies. N.Y., 1990. P. 21–50.
- Lowe C.J., Marzari L.F.* Italian Foreign Policy. 1870–1940. L., 1975.
- Luvaaas J.* The Education of an Army. British Military Thought, 1918–1940. Chicago, 1964.
- MacDonald C.A.* The US, Britain and Appeasement, 1936–1939. Oxford, 1980.
- Marder A.* From the Dardanelles to Oran: Studies of the Royal Navy in War and Peace, 1915–1940. L., 1974.
- Markel L.* Public Opinion and Foreign Policy. N.Y., 1949.
- Marriott J.A.R.* Anglo-Russian Relations. 1889–1943. L., 1943.
- Mediterranean Fascism, 1919–1945 / Ed. C.F. Delzell. N.Y., 1970.
- La Méditerranée de 1919 à 1939: Actes du Colloque organisé par le Centre de la Méditerranée moderne et contemporaine. P., 1969.
- Medlicott W.N.* British Foreign Policy since Versailles. L., 1940.
- Medlicott W.N.* The Origin of the Second Great War. L., 1940.
- Medlicott W.N.* Britain and Germany: The Search for Agreement. 1930–1937. L., 1969.
- Merkes M.* Die deutsche Politik im Spanischen Bürgerkrieg 1936–1939. Bonn, 1969.
- Michels H.* Ideologic und propaganda. Die Rolle von G.Goebbels in der national-sozialistischen Aussenpolitik bis 1939. Fr. a. M., 1992.
- Middlemas K.* Diplomacy of Illusion. The British Government and Germany, 1937–1939. L., 1972.
- Middleton K.W.B.* Britain and Russia. L.; N.Y., 1947.
- Miksche F.O.* Blitzkrieg. L., 1941.
- Mitchell D.* The Spanish Civil War. L., 1942.
- Modern Italy / Ed. O. Calabry. Vol. 2: 1909–1939. From Expansion to the Second World War. Milan, 1983.
- Monteath P.* German Historiography of the Spanish Civil War: A Critical Survey // European History Quarterly. Apr. 1990. Vol. 2, N 2. P. 255–284.

- Monrin N.* Les relations Franco-Soviétiques (1917–1967). P., 1961.
- Monroe E.* The Mediterranean in Politics. Oxford, 1938.
- Moradiellos E.* Appeasement and Non-Intervention: British Policy during the Spanish Civil War // Britain and the Threat to Stability in Europe, 1918–1945. L., 1993. P. 94–104.
- Moradiellos E.* The Origins of British Non-Intervention in the Spanish Civil War: Anglo-Spanish Relations in Early 1936 // European History Quarterly. 1991. XXI, N 3. P. 339–364.
- Moradiellos E.* British Political Strategy in Face of the Military Rising of 1936 in Spain // Central European History. 1992. I, N 2. P. 123–137.
- Moradiellos E.* Rec. ad op. Buchanan B. Britain and the Spanish Civil War. Cambridge, 1997 // Hispania. Madrid. 1998. Vol. 58, N 199. P. 758–762.
- Morewood S.* Anglo-Italian Rivalry in the Mediterranean and Middle East, 1935–1940 // Parts to War: New Essays on the Origins of the Second World's War / Ed. R. Boyce, E.M. Robertson. L., 1989. P. 167–197.
- Mourin M.* Les relations franco-soviétiques (1917–1967). P., 1967.
- Mowat Ch.* Britain between the Wars. 1918–1940. L., 1956.
- Muggeridge M.* The Sun Never Sets. The Story of England in the Nineteenth Thirties. N.Y., 1940.
- DeMulhacen M.* Política mediterránea de España 1704–1951. Madrid, 1952.
- Newman E.W.P.* The Mediterranean and Its Problems. L., 1927.
- Newman W.J.* The Balance of Powers in the Interwar Years, 1919–1939. N.Y., 1968.
- Nicolson H.* Diplomacy. L.; N.Y.; Toronto, 1940.
- Niedhart G.* British Attitudes and Policies toward the Soviet Union and International Communism. 1933–1939 // The Fascist Challenge and the Policy of Appeasement. L., 1983. P. 286–296.
- Norden A.* Das spanische Drama. B., 1961.
- Northedge F.S.* The Troubled Giant. Britain among the Great Powers. 1916–1939. L., 1966.
- Northedge F.S., Wells A.* Britain and Soviet Communism. The Impact of Revolution. L., 1982.
- The Origins and Consequences of World War II / Ed. Floyd A. Cave. N.Y., 1948.
- Oven W. von.* Hitler und der Spanische Bürgerkrieg. Mission und schicksal der Legion Condor. Tübingen, 1978.
- Padelford N.J.* International Law and Diplomacy in the Spanish Civil Strife. N.Y., 1939.
- Payne R.* The Civil War in Spain. 1936–1939. N.Y., 1962.
- Payne R.* Fascism in Spain. 1923–1977. Wisconsin, 1999.
- Parts to War: New Essays on the Origins of the Second World War / Ed. R. Boyce, E.M. Robertson. L., 1989.
- Pietro S.* Italia Francia inghilterra nel Mediterraneo. Milano, 1940.
- Pike D.W.* Les Français et la guerre d'Espagne. P., 1975.
- Playfair I.S.O.* British Official History of the Second World War. The Mediterranean and Middle East. L.: HMSO, 1960. Vol. 3.
- Porter B.* Britain, Europe and the World. 1850–1982: Delusions of Grandeur. L., 1983.
- Power M.* The Struggle against Fascism and War in Britain. 1931–1939. L., 1978.
- Pratt L.* East of Malta, West of Suez: Britain's Mediterranean Crises, 1936–1939. Cambridge, 1975.
- Preston P.* War of Words: the Spanish Civil War and the Historian // Revolution and War in Spain. 1931–1939 / Ed. P. Preston. Menthen, L.; N.Y., 1984. P. 1–13.
- Preston P.* The Spanish Civil War, 1936–1939. L., 1986.

- Preston P.* Franco and Hitler: The Myth of Hendaye, 1940 // Contemporary European History. 1992. March. Vol. 1, pt 1. P. 1–16.
- Preston P.* Italy and Spain in Civil War and World War, 1936–1943 // Spain and the Great Powers in the XX Century / Ed. S. Balfour, P. Preston. L.; N.Y., 1999. P. 151–183.
- Pritt D.N.* Must the War Spread? N.Y., 1940.
- Proctor R.* Hitler's Luftwaffe in the Spanish Civil War. L., 1983.
- Purcell H.* The Spanish Civil War. L., N.Y., 1973.
- Puzzo D.* Spain and the Great Powers, 1936–1941. N.Y., L., 1962.
- Puzzo D.* The Nonintervention Committee and Italo-German Aid to the Nationalists // The Spanish Civil War. Domestic Crisis or International Conspiracy? / Ed. G. Jackson. Boston, 1967. P. 64–72.
- Quero Molares J.* La política de no-intervención (17-VII-36 – 17-VII-37) / Inst. de estudios internacionales y de derecho comparado. Barcelona, 1937.
- Les relations Franco-Allemandes Entre 1933 et 1939, organisé dans le cadre des Colloques internationaux du Centre National de la Recherche Scientifique, à Strasbourg du 7 au 10 octobre 1975 / Par M.F. Dreyfus, Prof. à l'Université de Strasbourg, Direct. De Centre d'Etudes Germaniques. P., 1976.
- Les relations Franco-Britanniques de 1935 a 1939. P., 1975.
- La republica; la guerra civil a Mallorca. Barcelona, 1976,
- The Republic and the Civil War in Spain / Ed. E.H. Carr. L.; N.Y., 1971.
- The Republic Besieged: Civil War in Spain 1936–1939 / Ed. P. Preston, A.L. Mackenzie. Edinburgh, 1996.
- Retreat from Power. Studies in Britain's Foreign Policy in the Twentieth Century / Ed. D. Dilks. L., 1981. Vol. I: 1906–1939.
- Revolution and War in Spain. 1931–1939 / Ed. P. Preston. Menthon, L.; N.Y., 1984.
- Reynolds P.A.* British Foreign Policy in the Inter-War Years. L.; N.Y.; Toronto, 1954.
- Richards V.* Lessons of the Spanish Revolution, 1936–1939. L., 1972.
- Rock W.R.* Appeasement on Trial. British Foreign Policy and Its Critics. Hamden, 1966.
- Rock W.R.* British Appeasement in the 1930's. L., 1977.
- Romero L.* El final de la guerra. Barcelona; Caracas; Mexico, 1976.
- Roskill S.* Naval Policy between the Wars. L., 1976. Vol. II.
- Rostow N.* Anglo-French Relations, 1934–1946. N.Y., 1984 Пер. на рус.: American Historical Review. Wash., 1985. Vol. 90, N 14. P. 125–126.
- Roux G.* La guerra civil de España. Madrid, 1963.
- Rowse A.L.* Appeasement: A Study in Political Decline 1933–1939. N.Y., 1961.
- Ruth H.* The Origins of the Second World War. 1933–1939. N.Y., 1992.
- Salas L.R.* Historia general de la guerra de España. Madrid, 1986.
- Saz I.* The Second Republic in the International Arena // Spain and the Great Powers in the XX Century/ Ed. S. Balfour, P. Preston. L.; N.Y., 1999. P. 73–95.
- Seaman R.D.H.* Britain and Western Europe. L., 1983.
- The Second World War: Essays in Military and Political History / Ed. W. Laurence. L., 1982.
- Seaton A.* The German Army, 1933–1945. N.Y., 1982.
- Seton-Watson R.W.* Britain and the Dictators. A Survey of Post-War British Policy. Cambridge, 1938.
- Smith D.M.* Mussolini's Roman Empire. Harmondsworth, 1977.
- Snellgore L.E.* France and the Spanish Civil War. L., 1965.
- Spain again Fascism. 1936–1939. L., 1967.
- Spain and the Great Powers in the XX century / Ed. S. Balfour, P. Preston. L.; N.Y., 1999.

- Spain in Conflict, 1931-1939. Democracy and its Enemies / Ed. M. Blinkhorn. L., 1986.
- Spain: Resources, Industries, Trade and Public Finance. Wash., 1930.
- The Spanish Civil War, 1936-1939: American Hemispheric Perspectives / Ed. M. Falcoff, F.B. Pike. L., 1982.
- The Spanish Civil War. Domestic Crisis or International Conspiracy? / Ed. G. Jackson. Chicago, 1972.
- Der Spanische Bürgerkrieg in der internationalen Politik (1936-1939). München, 1976. 3414 s.
- Steed W.* The European War in Spain // *The Contemporary Review*. 1937. July. N 859. P. 21-29.
- Stuart G.H.* The International City of Tangier. Stranford, California, 1955.
- Sullivan B.R.* Fascist Italy's Military Involvement in the Spanish Civil War // *Journal of Military History*. Lexington. 1995. Vol. 59, N 4. P. 697-727.
- Tauneaud J.-H.* De Verdun à Dien-Bien-Phu. P., 1960.
- Taylor A.J.P.* The Origins of the Second World War. N.Y., 1961.
- Taylor A.J.P.* Europe: Grandeur and Decline. L., 1974.
- Taylor A.J.P.* English History 1914-1945. L., 1982.
- Temperley A.C.* Military Lessons of the Spanish War // *Foreign Affairs*. Oct. 1937. Vol. 16, N 1. P. 34-43.
- Thiébaud Cl.* Leon Blum, Alexis Léger et la decision de non-intervention en Espagne (juillet-août 1936) // *Les français et la guerre d'Espagne: Actes du colloque tenu à Perpignan les 28, 29 et 30 sept.* / Éd. Par J. Sagnes, S. Caucanas. Perpignan, 1990. P. 23-43.
- Thomas H.* Spain // *European Fascism*. L., 1968.
- Thomas H.* The Spanish Civil War. N.Y., 1977.
- Thomson D.* England in the Twentieth Century. Harmondsworth, 1979.
- Thompson N.* The Anti-Appeasers. Conservative Opposition to Appeasement in the 1930s. Oxford, 1971.
- Toynbee A.J.* Survey of International Affairs. 1937. L., 1938. Vol. I.
- Traina R.P.* American Diplomacy and the Spanish Civil War. Bloomington, 1968.
- Troubled Neighbors. Franco-British Relations in the 20th Century / Ed. N. Waites. L., 1971.
- Tuñón de Lara M.* Storia della repubblica e della guerra civile in Spagna. Roma, 1966.
- Veatch R.* The League of Nations and the Spanish Civil War, 1936-1939 // *European Historical Quarterly*. April 1990. Vol. 20, N 2. P. 181-209.
- Vernon R.* Lessons of the Spanish Revolution. L., 1972.
- Víilas A.* El mito del jrj en la Guerra Civil // *Historia*. 1977. 16 Mar. P. 35-61.
- Vilar P.* La guerre d'Espagne (1936-1939) // *Que sais-je ?* P., 1986.
- Viñas A.* Gold, the Soviet Union and the Spanish Civil War // *Spain in Conflict 1931-1939*. L., 1986. P. 224-243.
- War and Democracy. Essays on the Causes and Prevention of War / Ed. E.F.M. Durbin. L., 1938.
- Warner G.* France and Non-Intervention in Spain. July and August 1936 // *International Affairs*. 1962. Vol. 38, N 2. P. 203-220.
- Watkins K.W.* Britain Divided. The Effect of the Spanish Civil War on British Political Opinion. L.; Edinburg; Paris; Melbourne; Toronto et a. N.Y., 1963.
- Watt D.C.* Germany's Strategic Planning and Spain, 1938-1939 // *The Army Quarterly*. 1960. N 2. P. 220-227.
- Watt D.C.* Britain, France and Italian Problem // *Les relations franco-britanniques de 1935 a 1939*. P., 1975. P. 243-262.

- Watt D.C.* The Historiography of Appeasement // Crisis and Controversy: Essays in Honour of A.J.P. Taylor. L., 1976. P. 110–129.
- Watt D.C.* Soviet Military Aid to the Spanish Republic in the Civil War. 1936–1938 // Der Spanische Bürgerkrieg in der internationalen Politik (1936–1939). München, 1976. P. 249–255.
- Watters W.* International Affairs: Non-Intervention in the Spanish Civil War 1936–1939. N.Y., 1971.
- Weinberg G.L.* The Foreign Policy of Hitler's Germany: Starting World War II, 1937–1939. Chicago, L., 1980.
- Werstein I.* The Cruel Years. The Story of the Spanish Civil War. N.Y., 1969.
- Wittam J.* The Italian General Staff and the Coming of the Second World War / General Staffs and Diplomacy before the Second World War / Ed. A. Preston. L., 1978. P. 77–97.
- Whealey R.* How Franco Financed His War // Spain in Conflict 1931–1939. L., 1986. P. 244–263.
- Whealey R.* Foreign Intervention in the Spanish Civil War // The Republic and the Civil War in Spain / Ed. R. Carr. L.; N.Y., 1971. P. 213–238.
- Whealey R.* / Ed. Economic Influence of the Great Powers in the Civil War: from the Popular Front to the II World War // International History Review. (May 1983). Vol. 15. P. 236–240.
- Whealey R.H.* Hitler and Spain. The Nazi Role in the Spanish Civil War, 1936–1939. Lexington, 1989.
- Woina Domova w Hiszpanii 1936–1939.* W Polityce międzynarodowej: Prace zbiorowa. Poznań, 1989.
- Wolfers A.* Britain and France between Two Wars: Conflicting Strategies of Peace since Versailles. N.Y., 1940.
- Young R.* In Command of France. French Foreign Policy and Military Planning, 1933–1940. Harvard; Cambridge, 1978.
- Young R.* France and the Origins of the Second World War. N.Y., 1996.

Указатель имен

- Агувадер – 122
Адам Рональд – 161
Александр I – 15
Альварес дель Вайо – 90
Антонов-Овсенко Владимир
Александрович – 18, 19, 28, 29, 82,
113, 116, 119, 128, 137, 142, 168,
179, 224, 248
Арас Тевфик Рюшту – 189, 192, 202
Асанья Мануэль – 14, 94, 108
Аскарате Пабло – 72, 84, 256
Астахов Г. – 131, 136, 229
Аттольская, герцогиня – 223
- Барту Луи – 33
Батов Павел Иванович – 173
Бауэрс Клод – 71, 94, 118
Бек Л – 164
Бергонзоли Аннибале – 163
Бивербрук, лорд – 122
Бисмарк – 57
Блондель Ж. – 97, 104, 136
Блюм Леон – 5, 22, 31, 32, 33, 34, 46,
47, 56, 69, 76, 101, 121, 133, 163,
192, 228
Ля Бонн – 11
Бокис Г.Г. – 151
Бракен Брендон – 185
Бонно Жорж Этьен – 38, 87, 90, 159
- Вайо Альварес дель – 90
Ванситарт Роберт Джилберт – 31, 49,
54, 60, 100, 117, 122, 153, 161, 181,
190, 228, 238, 248
Варела Д. – 167
Вейнберг Хаим Семенович – 49, 50,
52, 53, 54, 78, 109, 169, 184, 195,
222, 232, 235.
Верекер Г. – 85
Верманн Эрнст – 235
- Вернер Мелдерс – 147
Вильгельм II – 99
Ворошилов Климент Ефремович –
116, 142, 148, 149, 233, 247
- Гайда Вирджинио – 99, 101, 104
Гайкис Леонид Яковлевич – 9, 21, 29,
119, 138, 169, 227
Галифакс Эдуард – 48, 208, 210, 226
Гарвин Джемс Луис – 24, 226
Геббельс Иозеф – 120, 268
Гельфанд Л. Б. – 97, 136, 197, 249
Гендерсон Артур – 106, 202, 240
Георг, генерал – 167
Геринг Герман – 40, 130, 131, 134,
182
Гиршфельд Евгений Владимирович –
26, 28, 34, 86, 108, 144, 152, 164,
197, 229
Гитлер Адольф – 5, 14, 17, 19, 21, 37,
38, 40, 41, 43, 46, 48, 54, 70, 76,
104, 111, 121, 130–133, 154, 155,
164, 166, 167, 171, 173, 175, 181,
182, 218, 234, 244–246, 258, 261,
263, 268
Гнедин Е. – 147, 148
Голь Шарль де – 164, 246, 261
Горев Владимир Ефимович – 113, 168
Горт, лорд – 161
Гранди Дино – 57, 60, 63, 74, 107, 178,
187, 203, 204, 209, 248
Гудериан Хайнц Вильгельм – 167
- Даладьё Эдуард – 20, 34, 84, 87, 152,
162–164, 210, 267
Дальтон Хью – 227
Дельбос Ивон – 32–35, 41, 46, 53,
58, 64, 65, 77, 111, 126, 163, 182,
193–195, 197–199, 207, 228, 250,
251

Дикгоф Ганс Генрих – 55, 232
Димитров Георгий – 98, 113, 169
Додд Уильям – 20, 224, 257
Друммонд Эрик (лорд Перт) – 48, 60,
98–100, 102, 103, 122, 178, 211, 248
Дульм Маартен Хендрик ван – 81, 83
Дзу Дж. – 158, 245, 260

Ежов Николай Иванович – 147, 244

Иден Антони – 13, 16, 18, 20, 23, 36,
46, 48, 49, 52, 58, 63, 64, 66, 74,
75, 79, 80–82, 94, 99, 101–103, 117,
129, 153, 154, 161, 177–179, 185,
187, 190–194, 197–201, 203, 207,
209, 226, 227, 237, 247–251, 270
Ингрэм Эдвард – 49, 51, 52, 54, 102,
190, 191, 198, 230, 237, 249, 250
Инскрип Томас – 21, 226

Кабальеро Ларго – 27, 28, 94, 95, 113,
137

Каган Сергей Борисович – 30, 57, 59,
60, 64, 68, 69, 86–88, 96, 139, 140

Каганович Лазарь Моисеевич – 28, 50,
58, 62, 64, 107, 115, 148, 149, 232, 233

Кадоган Александр Джордж Мон-
тегю – 51

Камбон Пьер Поль – 48, 49, 126, 191–
193

Канарис Фридрих Вильгельм – 166

Кастеллано И. – 68

Кессельринг Альберт – 159, 245, 257

Клерк Джорж – 52–54, 129

Кникербокер Губерт Ренфро – 150, 156

Компанис Ховер Луис – 116, 139

Корбен Андре Чарльз – 61, 66–68, 80,
86, 188, 203

Кот Пьер – 32, 46, 129, 152, 228

Кохер – 153

Крестинский Николай Николаевич –
19, 25–27, 30, 31, 49, 50, 51, 53, 58,
62, 64, 168, 231–233

Кролла Гидо – 198

Кулондр Робер – 27, 32–34, 35, 59, 69,
80, 86, 228, 229

Кун Бела – 112

Кучеров Георгий Георгиевич – 187

Кюри Жолио – 137

Лаваль Пьер – 87

Лацис Рудольф Иванович – 112

Леви – 195

Лежэ Алексис – 34

Литвинов Максим Максимович – 9,
11, 23, 27–29, 35, 41, 42, 50, 55,
58, 62, 67–70, 72, 73, 75, 77–81, 84,
86, 87, 90, 91, 97, 105, 106, 115, 116,
121, 132, 134, 138, 140, 142, 143,
144, 153, 169, 187, 200–202, 207,
226–229, 233, 234, 238, 242, 248,
250–253

Ллойд Джордж Дэвид – 21, 121, 132,
222, 226

Луис-Фунес – 120

Майский Иван Михайлович – 17, 22,
24, 36, 42, 57, 63, 64, 68, 70, 72, 77,
79, 81–83, 88–91, 98, 107, 109, 138,
153, 175, 181, 183, 185, 187, 206,
222, 224, 227, 232, 235, 238, 247–
249, 251, 258, 263

Маклин – 195

Малиновский Родион Яковлевич –
170, 258

Марченко С. – 18, 19, 68, 83, 84, 87,
90, 91, 135, 140–142, 169, 207, 242

Мастны Войтех – 81, 158, 190

Маунс Дж. – 49, 153

Мёлдерс Вернер – 147

Мола Эмилио – 14

Молотов Вячеслав Михайлович – 6,
11, 72, 140, 148, 149, 169, 233, 244,
253, 254

Монтейро Арминдо – 77, 94

Муссолини Бенито – 14, 17, 22,
23, 37, 38–41, 43, 50, 77–79, 87,
98, 99–101, 104, 106, 120, 121,
132, 133, 136, 143, 160, 165, 171,
177–183, 185, 187–189, 203, 204,
206, 208, 209–213, 248, 263, 269,
270

Негрин Хуан – 18, 19, 68, 83, 84, 88,
89, 90, 120, 140, 141, 207

Нейман А.Ф. – 32, 58–60, 63–65, 69,
72, 108, 109, 137, 228, 232

Нейрат Константин фон – 40, 48,
52, 55, 75, 176, 202, 231, 234,
235

Нэпьер С.С. – 144, 153, 154, 159

Низан Поль – 14

Нокс Гарри – 161

Ньювелл К. – 160

Огилви-Форбес Джорж – 103

Д'Оливера Николау – 108

- Павлов Д.
Пайяр Жан – 49–55, 60, 63–65, 73, 85,
184, 222, 232, 234
Паскуа – 30, 69, 75, 78, 79, 83, 84, 88,
120, 140, 141, 235, 243
Плимут И. – 60, 61, 66, 71, 103
Потемкин Владимир Петрович – 6, 9,
11, 26, 33, 34, 35, 41, 64, 69, 84–86,
88, 90, 109, 140, 141, 144, 152, 163,
196, 228, 234, 243, 248–250, 253
Прието Индалесио – 14, 28, 74, 108,
138
Пуццо Д. – 91
Рейно Поль – 164
Риббентроп Иоахим фон – 42, 77, 98,
106, 107, 117, 118, 160, 175, 184,
208, 229, 258
Рихтфортен – 167
Родимцев Александр Ильич – 170,
258
Розенберг Марсель Израилевич – 9,
11, 18, 21–23, 26–30, 58, 66, 67, 69,
113, 128, 133, 138, 139, 168, 227,
233, 234, 237, 242
Саймон Джон Олсбрук – 36
Сэрджент Орм – 117, 228, 239
Сиерва де ла – 147
Соколин М. – 29, 34, 127–129, 136,
137
Сталин Иосиф Виссарионович – 25–
27, 49–51, 53, 62, 82, 83, 88, 113,
120, 140, 168, 218, 231, 233, 254,
257, 258, 261, 268
Стэнли Оливер – 194
Столяр С. – 72
Суриц Яков Захарович – 19, 23, 38, 42,
104–107, 121, 158, 207, 211, 226,
228, 231, 234, 235, 249
Табуи Женевьева – 96, 259
Томас Георг – 158, 167, 245
Томас Ллойд – 53, 192, 193
Тремульт – 82
Троцкий Лев Давидович – 112
Уоллес Юан – 75, 234
Урицкий Семен Петрович – 149
Фаваргосса – 165
Фаупель фон – 163
Фиппс Эрик – 59
Фланден Пьер-Этьен – 87
Франк Ханс – 178
Франко Франсиско – 5, 8, 14, 17, 18,
20, 22, 30, 33, 38–40, 42, 43, 47, 68,
69, 73, 75–89, 91, 92, 94, 105–107,
112, 115, 129–135, 138, 140, 143,
147, 158, 162, 168, 172, 174, 177, 182,
186, 187, 189, 191, 195, 196, 200–203,
205, 208, 210–212, 229, 261, 268
Фрасуа-Понсэ Андре – 32, 40, 48, 106,
182, 234
Хартман Эрик – 146
Хассель Ульрих, фон – 175
Хемминг Франсис – 69, 81
Ходжсон – 91
Хор Самуэль – 30, 160, 183
Хор-Белиш Л. – 160
Чемберлен (Артур) Невилль – 15, 23,
24, 36, 81, 84, 87, 89, 101, 103, 104,
152, 185, 187, 199, 203, 208, 209,
211–213, 248
Чериф Ривас – 108
Черных С. – 169
Черчилль Уинстон Леонард Спенсер –
37, 122, 163, 204, 229, 247, 258,
270
Чиано Галеаццо ди Кортеяццо – 17,
38, 49, 51, 54, 60, 87, 97–100, 102,
103, 114, 178, 180, 191, 196–198,
202, 210, 212, 231
Чилстон Дуглас – 25, 49, 59, 69, 82, 234
Чилтон Генри – 71
Шамбр Ги ла – 156
Шамбрэн Л. – 37, 54
Шапошников Борис Михайлович –
170
Шейнин Б. – 118
Шотан Камиль – 16, 33, 35, 182, 195,
199, 248
Штейн Борис Ефимович – 17, 39–41,
77, 79, 87, 101, 107, 114, 134, 143,
184, 208, 226, 229, 248, 251
Шукбург – 122, 190, 231
Эббат Н. – 39
Эмери Леопольд Стеннет – 122
Эренбург Илья Григорьевич – 138,
238
Юренев Константин
Константинович – 40, 158, 190,
250, 251
Ягуэ Хуан – 167

Приложения

Приложение 1

Заседания международного Комитета по применению соглашения о невмешательстве в дела Испании*

1936

- № 1 -- 9 сентября
- № 2 -- 14 сентября
- № 3 -- 21 сентября
- № 4 -- 28 сентября
- № 5 -- 9 октября
- № 6 -- 9 октября
- № 7 -- 23 октября
- № 8 -- 28 октября
- № 9 -- 4 ноября
- № 10 -- 4 ноября
- № 11 -- 12 ноября
- № 12 -- 2 декабря
- № 13 -- 9 декабря
- № 14 -- 23 декабря

1937

- № 15 -- 16 февраля
- № 16 -- 8 марта
- № 17 -- 8 марта

№ 18 -- 12 марта

№ 19 -- 24 марта

№ 20 -- 5 мая

№ 21 -- 26 мая

№ 22 -- 12 июля

№ 23 -- 30 июня

№ 24 -- 9 июля

№ 25 -- 9 июля

№ 26 -- 16 июля

№ 27 -- 16 июля

№ 28 -- 4 ноября

1938

№ 29 -- 5 июля

1939

№ 30 -- 20 апреля -- официальное заявление о прекращении деятельности Комитета.

---

* Составлено по материалам: АВП РФ Ф. 010. Оп. 11. Д. 55. П. 71; АВП РФ. Ф. 069. Оп. 21. П. 62. Д. 8; Ф. 011. Оп. 1. П. 4. Д. 38; Ф. 69. Оп. 27. П. 88. Д. 29, 31-34; П. 89. Д. 35-37; ДВП СССР. Т. 19-20; DBFP. 2nd Ser. Vol. 17-19.

Приложение 2

Заседания Подкомитета при Комитете по применению соглашения о невмешательстве в дела Испании, 1936–1939 годы

№ п.п.	Дата заседания	Время заседания
1.	15 сентября 1936	16:00
2.	18 сентября 1936	11:30
3.	22 сентября 1936	16:30
4.	28 сентября 1936	16:30
5.	5 октября 1936	16:30
6.	24 октября 1936	10:30
7.	28 октября 1936	12:00
8.	2 ноября 1936	15:30
9.	9 ноября 1936	15:30
10.	10 ноября 1936	11:00
11.	12 ноября 1936	10:00
12.	23 ноября 1936	17:00
13.	27 ноября 1936	10:30
14.	4 декабря 1936	11:00
15.	7 декабря 1936	16:00
16.	14 декабря 1936	16:30
17.	22 декабря 1936	15:30
18.	5 января 1937	15:30
19.	12 января 1937	11:00
20.	12 января 1937	17:00
21.	18 января 1937	15:30
22.	28 января 1937	11:00
23.	28 января 1937	16:00
24.	2 февраля 1937	11:00
25.	10 февраля 1937	16:00
26.	11 февраля 1937	11:00
27.	11 февраля 1937	17:00
28.	15 февраля 1937	17:00
29.	16 февраля 1937	18:00
30.	18 февраля 1937	10:30
31.	18 февраля 1937	19:00
32.	19 февраля 1937	17:00
33.	22 февраля 1937	17:00
34.	25 февраля 1937	16:30
35.	26 февраля 1937	11:30
36.	1 марта 1937	16:00
37.	5 марта 1937	15:30
38.	6 марта 1937	10:30
39.	6 марта 1937	15:00
40.	8 марта 1937	10:15
41.	15 марта 1937	16:00
42.	16 марта 1937	11:00
43.	23 марта 1937	11:00

№ п.п.	Дата заседания	Время заседания
44.	23 марта 1937	16:30
45.	15 апреля 1937	11:00
46.	27 апреля 1937	16:30
47.	28 апреля 1937	10:30
48.	30 апреля 1937	10:30
49.	4 мая 1937	11:00
50.	7 мая 1937	16:30
51.	18 мая 1937	16:00
52.	24 мая 1937	16:00
53.	31 мая 1937	17:00
54.	21 июня 1937	16:30
55.	29 июня 1937	11:00
56.	2 июля 1937	11:00
57.	2 июля 1937	16:30
58.	20 июля 1937	10:30
59.	20 июля 1937	16:00
60.	26 июля 1937	16:00
61.	30 июля 1937	16:00
62.	6 августа 1937	15:00
63.	27 августа 1937	11:00
64.	16 октября 1937	10:30
65.	19 октября 1937	16:00
66.	20 октября 1937	15:30
67.	22 октября 1937	15:00
68.	26 октября 1937	16:00
69.	29 октября 1937	15:45
70.	2 ноября 1937	15:45
71.	16 ноября 1937	16:00
72.	7 декабря 1937	10:30
73.	7 декабря 1937	16:15
74.	9 декабря 1937	10:30
75.	16 декабря 1937	16:00
76.	22 декабря 1937	10:30
77.	11 января 1938	11:00
78.	13 января 1938	11:00
79.	13 января 1938	16:00
80.	18 января 1938	10:30
81.	21 января 1938	10:30
82.	3 февраля 1938	16:00
83.	31 марта 1938	11:00
84.	25 апреля 1938	16:00
85.	26 мая 1938	11:00
86.	26 мая 1938	15-00
87.	31 мая 1938	16:00
88.	2 июня 1938	12:00
89.	21 июня 1938	11:00
90.	21 июня 1938	17:00
91.	24 июня 1938	10:30
92.	28 июня 1938	16:00
93.	30 июня 1938	16:00

Summary

In her study, *The Spanish Civil War 1936–1939 and Europe: International Aspects of Conflict*, V. Malay for the first time in Russian historiography has made an attempt to analyze a complex of the international aspects of the Spanish Civil War. The authors look at the history of the Spanish Civil War in the context of international relations on the basis of rich sources including archives, published diplomacy documents of main European countries as well as press of all colors.

In this research most of the materials from the Archives of foreign policy of the Russian Ministry of Foreign Affairs (13 founds) are used for the first time. The study is also based on extensive usage of archival sources from Russian Federation's State Archives as well as Russian State's Archives of social-political history.

The European policy with the beginning of the Spanish Civil War was quite complete. The author compares main tasks of leading European countries in this context and then studies their tactics. The birth of so-called policy of non-intervention has come into view quite detailed. Appealing to the new archive's founds Malay V.V. reveals the unknown pages of the Soviet policy in the Spanish War.

The materials of the book elucidate many myths relating to the Spanish Civil War. The diplomatic maneuvers of great powers leaders are shown. Most European countries tried to keep the USSR out of Western Europe. Such policy became apparent from the time of signing Non-Intervention Agreement and continued through the whole Spanish Civil War. Malay V.V. reveals new moments of the struggle between the British, fascist and the Soviet diplomacy in the Non-Intervention Committee and behind their scenes and analyses its consequences for the fate of the Spanish Republic as well as for two-sided and international relations. The tactics that ignore the Soviet initiatives in the NIC are illustrated with many examples. Such tactics made the task of defeat of the Spanish Republic easier. Great Britain and France refused an alliance with the Soviet Union on the Spanish and European questions against fascism. The author analyses maneuvering of the European diplomacy for a united front against the USSR in the NIC.

The problems of the usage of the Spanish Civil War topic in all-European propagandist struggle are revealed in a separate chapter where main directions of this struggle are emphasized. Considerable attention is given to the most serious consequences of the propagandist war. There's special emphasis

on the picture of anti-Soviet company in European mass media (1936–1939) with the secretion of its concrete reasons and main directions.

There are many new moments in this book in studying of war aspects of the Spanish event. The role of the Spanish war' experiment for the leading European countries is considered in Ch. 3.

The Mediterranean aspect is studied especially through Italian, British and Soviet policy. Nyon conference (1937) is considered in the study as an area of the acute diplomatic struggle and as one of attempts to isolate the USSR on the international area before the World War II.

In conclusion the author concentrates on serious consequences of European contradictions in the Spanish problem for the fate of the Spain as well as for the international relations before World War II. Malay V.V. illustrates a role and place of every international aspects of the Spanish Civil War by means of a table.

The text can serve as a new research to all those interested in the history of the Spanish Civil War as well as international relations.

Оглавление

<i>К читателю</i> (С.П. Пожарская).....	5
Введение	8
<i>Глава 1</i>	
Гражданская война в Испании (1936–1939 годы) и глобальная европейская политика	13
1.1. Начало войны в Испании и стратегические интересы ведущих европейских держав	14
1.2. Испанский конфликт и складывание военно-политических союзов накануне Второй мировой войны	31
<i>Глава 2</i>	
“Невмешательство” в дела Испании в контексте международных отношений предвоенного периода	45
2.1. Рождение политики “невмешательства”	45
2.2. Европа и Испания (сентябрь 1936 – май 1937 года): стратегия “невмешательства”	56
2.3. Комитет по невмешательству в дела Испании (середина 1937 – конец 1938 года): цена противостояния	74
<i>Глава 3</i>	
Информационное обеспечение политики “невмешательства”	93
3.1. Международные аспекты войны в Испании: пропагандистский ракурс	93
3.2. Испания (1936–1939) и антисоветский компонент европейской пропаганды	110
<i>Глава 4</i>	
Военная составляющая международных аспектов испанского конфликта 1936–1939 годов	126
4.1. Иностранное военное вмешательство	126
4.2. Военно-технические уроки войны в Испании	144
4.3. Испанский опыт: эволюция европейских военных доктрин?	157
<i>Глава 5</i>	
Гражданская война в Испании и проблемы Средиземноморья	173
5.1. Испанский вопрос в средиземноморской политике Европы (июль 1936 – август 1937 года)	174

5.2. Нионская международная конференция (1937 год): коллективная безопасность или скрытая конфронтация?	188
5.3. Европейские страны в Средиземноморье на завершающем этапе войны в Испании(конец 1937 -- начало 1939 года)	205
Заключение	216
Примечания	222
Источники и литература	253
Указатель имен	280
Приложения	283
Summary	286

Contents

<i>To the reader</i> (S.P. Pojarskaia)	5
Introduction	8
<i>Chapter I</i>	
The Spanish civil war (1936–1939) and global European policy	13
1.1. The Beginning of the Spanish War: Strategic Interests of Leading European Countries	14
1.2. The Spanish Conflict and Formation of War-Political Alliances before the World War II	31
<i>Chapter II</i>	
“Non-Intervention” in Spain in the context of the pre-war international relations	45
2.1. The Non-Intervention Policy’s Birth	45
2.2. Europe and Spain (September 1936 – May 1937): the Strategy of the Non-Intervention	56
2.3. The Non-Intervention Committee (the middle of 1937 – the end of 1938): the Price of Opposition	74
<i>Chapter III</i>	
Information provision of the Non-Intervention policy	93
3.1. The International Aspects of the Spanish War: Propaganda Foreshortening	93
3.2. Spain (1936–1939) in Anti-Soviet Components of European Propaganda	110
<i>Chapter IV</i>	
The war component of Spanish conflict international aspects	126
4.1. The Foreign War Intervention	126
4.2. The Military – Technical Lessons of the War in Spain	144
4.3. The Spanish Experience: Evolution of the European Military Doctrines?	157
<i>Chapter V</i>	
The Spanish war and Mediterranean’s problems	173
5.1. The Spanish Question in the Mediterranean Policy of Europe (July, 1936 – August, 1937)	174
5.2. Nyon International Conference (1937): Collective Security or Concealed Confrontation?	188
5.3. The European Countries in the Mediterranean at the Closing Stage of War in Spain (the end of 1937 – beginning of 1939)	205

Conclusion	216
Comments	222
Sources and Literature	253
List of names	280
The appendix	283
Summary	286

Научное издание

Малай Вера Владимировна

**ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В ИСПАНИИ
1936–1939 ГОДОВ
И ЕВРОПА**

Международные аспекты конфликта

*Утверждено к печати
Ученым советом
Института всеобщей истории
Российской академии наук*

Заведующая редакцией *Н.Л. Петрова*
Редакторы *В.Н. Токмаков, В.М. Черемных*
Художник *В.Ю. Яковлев*
Художественный редактор *Ю.И. Духовская*
Технический редактор *Т.А. Резникова*
Корректоры *Р.В. Молоканова, Т.И. Шеповалова*

Подписано к печати 31.10.2011
Формат 60 × 90¹/₁₆. Гарнитура Таймс
Печать офсетная
Усл.печ.л. 18,5. Усл.кр.-отг. 18,5. Уч.-изд.л. 17,8
Тираж 800 экз. (РГНФ – 300 экз.). Тип. зак. 4065

Издательство «Наука»
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secret@naukaran.ru
www.naukaran.ru

Отпечатано в ГУП «Типография «Наука»
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

ISBN 978-5-02-036721-0

9 785020 367210

